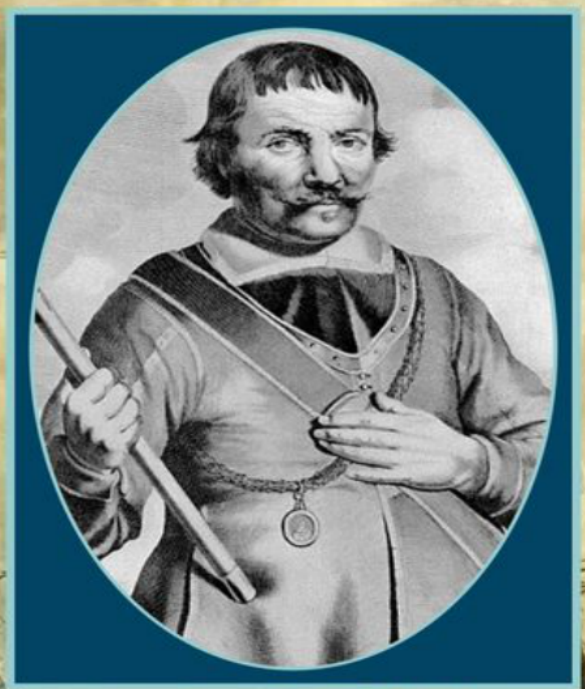
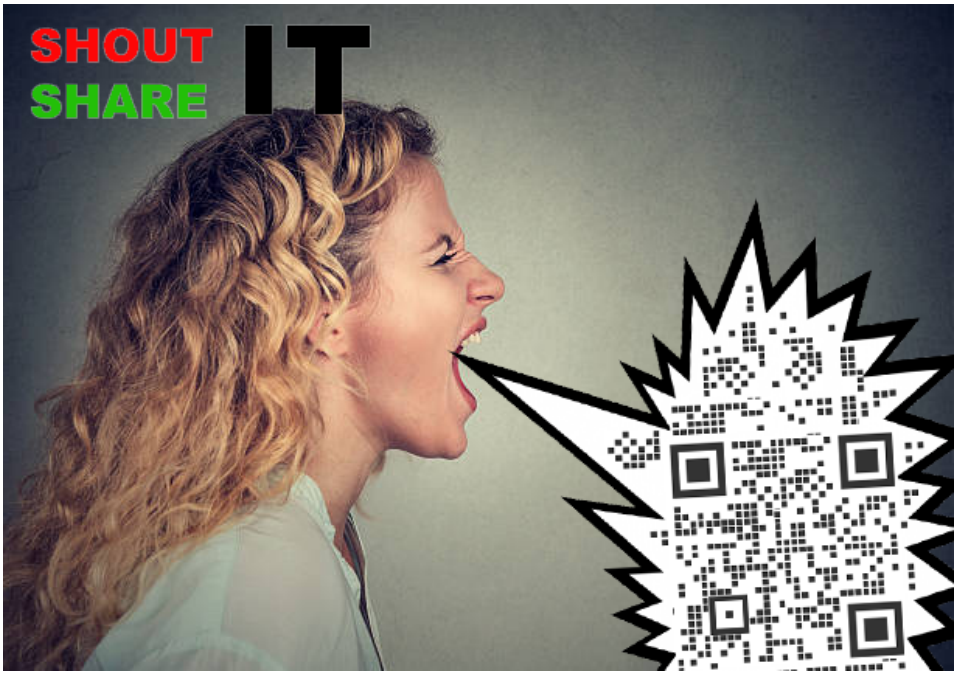
Владимир Шигин

Адмирал МИХАИЛ ДЕ РЮЙТЕР



«Он сияет незапятнанной честью»

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

И сегодня имя этого человека мало кто знает из наших соотечественников. Это в высшей степени несправедливо. Михаил де Рюйтера – великий флотоводец и великий гражданин своей страны, он был и остался для всего мира не только образцом непревзойденного морского воина, но и личностью, наделенной самыми высокими человеческими качествами. За талант и неизменную удачу голландцы уважительно именовали его «Серебрянным адмиралом», а матросы с любовью звали «Отцом».

Новая книга известного писателя-мариниста Владимира Шигина «Серебрянный адмирал» посвящена эпохе великого морского противостояния Англии и Голландии в 17 веке. Грандиозные сражения, погони и абордажи, дальние плавания и тайны европейской политики, великие флотоводцы и бесстрашные корсары. В центре повествования личность одного из самых талантливых флотоводцев в истории человечества – Михаила де Рюйтера, кумира Петра Великого, оказавшего большое влияние на создание им российского флота. При написании книги автор пользовался уникальными документами и материалами 18–19 веков.

- Владимир Шигин
  -
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
  - Часть третья
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая

- Часть четвертая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
- Часть пятая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья

Владимир Шигин
Адмирал Михаил де Рюйтер. «Он сияет незапятнанной честью»

Правообладатель: Горизонт

Часть первая
От юнги до адмирала

Глава первая
Сын трактирщика

На заре семнадцатого века Голландия пребывала в самом зените своего великолепия. Весь мир жаждал ее товаров, и весь мир свозил сюда свои богатства. Тогда без тени сарказма говорили: «Если Европа – это драгоценное кольцо мироздания, то Антверпен – крупнейший из бриллиантов в нем!»

Голландцы заполонили мировой рынок добротным сукном и первоклассной шерстью, крепким пивом и, источающими слезу, сырами. Ловкие и предприимчивые, они за несколько лет сбивали себе умопомрачительные капиталы. Преуспевающие буржуа и торговцы, банкиры и ростовщики уже вовсю нанимали к себе в услужение вчерашних хозяев жизни – дворян. Голландские женщины, избалованные деньгами и заморскими дарами, не отличались излишней нравственностью, а каждый второй мужчина был моряком. Нищих и голодных в Голландии в ту пору не существовало. Может именно поэтому голландские живописцы более всего любили изображать в своих натюрмортах груды сочной и благоухающей пищи, от одного взгляда на которую даже, только что оторвавшийся от стола, обыватель глотал слюну.

Голландия процветала, но чем больше она процветала, тем больше ее ненавидели. Автор «Робинзона Крузо» английский писатель и по совместительству разведчик Даниель Дефо, не без зависти называл голландцев «брокерами и маклерами Европы»: «Они покупают, чтобы снова продать, берут, чтобы отдать, и большая часть их обширной коммерции заключалась в том, чтобы доставить товары со всех частей света, а затем снова обеспечить ими весь мир».

Что поделать, богатый и удачливый сосед всегда вызывает жгучую зависть. Но голландцев это, казалось, нисколько не смущало, их гигантский торговый флот бороздил воды всех океанов, а амстердамская биржа неутомимо и методично переваривала все новые и новые миллионы гульденов… Такой была родина нашего героя к моменту его появления на свет.

Крестьяне играют в карты в таверне, 1650, Adriaenssen, Vincent

Как гласят старинные хроники, он родился в восемь часов утра 24 марта 1607 в небольшом голландском приморском городке Берген-оп-Цоом в семье не слишком зажиточного продавца пива и был четвертым из его детей. Звали торговца пивом Адрианом. В свое время он немало поплавал матросом на торговых судах, сумел скопить сотню-другую гульденов и, осев на берегу, занялся пивом. Дел шли не слишком хорошо и отец семейства, чтобы прокормить большую семью, не гнушался никакой работой. Очередного своего сына он решил именовать Михаилом, в честь весьма почитаемого им святого и в память своего деда со стороны отца. В семье же новорожденный был прозван попросту Рюйтером. Так звали когда-то деда с материнской стороны. Под именами двух своих дедов сын продавца пива и войдет в мировую историю.

Дед Михиэла де Рюйтера был крестьянином. Когда испанские солдаты спалили его двор, в пожаре едва не сгорел малыш Адриан, будущий отец Михиэла. Лишь в последний момент мать выхватила ребенка из люльки. В 1561 году дед пошел воевать за свободу. Хотел было стать солдатом и Адриан, однако в 1609 году, когда Михаилу только-только исполнилось два, с Испанией было заключено перемирие. Адриан де Рюйтер перебрался во

Флиссинген, где нашел работу возчика пива и едва сводил концы с концами.

Детство мальчишки прошло среди чанов с варящимся пивом, а потому запах бродящего солода стал для него самым родным. Как и все голландские дети, зимой сын Адриана гонял на коньках по заледенелым прудам, а летом там же участвовал в бесконечных шлюпочных гонках. Не по годам здоровый и сильный, помогая отцу, мальчишка таскал на себе тяжеленные пивные бочки. Смелость, доходящая порой до безрассудства, обеспечивала юному Рюйтеру не только ежедневные драки со сверстниками, но и ежедневную порку дома.

Рыбный рынок в голландском городке

Однажды, поспорив с друзьями, он взобрался по строительным лесам на городскую колокольню. Однако, пока лез, рабочие убрали леса и ушли. Внезапно для себя Рюйтер оказался на покатой и скользкой крыше без всякой надежды на спасение. Высота была большая, и счет его жизни шел на минуты. Бывшие внизу прохожие, увидев мальчишку на крыше колокольни, оцепенели. Однако, не растерявшись, Михаил разбил каблуком черепицу и сумел пробраться сквозь крышу и чердак. Наградой за свершенный подвиг стала очередная порка.

Едва Рюйтеру минуло десять, отец созвал семейный совет.

– Хватит попусту есть родительский хлеб! – сказал он сыну. –

Пора становиться самостоятельным!

Мать Аллида Жаксов лишь горестно всплакнула, но промолчала. Слово главы семьи было для всех законом, к тому же дети в ту пору вообще рано выходили в самостоятельную жизнь.

– Для начала пойдешь на канатный завод братьев Лампсонов подмастерьем прядильщика! А там будет видно, на что ты способен! – объявил сыну свое решение отец.

– Я непротив! – пожал плечами мальчишка. – Прядильщиком, так прядильщиком!

Работа в канатном цеху никогда не была из легких, однако Рюйтер быстро освоил премудрости ремесла, крутил без устали канатные колеса и вскоре уже приносил в конце дня домой по шесть су, сумму по тем временам достаточно сносную. Однако вспыльчивый и прямолинейный характер мальчишки и здесь был причиной столь частых драк, что канатный мастер Петерс, в конце концов, отказал ему в месте.

Кухня, 1560-65, Aertsen, Pieter

– Мне надоело выслушивать бесконечные жалобы и видеть расквашенные носы! – заявил он драчливому подмастерью и тотчас выгнал его прочь.

Михаил встал перед нелегким выбором куда податься. Возвращаться домой он не хотел. Дела у отца шли в это время совсем не важно, и лишний рот был ни к чему. Впрочем, Рюйтер раздумывал не долго.

В ту пору голландский торговый флот бороздил моря всего света, а потому нужда в матросах была большой. И пусть многие из них ежегодно гибли в штормах и умирали от всевозможных болезней, желающие идти в океан не переводились.

Голландский биограф де Рюйтера А. ван дер Мор пишет: «Четвертый из 11 детей, Михель был мужественным, предприимчивым и честолюбивым. Позднее он говорил, что в

юности „не желал ничего, кроме моря“. В 1618 году он поддался этому зову, впервые ступив на палубу корабля в качестве юнги в возрасте 11 лет. Так более чем скромно началась карьера, в ходе которой, если процитировать великолепную биографию де Рейтера, написанную Реверендом Герардом Брандтом спустя всего 10 лет после смерти адмирала, „юнге было суждено подняться по ступеням лестницы к самым вершинам морской службы, испытав все опасности от моря и врагов“».

В один из дней жители флегматичного Флиссингена стали свидетелями достаточно редкой для этих мест картины: по городской набережной, перепрыгивая через бочки, ящики и груды сыров, изо всех сил мчался полуодетый мальчишка с башмаками в руках. Вот он уже у уреза воды. Жадно хватая ртом воздух, он несколько мгновений смотрит на выходящий из порта торговый галиот. На судне уже поставлены паруса и обрасоплены реи, слышно как натужно скрипит кабестан, то матросы, торопясь, выхаживают якорь. Недолго думая, мальчишка прыгает в первую попавшуюся шлюпку, отвязывает фалинь, вставляет в уключины весла. Сзади кто-то что-то громко кричит. Мальчишка оборачивается. Потрясая кулаками, к нему бежит здоровенный негр. Шлюпка не успевает отойти, как негр уже в ней и хватает мальчишку за ухо.

– Зачем ты хотел украсть мою шлюпку! – продолжал он кричать в ярости, тут же начав крутить толстыми пальцами ухо неудачливому угонщику. – Я отучу тебя навсегда воровать чужие лодки!

Отвесив нескольких хороших подзатыльников, негр успокоился.

– Ведь ты бы мог утонуть как кошка, глупый несмышленыш! – закончил он свою воспитательную беседу, сопроводив тираду еще одной оплеухой.

Почувствовав, что железная хватка несколько ослабла, мальчишка вырвался из рук владетеля шлюпки и, важно сев на банку, скрестил на груди руки, окинув негра презрительным взглядом:

– Кто ты таков, чтобы указывать мне?

От такой неслыханной наглости негр даже остолбенел:

– Кто я? Я матрос вон с того судна, что снимается сейчас с якоря. Там меня ждут, а потому беги отсюда, благословляя судьбу, пока я еще раз не огрел тебя чем-нибудь!

Но мальчишка был тоже не лыком шит.

– Если ты матрос с того судна, то я юнга с него! – пожал плечами маленький нахал с удивительным хладнокровием.

Негр насторожился.

– С каких это пор наш капитан имеет честь иметь такого юнгу? – спросил он затем с явным недоверием.

– С тех самых, с каких ты сам имеешь честь быть там матросом! – тут же получил он достойный ответ.

Теперь негр несколько успокоился.

– Я поступил на «Святой Иоанн» третьего дня! – сказал он уже вполне доброжелательно.

– А я вчера! – невозмутимо ответил ему маленький собеседник.

– Тогда поторопимся, пока нам обоим не попадет за опоздание!

Негр взялся за весла, и шлюпка быстро пошла к судну. Когда до галиота оставалось уже совсем немного, мальчишка внезапно разрыдался и, жалобно глядя на своего чернокожего спутника, торопливо заговорил, глотая слова:

– Хорошо, что вы меня взяли, ведь оставить меня на берегу было бы большим грехом. Вы очень добры и я буду всегда вам во всем помогать, если вы меня возьмете с собой!

Только теперь, усердно работающий веслами матрос понял, как ловко он был обманут маленьким пройдохой.

– Негодяй! Ты надо мной смеешься! Ну-ка говори кто ты и откуда! А иначе я тебя прихлопну как клопа!

Негр схватил румпель и занес его над головой мальчишки. Но тот нисколько не испугался, а, вытерев слезы, показал вконец разгневанному матросу на галиот:

– Видишь, на нем уже висит флаг начать движение! А теперь глянь на нашу шлюпку! Пока ты будешь меня лупить, ее отнесет далеко в сторону. В результате чего ты просто-напросто не успеешь к себе на судно!

Негр наморщил лоб. Он стоял перед сложной дилеммой. Отвезти мальчишку на берег он уже явно не успевал.

– Ладно! – сказал он, подумав. – Я отвезу тебя на судно, и пусть там уже капитан сам решает, что с тобой делать дальше, а я умываю руки!

– Где это ты выискал нового пассажира? – кричали, свесившись вниз, матросы.

Капитан, выслушав негра, тут же обругал его последними словами.

– Где этот маленький негодяй? – спросил затем капитан. – Тащите его ко мне!

Однако мальчишки нигде не было. Наконец, его обнаружили на грот-марсе, куда он быстро и ловко сумел залезть. Довольные неожиданным развлечением, матросы уже весело подбадривали смелого сорванца.

– Боцман, стащи его оттуда! – велел капитан.

Но не тут-то было. Едва боцман поставил ногу на первую выбленку, чтобы полезть на марс и схватить непокорного, как тот, догадавшись в чем дело, быстро начал карабкаться выше и вскоре очутился на ноке брам-реи. Матросы были буквально восхищены смелостью мальчишки. Глядя на всю картину, подобрел и капитан.

– Из этого малого выйдет славный юнга! – сказал он уже вполне миролюбиво.

Отдуваясь, спустился вниз и боцман.

– Я узнал мальчишку. Это сын пивного торговца Адриана. Его не пускали на морскую службу, а потому, видимо, он сбежал к нам из дома. Кто хочет поймать его, пусть покажет нам свою ловкость!

– Пожалуй, попробую я! – отозвался какой-то долговязый матрос.

Поплевав на руки, он ловко стал взбираться вверх по вантам. Мальчишка, видя, что теперь его вполне смогут схватить, обхватил руками нок реи, спустил ноги и, повиснув над водой, закричал, что было силы:

– Если вы меня не оставите я брошусь в море! Лучше утонуть, чем жить на берегу!

Столь серьезный аргумент произвел должное впечатление на стоявших на палубе матросов. Тем временем галиот уже огибал мыс со сторожевым постом. Капитан с боцманом спустились в каюту, и скоро боцман вышел оттуда с запиской. Все с интересом ждали дальнейшего развития событий.

– Обстенить паруса и шлюпку на воду! – раздалась команда.

Бурное море с голландской яхтой под парусом, 1694, Bakhuysen, Ludolf

На шлюпке к сторожевому посту боцман отправился лично. Он запиской известил родителей, что капитан решил взять их настырного сына с собой. Все свидетели этой сцены были в полном восторге, а особенно главный ее виновник. Однако слезать с мачты мальчишка все же не торопился. Он очутился на палубе не раньше, чем шлюпка вернулась обратно, была поднята, а галиот отошел от берега на более чем приличное расстояние от него. Команда обступила героя дня, смеясь и подбадривая.

Произошло это достопамятное для истории событие 26 декабря 1618 года.

Первый же рейс в Северное море убедил маленького Рюйтера в правильном выборе пути. Морское дело, несмотря на качку и тяжкий труд, лишения и опасность, пришлось ему по душе. Разумеется, что первое время было не просто. На судах с юнгами не нянчились, и снисхождения на малолетство никто не делал. Учили, кто окриком, а кто и зуботычиной. Однако учили крепко и быстро.

Наверно самым близким человеком для малолетнего юнги стал в это время на судне его невольный перевозчик негр Жан Компани (по другим источникам его звали Кан-Гуэ). Некогда увезенный работорговцами с родины, он затем принял христианство и, сумев каким-то образом освободиться, плавал

теперь на судне стюардом капитана. Сердобольный Жан, жалея мальчугана, всегда старался приберечь для него лишний кусок, приободрить и приласкать. В ответ мальчишка платил ему своей преданностью. Два одиноких человека стали большими друзьями. И теперь, каждый из них не мог пробыть без другого и нескольких часов.

Иногда и Рюйтеру приходилось утешать своего черного друга, когда тот попадался под тяжелую руку капитана. Доверчивый и наивный Компани порой становился жертвой довольно жестоких матросских шуток. То кто-то, уловив момент, бросал в офицерский котел с чаем старый сапог, то подсовывал обсыпанные сахаром смоляные шарики в тесто, предназначенное для капитанских оладий. За все эти прегрешения приходилось держать ответ, конечно же, стюарду.

Первый рейс маленького Рюйтера был к африканскому острову Горею, что у берегов жаркой Сенегамбии.

В один из дней во время полного штиля, когда матросы, мучимые бездельем, слонялись без всякого дела, старый рулевой объявил, что готов предсказать каждому его судьбу. Первому, известному пьянице, он сразу же заметил, что тот еще выпьет больше бочек рому и пива, чем когда-либо набивал свои карманы звонкими шиллингами. Второму было сказано более туманно:

– В конце года ты спустишься с нока реи в самый глубокий интертрюм!

Когда же тот выразил недовольство по поводу непонимания столь заумных метафор, старик рулевой его мрачно успокоил:

– Не торопись, придет твое время, узнаешь!

Сидевшие тут же, Компани с Михаилом тоже изнывали от нетерпения узнать свое будущее. Наконец, корабельный вещун подозвал к себе негра. Поглядев на него, сказал:

– Ты не так прост, как кажешься. Сейчас ты пляшешь под чужую дудку, но минует лет двадцать, и уже под твою дудку станут плясать другие. На голове же твоей будет уже не просмоленная шляпа, а нечто иное, сверкающее, может быть даже корона!

Последняя фраза вызвала дружный хохот столпившихся вокруг матросов. Смеялся до слез даже стоявший несколько поодаль капитан. Затем он вытер платком глаза:

– А что ждет нашего бравого юнгу?

Пирс Mosselsteiger в порту Амстердама, 1673, Bakhuysen, Ludolf

Подозвав к себе Михаила, рулевой долго смотрел в его глаза, затем столь же внимательно и долго разглядывал ладони и лоб, наконец, заставил даже высунуть и показать свой язык. Помолчав немного, как бы раздумывая, рулевой обернулся к стоявшим рядом матросам:

– Дайте свайку!

Взяв ее в руки, он резко подкинул заточку в воздух, и та с силой вонзилась в палубную доску.

– Это добрый знак!

Затем старик послюнил палец и долго определял им направление почти отсутствующего ветра.

– Зюйд-зюйд-вест! – сказал он, наконец, – Это тоже очень

хорошо! Теперь дайте мне монету!

Ему сразу протянули несколько штук. Выбрав одну из них, рулевой несколько раз бросал монету на палубу, и всякий раз она падала кверху гербом.

После этого старик положил свою жилистую руку на плечо Михаила и со значением произнес:

– Этот малый обязательно станет величайшим человеком Голландии и первым среди ее моряков!

– Что же будет делать он на морях? – спросил явно заинтересованный таким предсказанием капитан.

– Он будет сеять ужас врагам Отечества! Кроме этого ему будут кланяться в ноги все короли мира!

– Что ж, – удовлетворенно кивнул головой капитан. – За такое предначертание, не грех, выпить по лишней чарке!

Обрадованные таким поворотом дела матросы тут же подхватили на руки Михаила и начали его качать, выкрикивая:

– Да здравствует наш первый морской герой! Да здравствует маленький спаситель Нидерландов!

Этот небольшой, но весьма многозначительный эпизод из жизни Рюйтера вовсе не досужая выдумка автора. Он был в свое время занесен в скрижали истории!

…Вскоре старание и прилежание юнги были замечены и его, несмотря на явное малолетство, перевели в матросы с постоянным жалованием. Отныне Михаил стал настоящим моряком.

Несколько лет Рюйтер непрерывно плавает на судах все тех же братьев Лампсонов, изредка навещая родителей, братьев и сестер, одаривая их при этом своими скромными подарками. Однажды отец, подвыпив, поинтересовался:

– Ты уже показал себя, как настоящий мужчина! Как бывший моряк я тебя понимаю, но поверь мне, что матросская служба не даст тебе в жизни ничего кроме лихорадки и ревматизма. Не лучше ли теперь, пока не поздно, вернуться на твердую землю и заняться каким-нибудь более спокойным делом, тем более, что сейчас мои дела пошли лучше и мне сейчас нужен помощник в трактире?

В ответ Рюйтер лишь покачал головой:

– Для меня уже поздно что-либо менять! Я человек палубы и большего мне не надо!

– Что ж, – вздохнул отец. – Помогай тебе Бог!

Служба на купеческих судах Рюйтеру и в самом деле нравилась. Жажда приключений и путешествий просто не могла оставить его равнодушным. Казалось, все в его жизни было уже предопределено. Но судьба готовила юному моряку уже первое

серьезное испытание.

Глава вторая
Крещение огнем

В 1622 году Испания начала новую агрессию против Генеральных штатов. Войска генерала Спинолы подошли к стенам Берген-оп-Цоома. Со всей Голландии морем в осажденный город перебрасывались подкрепления и военные припасы. Естественно, что Рюйтер тоже не замедлил при случае попасть в родной Берген. Нужда в солдатах была большая, и пятнадцатилетнего матроса только спросили:

– В боях бывал?

– Бывал! – не моргнув, браво солгал Рюйтер.

– Из пушки стрелял?

– Еще как!

– Будешь пушкарем!

В продолжение нескольких последующих недель, пока Спинола не снял осады и не убрался восвояси, Рюйтер все время был при деле на городских кронверках. Под неприятельскими ядрами он проявил мужество и хладнокровие, а при стрельбе завидную сообразительность и отличный глазомер. Городской цейхмейстер, которому приглянулся шустрый мальчишка, прельщал Рюйтера службой пушечной:

– Иди ко мне, всегда при гульденах будешь, да и дома день каждый, это тебе не по морям шляться!

В ответ мальчишка кланялся учтиво, но с достоинством:

– Благодарствую, вас, герр цейхмейстер, но мне моря все же как-то привычней!

Несмотря на все посулы, особого желания покидать торговый флот у Рюйтера тогда так и не появилось. Едва отгремели выстрелы, он тотчас завербовался на первый попавшийся пузатый купец и ушел в море. Минул год и недавний юнга стал судовым боцманом, заняв должность, к которой подавляющее большинство матросов шло долгие и долгие годы.

Тогда же Рюйтер распрощался со своим старым другом и бывшим покровителем негром Жаном Компаном. На прощание они крепко обнялись.

– Как знать, может, когда и свидимся еще! Ведь мир не так уж и велик! – в глазах молодого боцмана стояли слезы.

– О, Михаил! как я хотел бы тебя еще увидеть, прежде чем умру! Это моя самая моя большая мечта и я всегда буду помнить о тебе! – плакал бывший стюард.

Реальная история зачастую дает нам сюжеты, какие не в

состоянии придумать и самый изощренный романист. Впереди наших друзей ждет еще одна встреча, но какая!

Дела торговые в ту пору были неотделимы от дел пиратских. В океане друзей не было ни у кого, и каждый в любой момент был готов броситься в погоню за показавшимся на горизонте парусом, чтобы попытать счастья в схватке за вожделенную добычу. Не избежал подобной участи и наш герой. Однажды судно Рюйтера было внезапно атаковано испанским кораблем. Молодой боцман, очертя голову, первым бросился на абордаж и был тут же тяжело ранен в голову эспантоном. Тот бой не был удачным для голландцев и судно, и экипаж были пленены. Истекающего кровью Рюйтера победители хладнокровно оставили валяться на палубе, а на следующий день были несказанно удивлены, обнаружив его еще живым. В первом же порту захваченные грузы были проданы, плененная команда отправлена на галеры, а полуживого Рюйтера просто выбросили на пристань.

Верфи адмиралтейства в Амстердаме, 1660, Bakhuysen, Ludolf

Одному богу известно, как выжил тогда молодой моряк. Может, кто-то из сердобольных мамаш сжалился над израненным мальчишкой и выходил его, может, молодой организм сам превозмог все немочи. История об этом умалчивает. Как бы то ни было, Рюйтер остался жив и, выпрашивая подаяния, стал потихоньку пробираться на родину. Что только не пришлось испытать ему в пути! Рюйтера травили собаками и забрасывали камнями, он спал под заборами и питался отбросами, но, не смотря, ни на что, он упорно шел в Голландию. Спустя несколько месяцев Рюйтер уже дома. Немного придя в себя от пережитого в родительском доме, он вновь заторопится в порт, чтобы

записаться на торговое судно.

– Я рад, что приобрел в твоем лице неплохого боцмана! – похлопал Рюйтера, по приходу на судно, знакомый шкипер.

Тот поставил на палубу свой деревянный рундук:

– Я буду стараться оправдать ваше доверие, но коль вы столь добры ко мне, то позвольте и мне просить вас об одолжении!

– Слушаю? – удивился шкипер.

– Я много спрашивал, но никак не могу понять, почему посох Якова помогает вычистить только широту нашего места, а не долготу?

– Ты слишком много хочешь знать сразу, а это не так-то просто!

– Тогда я хотел бы, чтобы в свободное от службы время вы обучили меня искусству мореплавания, измерению высот светил и чтению карт! Я же буду в свободное от вахт время во всем помогать вам.

– Что ж, – подумав, кивнул штурман. – Помощник в моем деле на борту, пожалуй, нужен!

Вскоре, освоив основы штурманского ремесла, Рюйтер уже самостоятельно правил судном по солнцу и звездам. Вооружившись градштоком или астролябией, он каждую вахту тщательно мерил угол на Полярную звезду, затем вычитал от девяносто градусов замеренный угол и получал, таким образом, искомую широту. Об особой точности тогда речи не шло, все делалось приблизительно, а потому если в морях, как и раньше, плавали, прежде всего, по береговым ориентирам, то в океанах корабли ходили почти исключительно прямыми углами: вначале прямо по широте, а затем так же прямо на юг или север, в зависимости от необходимости.

Много мороки было и с морскими картами. Хотя голландские зеекарты с разноцветными 16-румбовыми компасными лучами и весьма живописными розами ветров считались в то время самыми точными и совершенными в мире, все обозначения нанесены на них были весьма и весьма приблизительно. В силу этого наряду со знаниями весьма высоко ценился практический опыт и интуиция штурманов. Имена особо одаренных мастеров своего дела были на слуху у всех, судовладельцы переманивали их наперебой к себе и на деньги не скупились, ибо успешность перевозки товаров возмещала все затраты. Как оказалось, Рюйтер весьма быстро завоевал себе имя весьма удачливого штурмана-пилота. У него всего оказалось вдосталь: и знаний, и опыта, и особого штурманского чутья, которому никто и никогда не может научить.

По прошествие некоторого времени умелого навигатора

заметили судовладельцы и произвели в лоцманы. Отныне уже Рюйтеру было доверено самостоятельно водить суда по морям.

В 1635 году он был послан к Гренландии за китовым жиром-ворванью, но в тот год китов там было мало. Капитан нервничал и тогда Рюйтер предложил:

– Давайте спустимся к Магелановой земле. Там, я слышал, в прошлом году ходили огромные стада кашалотов!

– Но для этого нам придется пробороздить вдоль целый океан! – с сомнением почесал бороду капитан. – Ты ведь еще совсем мальчишка, справишься ли?

– Справлюсь! – упрямо ответил лоцман. – Без прибыли не будем!

Чтобы понять масштаб предлагаемого Рюйтером маневра, сегодняшнему читателю достаточно бросить лишь один взгляд на карту. Даже для нынешних лайнеров этот рейс, перечеркивающий вдоль с севера на юг всю Атлантику был бы не из простых, что уж тогда говорить об утлых суденышках середины семнадцатого века! Но Рюйтер был Рюйтер и его дерзкий бросок от одних ледников к другим, несмотря на все трудности и в правду оказался на редкость удачным. Китобои обнаружили огромное стадо китов и не отстали от него, пока полностью не забили свои трюмы бочками с остро пахнущей ворванью. Наградой лоцману была лишняя доля с прибыли, данная ему с общего решения команды.

В один из приходов Рюйтера домой, мать завела с ним давно ожидаемый разговор:

– Михаил! Ты уже в том возрасте, когда пора обзаводиться спутницей жизни, к тому же оклад судового лоцмана позволяет тебе сносно содержать семью.

Рюйтер кивнул. Он особо не возражал.

– У меня и невеста на примете имеется! – продолжала меж тем мать.

– Кто же? – оживился сын-лоцман.

– Мария Валтер дочь бочарника Грирскерке. Девушка очень благонравна, да и отец весьма солиден.

Рюйтер кивнул. Невзрачную скромницу Марию он знал давным-давно и, хотя особой любви к материнской избраннице не питал, возражать особо против ее выбора не стал. Не все ли равно кто будет ждать тебя на берегу!

– Я вовсе не против Марии Валтер! – сказал он матери, собираясь в плавание к далекой Бразилии. – Вот вернусь с деньгами, тогда и о семье можно будет думать!

Вскоре после возвращения из бразильского вояжа состоялась помолвка, а затем и свадьба. Однако семейная идиллия лоцмана

Рюйтера оказалось недолгим. Спустя десять месяцев после свадьбы его молодая супруга внезапно умерла при родах. Ненамного пережила мать и родившаяся дочь. Потерю жены и ребенка Рюйтер переживал тяжело. Может именно поэтому вербуется он тогда в самые дальние и опасные экспедиции.

Именно в это время Рюйтер совершает еще несколько плаваний в Гренландию и к Магеллановой земле. Там не раз, будучи на краю гибели, молодой лоцман спасает свое судно от, казалось бы неминуемой гибели, чем заслуживает искренний восторг команды. Во время одного из таких плаваний команду поразила цинга. У людей кровоточили десны, горстями вываливались зубы, тело покрывалось сплошными гнойниками. Не в силах жевать и глотать матросы буквально умирали от голода. И тогда юный лоцман, сам едва передвигаясь на опухших ногах, готовил им знаменитый «лабскаус» (жидкую кашицу из мелко рубленной вареной солонины, перемешанной с соленой селедкой и сдобренную перцем), кормя умирающих чуть ли не с ложки. Таким образом, Рюйтер спас от смерти не одного своего товарища. Естественно, что команда платила за такую человечность любовью и признательностью. Матросы, многим старшие его летами, добродушно в шутку именовали своего лоцмана не иначе, как «папаша Рюйтер». Кто мог подумать, что это прозвище останется за Рюйтером на всю его жизнь, приобретя с годами уже не иронично-дружеский, а почтительно-уважительный оттенок.

Океанские плавания, однако, не всегда были успешными. Во время одного из особо яростных штормов судно, на котором служил Рюйтер, потеряв все снасти и мачты, несколько недель носилось по волнам и хотя все уже простились друг с другом и молились, призывая к себе легкую смерть, в конце концов, он все же чудом осталось на плаву.

По возвращении домой Рюйтер вторично вступает в брак. Жизнь моряка полна опасностей и не слишком длинна, а потому Рюйтер торопился познать и высшее человеческое счастье – свой дом и семью. На сей раз избранницей его стала Корнелия Энгель из городка Флесенгена, что неподалеку от Бергена. С братом Корнелии Рюйтер плавал на одном судне, он то и посоветовал лоцману свою сестру, как девушку хозяйственную и домашнюю. Тогда же Рюйтер на собранные за время плаваний деньги покупает себе небольшой дом. Оклад лоцмана позволяет ему содержать жену, а авторитет опытного и удачливого морехода, смотреть, с уверенностью, в день завтрашний.

– Вот ты и добился всего, чего хотел! – сказал ему отец, наведавшись первый раз в гости. – Большего в жизни тебе ничего

и не надо!

– Ты прав, отец! – отвечал ему сын, разливая по кружкам пенное пиво. – О большем я и не мечтаю!

Однако воистину говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. В том же 1636 году молодого лоцмана внезапно пригласили в контору Бергенского общества торговцев.

– Мы несем большие убытки от контрабанды французских и немецких товаров! – заявили там Рюйтеру купеческий старшина Жюст ван Слюйс. – Нам нужно обезопасить себя. Для этого на деньги цеха вооружается судно. Помня твои заслуги в мореходстве и пушкарский опыт в обороне города, мы решили предоставить его тебе. Ступай и оберегай наши интересы, а мы не забудем о твоих!

– Вы не пожалеете, что назначили для исполнения этого дела именно меня! – ответствовал Рюйтер и с радостью принялся за подготовку к выходу в море.

Нам неизвестно в точности, почему молодой лоцман столь истово бросился исполнять указание купеческих старшин. Возможно, что причиной тому была возможность достаточно быстро обогатиться, ведь каждое захваченное контрабандное судно приносило немалый процент от перехваченных товаров капитану, это судно захватившего. И все же думается, что главной причиной радости Рюйтера было неожиданно свалившееся на него капитанство, то о чем сын простого трактирщика не мог даже и мечтать.

Глава третья
В капитанах

Стать в двадцать девять лет капитаном в голландском флоте, где опытом многолетних плаваний обладали тогда почти все, начиная с простого матроса, было весьма не просто, а, следовательно, и весьма почетно. Зайдя первый раз в свою новую каюту, Рюйтер первым делом повесил на переборку картину местного художника: яркий натюрморт с сочными гроздями винограда и букетом бордовых тюльпанов, подаренный ему женой на удачу.

Каким же он был внешне, этот только что назначенный капитан Рюйтер? Один из современников будущего адмирала так описывает его: «Рюйтер был среднего роста, но очень статен. Сложения крепкого и очень ловок. Лоб у него был широкий, цвет лица довольно приятный, глаза живые, даже проницательные, волосы темные. Он носил густые и вздернутые усы. Его наружность являла вид суровости, смешанной с лаской, внушающею к себе в одно время почтение и любовь. Он был от природы здорового сложения, но в молодости поел ядовитой рыбы, что произвело в его членах легкое трясение, во всю его жизнь продолжавшееся. В зрелых летах у него показалась каменная болезнь, которая иногда причиняла ему ужасные боли. Его природная крепость, подкрепляемая привычкою, дозволяли ему легко переносить морские беспокойства. Он был так строг к себе, что смеялся, когда видел матросов, скидывающих с себя мокрое платье. Он не помышлял об отдохновении, как только тогда, когда нечего было делать. Он предпочитал грубую морскую пищу нежным кушаньям. Знатные люди, желавшие его угостить, старались соображаться с его вкусом. От природы он был красноречив, всегда весьма счастливо объяснялся. Природа одарила его удивительной точностью рассудка. Он тотчас предвидел, что надо делать и находил средства к достижению своей цели. Его суждения всегда были основаны на прочных чувствах великодушия. Он никогда не затруднялся в разговорах с людьми возвышанние его, даже с герцогами и королями. Он знал и говорил на многих языках, не учась им в школах. Частые вояжи и долгое пребывание в чужих землях его им научило, а чудесная память способствовала его вниманию и трудам».

Портрет капитана дальнего плавания, 1667, Bol, Ferdinand

В первое же свое крейсерство у побережья Бергена Рюйтер захватил сразу два груженных товарами суда. Одно было из Дюнкерка, другое гамбургское. При этом Рюйтер, пожалуй, впервые, проявил себя и неплохим тактиком, удачно избежав нежелательной встречи поочередно с тринадцатью французскими военными кораблями. Пленение призовых судов внезапно вызвало споры и драки между матросами Рюйтера и командой другого направленного в крейсерство судна, которому повезло значительно меньше.

– Мы захватили, значит и все добро наше! – кричали,

надрывая горло, матросы Рюйтера.

– Мы сообща участвовали в крейсерстве, у нас есть раненные, а потому и делиться надо поровну! – не уступала им команда судна неудачника.

Обдумав все, Рюйтер решил делить захваченные товары по справедливости между двумя судами. Решение вызвало столь яростную бурю возмущения на его собственном судне, что Рюйтер должен был прервать плавание и вернуться в Берген. Совет купеческих старейшин, рассмотрев взаимные обвинения капитана и команды, одобрил действия Рюйтера и наказал зачинщиков «призового бунта».

– Справедлив до святости! – долго еще хмыкали его матросы, потирая выпоротые кошками спины.

В течение последующих четырех лет Рюйтер вновь почти непрерывно бороздит океаны. На этот раз уже полновластным капитаном. Вместе с ним перекочевывает с судна на судно и любимый им натюрморт. Помимо натюрморта капитан принес в свою новую каюту и клетку с цыплятами. Разведение цыплят, кормление и ухаживание за маленькими желтыми комочками было, наверное, самой большой отдушиной Рюйтера в дальних плаваниях. К своим воспитанникам он относился с огромной нежностью, давал им ласковые имена и не разрешал отправлять их на матросский стол. В портах захода он дарил своих подросших цыплят тем из местных начальников, к кому питал симпатию, беря при этом слово, что те не попадут после его ухода в кастрюлю.

Рюйтер много плавает на Антильские острова и в Бразилию, весьма удачно там торгуя и выгодно сбывая голландские товары. Этот период жизни позволил молодому капитану значительно усовершенствовать и свои мореходные познания, теперь уже и в военной области.

В те неспокойные времена торговля всегда соседствовала рядом с пиратами, а потому каждый капитан даже самого мирного транспорта всегда должен был быть начеку. Не раз и не два приходилось встречаться с пиратами в море и молодому Рюйтеру.

Вот как описывает некоторые из таких встреч один из первых биографов будущего адмирала: «В 1643 году на пути в Америку он встретил военный испанский корабль и постарался уклониться, но испанец, нагнав его, дал по нему залп, надеясь утопить. Рюйтер защищался с такой отважностью, проворством и искусством, что пустил на дно испанца. Тут он показал свое человеколюбие, употребляя все средства к спасению экипажа, сохранив жизнь большей части, в том числе и капитана, к

которому обратился с вопросом: „Так ли бы поступили вы с моим экипажем, если бы вам удалось потопить мой корабль?“ Капитан отвечал: „Я намеревался всех вас утопить!“ Рюйтер, справедливо оскорбленный таким безрассудным ответом, приказал бросить всех испанцев в море. Тотчас начали готовиться к исполнению приказания. Капитан испанский просил о помиловании и Рюйтер охотно согласился. В одном из его вояжей в Сале ему сказали, что пять алжирских кораблей сторожат его, чтобы им овладеть. Он продолжал свой путь и к вечеру остановился на виду алжирцев. Провел тут ночь. С рассветом приготовился к бою. Не ожидая, чтобы на него напали, сам идет на сильнейшего из турецких кораблей, дает по нему залп. Такая неустрашимость ужаснула турка, который, отступив, свалился с другим кораблем и оба принуждены были бежать. Рюйтер поворачивает на третий, дает по нему залп с другого борта, и тем принуждает отступить. Держа остальных двух в страхе, приходит без малейшего повреждения на рейд в Сале. Жители сего города, взиравшие на битву со своих стен, удивлялись неустрашимости и искусству Рюйтера, приняли его с торжеством, провезли его верхом по городу, заставили побитых им пять капитанов сопровождать его пешком, осыпая их возможными оскорблениями.

Возвращаясь из Франции в Голландию, конвоируя множество купеческих судов, остановился на якорь у острова Вайта, пробыв там несколько дней для избежания встречи с дюнкертскими арматорами, крейсировавшими в этих водах. Не упуская благоприятного ветра и по причине приближающейся зимы, Рюйтер решился продолжить путь, пренебрегая опасностями. Другие капитаны осуждали его отважность и отказались ему сопутствовать. Он настоял в своем намерении и чтобы достичь своего желания, придумал средство. Найдя между своими продуктами испортившееся ирландское масло, велел намазать им всю наружность своего корабля и вступил под паруса. Один дюнкеркский арматор напал на него на дороге и свалился на абордаж. Но палуба от намазки маслом так была скользка, что неприятели не могли на ней держаться, падали один на другого, и тут множество их было перебито, а тем временем остальные убрались на свой корабль. Рюйтер спокойно продолжил свой путь, пришел в Флессинген. Прибытием своим он восхитил купцов, хозяев корабельного груза. Все дивились его хитрости.

Не много спустя после того, он начальствовал кораблем, не имевшим более семнадцати человек экипажа и несколько пушек. Завидев дюнкерского корсара с его ста двадцатью членами экипажа и ведущего богатый приз, распустил все паруса, как будто бы в намерении напасть на него. Преднамерение его

удалось. Дюнкерец, приняв его за военный корабль, покинул свой приз, чтоб удобнее спастись самому. Рюйтер подошел к призу, но, опасаясь, чтобы дюнкерец бывший еще невдалеке, не рассмотрел слабости его сил и не воротился бы обратно, он спустил некоторые паруса, как бы разорванные, остановившие его для починки. Увидя дюнкерца, удаляющимся, тотчас переменил курс и с призом пришел домой…»

Практически каждый рейс в Средиземное море был обязательно сопряжен с пиратами. Но Рюйтеру неизменно сопутствовала удача. Дело здесь было даже не столько в везении, а в умении молодого капитана использовать малейший шанс, приносящий успех. Так в один из рейсов, получив сведения о том, что его груженное товарами судно обязательно должны перехватить, Рюйтер немедленно отыскал в одном из ближайших портов зеландский военный корабль и уговорил капитана отконвоировать его домой, пообещав щедро поделиться вырученными за товар деньгами. В Голландии хозяева судна столь щедрым обещанием были поначалу возмущены. Но Рюйтер смог все же убедить их, что поделиться все же лучше, чем потерять все. В следующем рейсе его, однако, все же перехватили французские корсары. Видя, что от погони уже не уйти, Рюйтер сам направился к своим преследователям. Как ни в чем не бывало, он прибыл на борт старшего из них, заявив без обиняков, что он торгует под покровительством Генеральных штатов давних и верных союзников французского короля, который и сам имеет немалый процент с торгового оборота.

– Грабя меня, вы тем самым грабите собственного монарха, а подобное никогда не остается безнаказанным! – заявил Рюйтер в заключение своей речи.

Слова дерзкого голландца свое действие возымели. Все завершилось распитием бутылки вина. Кроме этого один из корсаров был даже выделен для его эскортирования.

Прекрасно зарекомендовал себя Рюйтер и как торговец, умело ведя дела, и отстаивая интересы своих хозяев. Биограф будущего флотоводца пишет об одном весьма характерном случае: «…В другой раз он привез в Сале разные товары и выставил их на продажу. Санту или владельцу понравилась штука английского сукна; он стал торговать и предложил цену, гораздо меньшую против требуемой Рюйтером. Сей отвечал, что не может отдать за такую цену. Сант возражает, что она более не стоит. Итак, пусть она останется у меня, сказал Рюйтер. Сант повторяет: я хочу ее иметь и не дам более предложенной мною цены. – А я не могу отдать за меньшую цену, по ее качеству, как чужую собственность лишь поверенную. Сант возразил, что он

непременно хочет сие иметь, и чтобы тотчас она была ему уступлена. Рюйтер, видя его горячность, сказал, что он лучше ему ее отдает как подарок. „Как?“ – возразил Сант. – „Ты решаешься отдать доверенное тебе чужое добро, а не хочешь продать, за даваемую мною тебе цену?“ „Я не могу продать этого сукна за столь низкую цену, не причиняя недоверчивости к ценам всех моих товаров, но я могу без всяких околичностей подарить, в случае необходимости и в предупреждение худшего следствия!“» В конце концов, все завершилось тем, что Рюйтер вынудил гордого правителя африканского города купить у него товар по изначальной цене, а кроме того отныне пользовался у него непререкаемым авторитетом.

В этот же период Рюйтер продолжает с увлечением заниматься картографией. Не доверяя старым зеекартам, он постоянно и с видимым удовольствием составляет свои собственные, изучая при каждом удобном случае местные течения и направления ветров.

Ни о чем ином более в своей жизни капитан и не помышлял. Ему нравится плавать и он решает плавать пока позволит здоровье, стремясь при этом приумножить семейный капитал, когда же придет неизбежная старость, он рассчитывает встретить ее у домашнего очага в кругу своих домочадцев. Так складывалась судьба сотен и сотен иных капитанов. Такую судьбу представлял себе и наш герой. Однако провидению было угодно напрочь перечеркнуть эти скромные мечты капитана из Бергена.

Глава четвертая
Во главе эскадры

Может быть, все сложилось именно так, как представлял себе Рюйтер, если бы в его судьбу не вмешалась большая политика. Дело в том, что в 1639 году внезапно обостряются отношения между Испанией и Голландией. Старая морская держава к этому времени была уже не в силах конкурировать с набирающей день ото дня силу молодой буржуазной республикой, однако амбиции остались прежними. Испания недвусмысленно пригрозила Соединенным провинциям мощью своей армии. В ответ на это к Голландии немедленно примкнула и мятежная Португалия. Ввиду надвигающейся войны, Генеральные Штаты начали вооружение флота в два десятка вымпелов. К этому времени Голландия, несмотря на немалое количество опытных торговых капитанов, почти не имела искусных в военном деле моряков, а потому на командные должности собираемого флота пришлось назначать тех капитанов, кто имел какие-то навыки хотя бы в каперной войне.

Внезапное нападение голландцев на португальские галеоны в заливе Гоа, 30 сентября 1639, 1653, Anthonissen, Hendrick van

Все началось с того, что Испания послала через Канал флот в Швецию, с которой уних обострились торговые споры. Так как датский король был в союзе с Мадридом, испанцы намеревались посадить в Дании войска на суда и совместно с датским флотом сделать высадку у Стокгольма. Голландцы решили не пропускать

испанский флот. Они собрали 20 судов под командой Тромпа Старшего, с которыми он в сентябре дважды атаковал испанский флот около Дувра. Испанский адмирал Окендо боя не принял, а ушел к английским берегам в Доунс, где стал на якорь. Тромп немедленно блокировал испанцев. Окендо все не решался выйти. Подошедший англдийский флот был готов обрушиться на того, кто первый начнет бой. Наконец Тромп, получив подврепление, решил атаковать. Свой флот онразделил на шесть отрядов. Один под начальством де-Витта должен был наблюдать за английской эскадрой, остальные пять предназначались против испанцев. Головной корабль должен был вести против испанского главнокомандующего Окендо сам Тромп; следующий вел Эвертсен, получивший приказание напасть на португальского адмирала. В ночь на 21 октября Тромп немедленно начал атаку. Он повел все свои отряды в строе кильватерных колонн полным ходом, дабы не дать испанцам времени построиться. План удался вполне; испанцы обрубили якорные канаты, не успели выстроить линию, многие суда сталкивались друг с другом, не менее 22 кораблей выбросились на берег. Последние подвергались усиленному обстрелу со стороны голландцев, несмотря на то, что английские береговые батареи их пробовали защищать как находящихся на английской территории; окончательно они были уничтожены брандерами. Эвертсен тем временем сражался с португальским флагманским кораблем La Teresa, самым большим кораблем флота, который затем был взорван брендерами. Всего было уничтожено или захвачено 40 судов. Окендо с дюжиной кораблей выбрался, обогнув мыс Северный Сэндхенд, в открытое море и пошел в Дюнкирк: там впоследствии собралось еще несколько судов. Испанцы потеряли около 7000 человек. Тромп привел в Голландию 14 призов. Ему эта победа стоила всего одного корабля и 100 человек команды.

Рюйтер в битве при Доунсе не участвовал, так как только вернулся из дальнего плавания. Зато сразу попал в новую военную экспедицию.

Адмиралом флота в нее был определен хорошо известный несколькими своими рейдами против контрабандистов и удачной стычкой с пиратами в Карибском море капитан Гузельс. Рюйтеру, помня о его отличии в крейсерстве у Бергена, был дан корабль «Хааз», что в переводе значило заяц. Одновременно с этим тогдашний глава республики принц Оранский назначил Рюйтера и контр-адмиралом, то есть начальником арьергардной эскадры. В виде аванса к будущим подвигам, решением штатов Рюйтер был освобожден от участия в вооружении своего корабля. Это был большой аванс, так как снаряжать корабли приходилось зачастую

на свои деньги в счет будущих призовых денег.

Нельзя сказать, чтобы Рюйтер был слишком доволен своим новым назначением. Ему всегда была чужда сама природа войны, и куда ближе были дела сугубо мирные, торговые. На купеческих судах того времени весьма презрительно относились к военным судам, считая, что те намного меньше плавают и еще меньше зарабатывают. Военные суда по этой причине, почему-то, назвали «яичными ящиками», а их обитателей «пескарями». Впрочем, это нисколько не мешало купцам с началом очередной войны искать защиты у тех же «яичных ящиков» и смиренно выслушивать указания «пескарей». Увы, судьба подшутила над капитаном Рюйтером и всю свою оставшуюся жизнь заниматься именно тем, к чему, казалось бы, не имел никакого призвания. Да еще как заниматься!

В конце июля 1641 года Рюйтер вышел с несколькими кораблями из Флесингена и спустя две недели соединился в море с основными силами адмирала Гузельса. Путь голландского флота лежал к берегам союзной Португалии, где по сведениям уже вовсю бесчинствовали испанцы. Однако противные ветры задержали плавание флота почти на месяц. Лишь на исходе сентября голландские корабли подошли к Лиссабону. Испанцев там к этому времени естественно уже не было. Вскоре лазутчики донесли, что неприятельский флот находится у Кадикса числом в двадцать четыре корабля. Осторожный Гузельс решил напрасно не рисковать, а, спустившись к мысу Сант-Винцент, подождать там союзные португальский и французский флоты и уже общими силами навалиться и раздавить испанцев.

Однако исполнить задуманное не удалось. Едва голландский флот подошел к мысу, там были усмотрены испанцы.

Немедленно началось приготовление к предстоящему испытанию. Корабли напоминали в эти минуты растревоженные ульи. Одни возились у орудий, другие обматывали цепями реи, чтобы их тяжелее было перебить, третьи готовились к возможному абордажу.

Сражение было неминуемым и оно разразилось. Видя, то столкновения не избежать, и не смотря на превосходство противника, адмирал Гузельс решил атаковать первым. Бой начался с восходом солнца и продолжался до середины дня. С самого начала каждый из капитанов кораблей действовал по своему собственному усмотрению и выбирал себе противника. Никакого единого построения не было и общее сражение сразу же рассыпалось на большое количество частных поединков, где каждый был сам себе начальник, и вскоре превратилось в самую настоящую свалку. Несмотря на храбрость голландцев, отсутствие

у них боевого опыта и численное меньшинство, в конце концов, дало себя знать их морское мастерство и умение лучше использовать ветер. В результате этого боя голландцы потеряли два корабля, один из которых был взят испанцами на абордаж, а второй затонул, разбитый артиллерийским огнем. Впрочем, и испанцам сражение обошлось не дешево. Они так же потеряли два своих корабля и более тысячи человек выбывших из строя.

Бой при мысе Сан-Винцент, несмотря на отсутствие явного успеха, стал первым настоящим боевым крещением для Рюйтера. И он выдержал его блестяще. Биограф адмирала по этому поводу писал: «Рюйтер отличился в сей битве особым мужеством и искусством. Он с невероятною неустрашимостью подходил на помощь всем бывшим в опасности и освобождал их от неприятелей. Корабль его был избит как решето».

– Лучше иметь льва, командующего зайцем, чем зайца, командующего львом! – так сказал адмирал Гузельс, прозрачно намекая на название корабля Рюйтера.

После побоища у Сан-Винцента голландцы вернулись к Лиссабону, где занялись исправлением повреждений. Король Португалии Иоанн Первый довольный, тем, что испанцам все же досталось на орехи, велел снабжать союзников всем необходимым, а каждому из голландских капитанов, участвовавших в бою, прислал по полторы сотни ливров, золотую цепь и медаль со своим изображением.

Историк пишет: «Мы видим Михаила де Рюйтера впервые в должности контр-адмирала; здесь он окончательно укрепил за собой репутацию блестящего моряка. Принц Оранский обратил внимание на этого лихого капитана коммерческого корабля, перевел командиром в военный флот и вскоре предоставил ему должность третьего адмирала, то есть шаутбенахта. Мужество и образцовое маневрирование Рюйтера в последнем сражении дали первое доказательство его выдающихся способностей как флотоводца; только благодаря его храброму нападению, послужившему примером многим другим командирам, голландцы не потерпели тяжелого поражения. Каждый из противников лишился двух кораблей; Рюйтер со своим флагманским кораблем дважды выходил из строя, чтобы заделать пробоины в корпусе».

Исправив повреждения, голландский флот взял курс к родным берегам и в конце января 1642 года Рюйтер уже ошвартовал свой «Хааз» у пристани Флессингена. Больше боевых действий с испанским флотом Генеральные штаты не планировали, а потому быстро распустили и свой. Капитаны и вчерашние адмиралы снова занялись своим привычным делом:

купеческими перевозками.

Дома Рюйтера, однако, ждало радостное известие. Жена Корнелия родила ему девочку, нареченную Алидой. Подрастали и старшие: сын Адриан и дочь Корнелия. Немного передохнув, Рюйтер снова нанялся капитаном на большой торговый «индеец». Так именовались в обиходе торговые суда, ходившие на Индию и Америку. Несмотря на свой удачный флотоводческий дебют, о военной карьере Рюйтер, по-прежнему, не мечтает. Ему куда больше нравится водить в океан торговые «индейцы».

Часть вторая
Война с «железнобокими»

Глава первая
Страсти по навигационному акту

Пока Рюйтер занимался своим привычным и любимым торговым делом, в мире произошли весьма важные события. Англичане обезглавили своего короля Карла Первого. Вся власть там перешла к лидеру оппозиции Кромвелю, который был объявлен протектором нации. Победив в гражданской войне, «железнобокие» (так именовали приверженцев Кромвеля за их любовь к военным доспехам) занялись и внешней политикой. Первым делом новый правитель Англии издал, так называемый, Навигационный Акт, объявлявший всем, что англичане отныне являются самыми главными на всех морях и океанах. В практическом плане акт закрывал голландским купцам доступ в порты Англии и Америки. Причина появления Акта была предельно проста. Англичанам не давало покоя торговое первенство голландцев, чей коммерческий флот достиг к этому времени двадцати тысяч судов, плававших во всех частях света, благодаря чему в руки голландских купцов текли баснословные богатства. Морская торговля, как и торговое кораблестроение, сделались почти полной монополией Соединенных провинций. Амстердам стал, по существу, столицей всей мировой торговли, и величайшим хлебным рынком Европы, куда стекались несметные деньги. Там уже вовсю процветали первые в мире банки, а предприимчивые голландские купцы уже освоили механизм кредита, о котором в остальных странах еще имели самое смутное представление. Помимо мирового посредничества, в котором предприимчивые голландцы давным-давно оттеснили как испанцев, так и португальцев с итальянцами, им было, что предложить для продажи и самим. Республика находилась на экономическом подъеме. Урожаи внутренних провинций были обильны, оттуда непрерывно везли в порты хлеб и масло, сыр и говядину, из Лейдена доставлялось прекрасное сукно, полотно из Гарлема, а фаянс из Дельфта.

С таким размахом торговли Англия пока конкурировать на равных не могла, а потому и решилась на столь откровенный демарш.

Из хроники войны: «Причиной войны была широко распространившаяся по всем морям торговля голландцев, вытеснившая таковую всех других государств. Торговый оборот Голландии превосходил оборот Англии в пять раз.

Республика Семи Объединённых Нижних земель(1581–1795)

Герб Республики Семи Объединённых Нижних земель Девиз – „Concordia res parvae crescunt“ – „Единство это сила“

Голландский рыбный промысел в столько же раз превосходил английский до 1636 г., когда Карл I изгнал голландскую рыболовную флотилию из трех тысяч судов, занимавшуюся сельдяным промыслом у самого английского берега. Потом он снова разрешил ловлю сельдей, но за очень высокое вознаграждение; во времена революции это соглашение было оставлено без внимания. Уже в 1654 г. посланники были отозваны. Кромвель понимал приведенное выше изречение Рейли. К этому надо прибавить также следующее: 1) голландцы объявили торговлю со своими колониями и т. п. монополией; корабль под иностранным флагом они считали призом; 2) победа Тромпа над испанцами на Доунском рейде, следовательно, в английских водах, оставила глубокую обиду в сердцах англичан; 3) гордая своим морским могуществом нация не могла отнестись равнодушно к успехам голландцев в борьбе с Дюнкиркскими корсарами. Играла, следовательно, роль как коммерческая, так и чисто военная ревность. Кромвель заявил категорически, что Англия не потерпит появления без ее соизволения флагов других держав в мировом океане.

Большой зал Бинненхоф, Гаага, во время великой встречи Генеральных Штатов в 1651 году, 1671, Delen, Dirck van

Эта ревность выразилась в „Навигационном Акте“, изданном в октябре 1651 г., который разрешал торговлю с Англией только на английских судах или на судах государств, из которых этот товар вывозился, причем в последнем случае эти суда должны были идти прямо в Англию, без захода в какие-либо промежуточные порта. Командиры и, по крайней мере, три четверти команды должны были быть англичанами. Суда, не соблюдающие этого акта, подлежали конфискации. В таком же роде были постановления, касающиеся торговли с колониями и рыбного промысла. Тем же актом запрещалась иностранцам прибрежная торговля, а пошлины в некоторых случаях были повышены».

Оливер Кромвель – лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии

Акт был направлен почти исключительно против Голландии, в руках которой была сосредоточена большая часть торговли того времени; голландские порты был самым значительным складочным местом мировой торговли. Помимо этого, чтобы удовлетворить свою «военную ревность», англичане восстановили дерзкое требование прежних времен (эдикт короля Иоанна 1202 года!), чтобы в английских водах все суда спускали свои флаги и марсели перед английским флагом. Даже целые эскадры должны были, таким образом, оказывать почести одному английскому военному кораблю. В понятие «английские воды» – англичане причисляли все Северное море, Канал, Бискайский залив и даже большую часть Северной-Атлантики. Кроме этого, английское правительство выдавало частным судам каперские свидетельства, чтобы получать удовлетворение за свои мнимые убытки, чем наносило громадный вред голландской торговле. На основании Навигационного Акта Англия начала повсюду захватывать голландские суда, что, конечно, вызывало со стороны Нидерландов ответные меры.

Одновременно хитрый Кромвель попытался наладить дипломатические отношения с Голландией, чтобы усыпить бдительность конкурента. Но его послы получили весьма грубый и гордый отказ от предложенного союза. Хитрость протектора была слишком явной, чтобы кто-то на нее попался. Условия,

предлагаемые Кромвелем для Генеральных Штатов, его закон о мореплавании больно ударивший по торговым интересам Соединенных Провинций были совершенно неприемлемы и наносили серьезный удар голландской коммерции.

Кромвель отказом от союза оскорбился, и английский парламент немедленно объявил войну Голландии, повелев своим арматорам захватывать голландских купцов как призы. Поняв, что дело зашло довольно далеко, голландцы попытались, было, решить вопрос миром, но было уже поздно. Гвардейцы Кромвеля, прозванные в народе «железнобокими» не только за тяжелые доспехи, но и за завидное упрямство, желали уже не столько отмщения, сколько обогащения. Вместо предложенного полюбовного мира Кромвель избрал войну.

Британские корсары, почуяв легкую поживу, тем временем устроили на морских дорогах настоящую облаву на голландских торговцев. В ответ на это в Амстердаме было решено снарядить военный флот. Во главе его был поставлен старый морской волк лейтенант-адмирал Мартин Тромп.

А вскоре отыскался и повод для начала широкомасштабных боевых действий. При случайной встрече в море двух небольших эскадр, англичане потребовали от голландцев салютации в свою честь. Те ответили гордым отказом. Тогда англичане дали залп, голландцы ответили тем же. Вскоре в море были уже оба флота. Тромп отстаиваться в гаванях не собирался. Англичане от встречи тоже не уклонялись. И скоро неподалеку от Дувра неприятели сошлись в генеральной схватке. Четыре часа длилось взаимное истребление. Голландцы потеряли при этом два корабля.

После боя, исправив повреждения, Тромп решил идти на север, чтобы прикрыть сельдяные промыслы, имевшие жизненное значение для Соединенных провинций. Там и встретили Тромпа очередные послы, возвращавшиеся морем из Лондона. Они же известили Тромпа, что видели английского адмирала Аска в дюнах с двадцатью кораблями, и уничтожить его там адмиралу не будет представлять особой трудности. Обрадованный этим известием Тромп немедленно взял курс к дюнам, но попал в жесточайший шторм. Тем временем другой английский адмирал Роберт Блэйк ворвался на сельдяную банку и учинил там настоящий погром.

Английский адмирал Роберт Блэйк

Узнав об этом, Тромп бросился, было, вдогонку за разорителем, но угодил в новый шторм и был совершенно

рассеян. Очевидец этих событий, один из голландских офицеров, пишет: «Корабли казались похороненными в ужасной морской пучине, выныривая не только для того, чтобы быть подброшенными вверх чутьли не до самых облаков. У одних мачты рушились вниз, у других палубы были сокрыты под бушующими волнами. Буря настолько стала хозяйкой положения, что корабли потеряли всякую возможность управляться. В любой момент можно было ждать катастрофу». Но все обошлось и флот, хоть и поврежденный смог вернуться в свои базы. Неудача Тромпа, хотя она и не была слишком большой, (ведь война еще только начиналась!) вызвала бурю негодования в Голландии. Адмирала грозились даже отдать под суд, но постепенно дело как-то замяли.

Уничтожение рыбаков требовало немедленного возмездия, и Генеральные штаты решили собрать новый флот в Флеесингене и выслать его в море для защиты коммерции и расправы с зазнавшимися англичанами. Долго думали, кому поручить его под начало. Тромп пребывал в опале и потому, в конце концов, выбор пал на Рюйтера. Однако он в это время только что вернулся из дальнего океанского плавания и, наслаждаясь семейной жизнью, выходить в море особого желания не имел.

– Я уже немало повоевал, а еще больше поплавал! – говорил он посланцам из столицы. – И того и другого вполне достаточно, чтобы обеспечить старость. Я обещал своей супруге быть отныне рядом с ней, и я намерен сдержать свое обещание!

Однако ходоки обратились к патриотическим чувствам Рюйтера, убеждая, что именно от него зависит ныне спасение Родины и Рюйтер, в конце концов, принял предложение Штатов.

Прибыв в Флессинген, он сразу же придирчиво осмотрел все стоявшие там двадцать два боевых корабля и шесть брандеров, определенных ему под начало. Свой флаг Рюйтер поднял на 28-пушечном «Нептуне». Туда же он перенес свой любимый натюрморт и клетку с неизменными цыплятами.

Из хроники войны: «Чтобы правильно судить о последующих событиях, нужно сравнить оба флота. Для этого нельзя ограничиться подсчетом количества судов и команды обеих сторон, следует принять во внимание также и их организацию, поскольку она влияла на ход событий. Соединенные Провинции не были крепко сплоченным государством, с единым правлением или сильной центральной властью. Общие интересы провинций подлежали ведению „Генеральных Штатов“, то есть собранию депутатов от каждой провинции. Только опасность войны заставляла их действовать сообща. При сильно выраженной самостоятельности и независимости населения сказывался

недостаток в общегосударственных финансах. Каждая провинция действовала самостоятельно, чтобы собрать предписанную ей Генеральными Штатами часть денег, судов и команд, что вызывало массу лишней переписки и волокиты. Каждая из пяти провинций имела свое адмиралтейство, управлявшее своими судами. Следовательно, во главе флота стояло 5 самостоятельных учреждений, над которыми не было единой власти. Этот недостаток сознавался многими. Существовала партия, желавшая его устранить; но к большому вреду для страны, тут были замешаны и личные интересы. Оранский дом хотел добиться верховной власти; противодействие он встречал, главным образом, в олигархиях главных городов, за которыми стояло большинство в Генеральных Штатах. Обе партии ожесточенно враждовали; из числа республиканских вождей Ольденбарневелт был казнен в 1618 году по наущению Морица Оранского. В рассматриваемое время направление Оранского дома было руководящим, из-за чего армия и флот оставались без верховной военной власти. Подобные разногласия имели и чисто внешние проявления, как, например, споры о кормовом флаге. Похоже, в течение всей этой войны военные суда ходили под оранжево-бело-синим флагом, несмотря на настойчивые требования Генеральных Штатов заменить оранжевый цвет красным».

Глава вторая
Битва при Плимуте

В середине августа 1652 года Рюйтер, поднял свой флаг на 28-пушечном «Нептуне», вывел вверенную ему эскадру в море и взял курс к Па-де-Кале, чтобы дождаться там большой торговый караван и отконвоировать его до родных берегов. Однако попавшийся по пути к Па-де-Кале голландский рыбачий бот заставил его изменить первоначальное решение. Давний знакомец шкипер рассказал Рюйтеру, что видел накануне английский флот числом более сорока вымпелов между островом Уайтом и Портлендом.

– Все складывается для нас совсем неплохо! – обрадовался к всеобщему удивлению Рюйтер. – Мы настигнем англичан и дадим им на орехи! Это будет лучшей защитой нашего каравана!

Буквально на следующий день еще один рыбацкий шкипер уже более основательно обрисовал Рюйтеру состав неприятельского флота: сорок боевых кораблей, из них двенадцать первого ранга, два второго, кроме этого флот сопровождают пять брандеров.

Рюйтер отнесся и к новому сообщению совершенно спокойно.

– Решение мною уже принято! – объявил он своим засомневавшимся капитанам. – Менять что-либо в наших планах уже не имеет смысла! Пусть англичан больше числом, зато мы превосходим их мастерством и боевым духом! А потому будем драться!

Отправив в Амстердам посыльное судно с просьбой о подкреплении, Рюйтер повернул на пересечку неприятелю, не забывая, впрочем, и о купеческом караване. На траверзе Гравелина он успел присоединить к себе караван в шесть десятков набитых грузом транспортов – «индейцев». Это были суда, идущие с севера от Текселя в заморские порты. Заодно к флоту были присоединены и восемь охранявших караван вооруженных кораблей.

Положение Рюйтера было не из легких. Он по-прежнему здорово уступал англичанам в силах, многие корабли были укомплектованы не полными командами, а кроме этого он был вынужден еще и прикрывать порученный ему конвой. Но адмирал был бодр и весел, нисколько не сомневаясь в своем успехе.

Поднимаясь по Ла-Маншу, на высоте Плимута с салингов дозорных голландских кораблей впередсмотрящие обнаружили англичан. Аск вел свой флот навстречу голландцам на всех

парусах. Ему тоже был нужен только успех.

Первая голландская война 1652–1654, A. Willaerts

С каждым часом противники сближались, и столкновение между ними становилось неизбежным. Рюйтер, не теряя времени, разделил свои корабли на три эскадры. Сам при этом возглавил центр, а две другие эскадры поручил опытнейшим из капитанов. Купцы были так же наскоро поделены по эскадрам, а тем из них, кто имел по несколько пушек и мог хоть как-то сопротивляться, было велено держаться подле слабейших. Закончив все свои предбоевые перестроения, Рюйтер снял шляпу и широко перекрестился:

– Ну, помоги нам господь!

Адмирал с тревогой поглядывал на полощущие над его головой многометровые вымпела. Ветер был сейчас явно не в пользу голландцев. Англичанам сегодня повезло даже в этом! Но жребий был брошен, и останавливаться Рюйтер не собирался.

В четыре часа пополудни противники сошлись и почти одновременно разрядили друг в друга пушки. Едва битва началась, как все вокруг заволокло непроницаемыми клубами порохового дыма. Но противников это нисколько не смутило. Не взирая ни на что, они неистово разряжали свои орудия друг в друга, ориентируясь лишь по крикам команд и воплям раненных.

В течение четырех часов шла взаимная яростная перестрелка. За это время Рюйтер умудрился дважды прорезать своей эскадрой английскую линию, сея в ней смерть и опустошение. Впервые в истории был применен маневр, который вскоре станет классическим и просуществует до самого конца существования парусного флота.

Но и голландцам пришлось в тот день не просто. Когда в один из моментов боя крупнейшее торговое судно Восточной Индии «Австрия», сражавшееся своими пушками в общем строю, была со всех сторон окружено англичанами и, казалось шансов на спасение более не оставалось, а матросы уже во все горло кричали о сдаче, капитан Донве-Аскес, не теряя времени, схватил зажженный фитиль и бросился к крюйт-камере.

– Этот фитиль избавит вас от позора плена! – кричал он, потрясая огнем, своей оторопевшей команде. – Клянусь, что я разнесу судно, если услышу еще хотя бы одно слово о сдаче!

Порядок был немедленно восстановлен и «Австрия» продолжила бой. Разъяренный происшедшим, Донве-Аскес дрался теперь с таким неистовством, что один пустил на дно два английских корабля, а третьего своего противника избил до такой степени, что тот вынужден был спасаться постыдным бегством. Открыв себе путь, «Австрия» пробилась к своим. Голландцы встретили ее появление приветственными криками.

Когда Аск, поняв, наконец, что удача сегодня от него отвернулась, и дал сигнал к выходу из боя, его флот уже потерял три корабля и тысячу триста человек. Потери Рюйтера были в сравнении с этим ничтожны: шесть десятков людей. Все его корабли были на плаву и, по-прежнему, полностью боеготовы. Оторваться от преследования Аску помог лишь попутный ветер. К тому же Рюйтер, по-прежнему, обремененный груженными транспортами, особо преследовать противника и не собирался.

В течение всей ночи после боя Рюйтер спешно исправлял паруса и такелаж. На мачтах голландских кораблей светилось по три фонаря – отличительный знак от англичан. Утром следующего дня голландский адмирал отправил торговый караван в свои порты, а сам бросился в погоню, но догнать противника уже так и не смог. Что-что, а бегать Аск умел!

По сигналу с «Нептуна» на флагман собрали всех голландских капитанов. Подняв с ними по бокалу вина за одержанную победу, Рюйтер открыл совещание.

– Англичане вне всяких сомнений побежали чиниться в Плимут! – заявил он заполнившим его небольшую каюту старым морским волкам. – Я хочу напасть на них врасплох! В Плимуте Аск чувствует себя в полной безопасности. Офицеры и капитаны

наверняка уже съехали на берег, и нам представляется возможность сжечь весь неприятельский флот прежде, чем он успеет защититься.

Затем слово взял храбрый Донве-Аскес:

– Наша удача предвещает и добрый успех впереди! Мы победили, имея меньшие силы и неблагоприятный ветер! Я обращаюсь к тем из своих коллег, кто не сумел проявить себя в предыдущей битве, вот шанс показать, на что мы способны! Идем!

– Идем, Рюйтер! – закричали возбужденно собравшиеся. – Мы все идем с тобою!

Но голландцам не повезло. Ветер опять, как назло, сделался противным, и следовать в Плимут не было ни малейшей возможности. Скрипя сердце, адмиралу пришлось отменить свое столь смелое предприятие. И пусть в этот раз отважно задуманная операция по атаке неприятельского флота в его же базе сорвалась, однако запомним ее, ибо придет время и неутомимый Рюйтер осуществит подобное с таким ослепительным блеском, что повергнет в недоумение своими действиями весь мир! Что же касается проведенного им сражения и самого факта планирования диверсии на Плимут, то один из голландских историков дал им следующую оценку: «Только таким великим людям, каков был Рюйтер, суждено было составлять такие дивные и отважные предложения. Победа сия прославила имя Рюйтера во всей Европе и покрыла стыдом Аска.»

Из хроники войны: «До высоты Плимута Рюйтер прошел беспрепятственно, все время с разведчиками впереди, держась французского берега; там показался с севера, с наветренной стороны, Аскью с 40 судами и 6 брандерами. У англичан было 2 корабля 60-пушечных и 10 больших судов (до 40-пушечных); остальные, как и у голландцев, были перевооруженные купеческие суда. Рюйтер решил немедленно атаковать. Он приказал купцам спуститься под ветер, а сам лег (при SO ветре) на Аскью, бывшего на ветре; последний, в свою очередь, направился на Рюйтера, сохраняя свое наветренное положение. В 4 часа дня начался бой, продолжавшийся 3–4 часа, до вечера. Рюйтер разделил свою эскадру на 3 отряда, при каждом из них состояло по 2 брандера; кажется, определенного боевого строя не было. Голландцы стреляли, главным образом, по такелажу, англичане – по корпусу, что стало традиционным и в последующие войны. Флагманские корабли и большие суда несли на себе всю тяжесть сражения. Вскоре после начала боя образовалась общая свалка; Рюйтер и Аскью несколько раз проходили через ряды сражающихся. Со стороны голландцев особенно отличились оба корабля Ост-Индской компании. Прочие

суда следовали примеру своих адмиралов лишь отчасти; многие английские командиры, без сомнения, не морские офицеры, а капитаны перевооруженных коммерческих судов, старались держаться в стороне от боя. Вследствие всего этого, несмотря на громадное численное превосходство англичан, исход боя остался неопределенным. Аскью предпочел не возобновлять боя. Он пошел ночью в Плимут, а Рюйтер остался под малыми парусами на поле сражения. Утром он видел англичан далеко на ветре; Аскью мог возобновить бой, но этого не сделал. Рюйтер одержал победу, не потеряв ни одного военного или коммерческого корабля; преследовать Аскью, несмотря на свое намерение, он не мог, так как несколько его лучших судов были сильно повреждены. Надо отметить смелость нападения Рюйтера на значительно превосходящего его силой неприятеля и твердую решимость, с которой он провел бой, благодаря чему вышел с полным успехом из затруднительного положения и блестяще исполнил возложенную на него задачу. Решительное нападение дало ему победу и спасло коммерческий флот».

В течение всего декабря Рюйтер крейсировал с флотом в Ламанше. Тем временем, англичане несколько пришли в себя. Неудачника Аска отстранили от занимаемой должности. На его место был определен более удачливый адмирал Блэйк, уже успевший несколько раз отличиться в сражениях с испанцами.

Голландские корабли на рейде у Тексела, в середине 'Золотой лев', флагман Корнелиса Тромпа, 1671, Bakhuysen, Ludolf

Отремонтированный и обновленный флот под началом Блэйка вышел в море, стремясь отомстить голландцам за свой недавний позор. Узнав об этом, Рюйтер послал извещение о выходе англичан в Амстердам, прося подкреплений. Дело в том, что теперь Рюйтеру предстояло конвоировать до Фландрии новый только что подошедший из Вест-Индии конвой. Кроме этого на кораблях стал ощущаться недостаток пороха и снарядов. 25 сентября вдалеке показался флот, ведомый Блэйком, но Рюйтер умелым манером быстро оставил его позади.

Но вот, конвой доставлен по назначению и у командующего наконец-то развязаны руки. Теперь Рюйтер ждет подкреплений. Однако вместо ожидаемой помощи к находящемуся в море флоту из Амстердама к нему был прислан 44-пушечный корабль под флагом вице-адмирала Корнелиуса де Витта, старейшего и опытнейшего голландского флагмана. Витта отличала безумная храбрость, порой затмевавшая чувство реальности. По этой причине на голландском флоте его звали кратко – драчун. Витту-драчуну, по решению Генеральных штатов, предстояло отныне возглавить флот Соединенных провинций. Несколько погодя из Текселя подошла и обещанная эскадра в сорок четыре вымпела, подвезли и боеприпасы.

По существу, говоря, Рюйтеру дали хорошую пощечину. После только что одержанной победы его попросту без всяких причин сместили с занимаемой должности. Кто это проделал и почему, навсегда осталось загадкой. Быстрая и громкая слава сына трактирщика уже начала раздражать многих куда более именитых, но, увы, куда менее талантливых. Утешением могло служить лишь то, что по опыту и возрасту, Витт был все же намного старше Рюйтера, а потому формально имел на командование флотом больше прав, чем он.

Сам де Витт чувствовал себя перед Рюйтером достаточно неловко.

– Дорогой Михаил! – говорил он ему. – Мы все восхищены твоей недавней победой. Но решение штатов таково, что мне присуждено возглавить флот. Поверь, что я как и ты далек от всех интриг! Зная твой опыт и заслуги, я почитал бы видеть тебя своим первым помощником и единомышленником!

– Не волнуйся, Корнелис! – Рюйтер, казалось, был нисколько не опечален своим неожиданным незаслуженным смещением. – Твой авторитет и искусство – залог нашего предстоящего успеха. Мы знакомы многие годы, и ты знаешь, что я никогда не был слишком честолюбив, а тем более завистлив. Если штаты решили дело в твою пользу, так тому и быть. Я же с удовольствием подставлю тебе свое плечо!

Всего под своим флагом Витту удалось собрать шестьдесят два корабля. Остальные, будучи истрепанными штормами, были вынуждены возвратиться в порты с приказанием их капитанам присоединиться к флоту сразу же после исправления повреждений. Стратегическая же ситуация сложилась к этому времени достаточно сложная. Где-то на юге у Плимута находился флот Аска в четыре десятка кораблей. На севере у Гарвича флот Блэйка. Между ними крейсировали голландцы. Время терять было нельзя, надо было успеть разгромить английских адмиралов поодиночке, потому что с объединенным флотом тягаться было бы трудно. А потому Витт решил, не теряя времени, идти на Блэйка, который в это время находился в дюнах с шестью десятками кораблей. Свой флаг он хотел поднять на 54-пушечном «Бредероде», но команда корабля настроенная против Витта отказалась пустить командующего к себе на борт. Зная неистовый характер драчуна, его личную храбрость и одновременную холодную жестокость к своим подчиненным, о которой ходили самые зловещие слухи, матросы попросту испугались, что он кинется в такое пекло, из которого мало кто выберется живым.

– Нам терять нечего! – кричали они ему с высоты корабельной палубы. – Все одно погибать от ядра или от петли! Так что мы уж лучше подождем, когда нас повесят дома, по крайней мере, выпьем еще по пару кварт пива! Так что поворачивай обратно!

Взбешенному Витту пришлось снова вернуться на свой «Принц Уильям». В другой момент он бы живо навел порядок, но сейчас пришлось терпеть.

Чтобы понять происходящее на голландском флоте, необходимо знать, что собой представляли команды его кораблей. Капитанами в ту пору назначали исключительно именитых дворян, имевших огромные связи, т. к. должность считалась весьма денежной, но являвшихся при этом полными невеждами в морском деле. Не дворянам разрешалось капитанствовать только… брандерами, то есть судами заранее обреченными на гибель. По сути дела капитаны военных кораблей только представительствовали и больше мешали, чем помогали в настоящем руководстве. Фактически же вся ответственность забота о корабле лежала на шкипере и штурмане. С них спрашивали за все и всех. Кроме этого капитаны-дворяне не слишком-то слушали и своих адмиралов. Хорошие связи в столице обеспечивали им большую независимость.

Под стать своим капитанам были и команды военных кораблей. Идти туда, добровольно, естественно, никто по доброй воле не хотел. Куда выгоднее матросам представлялось плавать

на купцах, где риск погибнуть был несравненно меньше, а заработок выше на несколько порядков. По этой причине будущих матросов вылавливали, где только было можно. Бывали случаи, что богатые капитаны выкупали себе будущих подчиненных даже из тюрем. В национальном отношении команды голландских кораблей были весьма разношерстными и сами голландцы далеко не всегда составляли там большую часть. Очень много было всегда немцев, норвежцев и даже англичан, которые за наличные деньги и гороховую похлебку неплохо громили собственных соотечественников. Моральных стимулов к дисциплине почти не было. Все воспитание строилось исключительно на страхе смерти и наказания. Но условия существования матросов были настолько скотскими, что люди зачастую не боялись уже ничего, даже смерти. А потому бунты команд, как и открытое неповиновение капитанов своим флагманам было не редкостью, а даже нормой.

Вот как описывает положение матросов того времени российский дореволюционный историк лейтенант Щеглов: «У нижних чинов дисциплина была исключительно основана на страхе наказания. Законы, предусматривавшие наказания за преступления против порядка корабельной службы, носили в ту эпоху еще отпечаток суровых нравов средних веков, когда жизнь и благосостояние человека вовсе не ценились. Обхождение с матросами было сурово и жестоко. Чтобы приучить их к труду и держать во всегдашней готовности ко всякому непредвиденному случаю, им многие командиры не позволяли никогда раздеваться под страхом килевания. Кроме этого наиболее употребительными наказаниями были: кандалы, битье плетьми, за поднятие руки на начальника матросу отрезалась кисть, за убийство своего же товарища виновного привязывали к спине убитого матроса и бросали за борт. Такая строгость постановлений не могла не иметь влияния на нравы, и команды не обладали высокими нравственными качествами. Будучи лишены не только удовольствий, но и простых удобств, они не могли ценить благ существования в мире и на этом презрении ко всему окружающему, и была основана их храбрость, которая вследствие этого отзывалась скорее терпеливой решимостью мученика, чем беззаветною отвагой бойкой удали».

Зато когда поднималась вся команда, то начальникам приходилось с ней считаться, особенно, если это происходило в преддверие решающей битвы. Вот такую-то своевольную и своенравную орду предстояло вести в бой де Витту.

– Я добьюсь победы, и даже сам дьявол не заставит меня отступить! Готовьте брезентовые саваны для трусов и веревки для мятежников! – объявил всем новый командующий, выходя в

море. – Для англичан закончились счастливые денечки! Витт – это вам не Тромп!

Но и Блэйк был не чета Аску. Он тоже не стал дожидаться развития событий, а сам устремился навстречу опасности.

Глава третья
Бой при Ньюпорте

Хлесткий ветер срывал с волн пену брызг. С кораблей к Рюйтеру по сигналу съезжались флагмана и капитаны. Утлые шлюпки вообще исчезали из вида, но приходила очередная волна, и они снова, и снова взлетали на пенных гребнях. На состоявшемся военном совете Рюйтер решительно высказался против столкновения с Блэйком.

– Мы, по-прежнему, плохо вооружены, матросы вымотаны долгим крейсерством и догрызают последние сухари. Нужна передышка! Думаю, что лучше попытаться вначале разбить более слабый флот Аска. Блэйк только что покинул порты, а потому весьма силен. Да и в помощь ему, наверняка, снаряжается подкрепление в ближайших портах.

– Ерунда! – отмахнулся Витт. – Наши негодяи могут и попоститься, а хваленого Блэйка я нисколько не боюсь! Жребий уже брошен!

Несмотря на всю свою решимость, Витт не позаботился выслать вперед разведывательные яхты и вел флот почти в слепую, смутно представляя, где его ожидает встреча с англичанами.

Между тем обстоятельный Блэйк времени зря не терял. 8 октября 1652 года, будучи с подветра неподалеку от отмели Кентиш-Нок, адмирал Блэйк столь стремительно атаковал голландцев, что не дал Витту ни созвать военного совета, ни собрать рассеянные недавним штормом корабли. Теперь Витт мог рассчитывать исключительно на отвагу и инициативу своих флагманов и капитанов. Пока англичане сближались на дистанцию залпа, голландцам удалось выстроить некое подобие боевого строя из кораблей находившихся поблизости. Палубы торопливо посыпали песком, чтобы не скользить на пролитой крови. Офицеры натягивали на ноги шелковые чулки и кафтаны: при ранениях обрывки шелка не заражают ран. Матросы по древнему обычаю обменивались охранительными амулетами.

Бой начался в три часа пополудни на самом входе в Ламанш. Рюйтер вел авангард, де Витт центр, а де Вильдт арьергард. Ветер с остервенением рвал плюмажи со шляп и боевых шлемов. В лица людей сплошным потоком летели соленые брызги. Впрочем, все было, как всегда, и подобные мелочи никого сейчас не волновали. Еще минута, другая и, наконец, грянуло!

Когда рассеялись первые пороховые клубы дыма, оказалось,

что англичане бьют голландцев в рангоут, те же, наоборот, лупят своих врагов в корпус. Именно поэтому с первых минут потери англичан в людях были ужасающе велики, а голландцы вскоре едва могли управляться. Особенно пострадали от неприятельского огня корабли Витта и Рюйтера.

Оба флагмана, соревнуясь меж собой в отваге, бились с противником на самой кротчайшей дистанции и, невзирая на смерть и разрушения, вели за собой остальных. Большая часть голландских капитанов, воодушевленная примером своих адмиралов, дралась столь же отважно. Однако, некоторые все же чересчур осторожничали, не рискуя лишний раз сходиться с противником вплотную.

«Нептун» Рюйтера был в четырех местах прострелен у самой воды. Корабельные плотники едва успевали забивать дырки досками с паклей и салом. Еще хуже было положение с такелажем: рухнул вниз, убивая и калеча всех попавшихся на пути, грот-рей, был изрешечен грот-марсель и перебиты почти все снасти. Не малой была и убыль в людях. Но Рюйтер и не помышлял даже о сколько-нибудь небольшой передышке. Наоборот, он, по-прежнему, требовал от своего капитана сближения с противником вплотную.

Взаимное избиение продолжалась до самой ночи, и только темнота развела измученных боем врагов. Стоя на палубе Рюйтер с печалью всматривался вдаль, там многочисленными кострами догорали уничтоженные в дневном сражении голландские корабли. Встреча с Блэйком, как он и предполагал, ни удачи, ни славы не принесла.

В нижних палубах страшно кричали раненные, которым привычные ко всему лекари деловито пилили руки и ноги, окуная для скорейшего заживления кровоточащие культи в кипящую смолу. Рюйтер, будучи не в силах сомкнуть глаз, всю ночь молился за несчастных.

С рассветом предстояло продолжить кровавый спор, но к этому времени ситуация координально изменилась. Англичане получили солидное подкрепление, голландцы же не получили ничего, а с учетом понесенных в предыдущий день потерь к утру оказались ослабленными почти на треть. Некоторые капитаны, пользуясь темнотой, сочли за лучшее, вообще отделиться от своего флота. Обеспокоенный всем этим де Витт созвал совещание. Прибывший туда шлюпкой Рюйтер, высказался первым:

– Я категорически против продолжения боя. Корабли избиты и рассеяны. Велики потери, ранен почти каждый второй. Бегство струсивших ослабило нас еще больше. Противник же, наоборот,

усилился и близок к скорой победе!

– Но я, как главнокомандующий, не могу не атаковать! – вспылил, налившийся краской, Витт.

– При известных обстоятельствах главнокомандующий иногда может оказать услугу своему государству не только наступлением, но и отступлением в видах сохранения государству его флота! – невозмутимо парировал Рюйтер.

Рюйтера поддержали почти все. Самые решительные предлагали:

– Надо для начала перевешать бежавших трусов и, укрепясь духом, идти вперед!

«Драчун», однако, трезво поразмыслив, попридержал наиболее нетерпеливых.

– Даю вам слово, что каждый из беглецов получит по заслугам! Я никогда в жизни не видел таких трусов, какими они себя показали!

Окончательно решив не вступать в бой, Витт повернул флот к родным берегам, понося, на чем свет стоит всех изменников и негодяев, вынудивших его на этот шаг.

Из хроники войны: «Витте-де-Витт не мог не учитывать сравнительную слабость голландских сил, но им руководило честолюбие. Он намеревался застигнуть Блэка врасплох в Доунсе, но последний вышел ему навстречу и 8 октября в 3 часа по полудни атаковал голландцев, еще до того, как они успели выстроить свой, разделенный на 4 эскадры, флот в боевой порядок. Голландцы шли в крутой бейдевинд, при слабом SW. Одна из эскадр была оставлена в резерве и должна была вступить в бой, смотря по надобности. 3 эскадры Блэка (Бёрн был дальше к югу, Пенн шел вблизи командующего флотом) вступили в бой не одновременно. Блэку удалось втиснуться между мелью и противником. Пенн, следовавший за ним, со своим флагманским кораблем и задними мателотами приткнулся к юго-восточному углу мели Кентиш-Нок. Это заставило де-Витта сделать поворот и пойти на юг. Благодаря этому Бёрн мог вступить в бой, а Пенн, сделавший (к своему счастью) из-за мели поворот, оказался на месте для оказания поддержки. Блэк, сначала, напавший на головные корабли неприятеля, теперь бросился на арьергард. Неоднократно в этом бою отдельные корабли проходили через ряды противника; но до сосредоточенного нападения с той или с другой стороны дело не дошло. В те времена еще плохо понимали тактику. Получился опять-таки беспорядочный бой. Витте-де-Витт, остальные вожди и часть голландских командиров сражались с большой храбростью, хотя некоторые суда держались в стороне, под ветром. Бой продолжался до вечера; голландцы

пострадали больше, чем англичане; они потеряли 3 корабля и свыше 600 человек команды.

На ночь стали на якорь на месте сражения. Ночью и на следующее утро более дюжины судов де-Витта, считавших дело проигранным, ушли под всеми парусами домой, так что у него осталось всего 49 кораблей. Несмотря на это, Витте-де-Витт хотел возобновить бой, но на военном совете его младшие флагманы, в том числе и неустрашимый Рюйтер, высказывались за прекращение боя из-за свой сравнительной слабости и прибытия за ночь подкреплений к англичанам. Голландцы ушли под малыми парусами. Англичане, к их удивлению, их не преследовали, вероятно, из-за слабого ветра и боязни голландских банок».

Вопреки всем клятвам, сдержать свое слово относительно расправы над бежавшими с поля боя, голландскому командующему не удалось. У части струсивших капитанов оказались весьма влиятельные покровители и их так и не посмели тронуть. Затем пришлось заодно отпустить и иных, у которых влиятельных покровителей не было. Судебное разбирательство затянулось, и на обвинения стали выдвигаться контробвинения. Все обвиняемые капитаны объединясь, ополчились на Витта. В ход пошли светские связи и тайные пружины, о которых бедный Витт и не подозревал. Излишне горячий и эмоциональный командующий оказался один против всех и, в конце концов, начисто проиграл затеянный процесс.

Но решение суда станет известно несколько позже, а пока голландский флот под командой Витта еще держал курс к своим берегам. Англичане попытались, было, догнать уходящих, но найти голландцев не смогли, а потому в свою очередь повернули к своим берегам. Так завершилось сражение при Ньюпорте. И хотя успех был на этот раз на стороне англичан, голландский флот нисколько не утратил своей боеспособности и по-прежнему был готов в самое ближайшее время снова поспорить за первенство на океанах.

На входе в гавань Витт велел вывесить на реях своего флагмана веревочные петли, демонстрируя тем самым свою решимость разделаться с трусами.

По возвращении флота в Голландию Рюйтер сразу же уехал домой и вновь публично объявил, что твердо решил отныне остаток своей жизни провести в кругу семьи и не ходить больше в море.

– Почему ты хочешь оставить меня, Михаил? – спросил расстроенный новостью де Витт его перед отъездом. – Ты покидаешь меня в самый тяжелый момент, когда я предан всеми!

– Я, так же как и ты, устал от клеветы и напраслин завистников! – зло ответил Рюйтер. – Пусть кого-нибудь из них назначат на мое место, пора и им показать себя в деле! Мне надоело оправдываться и утираться от плевков!

Обеспокоенные решением Рюйтера, депутаты Штатов немедленно отправились к нему в Флессинген и не без труда, но все же уговорили контр-адмирала остаться при флоте хотя бы еще на одну кампанию. Тем временем Витт начисто проиграл судебный процесс против своих капитанов и, превратившись из обвинителя в обвиняемого, сам был смещен с поста командующего. Пытавшегося было поддержать старшего товарища Рюйтера, никто толком не стал и слушать. Для аристократов-капитанов он был по-прежнему «белой вороной», представителем презираемой и не замечаемой черни, каким-то невероятным образом волею случая пролезшего наверх. Разумеется, Рюйтер был необходим всем как специалист-моряк, с ним в этом отношении считались и его ценили, но права голоса на дворянских судебных ристалищах он по-прежнему не имел никакого. Рюйтеру просто показали его место. Обиженный контр-адмирал вновь покинул столицу.

– Да я сын торговца пивом и сам бывший прядильщик и юнга! – в сердцах говорил он, вернувшись домой, жене. – Но разве я меньше чем эти бездельники-дворяне люблю свою родину, разве я меньше сделал для ее благоденствия! Разве у меня не такая кровь и не такое сердце! Почему же меня заслуженного моряка может оскорбить любой мальчишка аристократ!

– Успокойся, милый! – гладила его по голове жена. – Я тебя люблю и не дворянином!

Одновременно с отставкой Витта был возвращен на флот незаслуженно обиженный ранее Мартин Тромп. Он вновь был объявлен главнокомандующим всеми морскими силами республики. При этом Тромпу были даны самые широкие полномочия.

Первое, что сделал Тромп, вступив в должность – это назначил Рюйтера своим первым заместителем. Такое резкое возвышение сразу же вызвало самое яростное недовольство и сопротивление противников Рюйтера.

– Без чина и рода, мужлан мужланом, кур в каюте разводит, да еще в адмиралы лезет! Не станем такому подчиняться! Пора выскочку на место поставить!

Капитаны-оппозиционеры не только вслух поносили Рюйтера. Один из них даже вызвал его на дуэль. Вызов контр-адмирал воспринял спокойно. Пришедшему к нему секунданту он сказал:

– Это у вас дворян дуэли на уме, а мне прядильщику на них

наплевать. Если кто на мозоль наступит, то я такого сразу кулаком в рожу, чтоб не повадно было!

Тромп, которого ходоки-капитаны стали призывать к дворянской солидарности, ответил так:

– Я с огромной радостью назначил бы на эту должность любого из вас, если бы кроме своей дворянской спеси, вы умели, делать, хоть толику того, что умеет Рюйтер. Он у меня один и, покуда я стою во главе флота, я его никому не отдам!

Об очередных страстях вокруг Рюйтера вскоре прознали в Амстердаме. Начальникам Зеландского адмиралтейства было велено разобраться с хулителями и охранять контр-адмирала во всех его правах. Самому же Рюйтеру была прислана грамота с подтверждением всех его полномочий. Грамоту контр-адмирал приколотил гвоздем у себя в каюте и собрал всех недовольных.

– Отныне кто против меня выступит, я его за шиворот и носом в грамоту, чтобы понималось лучше!

Когда же приехавшие депутаты Штатов попросили адмирала указать им на своих противников, которых надо убрать с кораблей, Рюйтер лишь замахал руками:

– Вся размолвка позади! Мир восстановлен, и я никого убирать от себя не намерен!

Слова Рюйтера быстро стали широко известны и во многом свели на нет все недавние недоразумения.

– Вот так бы сразу делом заниматься, а то, сколько времени в игрушки играем! – подвел итог всему Тромп. – Пора за работу!

В это вемя в Англии, в виду позднего времени года и на основании одержанной победы наивно предполагали, что военные действия более не возобновятся. Война в народе и войске была непопулярна, расходы на флот оказались значительнее, чем ожидали. Англичане считали господство на море за собой обеспеченным, думая, что Нидерланды вот-вот запросят мира. Но Голландия, ни о каком мире и не помышляла, а, наоборот, была полна решимости, взять реванш за первые неудачи.

Время тоже не ждало. Огромный голландский торговый флот, загруженный товаром, бесполезно стоял в портах, ожидая формирования конвоя и проводки в океан. Кошельки купцов стремительно худели. С такой же быстротой поднимались и цены на продукты. В городах зрело недовольство. Не привыкшие к лишениям голландцы требовали от правительства самых решительных мер.

Глава четвертая
Дуврское сражение

В первых числах декабря 1652 года голландский флот был, наконец, готов к очередной кампании и покинул свои порты. Теперь он насчитывал семьдесят два больших корабля, еще больше мелких судов и несколько готовых к употреблению брандеров. Однако большинство больших кораблей были лишь наскоро вооруженными торговыми судами, и боевая ценность их была не слишком велика. Часть судов вообще купили в самый последний момент у датского короля. Пушки на них были столь старые, что заряжались не с помощью картузов, а по старинке ссыпанием пороха шуфлой. Но выбирать не приходилось, и Тромп вывел в море все, что у него было под рукой.

АдмиралДе Рюйтер 1652 год

Голландскому главнокомандующему предстояло отконвоировать огромный в триста судов торговый конвой до мыса Лизард. Но едва двинулись вперед, на горизонте сразу же был усмотрен английский флот. Адмирал Блэйк даром времени не терял. Он так же спешил навстречу голландцам, имея всего четыре десятка кораблей. Позднее этот поступок английские историки назовут «опрометчивостью на грани безумства». Дело в том, что Блэйк попросту не ожидал, что голландцы после понесенного поражения сумеют так быстро восстановить свой флот. Именно поэтому его флот не был сосредоточен в одном месте, а наоборот разбросан. Два десятка кораблей были

отправлены в Ньюкастель для конвоирования угольщиков, дюжина стояла в Плимуте, еще дюжина, не торопясь, чинилась в Чатаме. Поняв свою ошибку при первом известии о выходе в море голландцев, Блэйк теперь хотел сам все исправить, но было уже поздно. 10 декабря противники сошлись у самого берега между селеньями Дувром и Фостоком. Так началось сражение, в котором Тромп и Рюйтер стремились любой ценой расквитаться за свой прошлый досадный промах.

Голландцы с самых первым минут схватки оказались на ветре и Тромп, не раздумывая долго, устремился в атаку, благо меньшинство англичан было для него более чем очевидно. Англичане тоже прибавили парусов. И те, и другие были настроены решительно, и сражение с первых же залпов приняло самый ожесточенный характер. Первыми сошлись авангарды и арьергарды, причем у англичан здесь оказалось кораблей случайно больше, чем у голландцев. А потому соответствующим голландским командующим Рюйтеру и Эвертсону пришлось не сладко, пока они не дождались подхода основных сил Тромпа. Однако положение англичан было многим хуже, теснимые превосходящим противником, вскоре они оказались прижатыми к скалистому берегу. Свободы для маневра у них почти не оставалось.

Тромп вел за собой корабли центра, вице-адмирал Эвертсон авангард. Рюйтер же возглавил корабли арьергардии. Однако ситуация вскоре сложилась таким образом, что центр оказался несколько в стороне и Рюйтеру с Эвертсоном пришлось вдвоем сдерживать основные силы англичан в течение целой ночи. С восходом солнца подоспел Тромп и в сражении наступил долгожданный перелом. Бой вскоре перерос в настоящее избиение. Сам Тромп при этом захватил 44-пушечный «Гарленд», Эвертсон не отстал от своего главкома и так же пленил 36-пушечный «Бонавентур». Сам Блэйк чудом остался жив, когда рухнувшая вниз перебитая фок-мачта упала в сантиметрах от него. Вскоре один за другим взорвались еще три английских корабля. Понеся огромный урон, Блэйк с остатками избитого флота под покровом темноты сумел ускользнуть в Дувр и добраться до Темзы. Рюйтер гнался за убегавшими англичанами некоторое время, но, так же как и они в прошлый раз, не смог их догнать. Английские корабли оказались более легкими на ходу и маневренными. Общие потери англичан составили шесть кораблей, голландцы ж лишились лишь одного. Долг за Ньюпортскую неудачу был выплачен сполна!

Из хроники войны: «Эскадра в 20 судов была послана в Гельсингер, чтобы освободить задержанные там датчанами

купеческие суда и провести их домой; эскадра такой же силы под начальством Пенна пошла на север Англии, чтобы безопасно провести флот, нагруженный углем, в Лондон; третья эскадра из 12 судов был оставлена в Плимуте для наблюдения за западной частью Канала; наконец, 15 судов были посланы в Темзу для ремонта. Главные силы, 45 судов под командой Блэка остались для наблюдения в восточном устье Канала. Однако же в старом Тромпе ошиблись. 1 декабря он вышел с флотом в 90 судов в море, намереваясь напасть в Доунсе на Блэка, о слабости которого он знал. Ему мешало приказание провести через Канал 500 торговых кораблей, очень медленно собиравшихся, а также жестокий SW, дувший четыре дня. В Голландии выход коммерческим судам без конвоиров был строго воспрещен. Тромпу пришлось вернуться и оставить дома коммерческие суда до окончания операции и до наступления более благоприятной погоды. Затем он снова вышел в море, встретил туман и шторм (было наихудшее время года), но все-таки добрался до Доунса при очень крепком WNW.

Как только Блэк увидел неприятеля, он вышел из Доунса, где чувствовал себя в опасности, так как Дуврские батареи были убраны; находясь на ветре у Тромпа, он лег вдоль берега на SW. Вечером 9 декабря оба противника стали на якорь вблизи Дувра, так как свежий бриз был для боя неблагоприятен. На следующее утро Тромп при свежем NW снялся с якоря и стал лавировать к Блэку, тот тоже снялся и пошел на запад, но у Денженеса, не будучи в состоянии избежать сражения (по голландским данным), спустился и пошел на абордаж.

По английским данным Блэк действовал по ранее продуманному плану – идти прямо на противника и прорезать ему строй. Так как такой маневр был опасен в виду близости Варнских банок, то Блэк решил пройти сначала до Денженеса. В час дня раздались первые выстрелы, но лишь в 3 часа бой стал серьезным. Флагманский корабль Блэка, „Триумф“, проходя мимо флагманского корабля Тромпа „Бредерode“, дал полный залп; задний мателот английского адмирала „Гарланд“ сцепился с наветра на абордаж с „Бредерode“, а шедший за ним „Бонавентур“ – с подветра. Оба старались завладеть „Бредерode“, и последний оказался в очень тяжелом положении. Но вовремя подоспел Эвертсен и лег рядом с „Бонавентур“, так что все четыре судна сцепились вместе. После упорного боя оба английских корабля были побеждены. Бой этот дал еще немало случаев единоборства; знаменитые в английском флоте имена судов, сражавшихся в тот день, повторяются доныне. Тут встречаются впервые, кроме вышеприведенных, славные имена „Виктори“ и

„Вангард“. Несмотря на то, что флоты приняли участие в бою на близкой дистанции не в полном числе, еще 2 английских корабля были сожжены, а один потоплен. „Триумф“ понес тяжелые потери; английский арьергард, около 20 судов, по-видимому, держался на ветре и не принимал участия в бою. Победа, доставшаяся втрое сильнейшим голландцам, была решительной, они потеряли всего лишь один корабль и встали на месте сражения на якорь. С наступлением ранней темноты Блэк повернул к Дувру, и на утро его потеряли из вида. Не будучи в состоянии возобновить бой, он скрылся в устье Темзы. Преследования со стороны Тромпа не последовало, чему нет оправдания; он довольствовался своим успехом, очистив путь коммерческим судам».

Как бы то ни было, но одержанная победа при Дувре позволила Тромпу успешно вывести огромный, численностью более трехсот больших и тяжелогруженых транспортов торгового конвоя в океан, а затем встретить и привести в Голландию не менее многочисленный конвой из возвращающихся домой судов. Республика вздохнула спокойно, а честь Тромпа была восстановлена.

Битва в Терхейде (Terheide), 10 августа 1653, 1666, Beerstraten, Jan Abrahamsz

Глава пятая
Три дня Портлэнда

Сразу же после рождественских праздников 1653 года, к удивлению всех, Тромп неожиданно вышел в море. Рюйтер, как всегда, вел авангард флота. К столь раннему выходу в штормовое море голландцев вынуждали особые обстоятельства – надо было встретить возвращавшийся с океана огромный груженый товарами конвой.

Из хроники войны: «В январе Тромп провел еще один торговый флот в 150 судов через Канал, невзирая на время года. В Бискайской бухте Тромпа настиг шторм погоды, и он зашел в Иль-де-Ре (перед Ла-Рошелью, недалеко от Рошфора – В.Ш.), где его суда потребовали исправлений; этот порт служил сборным пунктом, возвращающимся на родину купцам, ожидавшим конвоиров для безопасного прохода в свои порты. Только таким образом Голландия могла поддерживать свою торговлю при враждебном отношении Англии. То, что Генеральные Штаты употребили для этой цели свои главные силы во главе с лучшим адмиралом, нам кажется целесообразным. Они не могли не знать о грандиозных вооружениях англичан и не должны были лишать отечественные воды защиты. Следовало, не отвлекаясь на второстепенные задачи, сохранить господство на море. Тем не менее, конвоирование торговых флотов осталось бы необходимым, но оно могло быть поручено менее крупным и боеспособным эскадрам (как, например, отряду Рюйтера в августе 1652 г.).

Голландия оставила англичан в Гоовдах и Канале совершенно свободными в своих действиях; свой боевой флот, давший 10 декабря сражение, она подвергла беспрерывному плаванию вдали от операционной базы, длившемуся целые месяцы, не озаботившись даже пополнением запасов; тут опять-таки видны недостатки планомерного высшего командования.

В начале февраля, придя в Иль-де-Ре, Тромп привел свои корабли в порядок и затем вышел в море для конвоирования 150 (по другим данным 300) купеческих судов с ценным грузом. В Бискайском заливе он встретил жесткий NO, который лишь 24 февраля перешел в NW и дал Тромпу возможность войти в Канал. Придерживаясь французского берега, он 28 февраля утром дошел до мыса Ла Хог, где при свежем WNW обнаружил прямо по носу, следовательно, с подветра, у английского берега на траверзе Портланда, большой английский флот. То был Блэк, вышедший

из Темзы 18 февраля с 60 военными судами, между которыми было много только что выстроенных быстроходных судов. Соединившись у Дувра с 20 шедшими из Портсмута кораблями, он шел теперь навстречу Тромпу, но без разведчиков. Под начальством Блэка были генералы Монк и Дин и адмирал Пенн. Адмирал Аскью, после неудачного боя с Рюйтером 26 августа 1652 г., был отстранен от командования. Английский флот, лавировавший в Канале по направлению к W, не был в сомкнутом строю: Блэк с главными силами (центр, красный флаг) далеко на ветре, арьергард под командой Монка еще в милях в 4–5 под ветром. Дин находился на флагманском корабле Блэка. Каждая из 3 эскадр делилась на 3 отряда и, кроме начальника, имела по вице– и контр-адмиралу».

Находясь в десятке миль от британского Портленда, Тромп внезпно обнаружил английский флот. Белые облака парусов, казалось, заслонили весь горизонт. Это означало лишь одно: Блэйк снова вышел на свою охоту. И хотя в задачу голландского командующего входила, прежде всего, безопасная проводка в свои порты большого торгового конвоя, набитого товарами и возвращающегося из колоний, который он только что встретил. Но, завидев врага, Тромп сразуже бросился на него.

Блэйк уклоняться так же не был намерен. К этому времени он не только произвел ремонт кораблей, но и полностью сменил своих младших флагманов, добившись назначения на эти должности сухопутных генералов, весьма малоопытных в морском деле, но имевших хватку настоящих бульдогов. Историк пишет: «Поражение Блэйка при Дувре произвело сильное впечатление во всей Англии, и потому зима была употреблена на новые приготовления. Англичане готовились с такой поспешностью, вражда и соревнование были столь велики, что они не дождались даже наступления удобного времени для плавания и вышли в числе 68 кораблей в море в середине февраля.»

Бой реванша и престижа был неизбежен и он состоялся. Когда торговые суда подошли к побережью нейтральной Франции, Тромп расположил свой флот между уходящими «индейцами» и неприятелем. Количество кораблей было примерно равным. На 75 кораблей Тромпа, Блэйк имел только 70, однако корабли англичан были гораздо мощнее.

Утром 28 февраля, посланные на рекогносцировку, семь голландских кораблей опознали три дозорных английских и немедленно вступили с ними в драку. Яростная перестрелка между ними продолжалась более трех часов, но так и не дала преимущества ни одной из сторон. К часу дня к месту их боя

начали медленно подтягиваться главные силы противников.

Голландцы находились на ветре и Тромп, воспользовавшись этим, оставил стеснявшие его коммерческие суда на ветре. Сам при этом с боевыми кораблями спустился на англичан, развернув свои корабли строем фронта. Разумеется, что при этом он подвергал себя некоторому риску, подставляя форштевни под бортовые залпы англичан, однако риск был оправдан, ибо теперь вся инициатива была в руках голландцев. Полтора столетия спустя нечто подобное блестяще продемонстрирует под Трафальгаром лорд Нельсон.

Сам Тромп шел в самой середине спешащих в бой кораблей. Рюйтер и Эвертсон находились на флангах. Англичане к этому времени не имели определенного строя, а двигались единой неорганизованной толпой общим направлением на северо-восток. Едва противники сошлись на дистанцию открытия огня, как загрохотали тяжелые 36-фунтовые пушки, то англичане приветствовали своего противника. Сражение началось.

Голландские капитаны, исполняя волю своего командующего, на английский огонь безмолвствовали. Первый их залп раздался не раньше, чем голландский флот вышел на расстояние мушкетного выстрела, а потому эффект его был потрясающ. Ни одно ядро, ни одна бомба не пропали даром, найдя себе щедрую поживу. Но более всего был великолепен маневр самого «дедушки Тромпа». Не доходя флагманского корабля Блэйка «Трниумф», он разрядил по нему орудия левого борта, затем, быстро положив руль, повернул параллельным курсом и теперь уже разрядил почти в упор орудия борта правого. Тем временем левый борт был снова готов к новому залпу, что Тромп не замедлили и сделать, обогнув с необычайной ловкостью беспомощный и несчастный «Триумф». Опустошение произведенное огнем Тромпа было столь велико, что Блэйк был вынужден на некоторое время бросить свой флот, чтобы хоть немного поправить положение дел на своем собственном корабле.

В течение сражения Тромп несколько раз смело прорезал английский флот и тем самым разделил его на несколько обособленных отрядов, разделенных друг от друга более чем на милю. Так англичане и сражались.

Тем временем, возглавлявший авангард Рюйтер, отважно забрался в самую середину английских порядков и бился там сразу против всех. Англичане, сосредоточив свой огонь по рангоуту «Нептуна» и перебив ему почти все снасти, вскоре лишили его маневра. Последними усилиями вице-адмирал все же приткнул корабль к ближайшему английскому. Немедленно начался ожесточенный рукопашный бой. Однако, кинувшиеся

было на английскую палубу матросы получили там столь сильный отпор, что попятились. Мгновенно оценив обстановку, Рюйтер выхватил шпагу:

– Кому жизнь не дорога за мной на абордаж!

И первым бросился на врага, увлекая за собой остальных. Кровавая резня длилась каких-то десять минут, после чего корабль был в руках голландцев.

– Поднять флаг республики! – распорядился вице-адмирал, вытирая кровь с лезвия шпаги о собственные штаны. – Кажется, наша берет!

Но пока Рюйтер захватывал одного англичанина, его, дерзкого, окружили сразу еще двадцать во главе со страждущим возмездия контр-адмиралом Пеном.

– Кажется, мы слишком разозлили этого господина! – показал Рюйтер на развевающийся контр-адмиральский флаг.

Из тяжелого положения Рюйтера выручил его старый друг Эвертсон, вовремя пришедший с несколькими кораблями на помощь. Огонь его был столь внезапен и действенен, что адмирал Пен бросил поле брани и едва дотащился до Портсмута со своими шестью вконец разбитыми кораблями.

Взаимная пальба продолжалась до самой ночи. Особого строя никто не держал, Все скопление палящих друг в друга кораблей напоминало одну гигантскую кучу малу. Темнота дала недолгую передышку.

Из хроники войны: «Итак, Тромп с 80 кораблями и приблизительно 200 купеческими судами, входящими при свежем северо-западном бризе в Канал, видит 28 февраля впереди себя под ветром между мысом Ла Хог и Портландом в 250 милях от отечественных портов большой неприятельский флот, приблизительно 70 судов, идущий в полветра на юго-запад. Что теперь делать? Тромп немедленно нападет, так как ему положение неприятеля, находящегося в сравнительном беспорядке кажется благоприятным. Купцам он приказывает лечь в дрейф, благодаря чему они остаются на ветре, а сам, ведя вместе с Флорисцоном авангард – всегда вождь впереди, – спускается на фордевинд на неприятеля. Эвертсен идет в середине, Рюйтер в арьергарде. „Триумф“ с Эвертсеном на борту направляется на английский флагманский корабль; оба флота не имеют определенного боевого строя. Вскоре образовалась общая свалка – бой велся ожесточенно. Тромп сильно наседал на флагманский корабль Блэка; последний был ранен в ногу, сто сделало его на всю жизнь хромым, но командования не передал. Многие суда сцепились на абордаж. Голландские командиры почти все держались хорошо, также как и английские. Суда,

бывшие под ветром стали мало-помалу подходить. К полудню подоспел Монк и принял участие в бою, который продолжался с неослабевающей энергией до 4 часов пополудни, не дав никакого результата.

Джордж Монк, 1-й герцог Альбемарль – английский адмирал архитектор Реставрации королевской власти в Англии в 1660 г.

Все же Блэк с дюжиной своих судов был в опасности быть отрезанным от своего флота Тромпом, Рюйтером и Эвертсеном. Но тут ему помог Пенн, действовавший весьма ловко и самостоятельно, а также адмирал Лоусон; искусно маневрируя, они оба напали на Тромпа с юга. В это время (4 часа дня) Блэк

приказал нескольким (7–8) быстроходным фрегатам подняться на ветер и напасть на голландских купцов. Как только Тромп заметил этот маневр, он прекратил бой и сам пошел на защиту конвоируемых им судов. Блэк за ним не последовал; тем и кончился бой первого дня. Повреждения англичан были очень тяжки, некоторые из их командиров ранены. Обе стороны лишились нескольких судов, потери в людях как у тех, так и у других были значительны. Но повреждения голландцев оказались в общем сильнее – тяжелая английская артиллерия дала себя больше чувствовать, ведя огонь по более слабым голландским корпусам. К ночи стихло, и оба флота остались недалеко друг от друга: суда спешили исправить свои повреждения. Блэк имел твердое намерение возобновить бой на следующее утро. Тромп собрал военный совет, чтобы решить, как поступать дальше. Он оказался перед более сильным противником, а ведь он должен был, главным образом, еще и защищать вверенный ему коммерческий флот. Следовало ли продолжать бой, или начать отступление, продолжая путь и прикрывая купцов? Оставить купцов без прикрытия было невозможно: неизвестно, что их ожидало у Дувра. Выделить отдельный конвой для сопровождения коммерческих судов, а самому продолжить сражаться с главными силами, чтобы дать купцам возможность уйти вперед, голландский флот не мог – он был слишком слаб. Боевых припасов уже начинало не хватать. Положение голландцев было очень тяжелое. Еще можно было укрыться в нейтральном порту, например, в Гавре. Тромп решил начать отступление; прикрывая купцов».

В течение ночи противники медленно продвигались вверх по Каналу. Голландцы упорно уводили огромный конвой от врага. С рассветом Тромп, Рюйтер и Эвертсон, выиграв ветер, построились в строй тупого угла, поместив в центре торговые суда. Этим они прикрыли конвой от нападения англичан. Несколько попыток тех приблизится к конвою, были отбиты со всей решимостью.

Едва солнце взошло окончательно, сражение, однако, продолжилось с новой силой. Противники на этот раз находились уже в нескольких милях от острова Уайт. Во время этой схватки никто так и не получил какого-то перевеса. Англичанам, правда, в неразберихе драки удалось захватить несколько отставших торговых судов. Но успехом это назвать было уж никак нельзя. Голландские адмиралы по-прежнему упорно сохраняли свой тупой угол и отбивали все наскоки противника. И снова только ночь прекратила взаимное истребление.

Из хроники войны: «Он (Тромп – В.Ш.) образовал своим флотом тупой угол, вершиной к неприятелю и поставил купцов в

середине; в таком порядке 1 марта утром, при легком WNW, голландцы продолжали плавание по Каналу. Англичане заметили это поздно и бросились в погоню под всеми парусами; в 10.30 часов утра головные корабли настигли неприятеля и возобновили бой, главные силы подошли к 2 часам (на SO от Уайта). Блэк построил свои суда в том же порядке, как и голландцы, с фрегатами на флангах, которые окружили купцов. Стремление англичане завладеть призами заставило их, вопреки своей обычной тактике, стрелять по рангоуту противника, чтобы мешать ему свободно передвигаться и уменьшить его ход. Поврежденный флагманский корабль Рюйтера вскоре был взят на буксир. Шесть раз в течение дня англичане пробовали с большими усилиями прорвать линию неприятеля, чтобы добраться до коммерческих судов, но тщетно; лишь два голландских корабля, отставшие из-за повреждений, попали в руки англичан; таким же образом и несколько купеческих кораблей, не удержавших своего места, сделались добычей фрегатов. Лишь с наступлением темноты бой кончился. Однако же Лоусону посчастливилось на правом фланге отрезать и захватить два военных корабля и около дюжины купеческих. В это время ветер усилился (W), ночь была ясная и холодная. Англичане следовали по пятам голландцев. Тромп стал получать извещения, что боевые припасы приходят к концу: голландцы… сражались уже два дня, а боевые запасы не были пополнены. Тромп всем им по возможности помогал, но у него самого оставалось мало снарядов: положение напоминало Армаду. 2 марта утром голландцы находились у Бичи-Хеда, они продолжали плавание в томже порядке, но некоторые купеческие суда пустились в бегство, чтобы искать спасения у французского берега».

На третий день все продолжилось. Англичане нападали, голландцы успешно отбивались и уводили свой торговый конвой. Однако Тромп нервничал: его корабли достреливали последний порох. Один из историков заметил об этом непрекращающемся побоище следующее: «Все офицеры и даже солдаты одушевились ненавистью своей нации против другой. Все составлявшие оба ополчения, походили на львов, которых кровопролитие возбуждало к убийству». Казалось, что побоищу не будет конца. Горящие и разбитые корабли противников ковыляли в свои порты, остававшиеся в строю, продолжали сражаться.

На исходе третьего дня Блэйк, получивший ранение в бедро осколком ядра и видя, что Тромп, как ни в чем не бывало, готовиться к продолжению боя на четвертый день, понял, что драться снова для него равносильно самоубийству. У английского

командующего сдали нервы, и он взял курс к берегам Англии. Голландцы уходящих преследовать даже не пытались, для этого у них просто не было сил!

Из хроники войны: «В 9 часов утра Блэк возобновил нападение, как и в предыдущий день, с большой энергией. Многие голландские корабли быстро расстреляли остаток своих боевых запасов; некоторые из них ушли под всеми парусами, чтобы не служить неприятелю мишенью. Тромп располагал для боя всего лишь 30 судами. Несмотря на свою слабость, он отразил нападение, предпринятое после продолжительного промежутка Блэком всеми силами. Сведения о сражении с этого момента значительно расходятся. Тромп прекратил бой, когда и у судов, оставшихся боеспособными, почти не осталось боевых припасов; у Эвертсена они совсем иссякли. Корабли Рюйтера и Флорисцона были настолько повреждены, что их пришлось вести на буксире. При таких обстоятельствах Тромп не мог помешать дюжине фрегатов, посланных Блэком, забрать несколько коммерческих судов, слишком отдалившихся от флота. К вечеру оба флот находились вблизи мыса Гринэ. В течение ночи Тромп продолжал путь при жестоком NW и вскоре потерял из виду английские огни. Блэк, видимо, стал на якорь недалеко от Гринэ, так как счел слишком опасным огибать ночью мыс из-за сильного отливного течения и ветра, который медленно стал переходить к востоку. Лоцманы убеждали Блэка, что и Тромпу при стихающем ветре не обогнуть мыса. Операция была окончена; вероятно, англичане тоже расстреляли свои боевые запасы. Такелаж их судов настолько пострадал, что Блэк счел дальнейшее преследование неразумным. Он пошел обратно и 4 марта, находясь вблизи Уайта, мог донести о своей победе. Тромп со своими поврежденными судами, вследствие неблагоприятного ветра достиг родины только 6 марта; при энергичном преследовании, вероятно, ни одно из его судов не могло бы спастись».

Командующие подсчитывали свои потери. Тромп потерял за три дня девять кораблей, из которых пять были потоплены, а четыре захвачены англичанами на абордаж. Кроме этого англичанам удалось захватить и три десятка купеческихудов. Число погибших составило шесть сотен человек, среди них восемь корабельных капитанов. Вот описание плененных голландских кораблей из английских газет тех дней: «Все корабли, которых захвачено множество (на самом деле всего четыре – В.Ш.), залиты кровью, их мачты и такелаж забрызганы мозгами, повсюду валяются расколотые черепа, части человеческих тел. Зрелище ужасное, хотя оно и подтверждает славу и отменные боевые качества моряков вражеского флота».

Англичане потеряли при этом шесть кораблей и более чем две тысячи человек. Флот их был избит до последней крайности. Только на флагманском «Триумфе» погибло сто человек из бывших там трехсот пятидесяти. Так что Блэйк поступил совершенно разумно, не став продолжать бой, который на четвертый день непременно закончился бы для него настоящим разгромом. Впрочем, на этот раз англичан спасла гуманность Тромпа и его младшего флагмана Рюйтера. Спустив топсели, на своих кораблях, они недвусмысленно дали понять, что если англичане начнут отход, то никто их не будет преследовать. Естественно, что Блэйк не замедлил воспользоваться таким великодушным жестом со стороны своего противника.

Сам Блэйк столь галантен не был. Когда лоцмана сказали ему, что голландцы, по слабому знанию французского берега, на этот раз, кажется, попали в ловушку, и скоро все будут прочно сидеть на каменных отмелях, он радовался, как ребенок, предвкушая массовое крушение врага.

Дело в том, что в пылу боя корабли Тромпа оказались к юго-западу от мыса Гри-Не, и англичанам думалось, что по причине крепкого норд-веста им ни за что не пройти Дуврский пролив, а ветер, в конце концов, разобьет их о ближайшие скалы. Но они жестоко просчитались. Под покровом ночи, Тромп вывел свой флот из западни и привел домой, хотя при этом пришлось заменить все порванные паруса на штормовые. Передовым, показывая путь остальным, вырвался из Дуврского пролива Рюйтер.

3 марта коммерческий конвой вошел в Дюнкирхен, следом за ним показались и закопченные, но не побежденные корабли военного флота. Голландия встречала своих моряков восторженными криками и рукоплесканиями. Отныне Тромп стал уже не просто главнокомандующим, он стал национальным героем. Не был обойден вниманием и Рюйтер, которому депутаты Штатов изъявили свое благоволение за мужество и искусство в трехдневном бою. Но почивать на лаврах было некогда. В портах и гаванях стучали молотки и визжали пилы. Голландцы спешно приводили в порядок свой истрепанный флот, чтобы он как можно скорее был готов к новым боям.

В Англии итоги сражения между Блэйком и Тромпом восторгов не вызвали. Несмотря на трофеи и бодрый доклад адмирала, было слишком очевидно, что флот свою главную задачу так и не выполнил. Голландцы не только отбили нападение Блэйка, но и беспрепятственно привели домой океанский конвой. А это было для них дороже самой большой победы. Несмотря на разгар войны, Соединенные провинции, по-

прежнему, торговали, а значит и богатели!

После тяжелейших людских потерь, теперь и у голландцев и у англичан катастрофически не хватало матросов. Первым из-за этого пришлось прекратить плавания в Гренландию и повысить денежное довольствие команд, в Англии стали переводить во флот солдат. Что касается постройки новых судов, то в Англии имелся еще достаточно сильный резерв в судовом составе, тогда как постройка и починка судов в Голландии шла очень медленно, на что адмиралы неоднократно жаловались.

Вооружению обеих стран несколько мешали и начавшиеся, было, мирные переговоры. Они имели цель успокоить общественное мнение, так как народные массы обеих стран не желали продолжения войны, не понимая, почему протестанты избивают друг друга на потеху католикам. войны. В Англии, кроме того, сильно повлиял на приготовления роспуск «долгого парламента» (в апреле) и захват Кромвелем единодержавия. Помимо всего Англии будоражили и многочисленные мятежей из-за задержки жалованья. Мятежников беспощадно вешали. В ответ на это английские матросы начали массово перебегать в голландский флот.

Уже в начале мая 1655 года Тромп с Рюйтером вновь выходят в море, чтобы отконвоировать на этот раз уже две сотни транспортов, идущих с грузом во Францию и Испанию мимо английских берегов с севера. На обратном пути им предстояло привести не менее многочисленный обратный конвой.

К этому времени привел себя в порядок и английский флот. Вместо неудачника Блэйка во главе его был поставлен адмирал Монк, поднявший свой флаг на корабле «Резолюшн». Лазутчики у англичан работали неплохо, и скоро Монк уже знал не только время выхода Тромпа в море, но цель его плавания и даже маршрут. Естественно, что вновь назначенный адмирал должен был сразу же показать себя в драке с голландцами. Но Тромп был тоже не лыком шит. В самый последний момент он изменил маршрут своего плавания, оставив стороживших его англичан с носом. Караван ушел в Южную Европу без всяких осложнений. Не менее успешной была проводка и обратного конвоя. Тромп вновь оказался на высоте и, не потеряв ни единого вымпела, привел всех в свои порты.

Глава шестая
Ньюпортская дуэль

Время, однако, не ждало. Голландские адмиралы горели желанием окончательно и бесповоротно переломить ход битвы за море в свою сторону. Для этого им надо было торопиться. От рыбаков пришло известие, что в плохо защищенном Доунсе сейчас отстаивается эскадра вице-адмирала Бодлея. Тромп совещался с Рюйтером и Эвертсоном напасть или нет? Взвесив все за и против, решили нападать, несмотря на то, что собственные изрядно потрепанные боями и морем силы удалось пополнить всего лишь семнадцатью наскоро переделанными из купцов кораблями. Рюйтер, правда, высказал мнение, что от использования таких сомнительных боевых единиц лучше раз и навсегда отказаться, ибо толк от них в бою будет не много, но Тромп с Эвертсоном его не поддержали:

– Сейчас не время ставить условия Штатам! Надо воевать на том, что есть, а разберемся после! Сейчас некуда важнее преподать англичанам хороший урок!

Поэтому едва на их корабли погрузили бочки с водой, а на палубы забросили мешки с сухарями, голландский флот вновь поспешил в море. Однако теперь Тромп не прятался от противника, а наоборот, сам желал и искал встречи с ним. В составе пяти эскадр голландцы мчались к английским берегам. Хлесткий ветер пучил паруса, корабли отчаянно кренило в пенных разводьях волн. Над головами моряков во всю ширь неба хлестало многометровые вымпела. Чтобы поймать Бодлея, Тромп широко раскинул свои сети. Часть флота под началом «драчуна» де Витта, заходила к Доунсу с севера, сам Тромп с остальной частью сил, спешил туда с юга. Однако, как оказалось, и англичане не дремали. Бодлей, получив известия о намерениях голландцев, немедленно перебежал к Темзе, а Монк, находившийся с главными силами в Ярмуте, сразу же вышел в море навстречу противнику. Таким образом, английский флот оказался между разделенными доброй сотней миль голландцами. Если бы Монк только знал об этом, то, несомненно, мог бы попытать счастья, напав на неприятеля до его объединения. Но английский командующий, зная о самом факте выхода голландцев, не имел ясного представления, где они находятся.

В свою очередь Тромп с Рюйтером, не найдя, к своему несказанному огорчению, англичан в Доунсоне, узнали, что Бодлей скорее всего может находиться подле Вли и поспешили на

север. А затем адмиралам все же повезло. Неподалеку от острова Вальхерна они остановили рыбачью лайбу, с которой за горсть золотых монет с радостью сообщили, что не далее как утром видели английский флот в десятке миль на вест-норд-вест.

– Теперь-то уж точно не уйдут! – обрадовался Тромп. – Ложимся на вест, чтобы отрезать нашим друзьям путь бегства к Темзе!

Из хроники войны: «В начале лета Тромп снова вышел с флотом в море и провел 200 коммерческих судов в Категат; затем он вернулся в Гоовды, обстрелял в отсутствие английского флота Дувр, и на этот раз вошел в Доунс, где 4 июня нашел лишь маленький отряд Бадли (вернувшийся со Средиземного моря) и несколько коммерческих судов, которые были им захвачены. 5 июня он встретил у Нью-Порта подошедший тем временем английский флот под начальством Монка и Дина. Англичане тревожили все неприятельское побережье и сильно мешали торговле и рыболовству. Блэк еще в начале апреля был послан к шотландскому побережью с эскадрой в 20 судов – неизвестно, с какой целью: вероятнее всего, его желали иметь вдали и не при главных силах флота, так как в то время (2 мая 1653 г.) Кромвель насильственно распустил Государственный Совет и Парламент и сделался единственным самодержавным правителем. Блэк был единственным человеком и вождем, пользовавшимся таким большим уважением и обладавшим столь выдающимися способностями и твердым характером, что мог ему быть опасным. Характерны слова Блэка, обращенные к командирам, когда стало известно о государственном перевороте: „Не наше дело заботиться о государственных делах, мы должны лишь не позволять иностранцам сесть нам на шею“.»

12 июня на высоте Ньюпорта неподалеку от банки Габард, что в Северном море, на голландских кораблях раздалось долгожданное:

– Виден неприятельский флот! Зюйд-зюйд-ост!

– Отлично! – обрадовался, покручивая свои длинные усы Тромп. – Мы направляемся на него! Считайте паруса!

Силы англичан оказались на этот раз в сто кораблей. Голландцы могли противопоставить им девяносто восемь вымпелов, которые, однако, были значительно слабее вооружены против неприятельских.

Предусмотрительный Монк, завидев противника, развернулся фронтом, разделившись на три эскадры. Одна из них составила центр, другие же представляли собой как бы огромные распущенные крылья. Англичане выстраивали кильватерную колонну, но это им не особенно удалось из-за слабого и

переменчивого ветра. Маневр англичан читался легко: Монк желал охватить голландцев со всех сторон, а окружив и сбив в кучу, расстрелять продольными залпами. Но голландцы были слишком опытны, чтобы поддаться на такую простую уловку. Тромп немедленно принял контрмеры и так же построил свою кильватерную колонну.

Было одиннадцать утра, когда начался этот бой. Тромп и Рюйтер, по своему обыкновению, быстро выиграли у своего противника ветер. И вскоре, шедший впереди Рюйтер уже вовсю дрался, имея против себя отряд контр-адмирала Лаусона. Дебют партии, казалось, был разыгран блестяще, когда выявилось слишком плохое качество и слабость, наспех оборудованных, голландских кораблей. Несмотря на все умение и отвагу команд, они не выдерживали единоборства с куда более сильными и крепкими английскими парусниками, неся неоправданно огромные потери. Вскоре положение Рюйтера стало явно опасным, и Тромп поспешил на помощь своему младшему флагману. Стихший ветер вскоре сильно перемешал, образованные было в начале сражения, кильватерные колонны и бой продолжился уже по старинке в привычной всем куче мале. Вот скупые строки голландского историка: «Битва была ужасная. Рюйтер напал на эскадру контр-адмирала Лаувсона, выиграл у него ветер, разбил часть его эскадры. Оба флота покрылись столь густым дымом, что не распознавали друг друга, и когда дым рассеялся, то битва началась с прежним ожесточением и не прежде девяти часов вечера прекратилась…»

Из хроники войны: «Получив известие о появлении Тромпа у Дувра, он быстро вернулся, чтобы принять участие в предстоящем сражении, которое должно было стать решающим. В первый раз за эту войну встретились неприятельские флоты в своем полном составе. Английский флот, который был встречен Тромпом 13 июня к NO от устья Темзы у мели Оутер Габбард, состоял, по английским данным, из 115 судов (из них 5 брандеров и 30 вооруженных коммерческих судов) с 3840 орудиями и 16300 команды. Под начальством Монка и Дина, находившихся вместе на „Резолюшен“, командовали флотом Пенн и Лоусон. Флот Тромпа насчитывал 104 судна (из них 6 брандеров); он был разделен на 5 эскадр, которыми, кроме самого Тромпа, командовали де-Витт, Рюйтер, Эвертсен и Флорисцон. Как видно, значительное преимущество, благодаря величине и вооружению судов, было на стороне англичан. Ветер, очень слабый, перешел к NO, англичане были на ветре. Английский флот в начале сражения действовал совершенно иначе, чем раньше. Из-за слабого ветра и малой скорости англичане не ворвались в ряды

противника, а оставались в строю и провели, пользуясь своим значительно более сильным вооружением, артиллерийский бой на дальней дистанции, чтобы по возможности с самого начала надломить силу противника. Несмотря на то, что Тромп вначале немного спустился, англичане все-таки постепенно сближались. Лоусон первый сблизился с неприятелем и в полдень начал бой с эскадрой Рюйтера, после чего подошли Тромп и другие; около часа дня бой сделался общим. По голландским источникам, англичане шли полумесяцем; видимо, о настоящем, сомкнутом боевом строе не было и речи. Тромп вскоре заметил, что неприятель начал теснить его авангард; прекратив, поэтому бой с главными силами, он пошел выручать Рюйтера и Флорисцона. Но маневр этот не удался полностью, так как ветер совсем стих. Все эскадры оказались разделенными.

В 2 часа ветер снова задул почти прямо от Ost, то есть прямо с носа. Тотчас же Тромп своим опытным глазом оценил все выгоды создающегося положения и решил его немедленно использовать; он приказал судам центра при помощи шлюпок повернуть на другой галс, чему последовал и авангард. Этим Тромп добился того, что эскадра Лоусона попала под перекрестный огонь и была отрезана от своих главных сил. Эскадры Монка и Пенна попробовали помочь беде, повернув немедленно вправо, и успели подойти вовремя, чтобы спасти Лоусона от уничтожения. Но прежде, чем началась общая свалка (де-Витт тоже пошел неприятелю навстречу), Лоусону очень досталось от сосредоточенных сил голландцев. Пороховой дым не давал возможности составить ясную картину сражения и всех многочисленных одиночных боев; главным силам англичан все же удалось после нескольких часов вылавировать на ветер из всеобщей сутолоки и дыма. После упорного боя между отдельными группами Тромп сам пробовал взять на абордаж флагманский корабль Монка, но голландцы в 5 часов дня должны были уступить поле сражения, преследуемые в течение нескольких часов англичанами. Вечером оба флота стали на якорь близ Дюнкирка, англичане мористее».

Ночь, как обычно, прошла в исправлении понесенных за день повреждениях. Со стороны английского флота неслись радостные крики, то подошла к Монку эскадра адмирала Блэка в восемнадцать вымпелов.

Утром следующего дня оба флота находились на расстоянии одной мили друг против друга. Ободренные полученным превосходством, англичане действовали на сей раз решительно. Вскоре корабли вновь сошлись меж собой и дрались до наступления полной темноты. Голландские капитаны весьма

прескверно маневрировали на своих избитых и ни к чему не годных кораблях, постоянно сталкиваясь между собой и мешая друг другу вести огонь, кроме этого в самый решающий момент на голландских кораблях кончился порох, что и позволило англичанам захватить несколько из них.

В один из моментов сражения под шквал голландских ядер попал флагман Монка. Самому английскому командующему цепью книпеля сшибло плюмаж со шляпы, а стоявшего рядом с ним вице-адмирала Дэска убило наповал. Чтобы не вселять в души матросов неуверенность из-за убитого флагмана, Монк тут же снял свой плащ и прикрыл им убитого с головой. Позже в Англии много говорили, что смерть Дэска было заслуженной карой. Покойный вице-адмирал был одним из инициаторов суда и казни над королем Карлом. На этом, собственно говоря, сражение и закончилось. Тромп не стал продолжать дуэли с Монком, а развернув свой флот, повел его к родным берегам. Дело в том, что вдалеке показались еще два десятка кораблей ведомых оправившимся после ранения Блэйком. Сам Тромп был тяжело ранен куском щепы в лицо. Отход голландцев был не слишком успешным. Несколько кораблей при этом были захвачены и уничтожены англичанами. Голландский флот спасла лишь малая осадка кораблей и искусство его флагманов. Мастерски использовав прибрежное мелководье, Тромп и Рюйтер вытащили свой флот почти из безнадежной ситуации.

Из хроники войны: «Голландцы были повреждены несравненно более сильной английской артиллерией, боевые припасы и на этот раз стали иссякать, так что 16 июня утром военный совет решил сделать еще одно нападение и затем начать отступление в Вилингену. В то же время Блэк более чем с дюжиной судов присоединился ночью к англичанам, так что превосходство их сил стало подавляющим; но из-за полного штиля его не удалось использовать. Все-таки 16-го состоялось несколько упорных одиночных боев; главным образом, следует отметить ожесточенный поединок между флагманскими кораблями Тромпа и Пенна. Но Тромпу пришлось в 4 часа отступить перед превосходящими силами англичан. Несколько его судов обратились в бегство, началась паника, некоторые суда столкнулись, сцепились вместе и попали потом в руки неприятеля. Англичане одержали решительную победу, а голландцы лишь потому избегли еще больших потерь, что ушли за Фламандские отмели, куда неприятель из-за глубокой осадки не рискнул за ними последовать. Голландцы потеряли 20 судов, из них 11 были захвачены, и 1400 человек команды. Англичане понесли значительно меньшие потери, всего 120 человек убитыми

и 240 ранеными, ни один корабль не был захвачен».

Мнение историка: «Превосходство английского флота было, несомненно, благодаря большей величине его судов, их более прочной постройке, сильному вооружению и более многочисленной команде. Голландские адмиралы открыто признавали, что англичане имеют 50 более сильных судов, чем их самый сильный корабль. Так как офицеры и команды обеих сторон дрались одинаково храбро, и командование было одинаково хорошо, то материальная часть оказалась решающей. Единственным тактическим приемом, то есть стремлением использовать ветер, преимущество хода, выгоду наветренного или подветренного положения, искусство маневрирования и т. п., чтобы, сосредоточив в одном месте превосходящие силы, броситься на часть противника и разбить ее, прежде чем тот со всеми прочими силами успеет прийти на помощь – было лишь маневрирование Тромпа».

На подходе к Флессингену главнокомандующий собрал совещание флагманов и капитанов. Те съезжались хмурые и раздраженные. Съехавшись, молча расселись на стульях в каюте Тромпа. Тот был немногословен:

– Я отказываюсь больше выводить в море флот, состоящий из наскоро переделанных торговых судов!

Вторым слово взял Рюйтер:

– Нас посылают на убой против специально выстроенных военных кораблей на купцах! Мы снабжены кое-как, и имеем такие малочисленные команды, что едва можем управляться в море. Каждый раз мы идем на самоубийство и вынуждены своими жизнями расплачиваться за слабоумие их высокомочий! Я полностью поддерживаю адмирала Тромпа и готов следовать его примеру!

Тромпа с Рюйтером поддержали все остальные. Сообща было решено подписать совместное донесение Штатам с изложением своих претензий и принятых решений. Вот текст этого документа: «1. Корабли – орудия нашего флота по сравнению с неприятельскими слишком малы и нам необходимо нужны большие суда, лучше укомплектованные людьми.

2. Необходимо иметь, по меньшей мере, по два корабля нагруженных запасами пороха и снарядов.

3. Следует повысить жалование команде.

4. Иметь при флоте, смотря по числу судов эскадры, несколько флейтов, нагруженных водою, пивом и провиантом».

Под составленной бумагой флагмана поставили свои подписи.

Генеральные Штаты, получив столь грозное послание,

наконец-то, поняли, что надо срочно принимать меры по усилению собственного флота, ибо никакие даже самые искусные адмиралы не в силах превозмочь сильнейшего противника. Глава республики Йохан де Витт был вынужден во всеуслышание заявить:

– Наши адмиралы правы. Положение нашей страны в настоящий момент таково, что она напоминает отчаянное положение осажденной крепости непрерывно штурмуемой противником. Нам нужен новый флот, и он у нас будет!

Немедленно нашлось все: деньги и возможности, люди и материалы. Вскоре по всем портам Голландии уже вовсю кипела работа. Повсюду строили новый, на этот раз чисто военный флот. Рюйтер и другие адмиралы все время проводили на верфях, объясняя корабельным мастерам и внедряя новшества, чья необходимость была оказана кровью последних боев.

Генеральные Штаты продолжили мирные переговоры, но, в то же время, продолжали вооружаться. По энергичным представлениям адмиралов лихорадочно шла работа по приведению судов в боевое состояние; за военные успехи были установлены награды, за ранения – денежные вознаграждения.

Тем временем, Блэк воспользовался своим временным господством на море, держался со своими 120 судами у берегов Голландии, чтобы прервать все сообщения голландцев, особенно стараясь препятствовать соединению вооружавшихся в разных портах голландских эскадр. Но голландды не унывали. Они усердно готовились к новому генеральному сражению.

Глава седьмая
Северный прорыв

Пока голландские корабельные мастера строили новое и чинили старое, положение в стране резко ухудшилось. Господство на море перешло в руки англичанам. Торговля оказалась временно парализованной. Как ответ на это по провинциям сразу же прокатилась волна голодных бунтов. Однако работы, несмотря на это, шли на верфях столь интенсивно, что к августу 1653 года (это спустя всего каких-то два месяца!) Голландия была уже в состоянии выслать новый специально выстроенный для продолжения войны флот. Кроме вошедших в него новых боевых кораблей были значительно переоборудованы и старые.

Часть сил голландцев, по-прежнему, оставалась на севере в Текселе под началом вице-адмирала де Витта. Основной же флот спешно довооружался в портах Зеландии под присмотром Тромпа и Рюйтера.

Англичане, прекрасно извещенные обо всех делах своих противников, неустанно крейсировали в водах Текселя, по-прежнему, стремясь воспрепятствовать объединению голландских эскадр. Но потомки морских гезов были людьми не из робкого десятка! Невзирая на явно изначальное неравенство сил, Тромп все же вывел свои корабли из зеландских портов.

– Мы пробьемся на соединение с северной эскадрой де Витта, чего бы это нам не стоило! – объявил он. – А затем сообща вышвырнем англичан из наших вод навсегда!

– Отлично! – вторил ему Рюйтер. – Я хочу возглавить в таком случае авангард!

Мастерским маневром Тромп обманул англичан. Воспользовавшись хорошим северо-западным ветром, он вышел из Мааса и увлек за собой неприятельский флот на юго-восток, обеспечивая возможность де Витту беспрепятственно спуститься к Текселю. Когда же по времени стало ясно, что Витт уже в безопасности, голландский флот развернулся и сам устремился в сторону неприятеля. Англичане не заставили себя ждать и уже, спустя несколько часов, они были обнаружены.

Здесь сразу же сказалась поспешность постройки нового флота. Ряд голландских кораблей, составлявших арьергард, были слишком тяжелы на ходу и легкие английские фрегаты, без труда, окружив их, начали бой. Видя это, Тромп повернул на обратный курс. Бросать, оказавшихся в беде, было не в его привычке. Так началось знаменитое сражение при мысе Шевенинген.

Общая схватка началась в четыре часа пополудни. Пальба и взаимные атаки продолжались до часу за полночь. Только тогда командующие развели свои флоты в стороны. Бой не принес англичанам никакого успеха, хотя они и имели более чем значительное превосходство в силах. Голландцы дрались с большим энтузиазмом, а их флагмана явно превосходили своих британских оппонентов в искусстве управления эскадрами и в единоборстве на самых минимальных дистанциях. Рюйтер так охарактеризовал позднее свои впечатления от этого боя:

– Эта драка была такой же отчаянной, как поединок на копьях!

Для голландцев итоги боя же были весьма и весьма выгодны. Они не только уверовали в свои силы, но и обеспечили беспрепятственный выход Витта из Текселя. На другой день после сражения Витт уже привел к основному флоту свои двадцать семь кораблей и четыре брандера. Теперь уж и Тромп был не прочь проявить инициативу и напасть на англичан самому.

В семь часов утра 10 августа он начал сражение неподалеку от побережья Мааса. Сам Тромп вел правое крыло своего флота, Рюйтер левое, вице-адмирал Эвертсон возглавлял центр, а де Витт арьергард. Голландцы действовали в этот раз решительно, как никогда. Они в едином порыве прорвались сквозь английский строй, поражая противника шквалом ядер, затем, поворотив на другой галс, снова пошли в атаку. Тромп, шедший по своему обычаю, впереди всех, снова дошел уже до середины вражеского флота. На несколько минут он спустился к себе в каюту, чтобы написать записки младшим адмиралам. Когда же командующий вышел на палубу и направился к канонирам, чтобы приказать им перенести огонь по новому, открывшемуся по борту англичанину, прицельный ружейный выстрел с корабля противника поразил Тромпа в живот. Падая на палубу, он успел прошептать свои последние слова:

– Со мной уже свершилось, но вы мужайтесь!

Спустя минуту Мартин Тромп был уже мертв. Тело командующего накрыли простыней и снесли в его каюту. Капитан флагманского корабля немедленно созвал сигналом к себе на борт всех флагманов. Рюйтер прибыл первым. Войдя в каюту и увидев распростертое на полу тело своего начальника, он опустился на колени, поцеловал покойника и сказал слова ставшие впоследствии широко известными:

– Если бы Богу было угодно, то пусть бы он призвал меня вместо него! Тромп был полезнее для Республики, чем любой из нас!

– Господь сам знает, когда и кого призвать к себе! – положил

ему руку на плечо прибывший Витт. – Нам лишь остается делать свое дело и ждать своего жребия!

Посоветовавшись, флагманы решили до конца сражения скрыть факт смерти своего предводителя, дабы не радовать врагов и не смущать своих. Над кораблем Тромпа остался развеваться его флаг. В командование флотом, по общему согласию, вступил самый старший по возрасту вице-адмирал Эвертсон. После этого адмиралы разъехались по своим кораблям и сражение, несколько было поутихшее, возобновилось с новой силой.

Биограф Рюйтера пишет: «Мщение за смерть их генерала возбудило голландцев до такой степени, что они творили чудеса храбрости. Рюйтер, сидевший на „Аньи“ 44-пушечном, со ста пятьюдесятью человеками экипажа, бросался в самые опаснейшие места и производил столь смертоносный огонь, что неприятели расступаясь, дали ему путь. На одного его устремляли почти весь огонь. Вскоре он лишился большей части людей. Бизань и грот-мачты у него были сбиты и почти все снаряды расстреляны. Наконец, будучи не в состоянии больше сражаться, он отбуксировался к Маасу. Тем временем капитаны, бежавшие в прошлый раз, снова развернули форштевни своих кораблей и помчались на всех парусах домой, бросая остальных на произвол судьбы».

– Если бы этих трусов повесили в прошлый раз, то теперь бы все дрались до конца! – кричал Рюйтеру в рупор разъяренный де Витт.

Бегство капитанов обошлось голландцем не дешево. Англичане немедленно усилили натиск, сумев захватить и сжечь более десятка кораблей. Самым же обидным было то, что они отбили захваченные в прошлом бою «Гарленд» и «Бонавентур».

Из хроники войны: «Тромп хотел воспользоваться отсутствием английского флота – как только оно стало ему известно – чтобы соединиться с де-Виттом, стоявшим с 30 судами у Гельдера. Что-нибудь необходимо было предпринять, так как вся морская торговля Голландии сильно пострадала; постоянные нападения на побережье волновали страну, приходилось повсеместно держать в готовности войска на случай попыток высадки. 6 августа Тромп с 82 судами и 5 брандерами вышел из Шельды и направился вдоль берега к северо-западу, в Тексель. Однако же прежде, чем Тромп успел до него дойти, он 8 августа утром увидел у себя на ветре, при WNW, в 20 милях южнее Текселя, английский флот. Так как Тромп не мог с ним равняться силами, он повернул и пошел к югу, преследуемый Монком, пославшим в погоню свои быстроходные фрегаты. Им удалось в 5

часов настичь одно из наиболее тихоходных голландских судов. Чтобы спасти этот корабль Тромп убавил паруса и построил свой флот, как 1 марта, полумесяцем, выпуклой стороной к неприятелю. С подоспевшим с 30 судами Монком, против желания Тромпа, в 7 часов вечера завязался ожесточенный бой. Попытки англичан прорваться не удались; голландцы не потеряли ни одного корабля; флагманские корабли Рюйтера и Эвертсена оказались сильно поврежденными. Бой прекратился лишь с наступлением темноты.

Де-Витт, услышавший в Текселе стрельбу, решил немедленно выйти в море. Ночь была темная, шел дождь, свежий W дул прямо на Тексель; бочки, обозначавшие фарватер, были из-за близости неприятеля сняты. Несмотря на отказ лоцманов, де-Витт настоял на выходе в море. Суда спешно готовились к съемке с якоря, фарватер обозначили шлюпками с факелами; ночью де-Витт с 24 кораблями начал вылавировывать в море. Тем временем ветер WNW усилился, погода была так туманна и дождлива, что не было опасности быть замеченным. Витт взял курс по предполагаемому направлению Тромпа, и ему удалось 9 августа, в 5 часов, в виду английского флота с ним соединиться. В этот день дело не дошло до боя, сильный NW был обоим флотам, ввиду близости подветренного берега, слишком опасен. Ночью погода исправилась, и 10 августа рано утром при слабом SW оба флота сблизились. Бой начался в 6:30 утра у голландского берега перед Тер-Гейденом, между устьем реки Маас и Гаагой.

Оба флота шли, по-видимому, в кильватерных колоннах. Сведения об этом интересном, проведенном в сравнительно боевом порядке сражении также недостаточны и часто противоречивы. Однако вскоре, по крайней мере, частично, строй нарушился, и началась всеобщая свалка. Как и прежде, нападение велось, главным образом, на флагманские корабли. Один английский корабль в самом начале боя, сцепился на абордаж с шедшим головным флагманским кораблем Тромпа; адмирал, руководивший с полуюта сражением и успевший выиграть наветренное положение, был смертельно ранен мушкетной пулей с неприятельского марса; он пал, как Нельсон, – но не победителем. Флаг-капитан не спустил флага Тромпа, чтобы скрыть от флота смерть вождя.

По голландским данным, флоты трижды проходили контр-галсами; по многим другим источникам, суда несколько раз прорывали неприятельский строй, как во времена гребного флота. До часа дня бой велся с величайшим ожесточением; голландские брандеры, пользуясь своим наветренным положением, имели неоднократно случай действовать успешно;

два английских адмирала погибли на своих судах, охваченных пожаром. Оба противника терпели значительный урон; три английских корабля, столкнувшихся вместе, были уничтожены одним брандером, другие потоплены артиллерийским огнем, один фрегат взорвался, многие корабли получили значительные повреждения. Но все-таки большие потери оказались на стороне голландцев: несколько кораблей были потоплены, другие сожжены, корабли Рюйтера и Эвертсена выведены из строя – их пришлось буксировать в Гере, к устьям реки Маас. Вдруг в самый жаркий момент боя 24 голландских корабля оставили поле сражения и под всеми парусами, обстреливаемые огнем своих же судов, ушли восвояси. Это привело голландцев в замешательство и окончательно лишило их бодрости. После того, как англичане завладели наветренным положением, де-Витту около 8 часов вечера пришлось начать отступление к удаленному на 65 миль Текселю, так как путь на Гере и Маас уже был отрезан. Он сам и Флорисцон, единственные оставшиеся адмиралы, пошли с дюжиной годных к бою судов в арьергарде и успешно отражали дальнейшие нападения неприятеля. Преследование, при ярком лунном свете, велось недолго, всего до полуночи – англичане тоже сильно пострадали. Де-Витт с остатками флота через 24 часа добрался до Текселя, преследуемый по пятам лишь единичными английскими разведчиками. Монк вернулся в Ярмут».

В четыре часа после полудня оба флота, утомленные и разбитые, разошлись. Голландцы вошли в Тексель. Англичане в этом сражении лишились восьми кораблей, из которых два были потоплены, один взорван, а пять сожжены. Число умерших составляло четыреста человек, между которыми было восемь капитанов, раненных считалось за семь сотен, и почти все корабли не в состоянии были служить. Голландцы потеряли около десяти кораблей, тысяча двести человек убитых и раненных и семьсот человек пленными. Итоги Тексельского (или Шевенигенского) боя англичане до сегодняшнего дня считают своей несомненной победой, голландцы, в свою очередь, своего поражения не признали. Думается, истина кроется где-то посередине. Самой большой утратой для голландцев стала, конечно же, гибель их многоопытного командующего.

Смерть лейтенанта-адмирала Тромпа произвела уныние во всей Голландии. Тело его привезено в Дельфт, где Генеральные Штаты приказали воздвигнуть ему памятник.

Рюйтер, тем временем, кое-как отбуксировал свою вконец избитую «Анью» к Маасу. Едва же он съехал на берег, чтобы дать распоряжения относительно починки корабля, как немедленно был разыскан посланцами Эвертца.

– Их высокочестие, вице-адмирал предлагает вам, не теряя времени, отправиться к флоту и идти с ним к берегам Норвегии, где скопилось большое количество купеческих судов, которые надо срочно отконвоировать домой! – объявили ему приказ нового командующего посланцы.

– Надо, значит надо! – вздохнул Рюйтер. – Я выхожу в море немедленно, вот только напишу письмо домашним, что жив и здоров!

Вечером того же дня Рюйтер на яхте уже вовсю спешил к державшемуся в море флоту, чтобы вступить в его команду. Едва же он прибыл к флоту, как его ждало новое неожиданное известие. Генеральные Штаты, признавая заслуги Рюйтера, пожаловали его вице-адмиралом Голландии, назначив при этом состоять под самой могущественной Амстердамской коллегией, подчеркивая тем самым приоритет Рюйтера перед всеми прочими вице-адмиралами. Однако Рюйтера, к всеобщему удивлению, эта новость никак не обрадовала. Скорее наоборот, Рюйтер был раздосадован ей до такой степени, что во всеуслышание заявил, что не желает принимать на себя это высокое звание:

– Я уже и так достиг гораздо большего, о чем может мечтать такой простолюдин как я и меня мое положение более чем устраивает. К чему плодить новых завистников, когда у меня и так полным-полно старых! Я неплохо вожу корабли и прилично воюю, я люблю свою Родину и свой дом, неужели все это нуждается в каких-то особых наградах? Мне всегда было проще общаться с матросами, чем с дворянами, а потому новое звание мне счастья и радости не прибавит, и я от него отказываюсь! К тому же я опять хочу оставить морскую службу и заняться домашними делами.

Такой демарш вызвал удивление у всех знавших Рюйтера.

– Наш Михаэл не боится штормового океана, но опасается скользких паркетов, он не боится ядра летящего в грудь, но опасается сплетни в спину! – говорили друзья.

– Рюйтер сам наконец-то, понял, что наступил предел его возможностям! – злословили недруги.

Но надо было вновь идти в море, и Рюйтер пошел. Этот поход Рюйтера был на редкость удачным и бескровным. Не встретив в море англичан, он успешно привел конвой из Северного моря. По приходе в Голландию, Рюйтер опять поднял вопрос об уходе со службы. Снова поднялся шум, гам, понаехали столичные чиновники и все скопом уговорили его не только остаться на службе, но и принять присвоенное ему звание. Кроме этого Штаты предоставили новому вице-адмиралу дом в Амстердаме, куда он вскорости и переехал со всем своим семейством. Пока

Рюйтер отсутствовал состоялся суд над бежавшими с поя боя капитанами. На этот раз правда была уже на стороне яростно обличавшего трусов де Витта. Все тринадцать бежавших были сняты с должностей и сурово наказаны килеванием с петлей на шее.

По мнению историков этого сражения были таковы: «Обоюдные потери не могут быть точно установлены. Голландцы считают, что они потеряли 12–13 судов, англичане называют число вдвое большее; потери в людях были очень значительны, так как Монк приказал не давать пощады. Например, на кораблях Рюйтера из 150 человек команды было 43 убитых и 53 раненых. Всего у голландцев было около 5000 убитых, 700 раненых и 700 пленных; английские источники дают цифры вдвое большие. Ни одно из голландских судов не было захвачено. Английские потери оказались вдвое меньше голландских. Монк запретил брать призы, чтобы не отвлекать во время боя свои силы для их защиты. Главное же – голландский флот был разбит полностью, разделен, деморализован, притом, что и английский флот понес такие потери, что не мог возобновить блокады голландского побережья. Над бежавшими командирами немедленно был учинен суд, но никого из них не приговорили к смерти, нескольких разжаловали, большинство оправдали. Смерть Тромпа была, несомненно, самой тяжкой потерей для родины. Он был героем войны, которому, однако же, его военные способности не всегда могли доставить победу, так как никуда не годное управление флотом не обеспечивало необходимого личного состава и снабжения; к тому же политические обстоятельства заставляли подчиненных нередко покидать его в нужную минуту. Если бы Тромпу дали большие военные и политические полномочия, результаты войны, вероятно, были бы несравненно лучше для Нидерландов. Бой у Шевингена (Тер-Гейден) 10 августа был последним сражением этой войны (следовательно, произошли 7 сражений в 12 месяцев).

Бой у Шевингена (Тер-Гейден)

Начались мирные переговоры. Голландия почти утратила свою морскую торговлю, была так разорена, что не могла продолжать войну. Англичане, по их сведениям, взяли у голландцев 1700 судов (по голландским сведениям – более 1100 судов). Торговля замерла, рыбный промысел пришел в упадок, города опустели, в Амстердаме 3000 домов стояли пустыми. Англия потеряла вчетверо меньше торговых судов, отчасти из-за менее развитого судоходства, отчасти же из-за своего выгодного географического положения. Англия, однако же, не могла стратегически использовать свою тактическую победу, и не могла продолжать блокаду».

Тем временем, войной утомились уже в равной степени, как Англия, так и Голландия. Ранней весной де Витт успешно отконвоировал несколько раз коммерческие флоты в Балтийское море и из Атлантического океана. Против его 70 судов, Англия не могла выставить даже 50 готовых к бою кораблей. Впрочем, жестокий шторм, длившийся трое суток, вскоре сделал небоеспособными половину голландского флота. Так как и английский флот очень пострадал из-за этого шторма, англичане стали сговорчивее, и переговоры продолжались. Закончились они лишь в 1654 года в Лондоне.

Навигационный Акт

О новом объединенном государстве (о чем первоначально настаивал Кромвель) или даже тесном союзе двух держав не было и речи. Условия мира были сравнительно легки, так как Кромвелю было очень важно провести удаление молодого принца Оранского от штатгальтерства. Это требование, касающееся только внутренней политики, встретило у сильной оранской партии решительное сопротивление. Однако же вождю оппозиционной партии, знаменитому Иоганну де-Витту, который благодаря своему выдающемуся уму почти беспредельно господствовал в Генеральных Штатах, это удалось, хотя и окольными путями.

Итак, в мае 1654 года к обоюдной радости мир между обоими врагами был заключен Вестмирский мир. Согласно ему Голландия все же была вынуждена признать большинство параграфов Навигационного акта и уплатить англичанам приличную сумму денег. В свою очередь те обязались не посягать на голландские колонии и традиционные рынки сбыта.

Экономическая и морская мощь Голландии так и не была сломлена, наоборот республика переживала настоящий промышленный и торговый бум. А потому Вестмирский мир так и не решил самого главного из вопросов: кому быть единоличным хозяином океана? Было абсолютно ясно, что обе стороны, переведя дух, с новыми силами примутся за его выяснение между собой.

Голландский плантации в Бенгалии. 1665

Завершившаяся война много дала каждой из сторон. Так в самом ее начале в столкновениях враждующих флотов отсутствовали сколько-нибудь четкие боевые порядки, а бои, начинаясь с артиллерийской перестрелки, затем неизменно сводились к общей свалки и абордажу. В последних сражениях этой войны начала оформляться уже классическая организация противоборства парусных флотов, когда враждующие стороны сражались в четко выраженных кильватерных колоннах, прекрасно управляемые, организованные и действующие по единому общему замыслу.

Часть третья
От Балтики до Африки

Глава первая
Защитник торговли

Война на какое-то время ушла в прошлое, и теперь настало время наверстывания упущенных возможностей в торговле. Голландские купцы тотчас было кинулись на полных парусах по всему миру. Но сразу же возникла большая проблема – Средиземное море. Там, как и в прежние времена, во всю хозяйничали варварийские пираты-мусульмане, обкладывая данью покорных, а не покорных грабя и топя. Участь голландских купцов, которые пытались воспротивиться разбойникам, ждала незавидная участь. Известия о бесчинствах на торговых путях Средиземноморья вызвало законное возмущение в Амстердаме. Немедленно было решено снарядить туда экспедицию для наведения порядка. Во главе экспедиции был поставлен вице-адмирал Рюйтер. В подчинение ему дали небольшую эскадру в пять вымпелов, считалось, что этого количества для устрашения пиратов вполне хватит. Перед отплытием опытный моряк задал всего лишь один вопрос:

– Как поступать при встрече с англичанами?

– Салютовать по принятому обыкновению, но не дозволять осматривать себя кому бы то ни было! – ответили ему, поморщив лбы, столичные политики.

Вопрос вице-адмирала вовсе не был праздным. Англичане, несмотря на недавно заключенный мир, по-прежнему, оспаривали себе право останавливать и осматривать любое встречное судно. Естественно, что это постоянно наталкивалось на сопротивление всех европейских держав и особенно голландцев, которые по результатам войны и заключенного мира, вполне могли оспаривать у своего островного соседа титул первой морской державы.

– У меня хватит пороха, чтобы призвать любого к уважению нашего флага! – подвел итог разговору вице-адмирал и поспешил откланяться. Его снова ждала качающаяся палуба.

По пути в Средиземное море Рюйтер успешно отконвоировал и попутный купеческий конвой. Видя его флаги, встречные английские корабли, во избежание инцидента, предпочитали предусмотрительно отворачивать в сторону. Пополнив запасы в Кадисе, и оставив там купцов, Рюйтер начал предписанное ему крейсирование. Вскоре купцы известили вице-адмирала, что три задержанных голландских торговых судна вместе с товарами задержаны в африканском порту Сале, а их команды

подвергаются унижению и жестокому обращению. Причина столь плохого отношения именно к голландцам состояла в том, что контр-адмирал Корнелий Тромп, сын знаменитого покойного флотоводца, захватил в водах Мармоны немало местных судов, чем сильно озлобил правителя Сале Саита против своей страны. Задержание голландских купцов и было мщением против недавних действий младшего Тромпа.

Рюйтер долго не раздумывал.

– Мы для того и находимся здесь, чтобы блюсти интересы своей страны и защищать права ее граждан! – сказал он своим капитанам и велел готовиться к плаванию к Сале.

10 октября 1654 года он был уже подле этого африканского порта. Почти сразу к борту флагманского корабля подошла шлюпка. С нее на борт перебрался пожилой мужчина в европейском платье.

– Я желаю видеть вашего вице-адмирала! – заявил он.

– А кто ты будешь сам? – вопросили прибывшего не слишком вежливо.

– Я Давид де Вриес, консул соединенных провинций в здешних землях!

Рюйтер встретил консула тоже без распростертых объятий:

– Почему я узнаю о творимых здесь безобразиях не от вас, а от случайных купцов? Каковы ваши функции здесь вообще?

– Я, прежде всего, стараюсь сейчас смягчить гнев правителя Сале Саита, котрым он обуян из-за вашего прихода! – ответил де Вриес с нескрываемой обидой.

– Хорошо! – сказал Рюйтер, немного подумав. – Я тотчас напишу письмо Саиту, а вы потрудитесь его передать ему лично в руки.

Сев за письменный стол, он тут же размашисто начертал гусиным пером письмо. В нем вежливо, но настойчиво потребовал правителя прекратить утеснения своих соотечественников, не забыв при этом извинится за опрометчивые действия Тромпа, признав их неправильными и пообещав известить об их последствиях свое правительство.

Когда де Вриес привез Саиту письмо. Тот остался им вполне доволен.

– Кто же командует вашей эскадрой? – поинтересовался он уже в конце аудиенции.

– Вице-адмирал Рюйтер! – был лаконичный ответ.

– О, я прекрасно знаю Михаила Рюйтера! – восхищенно закивал головой Саит-бей. – Он неоднократно ранее бывал в Сале и оставил о себе самую прекрасную память, как о честном и справедливом человеке!

По приказу Саит-бея с городской крепости немедленно в честь Рюйтера была произведена салютация. На борт флагманского корабля были отправлены четыре быка и три десятка баранов. Инцидент был практически исчерпан, но сильный шторм заставил вице-адмирала отойти от берега и отправиться обратно в Кадис. По пути он остановил судно из Сале и передал с ее хозяином благодарность Саит-бею за преподнесенные подарки.

Тем временем в Кадисе собрался караван купеческих судов, готовящихся к переходу в Голландию. Возглавив караван, Рюйтер повел его к родным берегам. На пути наткнулись на французское судно. Француз возвращался из Канады домой, попал в долговременный шторм и лишился такелажа. К концу подошла вода и продукты.

– Я поделюсь с вами, капитан, всем, что у меня есть! – прокричал он французу в жестяной рупор.

– Господин вице-адмирал! – пробовали остановить его бывшие рядом офицеры. – Вам ведь прекрасно известно, что мы с французским двором сейчас далеко не в полном согласии! Зачем же нам им помогать!

Рюйтер рассвирепел:

– Мы все моряки и не в ответе за козни наших политиков! Пока не объявлена между нами война, мы обязаны подавать друг другу руку помощи в трудную минуту! Таков первый и главный закон моря!

В конце ноября Рюйтер был уже в Текселе, где, сдав корабли в местное адмиралтейство, отправился домой к семье. Всю зиму Рюйтер провел в кругу домашних. Радости особой не было. Внезапно заболев, какой-то неизвестной внутренней болезнью умер восемнадцатилетний сын Рюйтера Адриан. Адмирал очень тяжело переживал эту потерю. Ведь он столько мечтал о том, как выйдет вместе с сыном в море, как сделает из него настоящего моряка! И теперь все его мечты рухнули в одночасье! Скрашивая горе, бегали вокруг отца дочки Корнелия с Алидой, да ползал по полу совсем еще малолетний сын Энгель.

Перед пасхой бургомистры Амстердама, стремясь поднять флотоводцу дух, преподнесли ему подарок – грамоту на пожалование почетного гражданства. Вот ее небезынтересное содержание: «Бургомистры и Правители города Амстердама пожаловано право почетного гражданина сего города – благороднейшему и мужественнейшему Михаилу де Рюйтеру, вице-адмиралу Голландии и Вест-Фрисландии, под ведомством Амстердамской Адмиралтейской коллегии, из уважения к его достоинствам и важным заслугам, оказанным им государству и

которых от него ожидают и впредь, повелевая каждому признавать его в сем достоинстве и пользоваться льготою и преимуществами присвоенными сему званию. Дано и укреплено печатью сего города 2 марта 1655 года».

Грамота почетного гражданина во многом вернула Рюйтера к жизни. Еще бы, ведь она давала ему возможность занимать первейшие должности в столице. Честь, которой не удостаивались даже отпрыски знатнейших фамилий!

– Какой ты теперь у меня знаменитый, Михель! – говорила ему жена за вечерним чаем. – Ведь ты только подумай, что когда-то почетного титула мегерян был удостоен сам Александр Великий и был этим счастлив! Не отказался от этого титула и сам легендарный Геркулес!

– В том то и дело. – Качал головой Рюйтер. – Эко куда занесло бывшего прядильщика, не свалиться бы!

А едва зацвели тюльпаны, Рюйтер был зван в адмиралтейскую коллегию. Там ему объявили, что он вновь назначен командующим новой Средиземноморской экспедиции. На этот раз ему давали восемь кораблей и две посыльные яхты. Наказ был строгий: нападать и жечь все пиратские суда, кто хотя бы покусится на голландских купцов и их товары.

18 июня 1655 года Рюйтер оставил за кормой своего флагмана Тексель. Спустя несколько суток эскадра Рюйтера разошлась в море контркурсами с эскадрой своего старого противника английского адмирала Блэкка, который возвращался из аналогичной экспедиции в Средиземное море. Командующие вежливо салютовали друг другу и обменялись взаимными подарками. Война есть война, а мир есть мир!

На подходе к Кадису Рюйтер узнал, что караван голландских судов отправившийся, было, в плавание к Антильским островам совсем недавно был внезапно захвачен испанским военным кораблем и приведен в Кадис. При этом пять человек было убито и много ранено. Рассерженный Рюйтер немедленно явился к генерал-комиссару моря и берегов Андалузии дюку де Медина-Коели.

– По какому праву вы грабите наши корабли и убиваете наших людей? – сжав кулаки, говорил он, и все в нем кипело от гнева.

– Мы в состоянии войны с Францией, а суда везли французские товары, да и принадлежали французам! – пролепетал не ожидавший такого напора испанский дюк.

– Вы лжете! – напирал на него Рюйтер. – И судна и товары принадлежат Соединенным провинциям, а не французской короне! Если между нашими державами война, тоя сегодня же

приступлю к бомбардировке Кадиса!

– Кто вам об этом сказал! – замахал руками в конец перепуганный генерал-комиссар. – Мы с Голландией в добром мире и дружбе!

– А если все обстоит не так, то по какому праву вы нападаете на наших купцов? По праву пиратов?

Дело о захвате купеческого караванами испанцами тянулось долго, но Рюйтер все же настоял и добился того, что все суда и товары были возвращены, за убитых и раненных было заплачено золотом, а виновники нападения наказаны надлежащим образом.

Уладив дело с испанцами, вице-адмирал вышел в крейсерство против варварийских разбойников. Словно огромной метлой прошелся Рюйтер по Средиземноморью, выметая его от пиратского мусора.

Небезынтересна при этом и система организации рюйтеровской «метлы»: «Он приказал капитанам кораблей избегать свалки с неприятелем при неравенстве сил, производить по ним сильнейший, не перемежающийся огонь дотоле, пока не покажет флага на адмиральском корабле, который не будет сигналом, всякому производить сильнейшие натиски и держаться на виду друг друга. Рюйтер высылает каждое утро четырех лучших ходоков: двух влево и двух вправо от флага, который никогда не должно терять из виду. Сии форзейли (передовые) должны были окликать все корабли, которые они настигнут, опознать оные и к вечеру ежесуточно собираться к флагману. Если в пути случится преследование за кораблем и усмотрится возможность его догнать, тогда дозволяется гнаться за ним, преследовать, стреляя через каждые полчаса по выстрелу, наблюдая румбы, на которые оставлена эскадра, дабы тотчас можно было с нею соединиться».

Преследуя и уничтожая пиратов, Рюйтер в конце концов добрался и до главного их гнезда – Алжира. Оставшись с эскадрой на рейде, он послал в порт наиболее быстроходный корабль. Внезапно и дерзко войдя в гавань, капитан так же стремительно ее покинул, прежде чем кто-то что-нибудь успел понять. В порту оказалось семь крупных кораблей, еще столько же стояло на внутреннем рейде. К вечеру следующего дня Рюйтер подошел к Алжиру на дистанцию пушечного выстрела и велел, обманывая противника, над своей эскадрой английские флаги. Однако алжирцы на эту хитрость не поддались, и с береговых фортов прозвучал предупредительный залп. Втягиваться в кровопролитное сражение в намерение Рюйтера не входило, и он предпочел оставить Алжир в покое. Подняв паруса, вице-адмирал с попутным ветром пошел к Малаге, захватив по пути большую

турецкую барку под командой испанца-ренегата. Настоящее свое имя тот скрывал, именуя себя просто Ибрагимом. За плечами Ибрагима были многочисленные убийства в Испании, в том числе и собственного отца, затем бегство от суда в Алжир, принятие мусульманства, немало захваченных торговых судов и более двух сотен похищенных людей, за которых он вымогал у родственников деньги. В тот же день Рюйтер распорядился повесить испанца на рее. У самой барки прорубили днище и пустили на дно. Вскоре голландской эскадрой был обнаружен и после непродолжительного преследования потоплен еще один большой пиратский корабль. При этом удалось спасти два десятка пленных христиан. Пройдясь вдоль африканского берега и уничтожив еще несколько пиратских лайб, Рюйтер бросил якорь на рейде Сале. К местным правителям он послал депутатов для заключения торгового договора между городом и Голландией. Пока продолжались переговоры, корабли Рюйтера непрерывно бороздили местные воды, топя и сжигая разбойничьи суда. В виду того, что салейцы с подписанием бумаг не торопились, вице-адмирал предпринял еще один впечатляющий рейд, на этот раз к стенам приморской крепости-порта Арциллы, неподалеку от Гибралтарского пролива. Последний аргумент Рюйтера окончательно склонил чашу весов в его сторону, и договор был немедленно заключен. Главная задача экспедиции была, таким образом, выполнена.

К этому времени на эскадре стал ощущаться острый недостаток боеприпасов, и Рюйтер был вынужден повернуть на Кадикс, где его ждали уже присланные из Голландии транспорты. Пополнив припасы, вице-адмирал тотчас берет под охрану новый, груженный огромным количеством серебра, торговый конвой, результат многолетней торговли Голландии с Испанией. Запас серебра был столь велик, что доставка его в Голландию была важна чрезвычайно. При этом не без оснований были опасения, что найдутся желающие покуситься на чужое добро. Так оно на деле и оказалось.

На переходе морем эскадра Рюйтера внезапно встретилась с эскадрой британского адмирала Вильяма Вилтгорна, который спешил к Кадиксу в надежде поживиться грабежом голландского серебра. Дело в том, что, несмотря на мир, англичане, по-прежнему, вызывающе грабили и захватывали в море всех подряд под видом принудительного осмотра всех без исключения судов, право на которое они сами себе присвоили. То было самое настоящее пиратство, возведенное в ранг государственной политики! Однако на сей раз, у гордых сыновей Туманного Альбиона ничего не вышло. Узнав, что торговый конвой

эскортирует не кто иной, как сам Рюйтер, Вилтгорн, не взирая на примерное равенство в силах, предпочел от захвата серебра уклониться и вежливо поприветствовав издали голландского вице-адмирала, растворился за горизонтом.

Адмирал Де Рюйтер, Художник Hendrik_Berckman

2 мая 1656 года к всеобщему ликованию и караван и эскадра, салютуя всеми пушками, вошли в Тексель. Адмиралтейский совет объявил Рюйтеру за Средиземноморскую кампанию и успешную проводку столь важного каравана свое совершенное удовольствие, что считалось тогда одной из самых больших наград государства. А по всей Голландии Рюйтера отныне стали именовать не иначе,

как Серебряным Адмиралом.

Тем временем до Соединенных провинций докатилось эхо далекой польско-шведской войны. Воинственный король Швеции Карл Густав повсеместно громил своими вымуштрованными полками кичливую и бестолковую шляхту. На Балтике и в окрестных землях расправляло плечи молодое и агрессивное шведское королевство. Аппетиты шведов простирались уже на Пруссию и Данию. В Амстердаме встревожились не на шутку. Победы шведов грозили для голландцев потерей столь прибыльного для них балтийского рынка. Этого Амстердам потерпеть, естественно, не мог. Карла Густава следовало проучить, а потому ответный ход последовал незамедлительно. В голландских портах стали срочно вооружать военный флот в двадцать пять вымпелов. Начальство над ним и поручили Рюйтеру, как самому популярному из отечественных флотоводцев. Его присутствие сулило успех, а успех на Балтике был очень и очень необходим. Нельзя сказать, что новое назначение Рюйтера обрадовало. Он еще не успел, как следует отдохнуть после своей средиземноморской эпопеи, как теперь предстоял поход в стылые и холодные балтийские воды. Но приказ, есть приказ и Рюйтер, восприняв его как неизбежное, принялся готовить свои корабли.

На исходе мая 1656 года он покинул порт Вли, а 8 июля уже стоял на якорях близь Зундского пролива. Съехав шлюпкой на берег, вице-адмирал отправился в Копенгаген, чтобы на месте посоветоваться с голландскими послами о своих дальнейших действиях. Послы рисовали обстановку в самых мрачных тонах: шведы напирают по всем пунктам и датчане вот-вот примут все их условия, после чего балтийские двери перед голландскими купцами закроются навсегда.

– Что мне следует предпринять? – вопросил послов озадаченный ходом дел вице-адмирал.

– Надо, по возможности, обострить ситуацию и, вынудив датчан вступить в драку со своим воинственным соседом, помочь одержать им хотя бы одну небольшую победу! – сказали ему.

– Все предельно ясно! – отвечал Рюйтер и тут же убыл к своему флоту.

К этому времени к Зунду подтянулась и задержавшаяся вооружением эскадра лейтенанта-адмирала Опдама. Теперь флот голландцев представлял собой уже достаточно внушительную силу в сорок два боевых корабля. Подняв флаг, Рюйтер привел флот в Данциг. Жители вольного торгового города встречали голландцев с распростертыми объятьями, ведь те были близки им не только единым торговым духом, но, что значительно важнее,

туго стянутым узлом взаимовыгодных торговых интересов. А поэтому подходящий флот приветствовали пушками всех замков, местные рыцари и купеческие депутаты незамедлительно прибыли на борт к Рюйтеру и величали его не иначе, как своим избавителем от алчных шведов.

Голландцы стояли в Данциге до октября месяца, не зная проблем с продуктами и водой, заботу о которых город полностью взял на себя. Присутствие большого и боеготового флота во главе с известным предводителем отрезвили Стокгольм, и на Данциг никто более уже не посягал. Вскоре последовало заключение мирного договора между шведами и поляками, в котором все права и привилегии балтийских торговых портов были полностью подтверждены. «Статус-кво» Соединенных провинций в северных водах было восстановлено. После этого голландский флот вернулся на родину, выдержав в пути жестокий шторм.

Едва флагманский 50-пушечник бросил якорь, Рюйтер немедленно отправился домой к жене и детям, дорожа каждым часом семейного уюта. Дома, на этот раз его ждала приятная неожиданность. Старшая из дочерей Корнелия готовилась к замужеству с капитаном солдатской роты Жаком де Виттом, племянником старого соплавателя Рюйтера. Обе семьи ждали возвращения Рюйтера, чтобы отпраздновать столь большое событие.

Компания празднует, 1629, Elias, Isaac

Во время венчания, Рюйтер так расчувствовался, что даже прослезился. Зять ему определенно понравился тем, что первым делом заявил своему тестю о готовности идти с ним в море хоть на край света.

– Теперь будем и внуков поджидать! – радовались адмирал с женой. – То-то нарадуемся!

Но нарадоваться Рюйтеру вновь особо не дали.

Глава вторая
Один против всех

Пока Рюйтер отсутствовал на Средиземном море, воспряли духом тамошние варварийские пираты и хорошо пошерстили голландских купцов, так что торговля тех в южных водах была уже близка к полному исчезновению. Известие о новых бесчинствах мусульман вызвало шок у Генеральных Штатов, которые уже было, уверовали в спокойствие Средиземноморья. Поднялся шум и гам, депутаты требовали срочной посылки эскадры. В выборе командующего не у кого сомнений не было.

– Рюйтера! Рюйтера! – кричали все от мала от велика.

Сам Рюйтер такой ситуацией вокруг своей особы был не на шутку раздосадован:

– У нас полным полно прекрасных моряков и отличных флотоводцев, чего они зациклились на мне! Едва я прихожу с моря, и жена начинает наливать мне в чашку кипящий кофе, как немедленно кто-то уже просовывает в дверь очередное предписание! Я понимаю всех, но пусть они и меня все поймут хотя бы раз!

Но все понять вице-адмирала снова почему-то никак не захотели и кто-то, постучав в его дверь, опять передал Рюйтеру очередное предписание. Поняв, что ему ничего уже не изменить, Рюйтер поцеловал жену и отбыл в амстердамское адмиралтейство для получения более подробных разъяснений, что и когда ему должно предпринимать.

– Кораблям сильных государств оказывайте уважение! – велели великомудрые адмиралтейцы. – Датчан оберегать, они сейчас союзники. Французов при случае топить, их король последнее время не благоволит Соединенным провинциям. Варварийцев топить всех, кроме спокойного Сале. С англичанами держать ухо востро, в драку не лезть, но тщеславию их противостоять повсеместно!

– Разъясните яснее! – потребовал уточнения Рюйтер.

Ему разъяснили:

– Противостоять, но не обострять!

– Хорошо! – кивнул все понявший вице-адмирал. – На месте разберусь сам!

На исходе многотрудного для него 1656 года Рюйтер покинул Тексель. К середине января он был уже в Кадиксе. Старый знакомец вице-адмирала герцог де Медина-Косли просил Рюйтера начать свою операцию с крейсирования в испанских водах до

прихода торгового каравана с серебром из Америки. Однако Рюйтер, вежливо извинившись, отказался:

– Я понимаю все ваши тревоги, но не могу употреблять свои корабли в интересах иностранных держав без разрешения их высокомочий!

Вскоре после этого Рюйтер покинул Кадикс и направился топить алжирцев и тунисцев. В пути к вице-адмиралу присоединились еще два подошедших из Голландии корабля. С них оповестили, что отныне велено нападать и захватывать все французские корабли, как гражданские, так и военные.

– В чем дело? – спросил Рюйтер. – Мы воюем с Парижем?

– Нет, – ответили ему капитаны. – С Парижем вроде бы пока мир, а вот тулонцы выслали в море все свои суда и безжалостно хватают в добычу наших несчастных купцов. Их высокомочия обратились к французскому королю, требуя прекратить беспредел, и наказать виновных, но Париж молчит, а потому велено употреблять силу!

– Чего ж это тулонцы вдруг озверели?

– Какие-то проценты с нашими не поделили!

– Да уж, – почесал затылок Рюйтер. – Одним проценты получать, другим с жизнью расставаться!

Буквально через два дня с салингов передового корабля были усмотрены два неизвестных судна. Не вняв предупредительному выстрелу, суда попытались оторваться. Чтобы увеличить ход, Рюйтер велел мочить на своих кораблях паруса и снасти. Между Корсикой и Горгоной суда были все же нагнаны. Они оказались французскими фрегатами и были немедленно пленены. Франция только-только начинала создавать свой новый военный флот, и захваченные суда были шведскими фрегатами, совсем недавно купленными за золото королем Людовиком у шведов. Больший из них был 32-пушечный «Ла Рейн», меньший 28-пушечный «Ле Шассер». Одним из капитанов оказался мальтийский кавалер де ла Ланд, хорошо знакомый Рюйтеру своей храбростью и благородством по прошлым походам в средиземноморье. На этот раз, впрочем, противостоять целой эскадре мальтийский кавалер не решился, а после первого же предупреждения спустил флаг с белыми лилиями. Когда-то де ла Ланд сам остановил, бывшего в то время еще капитаном, Рюйтера. Несмотря на тогдашние напряженные отношения между их государствами, удивленный храбрыми ответами голландца он выпил с ним вина и отпустил. Теперь и Рюйтеру выпал случай отплатить добром за добро. Однако на сей раз ситуация была куда более сложная, чем при прошлой встрече двух невольных приятелей.

– Увы, мой друг, но я не в силах полностью отплатить вам

сторицей за старое добро и не могу отпустить вас, однако это вовсе не значит, что вы мой пленник, вы просто мой гость! А потому я приглашаю вас к себе на фужер хорошего вина, как некогда и вы меня! – такими словами Рюйтер встретил мальтийского рыцаря и возвращая ему сданную было при пленении шпагу.

– Почту за честь быть гостем у такого хозяина! Я понимаю вас и не держу зла. Мы лишь моряки, а не политики! – отвечал мальтиец, с лязгом бросив возвращенную шпагу в ножны. – Первый тост я хочу выпить за адмирала Рюйтера!

Ратуша на площади Дам в Амстердаме, 1672, Berckheyde, Gerrit Adriaensz

В ближайшем порту, а то была Берселона, Рюйтер снабдив все четыре сотни пленников припасами, отправил их домой. Захваченные же в плен фрегаты, не без выгодны продал в Кадиксе.

Тем временем скандал с захватом судов вышел на орбиту самой высокой политики. В Париже, узнав о захвате и распродаже своих лучших фрегатов, пришли в настоящую ярость.

– Это настоящее пиратство и оно должно быть наказано! – объявил король Людовик на собранном по этому поводу

заседании государственного совета.

– За оскорбление королевскому флагу надлежит объявить войну этим торгашам голландцам! – предложи кто-то из первых министров.

Большинство его не поддержало:

– Наказать наглецов, разумеется, надо, но не такой же ценой! Если мы всегда будем так реагировать на всякие инциденты, то воевать со всем миром нам придется безостановочно!

После продолжительных дебатов с одобрения короля было решено немедленно разослать повеления во все порты и провинции Франции, чтобы везде задерживали и арестовывали корабли, товары и всякую собственность принадлежащую голландцам.

В свою очередь, узнав о повальных арестах голландской собственности и быстро подсчитав убытки, озадачились и Генеральные штаты:

– Если подсчитать во что нам обошлись захваченные суда, то получается, что они сделаны из чистого золота!

Голландский посол в Париже, испросив аудиенции у короля-солнце, вежливо повел разговор о том, что вице-адмирал Рюйтер ни коим образом не оскорбил флага его величества, а лишь овладел разбойниками, которые с давнего времени грабили суда Соединенных провинций и наносили вред взаимовыгодной торговли. Людовик после некоторого раздумья согласился начать переговоры. В Амстердам был отправлен лучший из французских дипломатов Жакес Август де Ту граф де Месле, сын знаменитого сочинителя первой французской истории. На первом заседании генеральных штатов граф де Месле говорил тоном весьма надменным, как и подобает представителю великой державы, к тому же еще и оскорбленной.

– Именем моего короля, я объявляю вам его весьма большую жалобу и недовольство случившимся! – заявил де Ту. – Король требует немедленного возвращения своих судов и строгого наказания вице-адмирала Рюйтера!

Ван Гент, бывший в тот год президентом Голландии, в свою очередь парировал француза:

– Ваш король прислал вас привезти нам свои жалобы в предупреждение наших жалоб на те оскорбления, которым издавна подвергаются наши купцы от его подданных. Прекрасно! Но может быть его величество все же решит высказать свое отношение к творимому произволу против нас! Ведь мы тоже можем задержать и арестовать все ваши товары и захватить все ваши суда в своих портах. Кроме этого мы можем сделать то, на что ваш король вообще не способен: снарядить большой военный

флот и полностью блокировать все ваши порты!

– Вы шутите с огнем! – гневно крикнул граф де Месле и покинул зал заседаний.

– Что ж, – пожал плечами Ван Гент. – Шутить, так шутить! Готовьте указ о захвате кораблей, товаров, результатов торговых сделок, векселей и долгов, которые окажутся принадлежащими французской короне. Людовик великий король, но и мы не объедки с его стола подбираем!

Помимо повальных арестов французского добра был строжайше запрещен ввоз в Голландию, каких бы то ни было французских товаров. Ослушникам грозил фантастический штраф в тысячу ливров.

Теперь уже не на шутку перепуганный граф де Месле, резко переменив свой тон, стал наносить частные визиты, стремясь подкупом склонить по отдельности членов Генеральных штатов к отмене толь строгих и гибельных для Франции санкций. Имя Рюйтера он уже не упоминал вовсе, словно того и не существовало. Однако дело зашло слишком далеко и даже самые жадные члены парламента, с сожалением глядя на толстые кошели с золотом, лишь удрученно вздыхали:

– Увы, но мы ничего не можем переменить в общественном мнении. Вы задели честь нашей нации, а это взятками не исправишь!

Узнав же о визитах де Месле, Ван Гент велел разослать всем членам правительства текст особой присяги, на которой каждый должен был поклясться, то не допустит никаких послаблений относительно Франции из-за своей частной пользы.

Вид на гавань на восходе солнца, 1638, Gellee, Claude

Париж, тем временем, тоже был встревожен поворотом событий. Во Франции хватало своих внутренних проблем, кроме того, полным ходом шла длительная и достаточно изнурительная война с Испанией, а потому особого желания воевать еще и с Голландией из-за каких-то двух судов, пусть даже самых хороших, ни у кого не было. Торговля с голландцами давала гораздо больше прибыли, чем возможная война с ними, тем более, что морская мощь нового возможного противника выглядела более чем внушительной. И король-солнце, повздыхав, пошел на попятную:

– Обещайте штатам удовлетворить их подданных за все убытки, понесенные им от наших корсаров! – велел он.

– А как быть с нашими захваченными судами? – спросили его.

– Да забудьте о них! – досадливо махнул рукой король. – Эти ваши суда уже у меня в печенках!

Узнав о шаге, сделанном Людовиком, Генеральные штаты, в свою очередь, заверили Париж, что возвратят все деньги вырученные Рюйтером за проданные им французские фрегаты. Инциндент был исчерпан, и все вздохнули спокойно.

В продолжение всей этой долгой и напряженной политической борьбы, вызванной его действиями, сам Рюйтер, по-прежнему, продолжал исполнять данные ему предписания и неустанно крейсировал в западном Средиземноморье. Надо

отдать должное Ван Генту. В самый напряженный момент переговоров он не только не наказал вице-адмирала за пленение французских судов, но, наоборот, поддерживая его, прислал ему за предприимчивость и инициативу золотую нашейную цепь. Саму же эскадру не теряя времени, подкрепили еще шестью новыми кораблями.

Пока кипели страсти вокруг французских фрегатов, Рюйтер занялся, было, уже варварийскими пиратами. Первым делом он привел свою эскадру в Сале и возобновил мирный трактат между городом и соей республикой. Однако известия о скандале с французами нашли его и там. Узнав о захвате французами голландских товаров, вице-адмирал немедленно отправил письмо в Амстердам, прося разрешения нападать повсеместно на французов. Амстердам просил его повременить до окончания переговоров. Однако почти одновременно он получил известие, что захватив в Марселе четыре голландских судна, укомплектовали их своими командами, посадили десант и готовятся к переходу в Италию, где в то время герцог Моденский дрался с испанцами.

Рюйтер занервничал:

– Переговоры переговорами, но столь вопиющую наглость я просто обязан пресечь!

Того же мнения были и все его капитаны. Известясь, что французская эскадра, в состав которой вошли и все четыре захваченных голландских судна, прибыла в итальянский порт Виа-Режиа, Рюйтер, не раздумывая, покинул гостеприимный Сале и поспешил туда же.

Узнав о действиях голландского вице-адмирала, французы испугались не на шутку. Немедленно снявшись с якорей, они поспешили в принадлежавший Генуэзской республики хорошо защищенный порт Специя. Рюйтера сразу же известили о намерениях французов. Началась отчаянная гонка. Голландцы спешили, во что бы то ни стало, догнать беглецов раньше, чем они укроются под защитой мощных береговых фортов. Для этого они шли не только под парусами, но и на веслах, желая свалиться с противником на абордаж. Сам вице-адмирал, горя нетерпением, вырвался столь далеко вперед от остальных, что опережал их более чем на целую милю.

Такая оплошность, имей он дело с англичанами, могла ему дорого стоить, но с французами это не имело особого значения, ибо их командующий адмирал Фрианбот драться вовсе не собирался, а помышлял лишь о бегстве. В конце концов, старания Рюйтера и его моряков были вознаграждены и они настигли одно из бывших голландских судов. То был «Ланьо Блан», который

сдался без всякого сопротивления. Остальные успели все же добраться до Специи раньше голландцев. Но Рюйтер останавливаться на достигнутом вовсе не собирался.

– Любое дело должно быть доделано до конца! – объявил он и ввел свою эскадру прямо в городскую гавань, встав на пистолетной дистанции от фортов и французских кораблей. – Если генуэзцы хотят бомбардировки за укрытие разбойников, то они ее получат! Впрочем, для начала спросим у них разрешение на захват нежданных постояльцев!

Вскоре на голландский флагман прибыл посол генуэзского дожа Лазаре Мария Дориа, правнук великого генуэзского адмирала Андре Дориа. Посол передал вице-адмиралу послание правителя республики святого Георга. Дож писал: «Генуэзская республика не может позволить нападать в своих портах на корабли, состоящие в службе короля французского, в чем нельзя не сомневаться, ибо они везут войска сего государя, посланные им на помощь дюку Моденскому». Дожа понять было можно: голландцы пришли и ушли, а ему предстояло жить бок обок с французами и дальше. К тому же именно французы помогали ему выстоять против испанских посягательств.

Такой ответ Рюйтера, разумеется, не удовлетворил, и он стал деятельно готовиться к атаке. На голландских кораблях демонстративно укрепляли реи цепями и посыпали артиллерийские деки песком. Французы, было, распустили слух, что вот-вот к ним на выручку придет мощная эскадра из Тулона. Спустя день на горизонте на самом деле показалось четыре корабля. Рюйтер выслал им на встречу дозорную яхту, выяснить кто это. К его радости корабли оказались голландскими и были немедленно присоединены к эскадре. Французы, а вместе с ними и генуэзцы приуныли окончательно. Многочисленные перебежчики, из числа насильно набранного в портах морского сброда, а потому вовсе не желавшие умирать за короля Людовика, извещали голландского вице-адмирала, что французы, боясь атаки, хотят сжечь все свои корабли, а самим высадиться на берег. Этот вариант был для Рюйтера весьма предпочтительнее, чем сама атака, ведь тогда никто не мог его упрекнуть в открытом насилии над французами, да еще в нейтральном порту!

Вероятнее всего, что дальнейшие события развернулись бы как раз по этому сценарию, если бы вице-адмирал не получил известия о заключении мира в торговой войне между Францией и Голландией. Он немедленно известил о том адмирала Фрианбота и покинув Специю перешел для пополнения запасов в Ливорно, где отделив четыре корабля для крейсерства у берегов Африки, с остальными силами направился прямо к Тулону. Встав подле него

на якорях, Рюйтер уведомил местного губернатора графа Паоло, что прибыл забрать в силу заключенного только что договора два раннее захваченных французами корабля.

– Мы вернем вам корабли, если вы вернете нам наших дезертиров! – отвечал губернатор Тулона и Марселя.

– Я смогу вернуть вам перебежчиков лишь в том случае, если будет гарантированна их безопасность! – ответил Рюйтер.

– Черт с ними! Пусть живут! У нас слишком мало моряков, чтобы их еще гроздями вешать на реях! Пусть живут! – заверил вице-адмирала губернатор.

Герб голландской Ост-Индской компании в Батавии, 1651, Весх, Jeronimus I

После этого состоялся обмен. Морские бродяги покинули голландские корабли без особого сожаления. Быть включенными в состав их команд им не улыбалось. Суровая дисциплина на рюйтеровской эскадре не пришлась по душе никому. Куда приятнее было снова завербоваться на какой-либо купец, и уйти за неплохим заработком к берегам Ост-Индии. После состоявшегося обмена голландцам у французских берегов делать больше было нечего.

Одновременные карательные действия против варварийский пиратов особого успеха Рюйтеру не принесли. Последние, прознав о появлении голландцев были столь осторожны, что предпочитали пережидать обрушившую на них напасть в портах. И вице-адмиралу, несмотря на все усилия, удалось овладеть лишь двумя их судами. Но, честно говоря, по настоящему развернуться

против мусульман Рюйтеру таки и не дали. Едва он, завершив все дела с французами, вплотную занялся блокадой африканских портов, как его известили о новом повороте в политике Голландии. Амстердам поругался с Лиссабоном, португальцы, как было принято, взялись за голландских купцов в своих заморских колониях, те возроптали, а Генеральные штаты оскорбились: если уж только что столь лихо дожали французов, то почему не проделать с не меньшим успехом тоже самое и с португальцами? В общем, исходя из новой ситуации, Рюйтеру было предложено оставить Средиземное море и приступить к блокаде португальских берегов и захватывать все их торговые караваны идущие с грузом из Бразилии. В усиление вице-адмирала ему была выслана вспомогательная эскадра из Мааса.

Покинув гостеприимный Кадикс, где Рюйтер, по обычаю, ремонтировался и пополнял запасы, он взял курс в Бискайский залив. 26 октября 1657 года вице-адмирал соединился с подошедшими из Голландии кораблями. Разделив свою, теперь уже весьма мощную эскадру на три отряда, он наметил каждому свой участок блокады, охватив, таким образом, все побережье строптивой Португалии. Это позволило Рюйтеру в самый короткий срок произвести настоящий погром на морских коммуникациях Лиссабона, овладев множеством торговых судов. Но главный успех был еще впереди!

В ночь с 30 на 31 октября с дозорного корабля усмотрели далеко в море чужие огни.

– Сколько их? – поинтересовался, не вставая с перины вице-адмирал.

– Множество!

Рюйтер сбросил с головы ночной колпак:

– Это идет португальский торговый флот из Бразилии! Всех наверх ставить паруса! Мы не должны упустить такой подарок!

Завидев голландские корабли, португальцы заметались, но было поздно. В течении ночи и следующего дня большая часть богатейшего каравана была уже в руках Рюйтера. Добыча была поистине фантастической. Одних только судов груженных слитками бразильского серебра попало в плен больше десятка.

Когда известие о пленении каравана и богатой добыче серебра достигло Голландии, там долго шутили:

– Серебряный адмирал есть серебряный адмирал! У Рюйтера прямо нюх на серебро!

В начале декабря Рюйтер, выдержав в пути несколько штормов, прибыл на родину. Там ждало его весьма приятное известие – дочь Корнелия родила внука-первенца. Довольный вице-адмирал тут же выложил перед дочкой тугой кошель с

золотом.

– Это малышу на зубок! – сказал, осторожно заглядывая в колыбель. – Кажется вылитый я, только без усов!

Но понянчиться с внуком Рюйтеру не дали. Вице-адмирала ждало новое известие: Голландия решила начать новую крупномасштабную войну, на этот раз против Португалии и уже приготовила эскадру для плавания к ее берегам. Рюйтеру было разрешено провести дома лишь рождественские праздники, а затем снова началась интенсивная подготовка к новому походу.

В июне вице-адмирал опять покинул Тексель, имея под своим началом двадцать два военных кораблей и две яхты, и взял курс к Португалии с приказом овладевать и нападать на всех португальских корабли и бискайские арматоры, уже давно тревожившие голландскую торговлю и приносившие ей значительные убытки, несмотря на все жалобы испанскому двору.

Идя тремя дивизиями, из-за сильного шторма Рюйтер попал в Дюны. Там голландцы переждали непогоду. 4 июля Рюйтер достиг устья реки Таго и положил якорь на подходе к португальскому порту Каскеаса. Едва бросили якоря, на горизонте показалась большая флотилия рыбачьих барок. С кораблей немедленно спустили на воду шлюпки с вооруженными матросами, которые быстро и бескровно пленили большую часть флотилии. Будучи доставлены на голландские корабли, рыбаки принялись просить о встрече с Рюйтером, о котором они были много наслышаны. Вице-адмирал вышел к ним.

– Михаил! – начали кричать рыбак, топая сапогами и безудержно плюясь на корабельную палубу. – Ты ведь когда-то сам был таким же как и мы! В чем же наша вина? В том, что мы, не покладая рук и рискуя жизнью, добываем в море пропитание женам и детям! Мы не грабим и никому не делаем зла, мы лишь простые труженики моря! Отпусти нас и не бери греха на душу!

– Хорошо! – кивнул париком вице-адмирал. – Я отпускаю вас и приношу свои извинения за доставленные неудобства!

– Ха-ха! – засмеялись рыбаки. – А ты шутник, Михаил! Нам твои извинения до одного места! Отпустил и на том спасибо! Желаем удачи!

– Вам тоже хорошего улова! – махнул им рукой вице-адмирал.

Голландский флот крейсировал до 25 октября у португальских кораблей, но, так и не встретив ни одного португальского корабля, которые предусмотрительно отстаивались в портах, и не дождавшись подкрепления, которое было ему обещано при отплытии, вернулся в Тексель. Экспедиция успеха не имела, но Рюйтер особо не горевал. К португальцам он

не испытывал никакой ненависти, ведь они были бедны, а в сравнении с зажиточными португальцами выглядели настоящими нищими.

– Почему мне не прислали вспомогательную эскадру? – спросил вице-адмирал, едва ступил на землю.

– В этом уже не было необходимости! – сказали ему. – О португальских делах можешь забыть, зато тебе придется вспомнить о холодной Балтике!

– Господи! Что там еще? – перекрестился Рюйтер. – Опять что-то неладно в датском королевстве?

Карл X Густав – первый король Швеции из Пфальц-Цвейбрюкенской династии, правивший с 1654 по 1660 год.

– Вот именно! – похлопали его по плечу депутаты штатов. – Шведский король Карл Десятый вторгнулся в Данию и намеревается захватить все это государство. Мы уже выслали одну эскадру на Балтику на помощь шведам, и она разбила шведский флот. Тебе же надлежит теперь вооружить еще одну и быть в готовности к выходу на поддержку.

Глава третья
Ветры Балтики

Прождав приказа всю осень, но так его и не получив, Рюйтер остался зимовать в Текселе. За зиму обстановка вокруг Дании еще более обострилась. Англия, заинтересованная в некотором усилении Швеции, негодовала на голландскую помощь датчанам и начала готовить свой флот для похода в Зунд. Надо было срочно усиливать свои морские силы и голландцам. Поэтому к весне в Текселе царило большая суматоха, вооружали сразу четыре десятка военных кораблей, поручив начальство над ними Рюйтеру. Вице-адмиралу было приказано, продемонстрировав свою мощь у английских берегов, следовать в Копенгаген, где объеденить под своим началом свою и находящуюся там, голландские эскадры.

В мае 1659 года Рюйтер вышел в море. Неподалеку от Доггер-банки он получил копию трактата, заключенного между Соединенными штатами Францией и Англией. Все три государства обязались совместно употребить все усилия к примирению шведов и датчан, чтобы сохранить свободу мореплавания и торговли на Балтике. Одновременно все трое условились не оказывать ни одной из воюющих сторон никакой военной помощи. Одновременно Рюйтеру было воспрещено следовать в Копенгаген, а велено держаться в море в течение нескольких недель, пока не получит новых указаний. Рюйтер некоторое время, как ему и было предписано, крейсировал в штормовом море, а затем, получив приказ, поспешил в Копенгаген, где был любезно принят датским королем.

А политическая ситуация меж тем сделала новый кульбит. Когда представители Голландии и Англии прибыли к Карлу Густаву и стали увещевать, король Швеции, отступив от них на два шага, положил руку на рукоять своей шпаги:

– Вы делаете предложение с вашими флотами, я же с моею шпагой!

Уговорить его стоило не малого труда. Но ситуация продолжала оставаться напряженной. Теперь уже несколько более скрытно, но, Карл Густав все же не прекратил военных приготовлений. Теперь король Швеции раздраженный вмешательством Англии и Голландии в свои дела решил свести счеты со всеми сразу. Рюйтеру было приказано идти в Балтийское море. Туда же вошла и английская эскадра адмирала Монтагю. Исчерпав все доводы, голландский посланник велел Рюйтеру

напасть на шведов. Однако ввиду позднего времени, и сильных морозов сделать это было трудно. К этому сроку пришло тревожное известие и из Ангии. Там умер Кромвель и на английский трон взошел сын казненного им Карла Первого Карл Второй. Адмиралу Монтегю было велено немедленно возвращаться домой и голландцы остались одни.

Карл II (1630-85), король Англии, 1665, Cooper, Samuel

Ввиду всех обстоятельств, Рюйтер начал действовать

решительно и быстро. 5 ноября 1659 года он был уже под крепостью Инбург. Шведы встретили его сильным и точным огнем, нанеся немалые повреждения кораблям. С наступлением ночи Рюйтер посадил в шлюпки солдат с фальконетами, велев им демонстративно следовать к берегу западнее крепости. Этим он хотел убедить шведов в своем намерение высадить десант именно там. Хитрость удалась, пока шведы стягивали войска к месту предполагаемой высадки десанта, Рюйтер отойдя с кораблями, быстро высадил десант восточнее крепости в местечке Картемоне. Сам вице-адмирал шел на передовой шлюпке, подбадривая своих матросов:

– Вперед друзья! Вперед, или всех нас сейчас перебьют!

Матросы были вооружены саблями и пиками, сержанты алебардами, капралы пертуизнами, а офицеры шпагами и эспонтонами. Мушкетеры тащили свои тяжеленные мушкеты на подставках-разножках, а лучшие стрелки-снайперы шестифутовые дальнобойные ружья.

Вместе с Рюйтером в шлюпке находился кавалерийский капитан волонтер-француз Генрих де Фери де Кюлан барон де Бюат, к которому Рюйтер за храбрость доходившую порой до безрассудства относился с большой симпатией. На голландский флот кавалерист попал в поисках приключений и, кажется, свое нашел. Стоя во весь рост на носу шлюпки, барон яростно размахивал шпагой, крича во весь голос:

– Вперед, мои товарищи!

Шведы поняли свою оплошность слишком поздно, голландцы и датчане уже высаживались вовсю. Несмотря на это скандинавы пытались атаковать десант, но из-за спешки не смогли ударить одновременно и были уничтожаемы, а частью рассеяны по частям. Перейдя мост, союзники ворвались в городок Картемон, брошенный в беспорядке отходящими шведами. Возглавивший сухопутные войска датский маршал Шак повернул своих возбужденных солдат на крепость Нибург. В пути к нему присоединились наемники из имперцев, бранденбургцев, поляков и прочих союзников датского короля. Шведы встречали союзников на подступах к крепости. Во главе их стояли принц де Сультебах и маршал Стеенбок, оба старые и не раз пытанные огнем вояки. Позиция шведов тоже была исключительно выгодной. Армия стояла на высоком холме перед крепостью, имея перед собой глубокий ров, защищаемый мушкетерами и спешившимися драгунами. Союзники атаковали с хода. Рюйтер, находясь при штабе маршала Шака, с интересом наблюдал за развитием событий в сухопутном сражении.

Голландский рыбацкий флот под парусом, 1701, Beelt, Cornelis

Нападение начала датская кавалерия. Несколько раз кавалеристы доходили до палисада, но всякий раз были отбиваемы с большими потерями. Шведы не только отбили все их атаки, но даже сумели захватить одно из орудий. В сражении грозил наступить перелом. Поняв это, Шак обернулся к стоявшему рядом Рюйтеру:

– Вся моя надежда теперь на ваших матросов!

– Они не подведут! – кивнул ему вице-адмирал. – Рукопашный бой дело для нас привычное!

Голландцы пошли в атаку с такой смелостью и стремительностью, что заставили шведов бросить только что захваченную пушку и спасаться бегством. Пример морской пехоты Рюйтера ободрил остальных и теперь уже, ободрившись, пошли вперед и остальные союзники. Шведская конница, несмотря на ее отчаянное сопротивление, была отброшена в крепость, а пытавшаяся было прикрыть ее отход пехота, изрублена в куски. Боясь быть запертыми в Нибурге, принц де Сюлтсбах и маршал Стеенбок, струсив и бросив на произвол судьбы свои войска, бежали лесом по взморью. Там они нашли рыбака, который за жменю золота переправил их лодкой на Зеланд.

Получив известие о победе под Нибургом, голландский флот подошел к крепости с моря, открыл огонь по еще занятой деморализованными шведами цитадели, затем Рюйтер начал обстрел и самого города: «Ядра большого калибра сбивали дома, убивали множество людей и лошадей, ибо вся шведская армия после сражения отступила в город и люди и кони в тесноте громоздились один на других. Кто избегал поражения ядер, падал под развалинами домов. Ужасный гул пушечных выстрелов и

грохот падения домов, оглушали, а пыль, дым и пламя ослепляли. Стон раненных, крики женщин, детей заставляли содрогаться от ужаса. Город был так мал, что не было места, где бы скрыться: повсюду смерть была неизбежна…»

Видя, что все проиграно окончательно, шведы послали трубача к маршалу Шаку с просьбой начать переговоры.

– Никаких переговоров! Только капитуляция! – заявил маршал и велел продолжать губительную бомбардировку.

Тогда шведам не оставалось уже ничего, как соглашаться на сдачу в плен без всяких условий. В довершение всего, уже после капитуляции, город был дочиста ограблен алчными поляками и имперцами. К чести Рюйтера, он сумел удержать своих матросов от участия в бесчинствах, выведя их в поле.

Один из главных форпостов шведов на острове Фюнен крепость и город Нибург пал, а месте с ним Стокгольм лишился одной из самых своих боеспособных армий. После поражения под Нибургом, остальные города острова уже беспрекословно открыли перед датчанами свои ворота.

– Освобождением Фюнена мы полностью объязаны храброму голландскому флоту и его доблестному предводителю вице-адмиралу Рюйтеру! – говорил во всеуслышание датский король.

С ним соглашались и все остальные. В датских церквях прошли торжественные молебны в честь голландского флотоводца.

По мере приближения зимы, Рюйтер, не желая зимовать в столь суровом климате, как балтийский, решил отвести свой флот в Голландию. Датчане предлагали вице-адмиралу съехать на берег и отдохнуть, но Рюйтер вежливо отказывался. Причины для отказа у него были. Дело в том, что ободренные захватом Фюнена, датчане уже замыслили новую операцию, теперь уже по освобождению от шведских войск самого большого из островов в проливах Зеландии. Однако это уже шло в разрез с интересами Амстердама. Голландия не желала чьей-либо единоличной гегемонии на Балтике. Амстердаму было чрезвычайно выгодно достигнуть равновесия в силах двух враждующих королей севера, которое в известной степени с освобождением Фюнена и было восстановлено. Больше в здешних водах Рюйтеру делать было нечего. Маршалу Шаку Рюйтер говорил, оправдывая свое решение покинуть его:

– У меня недостает провианта и люди изнурены до крайности!

– Мы пополним се ваши запасы и дадим командам возможность отдохнуть! – отвечал датский маршал.

– Я не могу видеть страдания униженных и ограбленных

дочиста женщин и детей Нибурга! Мы, моряки, не привыкли к таким ужасным картинам человеческого горя!

– Это неизбежное следствие каждой сухопутной войны и нам с этим приходится мериться!

– Я боюсь попасть в ледяной плен, охватывающий зимой ваши берега!

– Я, увы, не господь бог! – поднимал руки вверх маршал. – И при всем моем желании не могу изменить для вас климат здешних суровых мест!

В конце ноября 1659 года Рюйтер перешел с флотом к Любеку, где пополнил свои припасы. В Любек его посетил принц Мекленбургский и лично поздравил его с взятием Нибурга. Затем городские сенаторы попросили прославленного флотоводца провести в их городе хотя бы день. Рюйтер согласился и съехал на берег.

Тем временем, стоявшие неподалеку лагерем шведы через своих многочисленных шпионов известились о пребывании Рюйтера в городе. Сразу же возникла заманчивая мысль захватить в плен голландца, наделавшего шведской короне столько пакостей. На перехват вице-адмирала немедленно поскакал отряд в полтысячи драгун. Однако на этот раз неплохо сработали уже любекские шпионы, и горожанам удалось предупредить Рюйтера о грозящей ему опасности.

– Я становлюсь по настоящему знаменитым! – не весело усмехался вице-адмирал, сидя на кормовой банке своей парадной шлюпке, державшей курс к флагманскому кораблю. – Меня уже начинают похищать и устраивают засады!

Несмотря на все горячее желание уйти домой, сделать этого вице-адмиралу так и не удалось. Датский король упросил Генеральные штаты оставить голландский флот в его водах до следующей весны, как гарант ненападения шведов. Штаты, взвесив все за и против этой просьбы, в конце концов, с ней согласились. После этого Рюйтеру не оставалось уже ничего, как подчиниться приказу. Из Любека он перешел в Копенгаген и, зайдя в порт, встал там на зимовку.

Задабривая известного адмирала, король Дании Фредерик Третий не скупился на награды: «Король датский пригласил его и всех флагманов к ужину и вместе с ними и посланников Генеральных штатов. Во время стола, король оказал Рюйтеру особенное благоволение и, спустя несколько дней, прислал ему драгоценную золотую цепь, к которой королева привесила золотую медаль с бюстом короля, украшенную двадцатью двумя бриллиантами высокой цены. На обороте медали изображен военный корабль в открытом море, а внизу была привешена

прекраснейшая перла. Тем более подарок был лестен для Рюйтера, то он заслужил его вполне. Адмирал Биельке, которому поручено было преподнести сей подарок, сказал вице-адмиралу Голландии: „Король, мой государь, повелел вас уверить, что в его теперешнем положении, он не может сделать вам другого подарка“.»

– Я чрезвычайно благодарен вам адмирал, что мне не пришлось вычеркивать ни одного слова из моего титула! – говорил в порыве признательности Рюйтеру Фредерик. – Я, по-прежнему, король датский, норвежский, вандальский и готфский, герцог Шлезвигский и Голштинский, Стормандский и Дитмарский, граф Ольденбургский и Дельменгорский!

Но и этим монаршие знаки внимания к Рюйтеру не закончились. На новогодние праздники 1660 года, король Фредерик с голландским, английским и французским послами, лично пожаловал на борт его корабля. Поначалу король даже не признал прославленного флотоводца, который по своей привычке вышел встречать высокого гостя в обычном платье, мало чем отличающимся от обычного матросского. Однако, несмотря на затрапезный вид Рюйтера, каюта голландского командующего сияла ослепительной чистотой. По своему обыкновению, будучи большим противником всяческих прислуживаний, Рюйтер перед приездом короля, лично ее вымел метлой, а затем тщательно вымыл пол и вытер всю пыль, так, как он это делал всегда. Фредерик, которому о «чудачествах» голландского адмирала уже успели сообщить, сразу же похвалил идеальный порядок в каюте Рюйтера, что было тому особо приятно. Затем состоялся еще один всеобщий обед с признаниями в любви и вечной дружбе.

Однако, несмотря на внешнюю благоприятность копенгагенской зимовки, на самом деле все обстояло не так уж и хорошо. После Нового года на голландских кораблях внезапно вспыхнула эпидемия, которая буквально в какие-то недели унесла жизни более чем пятисот человек. Болезни подвергся и сам Рюйтер, которого спасло от смерти лишь его крепкое природное здоровье. К весне эпидемия пошла на убыль и, оставшиеся к тому времени в живых голландцы, смогли, наконец, вздохнуть спокойно.

С началом кампании, Рюйтер решил запереть шведскому флоту выход из его главной базы Ландскроны. Война между Швецией и Данией готова была вступить в новую, еще более ожесточенную фазу. Король Густав был непримирим и не желал идти на какие-то ни было уступки датчанам. Однако в период интенсивных приготовлений к новому походу, воинственный шведский король внезапно умирает, оставив свой трон

пятилетнему сыну Карлу Одиннадцатому. Это и стало причиной столь долгожданного дя всех мира. Рюйтер еще некоторое время находился под Ландскроной, демонстрируя свою готовность к бою, в случае неуступчивости шведов, но когда стало окончательно ясно, что Стокгольм воевать более не намерен, Рюйтер покинул шведские воды. Один из первых биографов прославленного адмирала сказал об том факте жизни Рюйтера весьма красноречиво в духе своего времени: «Удивление истощается при виде человека, вышедшего из ничтожества, который своим благоразумием, храбростью и непоколебимостью, заставил примириться двух королей, не внимавших продолжительному посредству посланников Франции, Англии и Голландии».

Чтобы ускорить заключение мира, Рюйтер предложил шведам, что сам берется доставить их войска в Швецию из ранее оккупированных территорий, из Орезонда в Шонию. Предложение было принято. В шведском порту корабль Рюйтера посетил принц Сультсбах (тот самый, что сбежал в свое время из Нибурга). Принц долго цокал языком и пил за здоровье голландского адмирала, без всякого стеснения вспоминая, как чуть не наложил в штаны от грома его пушек.

– Странный этот принц! – искренне удивился Рюйтер. – Он хвастается трусостью, как мы своей храбростью. Воистину нет предела человеческому многообразию!

Затем уже в порту Кроненбург, куда Рюйтер привез шведскую пехоту, его посетил и второй беглец маршал Стеенбок.

– Победителю от побежденного! – сказал напыщенно маршал и вручил вице-адмиралу свой портрет.

Рюйтер за подарок поблагодарил, а вечером, куря трубку в кругу своих капитанов, высказал свое недоуменное мнение и по поводу даденного ему подарка:

– Маршал, вероятно, имеет немало подобных портретов, которые дарит всем, кто его лупит. Завидное постоянство вкуса!

Вице-адмирал умел быть едким в оценках людей.

По возвращении в Копенгаген Рюйтер был пожалован от короля Фредерика пенсионом в восемьсот таллеров и возведен в дворянское достоинство со всем потомством, дав все почести и преимущества датского дворянства. Придуман был заодно и герб новоиспеченному дворянину: на геральдическом щите мчал конный кирасир, воздевающий вверх руку с обнаженной шпагой, символ всегдашней готовности к бою. Внизу были изображены три золотых ядра над золотой пушкой, серебряный крест и серебряный адмиральский корабль в лазоревом поле.

– Что в се это означает? – поинтересовался Рюйтер.

Ему объяснили. Затем спросили, не желает ли он что-либо изменить.

– Зачем? – пожал плечами вице-адмирал. – Оставляйте все как придумали. Какая мне разница!

Обмывая королевскую грамоту среди своих, Рюйтер иронично заметил, показывая на стоявший в углу каюты тяжеленный медный герб:

– Вот он тернистый путь сына пивоторговца и мальчишки-прядильщика к потомственному аристократу! Если так дело пойдет и дальше, то быть мне неминуемо каким-нибудь герцогом!

– Ну а уж нам-то не пристало тогда быть ниже баронов! – поддержали его бородатые капитаны, дружно сдвигая над головами кружки с горячим грогом.

Перед отходом из Копенгагена Рюйтер получил письмо от одного из своих друзей. Тот писал, чтобы Рюйтер по возможности поторапливался домой, так как его жена серьезно больна и врачи опасаются за ее жизнь. Едва прочитав послание, Рюйтер велел готовиться к отходу.

Всем кроме командующего было весело. Война закончилась, и впереди всех ждал дом и семьи. Эскадра уходила в Голландию. При вступлении ее под паруса благодарные копенгагенцы изо всей силы палили из всех своих береговых пушек. Ветер был голландцам самый попутный, и они на всех парусах мчались к родным берегам.

– Ну, все, теперь мы и дома! – бросил фразу один из офицеров флагманского корабля, когда на горизонте открылись островерхие Амстердама.

– Впереди у нас еще море! – оборвал его Рюйтер. – И одному Господу известно, что нас ждет впереди!

Увы, но недобрые предчувствия вице-адмирала сбылись слишком скоро. Буквально спустя какой-то час, идущий рядом мателот, на свежей погоде внезапно сильно рыскнул в сторону и с полного хода протаранил в борт флагманский корабль. Тот продержался на воде всего несколько минут. Большинство команды погибло. Сам Рюйтер спасся лишь чудом, уцепившись за обломки плавающего такелажа.

К кораблекрушению вице-адмирал отнесся философски:

– Утонуть можно не только в родной гавани, но и в домашней ванне! Найдите мне подшкипера, торопившегося попасть домой!

– Он утонул! – ответили ему.

– Вот видите, на все воля божья! – назидательно поднял вверх палец Рюйтер. – Он пребывал в нетерпении, но так и не достиг земли, я его предостерегал и я ступил на нее!

Дома Рюйтер поведал жене и детям, что отныне все они

датские дворяне. Корнелия Энгель уже не вставала с постели.

– Как хорошо, что я дождалась тебя! – сказала она, сидящему подле ее кровати мужу. – Теперь я могу умереть! Прошу тебя, держи только меня за руку, когда я буду отходить в мир иной! Мне очень страшно!

– Я буду теперь всегда с тобой рядом! Ты еще поправишься, и мы вырастим нашего маленького внука-карапуза! – как мог, отвлекал ее от мрачных мыслей муж.

– А где же наша жалованная грамота и фамильный герб? – поинтересовался несколько дней спустя пятнадцатилетний Енгель.

– Сейчас с ними знакомится царь морей Нептун! – отвечал Рюйтер. – Думается мне, однако, что даденный мне титул столь значителен, что отдавать он его не пожелает!

– И бог с ним совсем! – смахнула с глаз слезу жена, уж извещенная о крушении мужа ввиду родного дома. – Главное, что сам живым остался!

Глава четвертая
На румбах Средиземного моря

Зиму Рюйтер провел дома, а по весне, похоронив жену, снова был вызван в адмиралтейство.

– Варварийские корсары продолжают стеснять нашу коммерцию в водах Леванта! – сказали ему.

– Что ж, я немного отдохнул и снова готов идти в море!

– Прекрасно! – захлопали в ладоши адмиралтейские начальники. – Мы даем вам девять кораблей, триста восемьдесят пушек и полторы тысячи людей. Ждем же одного: известий об усмирении зарвавшихся!

В конце мая 1661 года Рюйтер был уже в Средиземном море, где и крейсировал до глубокой осени. Узнав о прибытии своего старого недруга, мусульмане присмирели и почти не показывались из портов, предпочитая переждать голландскую напасть. Однако Рюйтеру все же удалось подстеречь и захватить их 22-пушечное судно с четырьмя десятками христианских невольников, которых немедленно освободили. Спустя некоторое время вице-адмирал пленил еще двух пиратов. После этого во главе всей эскадры он последовал к порту Фарина, где произвел предупредительную бомбардировку, а затем предложил варварийцам обменять захваченных в плен их соратников на находящихся в плену голландцев, что и было, естественно, немедленно исполнено. Тогда же Тунис поспешил заключить мир с Соединенными провинциями. Примеру Туниса последовал и дотоле несговорчивый Алжир. По заключении мира начались недовольство в голландских командах. Матросы, устав от долгого и бессмысленного, по их мнению, пребыванию в море, требовали ухода в Голландию. О недовольстве Рюйтер немедленно сообщил в Амстердам. Оттуда велели следовать к родным берегам, потому, что на смену рюйтеровской эскадры в Средиземное море выслана уже эскадра сына знаменитого Мартына Тромпа контр-адмирала Корнелиуса.

Корнелиус Тромп. Художник П. Лелли

К удивлению всей Голландии смена командующих на Средиземноморье дала обратный эффект. Варварийцы, узнав, что страшного для них Рюйтера больше нет, а вместо него прибыл никому не известный Корнелий Тромп, вновь взялись за грабежи и насилие. Несмотря на то, что Тромп пленил несколько пиратских судов и освободил несколько голландских, на пиратов это никакого впечатления не произвело: Рюйтера они боялись, а Тромпа игнорировали. Надо было что-то предпринимать, и адмиралтейский совет вновь решает послать в левантские воды Рюйтера.

– Я становлюсь у Генеральных штатов как пугало! – устало шутил вице-адмирал, привычно собираясь в очередной неблизкий вояж.

На этот раз в море он брал с собой и пятнадцатилетнего сына Енгеля.

– Мальчишке пора становиться моряком! – говорил он расстроенной жене. – Я же за ним присмотрю, и ты не волнуйся о нас!

8 мая 1664 года Рюйтер вновь отправился на юг. Спустя месяц он был уже пред изменившим договору Алжиром. Услышав о приходе знаменитого адмирала, местный бейлербей тотчас освободил плененного голландского консула, и прислал парламентеров. Те объявили, что их повелитель готов заключить новый трактат, согласно которому алжирцы получат право останавливать в море все голландские суда и проверяя все товары, не произведенные в Голландии.

Рюйтер, выслушав все внимательно, сказал кратко:

– Вон отсюда! Я объявляю вам войну!

На следующий день к нему прибыли выгнанные давеча парламентеры. На этот раз они вели себя куда более вежливо:

– Мы готовы подтвердить все пункты старого трактата и более останавливать ваших купцов не будем, нам хватит довольствоваться иными!

– Что ж, – кивнул вице-адмирал. – Тогда скрепим наш договор печатями!

– Ну-с, что надлежит нам делать теперь, когда алжирцы приведены в должное чувство! – потер руками Рюйтер, когда парламентеры отъехали восвояси.

– На горизонте парус! – доложили ему с мачты. – Кажется это наша посыльная яхта!

– Если яхта, значит, новости и вряд ли они будут хорошими, ибо отсутствие новостей и есть лучшая новость! – заметил кто-то из капитанов.

Так и произошло. Капитан яхты передал вице-адмиралу письмо голландского консула в Кадиксе. Консул извещал командующего, что согласно имеемым сведениям, англичане в настоящий момент полным ходом снаряжают огромный военный флот, на который хотят посадить пятнадцать тысяч человек. Начальство над всей этой армадой берет на себя сам герцог Йоркский.

– Нас, судя по всему, ожидает новая большая драка с англичанами! – опечалился Рюйтер, письмо прочитав.

Консулу же он написал бумагу следующего содержания: «Я получил ваше письмо, извещающее о приготовлениях в Англии и

то, что дюк Йоркский сам идет в море. Это не страшно: в сражении он такой же человек, как и другой и подобно каждому может не избегнуть опасности. Кому страшны угрозы, пусть сидит дома и не ходит на войну. А мы с глубочайшим смирением будем ожидать предопределения Всевышнего. Если вы услышите что-либо более важного, то уведомите меня скорее, чрез Кадикс или через Гибралтар».

Глава пятая
Африканский рейд

А в это время англичане уже полным ходом торопились извлечь выгоды из обострившейся обстановки с Голландией. Некто Гольмес, капитан британского корабля, пиратски подстерег и взял у Зеленого мыса большое количество торговых судов, принадлежавших голландской Вест-Индийской компании. Затем голландцы были беспардонно изгнаны из небольшой крепостицы на близлежащем от африканского берега острова Горей, а все хранившиеся там товары были захвачены. В ноябре 1663 года из Англии к берегам голландской Африки вышел 60-пушечный корабль «Джерси» под командой Ричарда Холмса, авантюриста и пирата, роялиста и любимца принца Руперта. Подойдя к западному побережью Африки Холмс произвел там настоящий погром голландской торговли, перехватывая и пленяя беззащитные торговые суда, захватывая и отбирая у Голландии слабые прибрежные форты-фактории. Несмотря на то, что Холмс для вида прикрывался флагом специально для него созданной некой Королевской африканской кампании, в Гааге это никого не могло обмануть – англичане начали захват голландских колоний. Некоторое время Голландия делала вид, что ничего страшного не произошло, в надежде на то, что англичане сами поймут, сколь далеко они зашли в своих непомерных аппетитах и одумаются, но ничего подобного не произошло. Наоборот, в довершение всего, Лондон заявил, что отныне им принадлежат все африканские берега и голландцы объязаны покинуть все свои владения, расположенные там. Ответ последовал незамедлительно и Голландия сразу же начала снаряжать свой военный флот.

Рюйтеру в Средиземное море было послано распоряжение, не теряя времени и присоединив в пути к своей эскадре, все, что только возможно, спешить к берегам Гвинеи, чтобы отомстить за нанесенный англичанами ущерб, отобрать захваченные обманом крепости и нанести свой ответный удар. По существу Рюйтеру было велено осуществить рейдерскую операцию по подрыву британской морской торговли. Основными условиями ее была быстрота и решительность. Пока англо-голландская ситуация висела еще на зыбкой грани полувойны – полумира важно было не упустить момент и извлечь из него максимальную выгоду. Малая война уже началась. А в воздухе пахло уже настоящей большой войной.

В кротчайшие сроки, совершив нелегкий переход, Рюйтер

обогнул северо-западную оконечность Африки и приблизился к Гвинейскому побережью. На рассвете голландцы увидели девять английских кораблей, стоявших на якоре под защитой небольшого укрепленного острова. Над крепостью виднелись флаги британской торговой кампании. Без долгих раздумий, Рюйтер поднял сигнал готовности к немедленному открытию огня и, сблизившись с английскими кораблями, взял их в два огня. На палубах англичан забегали. Затем к борту голландского флагмана подошла шлюпка и из нее по трапу взобрались два британских капитана.

– В чем причина, побудившая вас идти на крепость со столь воинственным видом? – вопросили они.

– Причина проста! – отвечал им вице-адмирал. – Разбить крепость и захватить ваши корабли!

– Разве мы находимся с вами в состоянии войны? – еще больше изумились англичане.

– Да, мы в состоянии войны с теми, кто подло и нагло отнял у нашей вест-индийской компании ее суда и торговые станции. Я пришел сюда, чтобы взять все отнятое вами обратно и смыть нанесенное нам оскорбление!

На английских капитанов было тягостно смотреть. Лица их в одно мгновение стали землистого цвета. Молча поклонившись, они убрались восвояси. Проводив депутатов, Рюйтер послал им вслед двух своих капитанов с одним лишь вопросом: готовы ли англичане защищать свой остров и корабли. Ответ пришел немедленно. Голландским капитанам объявили, что остров и корабли защищаться не намерены, так как из них только один является военным, а все остальные купеческие.

На следующий день, приняв все требования Рюйтера, губернатор острова лично спустил с флагштока британский флаг. Голландцы немедленно высадили десант, который беспрепятственно вступил в крепость. Забрав с собой все возможные припасы и оставив в крепости достаточный гарнизон, Рюйтер разрешил англичанам во главе с их губернатором погрузиться на одно из купеческих судов и отправиться в Гамбию, где британская торговая кампания имела одну из своих контор.

Во время пребывания голландцев на острове с Рюйтером произошел любопытный случай. В поисках хорошей воды, вице-адмирал отправил несколько баркасов к находившемуся в нескольких милях материку. Зайдя в небольшую речушку, моряки принялись, было, заполнять порожние бочки, когда внезапно из кустов вышел старик негр в окружении вооруженных копьями воинов. Испуганные матросы вскинули свои мушкеты, но старый негр жестом остановил их. А затем к всеобщему удивлению,

обратился к ним на чистейшем голландском языке, спрашивая матросов, откуда они приплыли, и кто над ними начальствует.

– Вице-адмирал Рюйтер! – ответили ему.

– Как! – воскликнул внезапно старик. – Михаил Рюйтер! Не может быть! Михаил, которого я помню боцманским юнгой теперь адмирал! Это невозможно!

– Не знаем, кем был наш начальник раньше, но то, что сейчас он командует нами так же верно, как то, что мы стоим перед вашей милостью! – рассмеялись матросы.

– Возьмите меня с собой на корабль, я хочу встретиться со своим старым другом! – взмолился старик, когда все бочки были налиты водой и баркасы готовились отправиться в обратный путь. – С вашим начальником нас связывает общая молодость и многие плавания. Я просто никогда не прощу себе, что не смог еще раз увидеть старого друга, когда он волею судеб оказался рядом со мной!

Старик негр оказался, тем самым Жаном Компани, который когда-то столько доброго сделал для мальчишки Рюйтера. Расставшись с Михаилом, он несколько лет плавал стюардом на других судах. Спустя некоторое время Компани нашел способ вернуться на родину, где впоследствии стал местным вождем.

Надо ли говорить, как обрадовались два старых товарища, вновь увидев друг друга. Немедленно началось обильное застолье. Следом за Компани пришло с десяток пирог, доверху груженных всевозможными фруктами и овощами, которые матросы тут же живо разгрузили.

– Хорошо иметь в начальниках нашего папу Рюйтера! – смеялись они, весело таская в трюма здоровенные связки бананов. – Везде у него дружки! Наверняка попади мы на луну, там тоже его друзья отыщутся!

Рюйтер ж с Компании, тем временем, вспоминали общую молодость на палубах купеческих судов, рассказывали один другому о своей судьбе, удивлялись и радовались возвышению друг друга. Компани вспоминал имена уже почти забытых Рюйтером соплавателей, описывал по памяти некогда любимый им Флессинген.

– Верен ли ты по-прежнему нашей христианской вере? – поинтересовался набожный Рюйтер.

– Конечно, Михаил! – кивнул Компани. – Я, по-прежнему, верую в единого бога. Но мои подданные не понимают христианства, а потому я храню бога в своем сердце и молюсь ему мысленно!

– Нелегко тебе приходится, брат! – вздохнул Рюйтер.

– Никогда и никому не поверил, если бы, не увидел своими

глазами, что ты Рюйтер стал таким большим адмиралом! – искренне восхищался своим собеседником старый негр. – А ведь был каким-то юнгой, и каждый матрос мог дать тебе подзатыльник!

– Что было, то было, – соглашался Рюйтер. – Произошло то, что было угодно судьбе и господу. Но и я удивлен не менее, чем ты. Бывший раб и стюард теперь вице-король целой страны!

– Ну, положим, страна у меня маленькая! – смущаясь, махал рукой Компани. – Нечета твоей Голландии!

– Да важно ли это! – прерывал друга Рюйтер, наполняя до краев очередной бокал. – Давай лучше выпьем за нашу такую нелегкую, но все же такую прекрасную молодость!

На прощание друзья обменялись подарками. Рюйтер подарил Компани целую груду одежды и вещей, которые бы еще выше подняли престиж вождя среди его полуголых подданных. Компани, в свою очередь, одарил адмирала ожерельем с огромными жемчужинами, которое просил преподнести от своего имени его жене.

Закончив дела в Горее, Рюйтер перевел свою эскадру в Сьерра-Леону, чтобы там, подремонтировав корабли, и запастись дровами. Когда посланные матросы высадились для работ на берег, один из офицеров отправился вверх по реке и, встретив местных негров, завел с ними разговор. Словоохотливые аборигены тут же сообщили белому человеку, что невдалеке от них имеется небольшой остров, на котором англичане имеют свою торговую факторию и содержат в плену одного голландца вместе с женой и двумя дочерьми, поступая с ними, как с невольниками. Кроме этого эти англичане ранее грабили многие голландские суда, заходившие в здешнюю реку.

Узнав столь удручающие новости, Рюйтер озлобился не на шутку.

– Неужели людям мало океана и земли? Неужели звон золота столь сладок, что затмевает чувство жалости и сострадания к ближнему, а жажда богатства убивает добродетель? – ругался он, яростно топая своими ботфортами. – Я этого так не оставлю и не успокоюсь, пока не накажу этих негодяев!

Послав к острову один из своих кораблей, вице-адмирал потребовал немедленной выдачи пленников, грозя в случае отказа испепелить пушками все торговые магазины. Требование было немедленно исполнено, и пленный голландец со всей своей семьей был немедленно доставлен к Рюйтеру.

– Как вы попали к этим негодяем? – было первое, что спросил Рюйтер, прибывшего к нему недавнего пленника.

– Я торговал у Горее и был приглашен в гости английскими

купцами, которые и схватили меня во время ужина со всей моей семьей, тотчас разграбив все бывшие при мне товары Вест-Индийской компании. Затем английский корабль обманом захватил еще одно шедшее ко мне с товарами судно! – грустно рассказал свою историю неудачливый торговец.

Немедленно последовала команда высадить десант на остров и конфисковать все голландские товары, а заодно в отместку забрать и все английские. Проводником вызвался идти только что освобожденный купец.

– О, вы даже не представляете, как я сейчас счастлив, что могу отомстить этим мерзавцам! – крикнул он Рюйтеру, спрыгивая в шлюпку.

Посланные матросы объявили английскому губернатору волю адмирала и тут же стали сбивать замки с магазинов. Вычистив все, они погрузили товары на шлюпки и перевезли на корабли. Англичане пытались кое-что припрятать в близлежащем лесу, но бдительный голландский купец, несмотря на несущиеся ему в спину проклятья, тотчас раскрыл все их тайники. Однако даже при этом Рюйтер остался Рюйтером, веля оставить англичанам все съестные припасы и не трогать их домов и личных вещей. При погрузке конфискованных товаров на корабли, вице-адмирал велел все дотошно переписать и засвидетельствовать печатью английской конторы, в утешение купцам-грабителям он оставил свою расписку.

– Для чего такие нежности, господин адмирал? – спросил его несколько раздосадованный поведением Рюйтера купец.

– Все очень просто! – улыбнулся ему тот. – Я слишком хорошо знаю англичан. Едва начнутся очередные мирные переговоры, они тотчас выставят за этот товар такой счет, будто каждая штука материи была из чистого золота! Но теперь у нас есть, что им показать в ответ!

15 декабря 1664 года, подняв якоря и воздев паруса, эскадра направилась к берегам Кот-д, Ор, чтобы отобрать ранее забранные там англичанами голландские крепости. Вначале была атакована и захвачена крепость Такорари, находившаяся вблизи Короманделя. Сдавшихся изгнали из крепости, а товары, как обычно, конфисковали. После этого была отбита и вторая крепость Кормантин. Там же подле Кормантина Рюйтера нагнало посыльное судно, известившее вице-адмирала, что Генеральными Штатами велено отныне нападать на англичан в любых водах, кроме Европейских.

– Это почему же? – удивился командующий.

– Их высокомочия стремятся избежать большой войны! – ответил привезший письмо капитан.

– Это в высшей степени глупо! – пожал плечами Рюйтер. – Нельзя быть беременным наполовину!

В начале марта двинулся дальше вдоль африканского берега, выметая англичан с побережья и устанавливая голландский порядок. Впоследствии Гвинейский рейд знаменитого флотоводца будет приводиться ни как пример морского искусства, а как пример бережного отношения к людям. Имея тринадцать кораблей и многие сотни человек команды, Рюйтер за долгие месяцы этого нелегкого и изнуряющего похода не только не потерял ни одного человека, но и не имел ни одного серьезно больного.

– Я счастлив, что после моего плавания в Голландии не прибавилось вдов и сирот, их там и так более чем достаточно! – говорил он неоднократно в узком кругу.

Гвинейский поход был успешно завершен и теперь Рюйтер поспешил в Барбад, где по некоторым сведениям собрался большой английский торговый флот. Было совершенно очевидно, что англичан там много, и драться они будут отчаянно.

– Время африканских прогулок кончилось, начинается обычная кровавая работа! – объявил вице-адмирал.

В Барбадском заливе, где располагались две бывшие голландские крепостицы-фактории, Рюйтера встретили сильной пальбой. Не теряя времени даром и зная, что голландцы рано или поздно, но обязательно попробуют вернуть утраченное, англичане успели укрепить береговую оборону. Кроме этого к бою были приготовлены и стоявшие под берегом и вооруженные торговые суда.

Из старой голландской хроники: «Рюйтер прибыл в Барбад 29 апреля и, вступив 1 мая в залив, давал с обоих бортов залпы между двух крепостей. Немедленно с южной крепости острова открыли по его эскадре огонь, тридцать шесть английских купеческих судов, стоявших на якорях, дали по нему залпы. Голландцы так были разбиты, что едва могли маневрировать. Адмиральский корабль потерпел более других. Все паруса, все бегучие снасти, все брасы, булени, шхенели, штаги задней мачты и десять пар вант были перебиты. Ему дали три прострела у воды на правой стороне, два в большую мачту, а заднюю сбили. Неустрашимый Рюйтер оставался некоторое время в огне, поражая сам ужасно. Битва продолжалась не далее полтора часа, но была жаркая. На адмиральском корабле убито восемь человек и пятнадцать ранено. Напоследок голландцы, будучи не в состоянии более управляться, принуждены были отступить».

Барбадская операция успеха и славы Рюйтеру не принесла. О причинах неудачи можно только гадать. Скорее всего, англичане,

прослышав о карательном рейде голландцев, только и ждали их появления, заранее стянув в залив все возможные силы. А Рюйтер, в свою очередь, привыкший за время Гвинейского похода к слабому сопротивлению, просто забыл, с кем он имеет дело.

Нападение на французских кораблей на Мартинике в 1667 году

Как бы то ни было, но отброшенный от крепостей вице-адмирал едва-едва довел свою избитую эскадру до союзной Мартиники. Тамошний губернатор принял голландцев с пониманием, помог с ремонтом и пополнением припасов. Однако время не ждало и Рюйтер, тяжело переживая неудачу при Барбаде, торопился успеть нанести англичанам хотя бы еще один ощутимый удар. Не теряя времени, он снова выходит в море. На этот раз курс его кораблей проложен к Антильским островам.

– Пройдемся по тамошним портам и поглядим, не прячутся ли где-то там англичане. Если найдем, повыковыриваем! – объявил он жаждущим мщения командам.

Те ответили приветственными криками.

По пути к Антилам эскадра сошлась с большим голландским торговым флотом, осуществлявшим перевозки для французской короны и шедшим из Ла Рошеля. С купеческих судов прокричали, что война с Англией уже объявлена, но большого морского сражения еще не было, хотя все его и ожидают со дня на день.

– Прекрасно! – обрадовался Рюйтер. – Возможно, мы еще успеем завершить свои дела и поспеть к раздаче пышек!

– Стоит ли торопиться, – ответил ему кто-то из старых и умудренных жизнью капитанов. – Война только лишь начинается и пышек хватит на всех, не возрадуемся! Теперь лучше всего было бы подумать, как в целости и сохранности добраться до дома, а

не попасть под форштевень всего английского флота, который уж наверняка, будет нас сторожить всюду, уж больно мы ему насолили!

В ответ вице-адмирал промолчал. Да и что тут скажешь, когда старик-капитан был совершенно прав.

Несколько кораблей Рюйтер отделил от эскадры и направил в отдельное крейсерство с задачей перехватывать и пленить все английские торговые суда, встречаемые на пути. Местом сбора всех сил он объявил остров Святого Христофора. На следующий день разминулись с облезлой гамбургской баркой. С барки, едва завидев голландцев, сразу же прокричали, что совсем недавно видели девять английских торговых судов у острова Пиевеса и четыре у Монт-Серрата.

– Курс на Монт-Серрат! – велел Рюйтер.

– Почему? – спросили его. – Ведь у Пиевеса англичан больше, а значит, и куш будет сочнее!

– Зато Мон-Серрат ближе и вероятность поймать добычу у нас куда больше! – отвечал прагматичный командующий. – Нам же после Барбада сейчас нужен пусть самый маленький, но успех!

Расчет Рюйтера оказался верен. У Мон-Серрата голландцы появились столь внезапно, что англичане не успели ничего предпринять. Трофеем победителей стал большой 20-пушечный купеческий корабль по самую палубу забитый сахаром и табаком. Войдя же в залив, голландцы затем без всякого труда овладели еще четырьмя груженными товарами судами и тремя барками. После этого пришел черед и острова Пиевеса, подле которого спустили флаги еще шесть английских судов. Посадив на захваченные суда призовые команды, и отправив их в Голландию, Рюйтер продолжил свое крейсерство на торговых путях противника.

Командующий де Рюйтер и другие адмиралы прибывают на борт De Zeven Provinciën в июне 1667 года

Вскоре он был уже у острова Святого Христофора. Одна часть острова в ту пору принадлежала англичанам, а другая французам. Разумеется, что для пополнения припасов Рюйтер подошел к французскому берегу. Губернатор крепости Бас-Терры виконт де ла Сал встретил голландцев не менее приветливо, чем губернатор Мартиники. Чтобы еще более упрочить дружбу с французами, Рюйтер по дешевке продал им несколько захваченных английских

судов, в которых губернатор нуждался чрезвычайно. Этот жест доброй воли без ответа ни остался и голландцам сразу же для ремонта и отдыха был предоставлен режим наибольшего благоприятствования. Однако ни один из отправленных в отдельное крейсерство кораблей на соединение с эскадрой так и не пришел. Это вызывало тревогу, а потому, едва закончив починку, Рюйтер немедленно покинул гостеприимную Бас-Терру и направился к принадлежащему Голландии острову Святого Евстафия, являвшегося резервным пунктом сбора. К всеобщей радости все рейдеры оказались именно там, да не одни, а с массой захваченных купцов! Это был уже настоящий успех, британская торговля в океане была практически уничтожена!

Затем был стремительный бросок к острову Терре-Нев, где Рюйтеру без сопротивления сдались еще шесть больших судов. Теперь главной заботой Рюйтера было решение вопроса с кучей пленных англичан. После некоторых раздумий он поступил с ними так, как всегда поступал с пленными. На три английских судна были посажены все пленники, им дали все необходимое продовольствие от солонины до рыбачьих сетей и отпустили на все четыре стороны.

В битве за торговые пути в Атлантике этой победой была поставлена внушительная точка. После Терр-Нев Рюйтер повернул свои корабли к Голландии. Время не ждало, и эскадра спешила, как только могла. Однако идти кратчайшим путем в Голландию было бы в условиях только что начавшейся войны самоубийством и Рюйтер, с сожалением, но принял единственное решение следовать к родным берегам пусть долгим и окружным, но зато самым надежным путем, огибая британские острова с севера. Забив трюмы продовольствием, и налившись пресной водой, голландские корабли растворились в безбрежье Атлантического океана.

Пока Михаил Рюйтер штормует вместе со своими соратниками в продуваемых ветрами северных широтах, обратимся к событиям большой политики.

Часть четвертая
Спаситель Отечества

Глава первая
Новая распря со старым врагом

В февральские дни 1665 года Генеральные Штаты завершали последние приготовления к неотвратимой схватке со своим скандальным запроливным соседом. Помимо продолжавшегося острого торгового соперничества двух государств на морских дорогах была и еще одна немаловажная причина провоцировавшая столкновение – это личная ненависть английского короля Карла Второго к голландцам, который не мог забыть, как в дни его изгнаний они отказались дать ему приют. Столкновение двух великий океанских держав провоцировала и Франция, руководимая хитрой политикой Кольбера, создававшего свой собственный флот и мечтавшего о взаимном уничтожении других. При этом король Людовик Четырнадцатый обещал Голландской республике свою всемерную помощь. Что бы убедить правителей республики в своей искренности, король заключил Пиринейский трактат с Испанией, где торжественно поклялся отказаться от всех прав на испанские Нидерланды, т. е. на Бельгию. Это означало, однако, что как раз на испанские Нидерланды Людовик и покушается более всего. От голландцев же требовалось лишь в удобный момент пропустить сквозь свои владения французские войска на Бельгию. Формальному объявлению войны между Англией и Голландией предшествовал целый ряд взаимных нападений в отдаленных колониях руг на друга, из которых самым значительным был карательный поход Рюйтера.

Джеймс I (1556–1625), будущий король Англии, как ребенок, 1598, Bronckorst, Arnold van

В Англии после смерти Кромвеля произошла реставрация монархии. Вступивший на престол король Карл II и особенно герцог Йоркский (будущий король Яков II), занимавший перед вступлением на престол пост первого лорда адмиралтейства, очень интересовались флотом, видя в нем залог мошущества для страны. Королевство приняло флот от республики в прекрасном состоянии. Хотя для усовершенствований в военно-морском искусстве у герцога, весьма ограниченного и упрямого, не хватало

способностей; но в области тактики он всеже кое-чего достиг. Сомкнутая кильватерная колонна в бейдевинд была признана лучшим боевым порядком. Флот был разделен на 3 эскадры; цвета британского флага (красный, белый и синий) стали отличительными для адмиральских флагов. Улучшилось качество кораблей, артиллерии, лучше стали и команды. Хотя, по мнению, одного из английских историков: «Во флоте были и джентльмены и моряки, но моряки не были джентльменами, а джентльмены не были моряками».

Яков II Стюарт (англ. James II) – король Англии, Шотландии и Ирландии. Последний британский король-католик; свергнут в результате «Славной революции» 1688 года.

К ужасу англичан, голландская морская торговля так быстро развилась после первой войны, что через десять лет она превысила английскую в пять раз, несмотря на еще более обострившиеся при Карле II требования Навигационного акта.

Англия почти открыто готовилась к новой схватке за океаны,

которая должна была бы обеспечить ей там полное господство. Адмирал Монк однажды выразился так: «Зачем нам искать особый повод к войне. Мы просто для себя хотим большего от голландской торговли».

Подражая Сципиону Африканскому, Карл Второй, в те дни, заканчивая свои речи, неизменно прибавлял:

– Карфаген должен быть разрушен! Голландия должна убраться с океана!

Франция также намеревалась захватить южные земли Голландии.

Партийная борьба в самой Голландии еще более обострилась; оранская партия симпатизировала Англии и старалась усилить армию для борьбы с Францией. Республиканская же партия была на стороне Франции и видела единственное спасение в сильном флоте. Последняя партия, имея в руках торговлю и связанные с ней богатства, получила перевес, благодаря чему, как мы видели, многое делалось для флота. В отличие от прошлой войны теперь к подготовке к предстоящим боевым действиям на море и в Голландии отнеслись куда более серьезно и продуманно. Основу нового флота составляли ныне корабли специальной постройки. Помимо больших боевых кораблей начали строить и легкие разведывательно-дозорные суда – фрегаты, названные так в честь легких средиземноморских галер, которые издавна использовались для посылок. Значительно улучшилась и подготовка экипажей. Сам флот насчитывал к началу боевых действий 103 корабля всех классов. Главной задачей борьбы на море Генеральные штаты считали разгром и уничтожение английского флота, что обеспечило бы голландцам безопасность на всех торговых путях.

В преддверие больших морских боев было решено поощрить ряд флотоводцев высшими воинскими званиями. Советам адмиралтейств было велено определить трех претендентов на лейтенант-адмиральские звания: одного от Амстердамского, второго от Маасского и третьего от Ост-Фрисландского и Северного адмиралтейств. Вскоре были объявлены результаты голосования. Согласно им лейтенант-адмиралом от Маасского адмиралтейства стал Егберт Картенаар, от Ост-Фрисландского и Северного – Жан Корнелиц, а от центрального Амстердамского – Рюйтер. Так в свое отсутствие герой прошлой войны был возведен в высшую степень начальства морской службы своего Отечества.

В этой связи небезынтересен и несколько пространный текст выписки из повеления о новом звании Рюйтера. Вот, что он гласит: «Государственные чины Голландии и Вест-Фрисландии рассудили за благо, по соображению обстоятельств времени,

приступить к избранию лейтенанта-адмирала наших провинций под ведомством адмиралтейства, существующего в Амстердаме и поэтому постановляем, зная сами лично и по свидетельству оказанной нам верности, усердия и храбрости, МИХАИЛА ДЕ РЮЙТЕРА вице-адмирала реченной коллегии, чему он оказал столько доказательств в наших морских воинах. Мы его возводим и утверждаем в сими настоящими в звании лейтенанта-адмирала Голландии и Вест-Фрисландии под ведомством сказанного адмиралтейства. Вследствие чего, даем ему полную власть, могущество, начальство и пр. преследовать в сем достоинстве наших неприятелей и пр. совокупно с властью, сколько ему, возможно, будет в плавании по морям и рекам и пр. в полной уверенности и пр. Мы повелеваем всем офицерам, начальству и всякого звания воинским людям, служащим на море и на сухом пути и подчиненным нашей власти признавать реченного ДЕ РЮЙТЕРА за нашего лейтенанта-адмирала и оказывать ему почтение, должное ему в сем звании и под наказанием за неуважение. Дано в благополучной Гааге 29 января 1665 год».

Площадь у Тюремных Ворот в Гааге, Burgh, Pieter Daniel van der

Одновременно с присвоением высших званий, повышение в чинах получили и многие другие капитаны и офицеры. В преддверии войны, правительство стимулировало своих моряков,

тех, кому в самом скором времени предстояло пролить кровь среди волн Атлантики.

Пока Рюйтер со своими кораблями добирался домой, был принят и ряд мер для доукомплектования военного флота. К примеру, было запрещено всякое рыболовство и оставшиеся без работы рыбаки волей-неволей пополнили команды боевых кораблей. С капитанов брали письменные клятвы, что если кто сдаст в плен свой корабль или же уклониться во время боя от схватки того без всякого суда карать смертью. Помимо всего прочего, было срочно заложено 24 больших корабля и не весь флот разоружать на зиму. Все боеспособные корабли предполагалось снарядить к весне. Во всех голландских адмиралтействах и на всех английских верфях кипела лихорадочная работа.

– Мы вознаграждаем уверенность в храбрецах и возбуждаем боязливых к неустрашимости и подражанию первым! – говорили депутаты Генеральных Штатов, выступая перед представителями сословий.

После пиратских захватов англичанами голландских факторий в Гвинейском заливе и в Северной Америке и карательному рейду Де Рюйтера, англичане вновь совершили пиратское нападение. 29 декабря 1664 году в Гибралтарском проливе английский адмирал Эллин внезапно напал на флот, возвращающийся на родину – 30 коммерческих, нагруженных товарами судов, под конвоем всего лишь 3 военных кораблей. Голландский адмирал ван Бракель, сблизившись с англичанами, хотел салютовать, но был встречен залпом. Немедленно завязался бой; голландцы бились так храбро, что только три торговых судна попали в руки англичан. Получив известие об этом случае, Генеральные Штаты сделали распоряжение своим судам нападать на все находящиеся в европейских водах английские военные и коммерческие корабли и прервали дипломатические сношения – война, однако же, не был официально объявлена.

14 марта 1665 года глашатаи английского короля под звуки труб на площадях и улицах Лондона и Вестминстера провозгласили объявление против Генеральных Штатов, обвинив последних в пиратском нападении Рюйтера на свои торговые фактории в Африке и Антильских островах. Большая война, к которой все стремились и в то же время боялись, была начата.

К концу мая 1665 года флот Голландии, или как его официально именовали сами голландцы, морское ополчение Соединенных провинций, вышел в море. В своем составе он насчитывал более ста боевых кораблей, не считая брандеров, яхт и вспомогательных галиотов. Общее руководство флотом на

время отсутствия Рюйтера было возложено на лейтенанта-адмирала Вассенаара. Бывший кавалерийский полковник, барон ван Вассенаар-Обдам был очень храбр, но не обладал талантами флотоводца и достаточной верой в себя, что объясняется, вероятно, его непривычкой к морской службе. Так, например, он позволил Генеральным Штатам предписать разделение флот на 7 эскадр. Далее он получил категорическое приказание немедленно пойти и разбить неприятеля, так как, и не без основания, предполагалось, что неприятельский флот из-за большого недостатка в командах, сильно ослаблен; когда Обдам протестовал против такого ограничения свободы действий, Иоахим де Витт ему написал оскорбительное письмо, в котором даже выражал сомнение в храбрости Обдама. Но надо все-таки отметить, что Обдам приобрел за последние годы кое-какой опыт в морском деле. Образ действий Иоахима де Витта был, несомненно, дурным началом этой большой операции. Перевооруженные незадолго до начала войны коммерческие суда оставались под начальством своих капитанов, которые сами по себе были прекрасными моряками, но понятия не имели о боевом маневрировании флота. Они не знали, ни своих офицеров, ни начальников. Связи между судами не было, корпоративный дух почти отсутствовал.

Английский флот, состоящий из ста пятнадцати кораблей, двух десятков брандеров и большого числа других судов, вышел из своих баз несколькими днями раньше. Возглавлял его на этот раз герцог Йоркский. Джозеф Йоркский был противником серьезным. Он хорошо знал и любил морское дело и много воевал на суше. Учителями герцога были великий Тюренн и принц Конде. Сорокалетний герцог был строг и желчен, подчиненные не любили его за надменность и скупость. Фанатичный католик, он, в добавок к этому, был и истовым иезуитом, не знавшим пощады и снисхождения даже к своим.

– Я иду убивать, и я убью их всех! – сказал он, прощаясь с братом королем.

– Пощади хотя бы одного! – заметил в шутку Карл Второй.

Герцог шутку не понял:

– Одного я тебе показать привезу, но потом его все равно следует повесить на рее!

– Теперь я верю в твою победу, мой милый брат! – прослезился Карл.

Оба противника были настроены решительно, ведь от исхода первого столкновения мог вполне зависеть весь ход, только что начавшейся войны. Обоим нужна была только победа, причем победа как можно более впечатляющая.

Получив донесение о выходе голландского флота, герцог Йоркский уже 1 мая снялся с якоря и тоже вышел в море, хотя вооружение его судов не было совсем закончено. Он блокировал в течение 2 недель голландские порты, чтобы помешать соединению боевых эскадр и перехватывать коммерческие суда; особенно важно было англичанам поймать конвой де Рюйтера. Однако недостаток провианта, а также сильный шторм заставили герцога Йоркского вернуться. Вскоре и он получил категорическое приказание выйти в море и немедленно ушел в Солебей, чтобы не быть застигнутым в узком фарватере. Там, задержанный восточными ветрами и непогодой, он 11 июня стал на якорь в 5 милях от берега.

Вечером 13 июня англичане и голландцы сошлись в нескольких милях от Лоустовского маяка. Весь вечер и всю ночь противники напряженно маневрировали, стремясь выиграть друг у друга ветер, а едва поднялось солнце, сошлись в смертельном поединке. Англичане были на ветре, но голландцев это особо не смутило.

Из британского описания сражения: «Ранним утром 13 июня, когда прогремели первые выстрелы, флоты противников лежали относительно ветра на противоположных галсах. Английский флот шел правым галсом курсом зюйд-зюйд-ост, голландский – контркурсом, занимая подветренное положение. Каждый корабль мог стрелять по противнику в момент расхождения, а затем прекращал огонь до подхода следующего вражеского корабля. Концевые корабли вынуждены были ждать сближения с кораблями противника. Головные же полностью выходили из боя, как только расходились с вражеской линией. После первого подобного расхождения флоты развернулись на обратный курс, и все повторилось на другом галсе. Ветер был слабый, а оба строя были настолько длинны, что между этими эпизодами прошло почти пять часов, причем больше часа флоты находились вне пределов досягаемости друг друга артиллерией. Подобные маневры не годились для сражения. Хотя корабли расходовали много боеприпасов, создавали много шума, но они могли бы продолжать действовать в том же духе несколько дней, не добиваясь, увы, серьезных результатов. Однако оба флота представляли, что необходимо делать, и после второго поворота англичане пытались лечь на параллельный курс с голландцами. Но в дыму и хаосе боя их маневр не удался, и сражение переросло в старомодную свалку. Поскольку боевая линия оказалась сломана, адмиралы начали охоту друг за другом, чтобы устроить личные дуэли, а эскадры, следуя за ними, сбились в беспорядочную кучу».

Корабли на якоре в спокойном море, 1679, Cappelle, Jan van de

Первоначально со стороны голландского флота приняла участие только часть их флота, которая оказалась наиболее близко к противнику. Другая эскадра тоже открыла яростный огонь, но из-за дальности расстояния их ядра не долетали до цели. Лейтенант-адмирал Вассенаар, державший свой флаг на 84-хпушечной «Конкордии», поняв, что несколько ошибся в своих расчетах. Пытаясь связать англичан огнем до подхода отставшей части флота, он ринулся в атаку прямо в центр неприятельских сил. Вассенаар атаковал «Роял Чарлз», на котором держал свой флаг Джеймс герцог Йоркский. Одним из первых залпов голландцы поразили большую группу английских офицеров, собравшихся на юте. Чей-то отлетевший череп сломал герцогу руку.

Из хроники войны: «Англичане были под ветром, Обдам, следовательно, был в выгодном для нападения положении, но он им не воспользовался и лег далеко от противника в бейдевинд. Герцог немедленно снялся с якоря, пошел Обдаму навстречу, но лишь на следующий день приблизился настолько, что всю ночь оба флота были в виду друг у друга. Обдам так и не воспользовался благоприятным случаем для нападения. Ночью ветер перешел к юго-западу, англичане оказались на ветре и

немедленно начали бой. Донесения о бое расходятся и не точны.

Оба флота находились на высоте устья Мааса, посередине между неприятельскими берегами, недалеко от мелей Габарда. Ветер юго-восточный свежий, небо безоблачно. Английский флот шел на юго-юго-восток в кильватерной колонне; длина линии определяется в ряде источников в 15 миль, что вряд ли возможно, если бы все 109 судов шли в строю; оно правдоподобно, если в боевой линии участвовали бы только 85 настоящих военных кораблей, с более чем 30 орудиями. Но и тогда, при расстоянии только одного кабельтова между судами (т. е. между их грот-мачтами) длина линии достигла бы 11–12 миль. Голландский флот шел под ветром навстречу. Обдам внезапно на рассвете, около 2,5 часов ночи поднял сигнал вступить в бой. По правилам того времени он должен был бы сперва собрать военный совет, и это ему потом ставили в вину. Но мог ли он так поступить, имея на ветре неприятеля, ищущего боя?

Положение голландцев было для внезапного нападения невыгодным, так как вследствие перехода слабого до того времени ветра на юго-юго-восток и юго-запад, их строй пришел в беспорядок, чему немало способствовала неопытность коммерческих капитанов. Но начальники эскадр не находились во главе своих частей. Передача приказаний и восстановление строя осложнялись большим числом эскадр. При таких обстоятельствах Обдаму следовало несколько спуститься, чтобы выиграть время и исправить свой строй, но после сделанного ему упрека, а также вследствие перемены ветра, поставившего голландцев в невыгодное положение, он отчаялся и с рассветом приказал начать бой.

Беспорядок, в котором находился голландский флот, не мог быть сразу исправлен; после, в бою, это еще труднее было сделать: некоторые суда оставались под ветром, не будучи в состоянии принять участие в сражении, другие находились в таком положении, что маскировали огонь находившихся под ветром судов. Тяжесть боя несли на себе голландские флагманские корабли (их было 21) и небольшое число кораблей с испытанными в боях командирами. На некоторых судах даже не были вынуты дульные пробки из орудий.

Ход боя представляется следующим: голландцы под ветром на курсе запад-северо-запад, англичане на ветре идут на юго-юго-восток, оба флота на сходящихся курсах. В 3 часа начался бой. Голландцы несколько спускаются, так что флоты ведут контр-галсовый бой на большой дистанции, при чем многочисленные мелкие голландские орудия не достигают своими выстрелами противника, тогда как более тяжелые и дальнобойные

английский пушки наносят противнику чувствительный вред. Лишь два особенно плохих английских корабля настолько ушли под ветер, что попали в линию голландцев и были ими взяты. Кортенар убит, его флагманский корабль, не спуская адмиральского флага, спустился под ветер.

В 6 часов оба флота поворачивают последовательно, и наступает перерыв боя. Затем они снова идут друг на друга и сходятся другими бортами. Обдам снова старается занять наветренное положение, но англичане идут так круто к ветру, что маневр не удается. Вторичное прохождение контр-галсами не дает ничего нового. Как только голландцы прошли, герцог Йоркский поднимает сигнал „повернуть все вдруг“, чтобы лечь на параллельный неприятелю курс и сделать бой решительным. Это перестроение несколько расстроило английскую линию, что, однако, не имело дурных последствий, аварий не было; но цель достигнута – оба флота на параллельных курсах, англичане на ветре.

Герцог Йоркский прибавил парусов; его „Ройял Чарльз“ быстроходное судно, тогда как корабль лорда Монтегю – тихоход, вследствие чего герцог со своей эскадрой оказывается впереди флота. В 10 часов флоты сближаются, начинается бой на близких расстояниях. Английский флот обступает со всех сторон голландцев, начинаются одиночные бои по всей линии. Преимущества англичан благодаря большому водоизмещению их судов и лучшей артиллерии несомненны, особенно выделяются в этом отношении трехдечные корабли. К невыгоде голландцев надо отнести беспорядок их строя. Все большее число судов следуют примеру корабля Кортенара, может быть, следуют за его флагом, уходя под ветер из обстрела неприятельской артиллерии.

Обдам еще больше спутал свою линию тем, что, следуя примеру герцога Йоркского, вышел вперед, чтобы стать головным. Англичане спускаются для уменьшения боевой дистанции, голландцы делают то же, так что оба флота идут рядом в бакштаг под малыми парусами. Произошло небольшое замешательство, когда английский главнокомандующий увидел, что идущий впереди флагманский корабль Лоусона сначала спустился под ветер, а потом снова поднялся. Густой пороховой дым мешал определить причину; чтобы в любом случае сохранить наветренное положение, герцог Йоркский приводит к ветру, вместе с ним приводит его эскадра, и удаляется несколько от неприятеля. Когда пришло известие, что Лоусон тяжело ранен, англичане снова повернули на противника».

Внезапно на глазах у всех «Конкордию» подбросило вверх и в тот же миг разорвало в клочья. Из пятисот членов экипажа не

спаслось ни одного человека, включая и самого командующего. Оглушающий взрыв был слышен даже за шестьдесят миль в Гааге. О причинах внезапной гибели голландского флагмана гадали еще долго, однако, большинство склонялись к тому, что в раскрытую для подачи пороха дверь крюйт-камеры «Конкордии» влетело шальное английское ядро и решившее в одно мгновение судьбу многих сотен людей. Черный столб от взрыва корабля еще несколько минут висел в воздухе, а затем порывами ветра его разнесло над морем и смешало с клубами порохового дыма продолжавших огонь орудий. Теперь о существовании огромного корабля напоминали лишь плавающие на его месте деревянные обломки, да державшиеся за них несколько чудом уцелевших матросов.

Согласно инструкции в случае смерти Вассенаара командование голландским флотом должен был принять лейтенант-адмирал Кортенаар. Но Кортенаару повезло не больше, чем командующему. В самом начале боя он сошелся с англичанами на пистолетный выстрел. Храбрый адмирал собирался свалиться на абордаж. Капитан уже взял в руки трещотку, чей пронзительный треск был сигналом к абордажу. В этот момент в упор пущенное неприятельское ядро почти сразу убило капитана и оторвало руку штурману. Тот выпустил штурвал, и корабль начал отдаляться от противника. Видя это, Эгберт Кортенаар сам встал за залитый кровью штур, но в этот момент второе ядро оторвало ему голову. Потерявший управление корабль павшего лейтенанта-адмирала беспомощно закачало на крутых волнах. Капитан Эйт Антес Стайнстр принял командование кораблем, но не сумел собрать вокруг себя разбредшейся во все стороны эскадры.

Немного поодаль сражался опытнейший вице-адмирал Ян Эвертсен, но он являлся представителем малозначительного Зеландского адмиралтейства и, согласно списку, преемственности в командовании стоял далеко в середине. А поэтому, когда Эвертсен, видя всю трагичность ситуации, поднял на грот-мачте флаг командующего, это ни на кого впечатления не произвело.

Быстрая и почти одновременная гибель двух первых флагманов вызвала полную растерянность среди голландских капитанов. Никто из них оказался не готов объединить вокруг себя остальных.

Из хроники войны: «Своим выходом вперед Обдам образовал прореху в центре, в которую входит лорд Монтегю, благодаря чему голландская линия делится на 2 части; это, собственно, не было прорывом линии противника и осталось без решительных

последствий. Против корабля Монтегю направляется большой корабль Ост-Индской компании, берет его на абордаж – но в то же время на последнего нападают несколько английских судов и голландский корабль взлетает на воздух. Когда „Эндрахт“ в 2 ч. подходит на траверз „Ройял Чарльз“ – а герцог Йоркский приказывает держать на него, начинается крайне ожесточенный бой между обоими главными флагманскими кораблями, в котором принимают участие еще несколько английских судов. В 3 ч. начавшийся на голландском корабле пожар достиг порохового погреба и он, вместе с главнокомандующим, взлетел на воздух. Это произвело панику у части голландцев. Корабль Кортенара спускается на фордевинд, за ним следует все большее количество судов. Оставшемуся в живых адмиралу (третий тоже был убит) остается лишь прикрывать отступление, что ему с уцелевшими судами и удалось. В общей сутолоке две группы голландских судов по 3 корабля сталкиваются; их уничтожают брандеры. 9 кораблей взяты англичанами».

Ост-Индский рынок, 1666, Eckhout, Albert

Каждый теперь был предоставлен самому себе. Разворачиваясь и поднимая все возможные паруса, голландские корабли брали курс к родному берегу. Сражение при Лоустовском маяке, к которому столь долго и кропотливо готовились, было начисто проиграно, едва только начавшись. Во время всеобщего бегства, три голландских корабля неудачно маневрируя во всеобщей неразберихе, намертво сцепились между собой и были тут же превращены в прах, атаковавшим их брандером. Другие были окружены английскими кораблями, но бились до тех пор,

пока не были разбиты вконец, дорого отдавая победу над собой. Героически отбивался, окруженный со всех сторон, «Оранж». Корабль захватили, но был настолько избит, что англичанам пришлось его взорвать.

Однако был и другой случай. Команда корабля «Карл Пятый», состоявшая преимущественно из завербованных немцев и скандинавов, взбунтовавшись, перебила часть своих офицеров, связала капитана и, спустив паруса, сдалась англичанам.

Часть сил сумел как-то собрать вокруг себя младший флагман вице-адмирал Корнелий Тромп, сын покойного «дедушки» Тромпа. Увидев, что Эвертсен поднял флаг командующего, он тотчас поднял такой же. Голландский флот убегал под знаменами сразу двух командующих!

Однако в отличие от Эвертсена, Тромпу все же удалось кое-что. Вице-адмирал не только смог прикрыть бегство своих менее мужественных соратников, но с шестьюдесятью кораблями выдержал несколько бешенных атак англичан, после чего организованно пробился в Тексель. Семнадцать кораблей дошли до Вли, а тринадцать до Мааса.

Последние корабли привел за собой известный храбрец и забияка лейтенант-адмирал Зеландии Эвертсен. Маасцы встретили его появление на причале презрительным свистом и градом булыжников. В довершение всего кто-то толкнул адмирала в воду, и тот наверняка бы утонул, если бы не бросившиеся ему на помощь матросы. Такое отношение было в высшей степени несправедливо. Именно Эвертсен первым начал сражение и был последним, кто покинул поле боя. Но таков уж народ, который сегодня может до небес возносить своего кумира, а завтра его же низвергать с только что воздвигнутого пьедестала на самое дно. К чести Эвертсен, он воспринял происшедшее, как должное, а вскоре нашел доказательства своей невиновности и был публично оправдан.

К своему стыду англичане так и не воспользовались плодами своей победы. Поражение голландцев могло превратиться в полнейший разгром, решись они преследовать более настырно. Тогда господство на море на долгое время безраздельно перешло бы к ним в руки. Но ничего этого не произошло.

Из хроники войны: «При энергичном преследовании весь голландский флот должен был быть уничтожен, так как после смерти Обдама и следующего по старшинству Кортенара (его флаг все время оставался не спущенным), остальные флагманы не знали, кто остался в живых и кому следует вступать в командование. Бегущий флот разделился: Эвертсен с авангардом идет к устью реки Маас, к ближайшему месту стоянки и

условленному месту рандеву (в 50 милях) за ним следуют 16–17 судов; Тромп Младший, считая Эвертсена убитым, направляется в Тексель (в 90 милях), за ним 60 судов; он храбро отбивает преследование англичан.

К счастью голландцев, англичане убавили паруса; благодаря этому оба адмирала могли безопасно доставить остатки флота в собственные порты. Эвертсен, 65-летний выдающийся, храбрый и заслуженный адмирал, подвергся в Бриле нападению черни, которая его избила, проволокла по улицам и бросила в воду.

Голландцы потеряли 17 лучших кораблей, 3-х адмиралов и 4000 человек, англичане – 2 корабля, 2-х адмиралов и 2000 человек. Но и тут данные расходятся: английские источники говорят о 14 потопленных и 18 захваченных судах с 2000 пленными. Во всяком случае, потери голландцев в личном составе и в количестве судов были неизмеримо тяжелее. Победу одержали англичане – но конечным ее результатом могло и должно было бы быть полное уничтожение неприятеля. Сыграла будто бы роль боязнь придворных за жизнь августейшего главнокомандующего».

Едва последние из беглецов ошвартовались в родных гаванях, как начались многочисленные расследования и аресты командного состава. Многие были посажены в тюрьмы, а трое из бежавших капитанов были изобличены в личной трусости и расстреляны. Над головами других палачи ломали их дворянские шпаги, обрекая на вечное бесчестие, третьи были просто разжалованы в матросы. Волна репрессий захлестнула и невиновных. Так бывший штурман Кортенаара, тот самый, которому оторвало руку, после чего он бросил штурвал, с веревкой на шее был изгнан из Голландии. Робкие объяснения штурмана, о том, что он был тяжело ранен, никто даже не захотел выслушать.

Поражение у Лоустофта, особенно в Голландии, обычно приписывается убитому в этом бою Обдаму. Насколько такое суждение несправедливо, показывают результаты работ комиссии адмиралов после боя; ему не только был предписан строй флота и его задачи, но даже категорически приказано немедленно вступить в бой, и выражено сомнение в храбрости. Вина тут в обстоятельствах общего характера, недопустимых для ведения войны и командования. В голландском флоте недоставало настоящего вождя, способного добыть победу. Голландскому флоту не хватало де Рюйтера.

В отличие от впавшей в уныние Голландии в Англии, наоборот, исход первого морского сражения начавшейся войны отмечали радостно и шумно. По всем английским городам шли

непрерывные празненства. Самоуверенность англичан дошла до того, что один из их сановников, задержанных по случаю войны в Гааге, во всеуслышание гордо заявлял, что отныне на протяжении как минимум двух лет ни один голландский корабль не посмеет выйти в море. На что ему тут же возразили:

– Участь империй и республик в руках одного лишь провидения. А оно часто определяет за внезапными успехами, самые неожиданные последствия!

Впрочем, и у англичан не обошлось без скандала. Герцог Йоркский обидевшись, что получил за одержанную победу меньшую награду, чем он рассчитывал, гордо удалился в отставку, чтобы почивать на лаврах героя среди дам высшего света. Король Карл Второй определил было командовать флотом дуумвират: принца Руперта (кузена герцога Йоркского) и графа Сандвича (Эдварда Монтегю). Но те сразуже переругались между собой, кто из них главнее. В результате этого принц Руперт тоже подал в отставку и единоличным морским вождем Великобритании стал граф Сандвич.

Поражение при Лоустофе, впрочем, не поколебало решимости руководства Соединенных провинций продолжить борьбу на море.

– Один проигрыш это еще не поражение! – часто говорили в те дни на улицах голландских городов. – Англичанам вне всяких сомнений просто повезло, рано или поздно должно повезти и нам, главное верить в это, и не опускать руки!

Битва Лоустофт, 13 июня 1665

В то время как Англию захлестнула волна победной эйфории и шапкозакидательских настроений, в Голландии вовсю кипела напряженная и кропотливая работа. Во всех приморских провинциях занимались только одним – чинили и латали поврежденные корабли, с удвоенным усердием строили новые. Усердие не пропало даром и уже спустя пару месяцев стало очевидно, что в скором времени боевая мощь голландского флота будет не только полностью восстановлена, но и значительно превысит прежнюю.

Самая большая проблема, которая оставалась, однако, по-прежнему, не решенной – была проблема нового командующего флотом.

Разумеется, периодически, депутаты штатов вспоминали опытнейшего Рюйтера. Но Рюйтер был далеко в океане, к тому же, от него давным-давно не было никаких известий. Время же не ждало и приходилось выбирать из тех флотоводцев, кто был под рукой. После долгих раздумий и споров депутаты остановили свой выбор на вице-адмирале Корнелии Тромпе. Вице-адмирал, несмотря на молодость, был уже весьма опытным флотоводцем. Кроме того, именно он более всех иных отличился в битве при Лоустофе, сохранив основную часть флота от истребления. Не последнюю роль при выборе вице-адмирал сыграла и фамилия, воспринимаемая многими, как символ грядущих побед. Противники Тромпа высказывали сомнения в лояльности вице-адмирала Штатам, говоря о несомненной близости всей семьи Тромпов к Оранскому дому, все еще мечтающему о восстановлении монархии в Голландии, и находящемуся сейчас в эмиграции.

– Можем ли мы рисковать, чтобы, зная об этом, вверять ему все морские силы республики? Как знать, не поднимет ли Тромп оранжистские флаги, едва выйдет в море. Не переметнется ли он со всем нашим флотом на сторону врага! Вспомните, ведь принц Вильгельм Оранский имеет совершенно равные права как на престол в Голландии, так и на престол в Англии? – говорил не без основания многоопытный и осторожный семидесятивосьмилетний советник-пансионер Голландии и Вест-Фрисландии Жак де Витт, старейшина большого и влиятельного семейства Виттов.

– Но кто-то ведь должен вести флот в море! – отвечал ему извечный оппонент Витта по ассамблеям губернатор Миддельбурга Жак Борсель. – А Тромп на сегодня лучшее, что есть у нас под рукой!

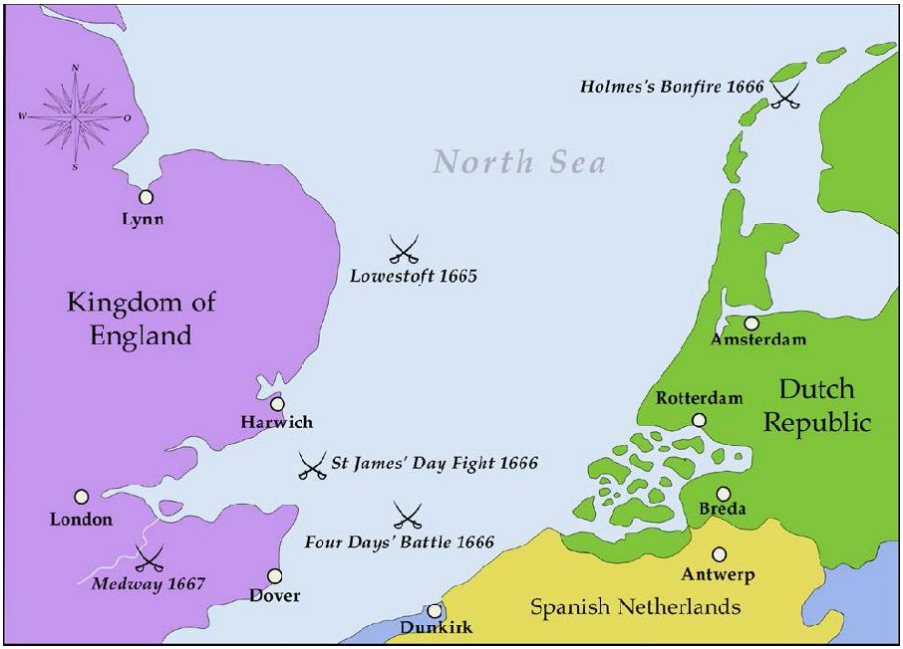
В конце-концов, Тромпа привели к присяге на верность республики, а после того, как он присягнул, присвоили звание лейтенанта-адмирала Маасского адмиралтейства, вместо павшего Кортенаара. А чтобы за ненадежным командующим был хороший пригляд, вместе с ним в море было решено послать трех полномочных представителей, которым Тромп должен был быть подчинен, и с которыми обязан был согласовывать все свои решения. Нельзя сказать, что Корнелий Тромп был весьма обрадован такими ограничениями, которые грозили в быстро меняющейся обстановке привести к самым тяжелым последствиям, но он принял все условия, и стал усердно готовиться к выходу в море.

Впрочем, вскоре на флоте произошло событие, весьма поколебавшее лояльность премьер-министра правительства Голландии Йохана де Витта к новому командующему. В один из дней на флагманском корабле Тромпа вспыхнул бунт. Матросы выкрикивали имя принца Оранского и грозились поднять его флаг, крича, что пойдут в бой только под этим знаменем. Капитану и офицерам стоило большого труда их успокоить. Однако спустя пару часов бунт вспыхнул с новой силой. На этот раз матросы ворвались в капитанскую каюту, бросив ему в лицо котел с провонявшейся ячменной похлебкой, требуя готовить им обеды из более качественной пищи. На борт пришлось вызвать солдат. Наиболее активных крикунов заковали в железо и на следующий день вздернули на рее. Однако по всему флоту сразу же пошли разговоры, что этот бунт неспроста и за всем этим стоит прооранжистски настроенный адмирал Тромп. Занервничали, узнав об этом и в Гааге. Однако менять командующего пока было вс еравно не на кого и Йохану де Витту пришлось смириться с кандидатурой Тромпа. Вскоре Тромп мог уже доложить, что флот полностью снаряжен и готов покинуть Тексель, чтобы вновь попытать счастье в драке с англичанами.

Нападение на норвежский порт Берген, 12 августа 1665 года.

Тем временем английский флот в составе семидесяти кораблей, под командой адмирала Монтегю (лорд Сандвича), сторожил возвращавшуюся из океана эскадру Рюйтера. Увы, эта операция завершилась для англичан ничем. Со специального высланного ему навстречу галиота, Рюйтер был оповещен о последних неудачах и, взяв курс далеко к северу на норвежский Берген, и умело используя туманы, оставил своих сторожей ни с чем.

8 августа 1665 года в Гаагу пришло известие из маленького северного голландского городка Дельфцил, что расположен при впадении Эмса в Фивель. Туда, наконец-то, пришла эскадра Михаила Рюйтера. Новость эта вызвала бурю восторга по всей Голландии.



Основные местам сражений второй англо-голландской войны: помимо Бергена, большинство боев проходило в южной части Северного моря.

Сам Рюйтер доносил Генеральным Штатам, что из двадцати кораблей его эскадры девять готовы к выходу в море хоть сейчас. Остальные нуждаются в некоторой починке, но тоже вполне боеспособны, хотя по причине долгого плавания имеют весьма обшарпанный вид. Им необходимо только заменить паруса. Команды находятся в прекрасном состоянии, больных нет. Однако из-за того, что все утомлены долгим и трудным плаванием, матросов и офицеров необходимо хоть немного освежить береговым воздухом.

С собой Рюйтер привел пять больших призовых судов, доверху забитых слоновой костью и золотом. Остальные двадцать шесть захваченных им судов были или утоплены или проданы во время экспедиции. Кроме всего прочего, Рюйтер привез и украшенную бриллиантами и изумрудами золотую корону. Эту корону послал на Золотой берег тамошнему царьку д, Ардру в подарок герцог Йоркский, как залог дружбы с Англией, но подарок, увы, до места своего назначения так и не прибыл, а был перехвачен крейсерами Рюйтера. Восхищение от свершенного Рюйтером еще более усилилось, когда от рыбаков стало известно, что англичане давным-давно ждали прихода крейсерской эскадры и всеми силами старались ее перехватить.

Вот сохранившееся описание обстановки вокруг кораблей

Рюйтера после их прибытия: «При слухе о его (Рюйтере – В.Ш.) возвращении, невероятное множество народа всех стояний столпилось в Дельфциле. Порт вмиг наполнился любопытными: любовались адмиральским кораблем, на корме которого развевалось множество английских флагов. Дворянство, простой народ, поселяне, знатные женщины, мещане и деревенские, теснились насладиться сим прекрасным и славным для нации зрелищем. С нетерпением садились в перевозные лодки, чтоб быть на адмиральском корабле. Всякий полагает счастьем увидеть сего великого человека. Присутствие его рассеял ужас, нанесенный неудачею, храбрость каждого оживилась. На Рюйтера взирали как на ангела-покровителя и с его появлением не верили, что можно было чего бояться. Такой прием, конечно, есть славная награда генералу за труды и беспокойства. Он должен бы быть предметом каждого, кому вверяется на море или на сухом пути судьба нации. Эту награду заслужил РЮЙТЕР, и – получил».

Неизвестно, кто первым подал мысль: Рюйтера в командующие! Скорее всего, идея эта витала в те дни во многих головах. Вполне вероятно, что высказал ее именно премьер-министр. Назначение Рюйтера на пост командующего сразу же решало вопрос с лояльностью Тромпа. Не прошло и нескольких дней с момента прихода лейтенанта-адмирала с моря, как Генеральные Штаты уже собрались на ассамблею, где единогласно избрали Рюйтера полновластным предводителем всего голландского флота.

– Лучшего предводителя над нашим морским ополчениям трудно себе и представить! – наверное, впервые за долгие года совместных заседаний пришли к общему выводу два старых оппонента советник-пансионер Жак де Витт и бургомистр Жак Борсель. – Рюйтер все исправит и добудет победу!

В тот же день в Дельфциль к Рюйтеру был послан патент о новом назначении. Получив его, лейтенант-адмирал немедленно прибыл в Тексель, где был встречен оглушительным крепостным салютом, которым вторили и уже стоявшие на внутреннем рейде корабли. Толпы людей бежали с приветственными криками ему навстречу, крича лишь одну фразу:

– Рюйтер, добудь нам победу!

Но назначению нового командующего были рады далеко не все. Голландский флот мгновенно разделился на две враждующие партии. За Тромпа выступала аристократическая верхушка, прежде всего именитые капитаны и офицеры, те, кто считал подчинение плебею Рюйтеру личным оскорблением для себя, а также некоторая часть старых матросов, служивших некогда еще под началом старшего Тромпа, а потому весьма чтивших эту

фамилию. На стороне Рюйтера же всецело были капитаны и офицеры, мобилизованные на время войны с купеческих судов и подавляющая часть матросов, которым простак и бывший матрос Рюйтер был куда ближе, чем вечно расфуфыренный и надменный гордец Тромп. Обстановка накалилась столь сильно, что власти стали не на шутку опасаться драк и поножовщины на кораблях. В порты были спешно стянуты роты мушкетеров и алебардистов, которые беспощадно разгоняли матросов, едва те начинали перебранки о том, чей командующий лучше.

Разобиженный внезапным отстранением от должности Тромп, немедленно подал в отставку, заявив в самых крепких выражениях, что не желает, и не останется служить под началом выскочки Рюйтера.

– Моими стараниями спасена большая часть флота при Лестофе, затем моими же стараниями флот восстановлен и подготовлен к новой битве! Но в самый последний момент невесть откуда является этот пройдоха Рюйтер и отбирает у меня главнокомандование! – брызгал он в бешенстве слюной. – Меня оскорбили, а я оскорблений не прощаю! Я Тромп, а не какой-нибудь Рюйтер! Я знаю, что меня отстраняют от должности командующего не по деловым качествам, а по причинам политическим! Я жертва закулисной интриги!

Свои обвинение против Рюйтера и позицию всех тех, кто, так или иначе, имел отношение к его назначению, Тромп огласил на ассамблеи Штатов во всеуслышание, прося освободить его от нынешней кампании, ибо он, испытывая отвращение к новому командующему, не желает служить под его командой.

Не день и не два депутаты Штатов вместе с депутатами адмиралтейств убеждали Тромпа остаться на флоте во имя спасения республики. Лишаться Тромпа в столь не простое время никому не хотелось. Прежде всего, потому, что он был все же весьма авторитетен на флоте, кроме этого полное изгнание Тромпа выглядело бы, как открытая расправа с приверженцев Оранского дома, а партии братьев Витт сейчас было совсем некстати обострять отношения с эмигрантской оппозицией.

Самым лучшим выходом в создавшейся ситуации было бы назначение Тромпа в подчинение Рюйтеру и их непременное примирение. Во-первых, своенравный оранжист был бы под присмотром законопослушного командующего, а во-вторых, никто не мог бы упрекнуть власти, что Тромп пострадал за свои политические убеждения.

– Мы понимаем твои чувства, но сейчас не время для личных дрязг, сочтетесь с Рюйтером славой после победы! – убеждал строптивца старик Жак де Витт.

– Если тебе дорого Отечество, то пожертвуй собственным честолюбием во имя его блага! – вторил ему бургомистр Жак Борсель.

– Ладно, – согласился, в конце концов, Тромп. – Я останусь служить и еще покажу всем, чего стоит потомственный адмирал в сравнении с пивным трактирщиком!

Рюйтер, в силу своего незлобливого характера, к выходке Тромпа остался внешне совершенно безразличен, и тактично сделал вид, что ничего не произошло. Хотя, естественно, все происшедшее было ему более чем неприятно.

Чтобы успокоить офицеров и матросов, оба адмирала показались вместе перед всем флотом, демонстративно обойдя все корабли на яхте. Вид мирно беседующих адмиралов примерил враждующие партии. Теперь стало возможным по настоящему заняться подготовкой к выходу в море.

На новшествах Рюйтера, которые он ввел, после своего вступления в должность, необходимо остановиться особо, ибо они были по тем временам совершенно революционны.

Вот как описывает военные приготовления нового главнокомандующего российский дореволюционный историк лейтенант Щеглов: «Прежде всего, из трех эскадр было выделено по 7 кораблей с соответствующим числом брандеров, из которых сформирована четвертая, резервная эскадра в 21 корабль. Назначение этой эскадры, согласно инструкциям, состояла в том, чтобы в бою следить за действиями остальных трех эскадр и в случае нужды идти к ним на помощь. Управление резервной эскадрой было в руках главнокомандующего, от которого зависело, употребить ли всю эскадру или лишь отделить на помощь часть резерва. Те же инструкции определяли, что во всех случаях под конец боя окончательная атака и удары производятся непременно с помощью резерва. Затем главнокомандующим было установлено, что для управления флотом в бою, начальники эскадр могут из-за трудности при пороховом дыме, различать сигналы главнокомандующего, действовать самостоятельно и давать своим судам (дивизиям) сигналы об абордаже и другие распоряжения. Это разрешалось при условии, что начальники эскадр все же будут наблюдать, по мере возможности, за сигналами главнокомандующего, а их распоряжения соответствовали главным намерениям главнокомандующего.

Корабли каждой эскадры должны соблюдать строго установленный строй, за выход из которого командир первый раз подвергался штрафу в 200 ливров, а затем смертной казни. Нарушение строя разрешалось не иначе, как лишь по особому для всего флота или эскадры сигналу об общем абордаже.

Погоня за неприятелем и отделение дл этой цели от эскадры должно было производиться не иначе как по сигналу адмирала. В погоню назначались корабли близкой к неприятелю дивизии. Число же отделяемых для погони кораблей определялось с таким расчетом, чтобы число преследующих кораблей было всегда на один корабль более числа преследуемых. В случае разделения эскадр и судов было установлено, всякий раз перед выходом в море, назначать место рандеву.

При эскадре было назначено несколько отдельных фрегатов и галиотов исключительно для спасения утопающих.

Для разведочной службы флота было установлено, что каждая эскадра отделяет по три фрегата и по три галиота.

Аллегория расцвета голландского промысла после второй английской войны (1665-67), 1671, Eversdijck, Willem

Подвоз продовольствия и боевого снаряжения к флоту был организован помощью особых галиотов, одна часть которых должна была следовать с флотом, а другая часть высылалась из портов в заранее условленное в море рандеву.

По отношению к внутренней организации флота Рюйтером было также сделано много нововведений. Впервые на суда были взяты солдаты, численность которых на флоте была доведена до 3200 человек. Было приказано иметь наготове свинец, с помощью которого надлежало топить официальные и секретные документы, в случае захвата корабля неприятелем. В санитарном

отношении на эскадре было значительно увеличено число докторов, которых прежде почти вовсе не имелось. Кроме этого для поддержания здоровья команды Рюйтером было приказано обратить особое внимание командиров на улучшение пищи нижних чинов.

Для подъема духа соревнования в личном составе было объявлено, что за потопление брандера установлена награда в 3000 ливров. Затем было обращено самое серьезное понимание на внедрение дисциплины, для чего были пересмотрены уставы и усилены степени наказаний за проступки и нерадение. Кроме того, из всего личного состава флота на адмиральские корабли были выбраны лучшие лоцмана, особо хорошо знакомые с английскими берегами. Наконец, для руководства адмиралам и командирам были изданы подробные инструкции, разъясняющие им различные построения эскадр на походе и способ построения в боевой порядок.

Анна ван Гельдер стала третьей и последней женой Рюйтера.

Но Рюйтер не ограничился всеми этими письменными распоряжениями, а ввел систематические эскадренные учения, для производства которых пользовался всяким удобным случаям. Учения эти заключались в том, что флот, разделясь на две части, упражнялся в двухсторонних маневрах, благодаря которым выяснилось, насколько начальники усвоили различные инструкции главнокомандующего. Кроме этого, эскадры упражнялись схватываться на абордаж, выигрывать друг у друга ветер, а так же в сигналопроизводстве. Во время упражнений выяснилась неспособность некоторых командиров, которые и были сменены».

Может показаться невероятным, но всю эту, поистине

титаническую работу Рюйтер проделал всего за одну неделю!

Утром 16 августа 1665 года Рюйтер уже принимал в Текселе присягу об официальном вступлении в новую должность. В полдень того же дня лейтенант-генерал скромно обвенчался в местной церкви с вдовой своего давнего друга, недавно погибшего капитана Жака Паулусца Анной ван Гельдер. И здесь «простак» Рюйтер оказался верен старинной морской традиции, когда товарищ погибшего моряка, обязательно забирает к себе в дом его вдову и детей. Анна ван Гельдер стала третьей и последней женой Рюйтера.

На другой день лейтенант-адмирал уже вывел свой флот в море навстречу врагу.

Голландский биограф Рюйтера так охарактеризовал его, как командующего флотом: «Природа одарила Рюйтера всеми способностями героя … мужество во всех случаях, управляемое благоразумием, приобретенным долгим упражнением и почти беспрестанными занятиями. Он часто повторял, что без опытности и без привычного занятия невозможно быть искусным мореходом, что все учившиеся в школах всему, чему только можно научиться и способные отвечать на все предложенные вопросы в мореплавании, не найдутся при первом путешествии на море. Они не будут уметь решиться в непредвиденных случаях, и принуждены будут прибегать к искусству, опытом наученных. Он говорил, что ему непонятно, как можно поручать начальство кораблем такому человеку, который не знаком ни с морем, ни с ветрами и который в битве всегда сам не свой. Отправляясь в экспедицию, он брал офицеров, бывших в море, утверждая, что должно получать государственные выгоды одним только опытным людям. Он говорил и судил только о себе. Опыт его тому научил, познакомив его с разными странами, берегами и обычаями разных земель, с положением портов, с песками, банками, глубинами, с правилами избирать место сражения, выигрывать ветер и удерживать, согласовывать прилично свои сигналы, устраивать флот в ордер баталии, избирать благоприятное время, предвидеть и избегать опасности, наблюдать свои выгоды, и выдумывать воинские хитрости. Наконец, он научился никогда не полагаться на других. При малейшем шорохе, даже ночью, он являлся на палубе и желал сам увериться о происходившем, простирая свое внимание даже на малейшие предметы. Офицеры и матросы имели к нему совершеннейшую доверенность и с ним шли на бой бесстрашно…»

Голландские морские силы на этот раз насчитывали девяносто три корабля и фрегата, на которых имелось почти четыре с половиной тысячи пушек и двадцать тысяч команды.

Европа застыла в изумлении, как быстро голландцы оправиться от неудачи и явить вновь столь огромную мощь.

Когда флагман Рюйтера проходил мимо корабля Тромпа, последний приветствовал командующего поднятием шляпы. Это видели, и с удовольствием отметили многие. Однако никто не знал, что после этого Тромп спустился к себе в каюту и, раздраженно бросив шляпу в угол, выкрикнул сам себе:

– Напрасно этот трактирщик думает, что я сломлен! Я еще покажу себя, и все узнают, каков я, Корнелий Тромп!

Увы, к большому сожалению, свое обещание лейтенант-адмирал Тромп вскоре выполнит.

Генеральные Штаты вменяли в задачу своему флоту, прежде всего, обеспечить безопасный проход к голландским берегам возвращающегося из восточной Индии торгового каравана, после чего решительно атаковать, разбить, а если будет возможность, то и истребить английский флот.

Яхта и военный корабль, 1699, Сиур, Aelbert

Первый выход Рюйтера в море удачи ему не принес. Лейтенант-адмирал вывел свой флот, чтобы попытаться перехватить и уничтожить небольшой крейсерский отряд британского капитана Тидемана, якобы бывшего под Бергеном, но, подойдя к Бергену, голландцы англичан там не обнаружили.

Пришлось ни с чем возвращаться домой. Впрочем, Рюйтер даром времени не терял, беспрестанно упражняя свой флот в маневрировании. Уже на подходе к своим берегам, голландцы попали в сильный шторм, от которого сильно потерпели.

Начало второго похода сулило Рюйтеру удачу. Прежде всего, были получены достоверные сведения, что английский флот усмотрен неподалеку от Гарвича. Его дозорные фрегаты перехватили и пленили две сторожевые английские яхты. Пленные рассказали, что английский флот числом семь десятков кораблей уже несколько дней крейсирует у берегов Норвегии, надеясь перехватить возвращающиеся из Вест-Индии торговые суда, но ничего там не найдя, направились к Ютландии и сейчас, судя по всему, должны уже вступить в залив Бреезунда.

– Идем и мы к Норвегии! – решил Рюйтер.

– Нынешняя кампания обещает быть северной! – без особого энтузиазма вздыхали офицеры и матросы, кому не очень улыбалось драться в штормовом Немецком море у неприветливых утесов холодной Скандинавии.

Но и Рюйтеру на этот раз также не повезло. Англичан он не нашел, те упорно не желали принимать вызова, зато попал в продолжительный шторм и подрастерял по морю добрую половину своего флота. Пришлось вернуться и занять наиболее выгодную позицию для перехвата англичан между Текселем и Вли, куда постепенно собрались все отставшие голландские корабли.

Однако Рюйтер сумел сделать главное встретить и почти без потерь довести до дома очередной океанский конвой с товарами под самым носом у англичан. По существу англичанами был захвачен всего лишь один отставший транспорт, но лучше б они его не захватывали!

Как стало известно позднее, совсем неподалеку там же в Северном море в течение целого месяца крейсировал в поиске Рюйтера со своим флотом граф Сандвич, но море на этот раз развело противников, не дав им встретиться между собой. Один из английских капитанов записал в своем дневнике с видимым сожалением: «Море слишком обширно и туманно, а ночи очень помогают голландцам избежать встречи с нами». Англичанин себе льстил! Рюйтер не избегал встречи, а, наоборот, искал ее!

А в Англии с возвращением флота в базы поднялся новый скандал. Дело в том, что, захватив голландский транспорт, английские моряки под предводительством своего командующего подвергли его столь разнузданному грабежу, что скрыть этот факт не удалось. Гвоздику, мускат, медные слитки и мешки с

самоцветами растаскивали все кому не лень. Граф Сандвич был немедленно изгнан послом в скучную Испанию, а на его место возвращен разобиженный принц Руперт.

Но на этом беды английского флота не закончились. Лондон внезапно поразила «черная смерть» – чума. Люди умирали тысячами. Все обезлюдело и спряталось. Эпидемия бушевала в Англии все лето1665 года, унеся около 100.000 человек. Флот спасали лишь тем, что никого не спускали на берег, а палубы окуривали серой.

Новая позиция занятая Рюйтером, была столь выгодна, что англичане не могли его никак тревожить, сам же он был готов в любой момент следовать на север и на юг, ибо контролировал перекресток всех ближайших морских путей. Но англичанам было сейчас, явно, не до голландцев.

Не теряя времени даром, Рюйтер готовил своих подопечных к будущим боям. Он разделил флот на несколько эскадр, которые с утра до вечера примерно нападали друг на друга и маневрировали. Это были первые в мире грандиозные маневры флота! В конце каждого дня проводился строгий разбор, где командующий отличал лучших и ругал худших, уча и тех и других.

Одновременно с учебными боями, Рюйтер отрабатывал действия по пушечным и флажным сигналам с флагманского корабля, отрабатывая все элементы и варианты морского боя.

Сегодня действия Рюйтера кажутся вполне естественными, но тогда они были столь новаторски и необычны, что многие вообще не могли толком понять, что же происходит. Англичане, которым доложили, что голландцы отчего-то палят друг в друга, первоначально даже обрадовались, что на флоте противника возник мятеж, но, разобравшись во всем, долго недоумевали, для чего это Рюйтеру вдруг понадобилось впустую тратить порох и изматывать команды, когда и так все предельно ясно и понятно!

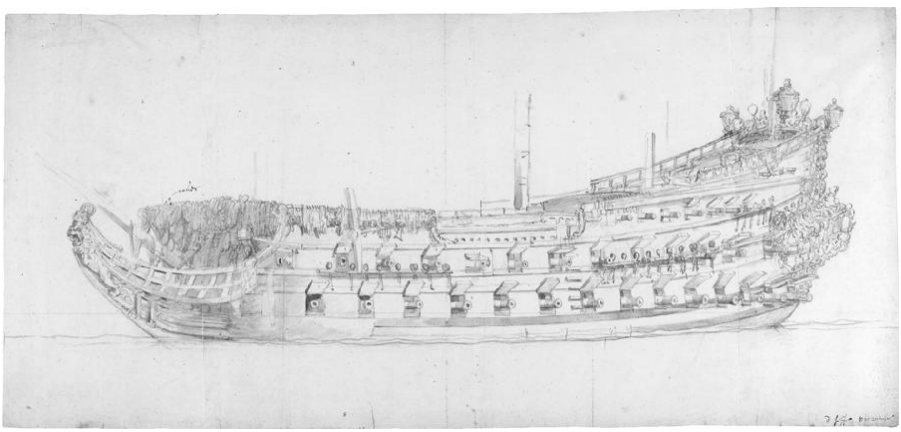
Пройдут годы, пока система обучения Михаила де Рюйтера станет понятна всем, и ее станут принимать как само собой разумеющееся.

Даже если бы Рюйтер за всю свою жизнь не совершил ничего, кроме своего проведения общефлотских учений в море, то и тогда его имя было бы достойно, чтобы о нем помнили потомки!

Но голландский командующий не ограничивался лишь учебой, война есть война и враг, как известно, никогда не дремлет. Во все стороны лейтенант-адмирал разослал дозорные яхты и фрегаты. Те занимались проводкой купеческих судов, искали англичан, вступая с ними в мелкие бои, стремясь навести их на свои главные силы. Однако принц Руперт упорно не желал

ввязываться в большую драку с Рюйтером, предпочитая ждать, пока голландский командующий совершит какую-нибудь ошибку. Но Рюйтер действовал безошибочно, и герцогу не оставалось ничего лучшего, как прозябать в порту. Наконец, он не выдержал и вышел в море.

Своим флагманским кораблем в эту кампанию Рюйтер избрал 80-пушечный «Семь Провинций». Именно на палубе этого корабля ему будет суждено одержать свои самые знаменитые победы. «Семь Провинций», только год назад спущенный с ротердамской верфи, считался на тот момент лучшим кораблем голландского флота. Длина флагмана Рюйтера составляла 163 фута, ширина 43 фута, а глубина интрюма 16,5 фута. Вооружение флагмана составляли 80 орудий. Команда без малого, пятьсот человек. Корабль отличался хорошим ходом и превосходной маневренностью, кроме этого он был и тщательно отделан. Пятиярусная корма была разукрашена красивой резьбой, на гакаборте красовались три огромные фонаря из золоченой бронзы, так что вся кормовая надстройка возвышалась почти до середины грот-мачты. Однако, несмотря на свою, хоть красивую, но весьма громоздкую корму, «Семь Провинций» смотрелся весьма изящно и величественно. Это был именно корабль командующего!



De Zeven Provinciën (с нид. – «Семь провинций»; 1665) – 80-пушечный парусный линейный корабль, построенный на верфи Адмиралтейства Роттердама.

…Когда англичане объявились северо-западнее Вли их сразу же обнаружили заранее высланные дозоры Рюйтера. Принц Руперт не стал испытывать судьбу и на этот раз. Поняв, что он обнаружен и со дня на день на горизонте появится частокол голландских мачт, принц поспешил вновь развести флот по своим базам.

Тем временем голландский флот пополнился новыми кораблями. То привел отряд в одиннадцать вымпелов капитан Ваннес. Под прикрытием флота удачно прошел в Голландию и вест-индийский караван. Английским каперам удалось захватить лишь несколько отставших небольших судов.

Было и еще одно радостное известие. В январе 1666 года войну Англии объявила Франция и, хотя флот нового союзника оставлял желать много лучшего, все же это была серьезная поддержка. Партия премьер-министра (великого казначея) Голландии Йохана де Витта давно ориентировалась на короля Людовика. В том был свой резон. Флот и морская торговля Версаля пока были еще столь слаб, что не представляли никакой конкуренции для голландцев, одновременно материковые притязания Людовика Четырнадцатого вовсе не затрагивали интересов Гааги. В свою очередь, Франция пока видела в Нидерландах хороший противовес, как Англии, так и Испании. Однако при этом Людовик тайно поддерживал партию принца Вильгельма Оранского и интриговал против ярого республиканца да Витта. Союз был не прочный, но это всеже был пока союз. Французский посол граф д, Эстрада, интимно держа Йохана де Витта под локоть, говорил ему с милой улыбкой:

– Я не могу предсказывать будущее, но совершенно уверен, что противные ветры и другие препятствия будут так сильны, что французской эскадре никак не удастся соединиться с голландской!

Увы, с голландской эскадрой французский флот так никогда не соединится, зато через не столь уж большой промежуток времени, он соединиться с эскадрой английской… В политике никогда не было, и нет друзей, есть только интересы.

Тем временем, в надежде на генеральный бой Рюйтер избороздил весь Пролив, доходя до самого устья Темзы, но англичане упорно не отказывались принять его вызов. Над флагманским «Семь Провинций», вызывая на бой противника, развевался флаг Генеральных Штатов: красный с золотым львом, держащим в правой руке серебряный меч, а в левой пук золотых стрел с голубыми перьями. Рядом с ним трепетал на ветру и голландский национальный флаг: оранжево-бело-синий.

«Семь провинций» – 80-пушечный парусный линейный корабль

– И эти трусы еще смеют называть себя нашими победителями, когда боятся при виде нас даже высунуть нос из своих нор! – от души хохотали над незадачливым противником матросы, за кружкой доброго пунша.

Истощив в бесплодном крейсировании запасы воды и продуктов в самый канун нового года, Рюйтер возвратился в Тексель.

– Несмотря на то, что мы так и не смогли сразиться с противником, я не считаю нынешнюю кампанию неудачной! – заявил Рюйтер на собрании Генеральных Штатов в Амстердаме, куда он приехал. – Теперь не англичане, а мы хозяева моря! Не мы, а они боятся схватки. Что же касается нашего флота, то ныне он боеготов как никогда! За эти слова я отвечаю своей головой!

В собрание Штатов Рюйтер прибыл в той же одежде, в какой находился и в море. На нем был серый грубый кафтан и толстые шерстяные коричневые чулки. Единственным украшением одежды были серебряные пряжки на высоких башмаках. Так ходили по рынкам местные бюргеры, так любил ходить и «простак» Рюйтер. Однако теперь никого уже особо не волновало, как одевается и чем увлекается этот странный для многих человек. Депутаты верили его таланту, верили его словам.

Все были очень довольны результатом последнего похода Рюйтера. Торговые суда прибыли в целости и сохранности,

английская же морская торговля была почти на год полностью парализована. Командующий был осыпан похвалами за свое благоразумие и храбрость. По окончании совета Рюйтер отправился в местное адмиралтейство и сдал чиновникам целый ворох английских флагов, находившихся у него еще со времени африканского рейда, там же он оставил и ставшую уже знаменитой золотую английскую корону, отказавшись от трофея в пользу республики. Растроганные таким поступком советники адмиралтейства тут же предложили флотоводцу председательствовать в Амстердамском адмиралтейском совете, что, само по себе, являлось большой наградой.

А вскоре посланец Генеральных Штатов уведомил лейтенанта-адмирала, что «их высокомочия, уверенные в его ревности к Отечеству, поручили ему вооружить флот Штатов и привести его в состояние к выступлению весною».

Всю зиму Михаил Рюйтер трудился, что называется, не покладая рук, и к весне голландский флот был вполне готов к продолжению спора за морское господство. Безвозвратно кануло в прошлое время, когда голландцы, пытаясь противостоять англичанам, ставили пушки на большие торговые суда, от которых было зачастую больше мороки, чем пользы. Теперь флот почти полностью состоял из новых кораблей специальной постройки.

Среди почти сотни готовых к кампании вымпелов, три с половиной десятка кораблей были многопушечными, насчитывавшими от 60 до 80 пушек и с экипажами до полутысячи человек, еще тридцать пять имели до 60 пушек. Кроме этого имелась дюжина 40-пушечных фрегатов, полтора десятка брандеров, столько же малых дозорных фрегатов и больше двух десятков пузатых галиотов с запасами пороха, воды и продовольствия. Отдельный галиот Рюйтер загрузил пивом, в котором понимал толк сам и которое весьма почитали все голландские моряки. В помощь военным силам Ост-Индийская кампания прислала двадцать своих судов, снарядив и вооружив их до зубов за собственный счет. Разговоры о колоссальных приготовлениях голландцев к решительной битве за море распространились повсюду. Самые азартные заранее заключали пари. На Рюйтера против принца Руперта ставили три к одному.

Принц Руперт (Рупрехт) Пфальцский, герцог Камберлендский – лидер противников парламента в ходе английской Гражданской войны.

Почтить своим вниманием известного адмирала прибыл весь цвет тогдашней Европы: курфюрст Бранденбургский и принц Оранский, принц Голштинский и принц Ангальтский. Все они специально приехали в Тексель, чтобы осмотреть голландский флот и засвидетельствовать свое почтение его командующему. В честь именитых гостей Рюйтер накрыл прямо на палубе своего флагмана огромный обеденный стол. Играл оркестр, принцы и курфюрст безостановочно поднимали бокалы. Первым сник и упал носом в тарелку нестойкий принц Голштинский, затем та же участь постигла и принца Ангальтского. Курфюрст

Бранденбургский и принц Оранский, оказались несколько покрепче и еще какое-то время держались, однако, затем и их постигла общая участь. Когда под стол упал последний, Рюйтер велел прекратить музыку, гостей разнести по каютам, а на ночь определить матросов, чтобы смотрели за принцами, дабы те не захлебнулись спьяну в собственной блевотине.

К утру гости несколько пришли в себя и отъехали чрезвычайно довольные устроенным им приемом. Проводив именитых визитеров, лейтенант-адмирал, набил табаком любимую глиняную трубку и, закурив, подошел к своему капитану:

– Думал ли мой отец когда-нибудь, что его сына, как бы, между прочим, навестят сразу четыре принца, да еще, оставшись живы после устроенной попойки, благополучно отбудут восвояси!

– Могу сказать одно, – хмыкнул в кулак капитан. – Что сыновья трактирщиков в деле выпивки будут весьма покрепче сиятельных особ!

– Это уж точно, – рассмеялся Рюйтер. – И думается, что не только в выпивке!

А на причале уже теснилась целая толпа молодых разодетых щеголей.

– А это кто еще такие? – кивнул на них лейтенант-адмирал.

– Французские дворяне прибыли с дозволения своего короля учиться у вас морскому искусству! – доложил вахтенный офицер.

– Зови сюда, будем знакомиться! – велел Рюйтер.

Молодые аристократы гурьбой приблизились к командующему.

– Я лейтенант-адмирал Рюйтер! – сказал тот. – А вы кто такие?

В ответ послышалось:

– Граф де ла Гюиш!

– Сын маршала де Грамона!

– Барон Луи Гримальди!

– Маркиз де ла Ферте!

– Принц Монакский!

– Я рад вас приветствовать на своем корабле, господа! – мрачно приветствовал золотую молодежь Рюйтер. – Сейчас вас распишут волонтерами по кораблям, и надеюсь, что в скорых боях каждому из вас найдется дело и возможность отличиться!

Помимо волонтеров, в силу союзного договора, Франция объязывалась выслать на театр войны свой Тулонский флот в тридцать кораблей. Действительно, вскоре этот флот перешел в Брест, где, однако, надолго замер в полной недвижимости.

В те же самые дни по другую сторону Пролива лихорадочно

вооружался другой флот – английский. В Темзе стояло более восьмидесяти кораблей, готовых к кровавому спору с голландцами. Назначенные командовать им принц Руперт и его младший флагман генерал Джордж Монк, пожалованный титулом герцога Альбемарле, объезжали их шлюпкой, проводя смотр. Стокновение двух морских армад теперь было неизбежно.

Глава вторая
Четыре жарких дня при Па-де-Кале

8 июня 1666 года Рюйтер во главе своего морского ополчения покинул Тексель и направился прямиком к берегам Англии, чтобы, не откладывая дело в долгий ящик, найти противника и померяться с ним силой. На широте Кале адмирал созвал к себе всех капитанов и произнес речь, достойную ее воспроизведения: «Приходит время нашей судьбы. Мы имеем дело с неприятелем гордым, тщеславным, который ищет нашей погибели. Благоденствие Голландии, ограждение наших жен, детей, наших семейств зависит ныне от нашего мужества и благоразумия. Загладим стыд, причиненный нам поражением в прошлом году. Мы должны ожидать сильного сопротивления, ибо англичане искусные мореходы и храбрые солдаты, но должно победить, или умереть. Наше дело правое и мы можем уповать на Провидение Всевышнего. Робкие, которые не последуют моему примеру, избегая славной кончины, должны ожидать поносной смерти»!

Собравшиеся с энтузиазмом отвечали в один голос, что готовы жертвовать собой ради счастья Отечества.

Продолжая свой путь, голландский флот бросил якорь прямо против устья Темзы. Более откровенного и дерзкого вызова на бой трудно было себе представить. Коротая время, офицеры потягивали пиво, играли в кости. Матросы занимались своим любимым делом: приготовлением и потреблением знаменитого в голландском флоте «собачьего пирожного», состоявшего из перемешанных с водой и растертых в порошок сухарей, сала и сахара. Но настроение у всех было тревожное: противник должен был объявиться с часу на час.

Вечером 11 июня дозорные фрегаты пушечными сигналами известили флот, что вдалеке, наконец-то, появился неприятель.

– Ну, слава всевышнему! – крестились на голландских кораблях. – Теперь уж дело пойдет!

Утром следующего дня англичане сближались в боевом порядке, молчаливые и сосредоточенные. На кораблях обоих флотов, как всегда, торопливо посыпали палубы мелким песком да ставили в орудийных деках ендовы с терпким уксусом. Песок чтоб не скользить и не падать, уксус – чтоб отбивать терпкий запах крови и остужать раскаленные пальбой орудийные стволы.

Рюйтер был явно в ударе, настал миг, которого он так долго ждал. Хладнокровно и деловито он отдавал последние приказания перед боем. Англичане меж тем приближались. Оба

флота находились в длинных кильватерных колоннах. Монк, будучи на ветре, спустился на голландский авангард, бывший под началом Тромпа, однако, при этом английский арьергард сильно растянул строй. В свою очередь голландский центр и арьергард оказались под ветром и потому не смогли начать боя одновременно с Тромпом.

Первым открывает по ним огонь авангард Корнелия Тромпа. Было где-то около полудня. Вначале, как и обычно, заговорили пушки нижних деков, предназначенные разбивать и разрушать неприятельские корпуса еще на дальней дистанции, затем их поддержали стоящие в средних деках кулеврины, предназначенные так же для дальней стрельбы, но уже по парусам и людям, по причине своего небольшого калибра. Когда же корабли сблизились почти вплотную, в дело вступили расположенные на палубах камнеметы, заряженные гвоздями, железным ломом и даже булыжниками. Они били уже, калеча и убивая, только по людям.

Рюйтер атаковал противника со свойственной ему стремительностью. Все капитаны немедленно последовали его примеру, и сражение сделалось всеобщим. Маневр был проделан чрезвычайно удачно. Англичане, будучи на ветре, и имевшие от сильного ветра большой крен на левый борт не могли использовать наиболее мощные батареи нижнего дека, тогда как тяжелые орудия голландцев грохотали вовсю. Вот очередной порыв ветра еще больше накренил британские корабли и теперь уже даже пушки верхних деков начали палить рядом с собой в воду. Дебют партии принц Руперт с герцогом Альбемарле проиграли вчистую!

– Хорошо! – потирал руки Рюйтер. – Хорошо начали!

Кроме всего прочего, голландцы впервые применили специальные снаряды – брандскугели, которыми весьма успешно рвали такелаж английских кораблей. Снаряды оказались для англичан полной неожиданностью.

Сражение меж тем протекало с упорством. Несмотря на большие потери и неудачную позицию, англичане отступать пока не собирались. Повсюду уже виднелись избитые мачты, расстрелянные паруса, плавающие среди волн безжизненные тела, а азарт боя еще только разгорался по-настоящему. Несмотря на явно неудачное начало, англичане сражались горячо.

Около четырех часов флагман Рюйтера несколькими продольными залпами пустил на дно тяжелый британский фрегат. В неистовой пальбе минул еще час. Историк пишет: «Рюйтеру… удалось отрезать несколько английских кораблей и взять в плен два флагманских корабля. Между 5 и 8 часов вечера

сражение было в полном разгаре, причем голландцам удалось направить на англичан три брандера, из которых один иметь успех».

Но Рюйтер готовил противнику еще один неприятный сюрприз. До поры до времени англичане о нем не догадывались, что вполне естественно, куда расфуфыренному принцу и сухопутному генералу было до опытнейшего морехода Рюйтера! Не торопясь, но неотвратимо голландский командующий загонял англичан на мель. Когда те, наконец, поняли, в чем дело, было уже поздно. Выбор был не велик или садиться на мель, что означало неминуемое уничтожение или пытаться вырваться из ловушки сквозь колонны голландских кораблей, которые как раз замыкали окружение. Англичане избрали прорыв. Их флот, наконец, лег на другой галс, поворотив через фордевинд, стремясь обойти стороной Фландрское мелководье. Британские корабли постепенно выровнялись, и их огонь стал более действенным. Но, повернув в сторону, англичане сразу же попали под действенный огонь эскадр лейтенантов-адмиралов Эвертсена и де Бриеса, которые до той поры все никак не могли сблизиться с противником, и принять деятельное участие в сражении. Теперь свою невольную заминку они восполнили с лихвой! Воспользовавшись тем, что боевая линия противника оказалась весьма растянутой, Эвертсон и де Бриес, пропустили буквально все британские корабли через свои смертельные жернова, после чего над неприятельским флотом густо заполыхали огненные языки пожаров. Три английских корабля, разбитые более других, будучи не в состоянии следовать за своим флотом, были тут же взяты на абордаж.

Сражение второй англо-голландской войны 1–4 июня 1666.

Особо долгой была борьба за 65-пушечный «Генри», находившийся под флагом старого служаки контр-адмирала Джона Хармана. «Генри» долго сопротивлялся, даже будучи в полном окружении. Затем его атаковали брандером, но какой-то храбрый английский лейтенант успел отвести его в сторону от своего корабля. Тогда голландцы пустили второй брандер, который и поджег «Генри». Началась паника. Первым за борт прыгнул корабельный священник. За ним остальные. Раненный Джон Харман все же сумел остановить панику, а затем и вывести свой корабль из неприятельского кольца. Но это нисколько не меняло общей картины. Первый день англичане проиграли по всем позициям. Из 56 кораблей в строю у них осталось только 43.

Несмотря на явную неудачу, генерал Монк продолжал драться с неослабевающим упорством и отступил только тогда, когда над морем опустилась непроницаемая тьма. Всю ночь противники лихорадочно приводились в порядок, стремясь к утру исправить все, что было переломано минувшим днем.

Из хроники войны: «В ночь с 10 на 11 июня оба флота из-за тумана стали на якорь посредине между берегами Ла-Манша, восточнее места, где происходило Габардское сражение. 11 июня в 9 часов утра, при свежеющем юго-юго-западном ветре, оба флота увидели друг друга, при чем более слабые англичане немедленно снялись с якоря и бросились на неприятеля, желая использовать свое выгодное наветренное положение. Советники –

моряки Монка – тщетно старались ему доказать, что при сильном ветре суда будут сильно крениться и придется задраить нижние батареи. Де Рюйтер по той же причине не ожидал нападения, благодаря чему большинству его командиров пришлось рубить якорные канаты, чтобы иметь время выстроить линию. Монк пошел на восток и вскоре сблизился с противником, который лег на юго-юго-восток в бейдевинд правым галсом; Тромп был значительно впереди него. Монк также привел к ветру и со своим тесно сомкнутым флотом (35 судов) начал жестоко наседать на Тромпа; это было около полудня. Постепенно стали подходить середина и арьергард голландцев, и отставшие английские суда. Эскадре Тромпа сильно доставалось, ему самому пришлось перейти на другой корабль. Из опасения сесть на мель англичане в 4 часа повернули все вдруг; Тромп последовал их примеру. Благодаря этому головные суда англичан сошлись с центром де Рюйтера и понесли большие потери. Подошедший Эвертсен был вскоре убит: англичане потеряли своего 27-летнего вице-адмирала Беркли. Обоим потерям предшествовали особо горячие схватки окружавших своих адмиралов судов. Лишь при наступлении полной темноты прекратились одиночные бои; англичане направились дальше к северо-западу, а голландцы энергично принялись за исправление своих поврежденных судов. Этот первый день не дал ни той, ни другой стороне решительного успеха, на что англичане, благодаря их сравнительной слабости, и не могли рассчитывать. Превосходная атака Монка, направленная на часть противника, дала ему возможность нанести неприятелю существенный вред. У голландцев сгорело 2 корабля, тогда как англичане потеряли 5, из них 3 захвачены и 2 потоплены. Три голландских легко поврежденных корабля были посланы отвезти призы; два сильно пострадавших флагманских корабля должны были уйти в свои порты. План де Рюйтера был нарушен поспешностью и необдуманностью Тромпа; последнему следовало обождать подхода центра и арьергарда, чему обстоятельства весьма благоприятствовали. Недостаточная опытность голландцев, их более слабая артиллерия, недисциплинированность младших флагманов и более плохие мореходные качества кораблей не дали им возможности одержать решительной победы».

С рассветом 12 июня Рюйтер созвал к себе флагманов и капитанов, чтобы еще раз убедить их сражаться так же мужественно, как и в первый день и не ослабевать натиска. Англичане открылись в дистанции одной мили. Оба флота, обнаружив друг друга, сразу же устремились в бой. Голландцы что бы упрочить вчерашний успех, англичане, горя желанием,

переломить ход неудачного для них сражения. Мужество англичан было достойно восхищения, так как с учетом вчерашних потерь подавляющий численный перевес был теперь на стороне голландцев, но упорство герцога Альбемарле-Монка только усугубили ситуацию и еще больше приблизили англичан к полному разгрому.

Адмирал де Рюйтер

Голландцы держали курс на норд-вест, англичане правили к зюйду. Сблизившись с противником, Рюйтер поднял сигнал поворота на зюйд, чтобы лечь на курс параллельный противнику. Англичане, поняв его маневр, немедленно отказались от выигрыша ветра и вместо этого резко повернули по ветру на голландский флот. Таким образом, после недолгого маневрирования оба противника шли сходящимися курсами, изо всех сил поражая друг друга из всех пушек. Над волнами стоял непрерывный орудийный грохот, напрочь заглушающий все иные звуки. Из-за близкой дистанции повреждения и тех и других были ужасающими. Затем несколько стих ветер и, несколько разойдясь, противники тотчас принялись исправлять то, что еще можно был исправить. Но затишье продолжалось не долго. Вскоре ветер снова посвежел и англичане с голландцами с новыми силами ринулись в бой.

Над «Семью провинциями» Рюйтера взвились сигналы, призывающие сваливаться с англичанами на абордаж при малейшей к тому возможности. Внезапно Рюйтер услышал далеко за боевой линией противника ожесточенную канонаду. Опытному флотоводцу не составляло труда мгновенно понять, что там в самом центре неприятельских сил сейчас идет яростный бой, но кто и каким образом оказался там, было неизвестно. Верный своему принципу никого и никогда не оставлять в беде, лейтенант-адмирал принимает смелое решение прорваться с ближайшими кораблями к месту схватки и поддержать оказавшиеся там корабли. Отважно прорезав английскую линию, неся серьезные потери, но и сам, сея вокруг себя смерть, он пробился к окруженным. Ими оказались корабли Корнелия Тромпа, который чрезвычайно храбро, хотя и чрезвычайно опрометчиво проник в самый центр неприятеля всего лишь с пятью кораблями, в результате чего попал в критическое положение. Не подоспей на помощь Рюйтер, отряд Тромпа спустя какие-то полчаса был бы полностью испепелен. Да и так все пять кораблей были уже лишены мачт и изрешечены, как кухонные друшляки. Палубы их были в несколько слоев завалены трупами, и в живых на каждом из кораблей оставалось лишь по нескольку десятков обезумевших людей. Усилив огонь, Рюйтер отогнал англичан и вывел отряд Тромпа к главным силам. Так как ни один из спасенных кораблей не мог более принести никакой пользы, он велел тут же отделить их от флота и со всей предосторожностью отбуксировать в Тексель. После этого, подтянув растянувшийся было флот к себе, Рюйтер вновь усилил

огонь. Результат столь концентрированной атаки не замедлил сказаться. То там, то здесь стали раздаваться оглушительные взрывы. Это погибали английские корабли. Всего в течение какой-то четверти часа Англия лишилась семи кораблей, а голландцы все наращивали и наращивали огонь.

Высмотрев адмиральский флаг, противник в какой-то момент сосредоточил почти всю мощь своих залпов на «Семи провинциях». Рухнула перебитая грот-стеньга с вымпелом и флагом.

– Рюйтер сдается! – закричали, не поняв, что к чему, англичане, радуясь. – Вот она, победа!

Но Рюйтер не растерялся. Он тут же послал шлюпку к кораблю лейтенанта-адмирала ван Ниеса, велев ему поднять флаг командующего и вступить в эту должность пока он не исправит повреждения и немедленно атаковать англичан. Сам же он несколько спустился под ветер и, не теряя времени, занялся исправлением повреждений.

К удивлению Рюйтера неплохо дрались взятые им в море волонтеры-французы. Граф де ла Гюиш был серьезно ранен в руку и плечо, однако, перевязав их шелковым платком, чтобы не хлестала кровь, он остался на палубе. От внимания командующего это не ускользнуло.

– Браво, Гюиш! – крикнул он ему в жестяной рупор. – Именно так становятся настоящими воинами!

Побоище продолжалось. Голландские корабли, взяв англичан в два огня, обрушивали и обрушивали на них тонны раскаленного металла. Едва продержавшись до сумерек, английский флот с наступлением темноты бежал под защиту своих берегов. Голландцы его преследовали до полной темноты.

Из хроники войны: «Утром 12 июня, при слабом юго-западном ветре, положение противников было следующее; 47 английских судов на ветре, 77 голландских под ветром. Оба флота пошли контр-курсами. Тромп, шедший в арьергарде, заметил беспорядочный строй голландцев и, сделав поворот, пошел в крутой бейдевинд, чтобы выиграть (на свой риск) у неприятеля наветренное положение. Так как во время начавшегося боя два голландских флагманских корабля авангарда спустились, производя большой беспорядок в боевой линии, де Рюйтеру тоже пришлось спуститься, чтобы выровнять строй. Задуманный Тромпом маневр был очень для него опасен; он опять должен был перенести флаг на другой корабль и потерял одного из младших флагманов. Де Рюйтер спас его своим маневром, направленным на то, чтобы, повернув на другой галс, захватить наветренное положение; Монк предпочел остаться на

измененном только что западном курсе. Голландцы шли в полнейшем беспорядке без всякого строя. Когда Монк снова, в третий раз, пошел навстречу голландцам, де Рюйтер успел несколько выровнять линию. Сам он находился в хвосте и поэтому передал командование адмирал-лейтенанту ван Несу. Монк, пройдя, по некоторым сведениям, в четвертый раз контр-галсом, ушел к западу. Оба флота насчитывали те же потери, что и в предыдущий день: 6 английских кораблей затонуло, 1 сгорел. Во время преследования Монк построил свои менее поврежденные корабли в строй фронта для прикрытия шедших впереди сильно поврежденных судов. Опять-таки недостаточная дисциплинированность младших флагманов и, в связи с ней, разделение флота, не дали де Рюйтеру одержать победы. Лишь его быстрый и правильный маневр спасли арьергард. Английский флот ничем не проявил себя; складывается впечатление, будто Монк направил все свои стремления лишь на ведение боя в стройной кильватерной колонне, совершенно не стараясь использовать, ошибок противника».

С началом следующего (третьего!) дня преследование продолжилось. Уходя от погони, англичане жгли и взрывали наиболее поврежденные и тяжелые на ходу корабли. Море стонало от гула взрывов. В довершении всего младший флагман британского флота вице-адмирал Георг Аск, державший свой флаг на мощнейшем 92-пушечном «Принце Рояле» в панике бегства выскочил на мель банки Галопер. В отчаянии «Принц Роял» палил, призывая к себе на помощь. Тщетно! На севшего на мель флагмана никто не обращал никакого внимания, каждый думал только о собственном спасении. Когда же англичане немного пришли в себя, «Принц Роял» был уже окружен едва ли не десятком голландцев. Видя, что сопротивление бессмысленно Аск спустил свой флаг и сдался вместе с шестьюстами членами экипажа.

Пление «Принца Роял»

Подойдя к плененному «Принц Роялу», Рюйтер не видя возможности стащить его с отмели, велел снять команду, а самого «Принца» взорвать, что и было тут же проделано. Понурого Аска погрузили на посыльную яхту и отправили в Гаагу вместе с донесением об одержанной победе. Но как оказалось, до полной победы было еще далеко.

– От зюйд-веста виден большой флот!

Крик впередсмотрящего заставил всех находившихся в тот момент на шканцах «Семи Провинций» обернуться. И точно вдали на пересечку голландскому флоту спешили два с половиной десятка еще явно не бывших в сражении кораблей.

Французская эскадра у скалистого берега, 1676, Bellevois, Jacob Adriaensz

– Может это французская эскадра герцога де Бофорта? – с надеждой подал кто-то голос.

В сказанном был свой резон. Перед самым выходом в море Рюйтера известили, что союзная эскадра вот-вот покинет Брест. Но по мере приближения кораблей все больше и больше становилось ясно, что это не французы. Вот ветер развернул огромные полотнища кормовых флагов, и сразу все стало предельно понятно. То была эскадра принца Руперта. Отделенный от главных сил для охраны Канала от возможного нападения французского флота, он услышал звуки боя и, проявив инициативу, поспешил принять в нем участие, присоединив по пути к себе несколько портсмутских и плимутских кораблей.

– Поднять сигнал общей атаки! – вытер со лба пот Рюйтер. – Придется угостить и этих, опоздавших к десерту!

Но, поняв по мере приближения, что втягиваться в бой с главными силами голландцев смерти подобно, принц Роберт, пользуясь целостью такелажа и парусов, обогнул неприятеля и соединился с остатками своего избитого флота. Ночь снова прервала дальнейшее развитие событий.

Из хроники войны: «На следующий день положение флотов оставалось неизменным; Монк стремился во что бы то ни стало соединиться с принцем Рупертом. Стрельба велась очень редкая, на дальних расстояниях. Тяжелую потерю понесли англичане: один из лучших их кораблей, флагман адмирала Аскью, сел на мель на южной оконечности Галлопера, где был захвачен и сожжен. В полдень показался принц Руперт, которому было послано из Лондона приказание вернуться. Англичане

соединились до наступления темноты, и теперь оба флота хотели начать решительный бой: 64 голландских против 60 английских кораблей, но из последних 23 совершенно свежих. Де Рюйтер прошел ночью несколько далее на восток и созвал утром 14 июня всех командиров, чтобы им прочесть серьезное наставление – англичане стали сильнее голландцев».

В течение темного времени суток голландцы, как обычно, устраняли повреждения, деятельно готовясь к новому столкновению.

Английские флагманы совещались на корабле принца Руперта «Ройял Джеймс», как им быть дальше. Генерал Монк, доложив принцу обо всех перипетиях дневного боя, предложил ему с рассветом продолжить драку, составив из прибывших неповрежденных кораблей авангард. Принц ответил согласием.

– Вы, генерал, держите врага, не разжимая челюстей, как хороший английский бульдог! – отпустил Роберт комплимент Монку.

– Я всего лишь хороший английский генерал! – ответил тот ему.

Английский флот вместе с присоединившейся к нему эскадрой насчитывал шестьдесят один корабль. Голландцы могли противопоставить им шестьдесят четыре боевых вымпела. Однако, если некоторая часть английского флота была еще совершенно свежей, то все голландские корабли имели позади ожесточенное двухдневное сражение. Боевой дух голландцев, однако, в этот момент был высок как никогда, они скорее бы согласились умереть, чем отступить. И снова, донесенные до нас слова Рюйтера, сказанные им в ночь перед третьим днем взаимного истребления своим капитанам и флагманам: «Флот английский и голландский стоят друг против друга. Минувшие битвы наши открыли нам силу англичан. Сегодня должно снова доказать им, что ни силы наши, ни мужество еще не истощились. Еще раз должны мы устоять против них. Не потеряем же славы, приобретенной нами в двух предшествовавших битвах, вспомним, что наше Отечество, наши жены, наши дети, предмет нашего уважения и нашей нежности, ожидают от нас защиты. Неприятели, с которыми нам должно разведаться сегодня, те же, которых мы видели вчера пред собою. Вооружимся мужеством, устрашим их, ринемся на них! И так должно победить, дабы не быть жертвою неприятелей, варваров, которые ввергнут нас в темницы, где мы погибнем от голода, нищеты и смрада. Позаботимся о взаимной помощи друг другу. Я надеюсь, что с помощью неба мы приобретем совершенную победу. Идем же на врага!»

Было раннее утро 14 июня, второй день Троицы, когда два христианских флота, сошлись между собой в четвертый раз между Горландом и Фландрской банкой. Рюйтер, выигравший за ночь ветер, сразу взял быка за рога. Он буквально врезался тремя колоннами в английскую линию и быстро рассеял часть кораблей противника. Затем из-за изменившегося ветра, ему пришлось поворотить на зюйд. Англичане, несколько подтянувшись, немедленно развернулись носом к голландцам. Славировав, Рюйтер снова зашел к неприятелю с борта и снова англичане развернулись к нему своими дубовыми форштевнями, то же самое повторилось и в третий раз. Затем противники разом бросились друг на друга, и закипел обычный между ними ожесточенный бой, продолжавшийся до самого вечера. К шести часам пополудни англичане были взяты в два огня, окружены со всех сторон и избиваемы нещадно. Из дневника английского капитана: «С восходом солнца голландские корабли сблизились с нами, и бой начался заново, очень свирепый и ожесточенный. Принц Руперт и его вице-адмирал были очень горячими, они смело кинулись в самую гущу боя, невзирая на грозящие опасности. Из-за этого уже в самый короткий срок их корабль получил множество повреждений и потерял большую часть людей… Бой велся очень интенсивно до четырех часов дня и несколько кораблей с каждой стороны полностью вышли из боя. Не в силах противостоять превосходящему противнику, некоторые наши корабли начали отступать в сторону английского побережья. Приближались сумерки, и над водой появился туман, в котором корабли не могли продолжать бой без риска столкнуться друг с другом. Когда наш командующий подал сигнал к отступлению, туман уже лег плотной пеленой, и быстро стемнело. Голландский флот не совершил опрометчивого поступка, пытаясь преследовать наши корабли, и прекратил бой. На всех кораблях наших и противника начали звонить в колокола, чтобы избежать столкновения».

Флагман принца Руперта был атакован кораблем вице-адмирала Лиефде. Несмотря на значительное превосходство английского корабля в пушках, он сошелся с ним столь близко, что концы реев кораблей цепляли друг друга. Взаимный огонь вызвал страшные разрушения и потери на обоих кораблях. Постепенно численное превосходство флагмана принца стало сказываться и Лиефде пришлось не сладко. Поединок этот не ускользнул от внимания Рюйтера, постоянно державшего в поле зрения все перипетии грандиозной баталии. Без долгих раздумий он бросил свой «Семь Провинций» на выручку младшего флагмана, под градом ядер пробился к нему и помог отойти в сторону.

Голландский хроникер сражения пишет: «Все пушки обоих флотов гремели неумолчно. Занимаемое ими пространство было смешение огня и дыма. Рюйтер, уподоблявшийся льву, разъяренному плотоядной жертвой, дал сигнал на абордаж. Вмиг сам герой, Тромп, Меппель, Баннерт, де Вриес, ван Ниес, Лиефде, Эвертсон и прочие, пускаются на англичан, теснят их, приводят в беспорядок и заставляют обратиться в бегство. Это происходит около семи часов вечера, после одиннадцатичасовой битвы».

Из хроники войны: «Четвертый день должен был быть решительным – и он им был. Ветер юго-юго-запад, довольно свежий, оба флота на параллельных курсах, голландцы на ветре. Бой начался на самых близких дистанциях. Линии обоих флотов из-за слабого ветра и порохового дыма расстраиваются, даже несколько перепутываются; часть голландцев спускается довольно далеко под ветер через линию англичан, разыгрывается ряд жарких одиночных боев, о маневрировании не может быть и речи. Де Рюйтер с тремя дюжинами своих лучших судов упорно держится на ветре англичан; тогда Тромп, собрав упавшие под ветер суда и соединившись с преследовавшим несколько английских кораблей адмиралом ван Несом, бросился на помощь де Рюйтеру и напал на врага с подветренной стороны, поставив, таким образом, его в два огня. Заметив этот маневр, де Рюйтер решил использовать создавшееся положение: по особому сигналу (ярко красный флаг), он спускается со всеми своими судами и врезывается в беспорядочную линию неприятеля. Бой разгорается с крайним ожесточением, брандерам неоднократно представляется случай действовать. Наконец, в 7 часов вечера англичане начинают отступать, потеряв более двенадцати судов. Сильно засвежевший ветер мешает продолжать бой; когда наступил туман, неприятели потеряли друг друга из виду. Де Рюйтер на следующее утро уходит к Остенде, т. к. у него не хватает боевых припасов и корабли требуют значительных исправлений».

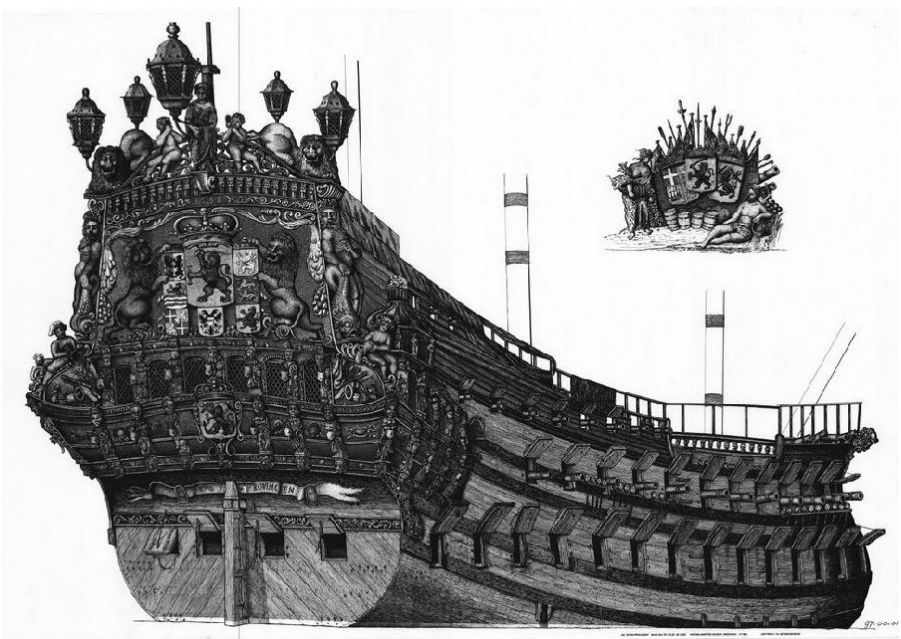
Если ли предел человеческому терпению и выдержке? Казалось, что теперь уж голландцы после пережитого неимоверного четырехдневного напряжения в бессилии попадают прямо у своих пушек, но не тут-то было. Рюйтер снова требует поторапливаться. На этот раз он спешит преследовать бегущих англичан. От окончательного истребления беглецов спас лишь густой туман. Боясь, как бы в сплошном молоке корабли не повыскакивали на многочисленные отмели и камни, Рюйтер с сожалением прекратил погоню. Голландцы направились в Виелинген.

Рюйтер, собрав у себя черных от пороховой гари, флагманов,

делился с ними своим мнением об англичанах:

– Главная причина их поражения – это, прежде всего, неправильное изначальное развертывание сил. Зачем, спрашивается, было отделять эскадру Руперта? Напав на нас всею силой и одержав победу, англичане и так бы остановили не слишком-то спешащих к нам на помощь французов! Кроме этого Монк вводил в бой свои дивизии не разом, как мы, а последовательно – это вторая ошибка. Мы таких ошибок не допустили и потому победили!

Рюйтер глянул поверх голов присутствующих в стекло кормового окна. Над пенными шапками волн метались чайки. Под ногами привычно качалась палуба. Лейтенант-адмирал вытер лоб и молча сел, положив на колени свои большие тяжелые руки. В этот момент он был более всего похож на усталого рабочего после тяжелого трудового дня.



Флагманский корабль адмирала де Рюйтера «Семь провинций»

Из хроники войны: «Блестящая победа голландцев, полное поражение англичан, были результатом этого четырехдневного кровавого боя; последние потеряли около 20 судов (из них половина была захвачена), 5000 убитыми и ранеными и 3000 взятыми в плен. Голландцы потеряли 6 судов (ни одного не было захвачено) и около 2500 убитыми и ранеными. Свою победу голландцы не использовали – они были не в состоянии это сделать, так что не было и речи об уничтожении неприятеля и

овладении господством на море. Те же ошибки были снова повторены обеими сторонами; но слава де Рюйтера сияла ярче, чем когда-либо. Оба флота во время боя окончательно перепутались; адмиралы на самом деле не вели своих отрядов, уже не говоря об эскадрах. Лучше других держался центр под личным начальством де Рюйтера. Так как сведения о бое, официальные и частные, из голландских, английских и отчасти французских источников сильно разнятся, то нельзя нарисовать совершенно точной картины боя; восстановить ее можно лишь приблизительно».

Соединенные провинции ликовали. Повсюду звонили колокола, служились благодарственные молебны. День получения известия об одержанной победе был объявлен праздничным и по всей стране никто не работал. Ночью зглись фейерверки, шли народные гуляния и зглли огни у всех ворот. Интересно, что Генеральные Штаты повелели в специальном указе выразить свое благодарение Богу за его покровительство Рюйтеру. Лейтенанта-адмирала по праву считали главным автором победы. В Микленбурге в честь Рюйтера был организован грандиозный обед, на который лейтенант-адмирал прибыл в сопровождении своей супруги, флагманов и капитанов. Один из современников нашего героя писал о тех событиях так: «Эти веселости, крики радости, возникшие со всех сторон, составляли славное торжество для великого Рюйтера. Поэты воспевали эту победу. Слава о нем промчалась во всем свете, и все владетельные князья поручали своим посланникам в Голландии его поздравить».

Однако Рюйтер, не любивший пышности и славословий, быстро вернулся в Виелинген к флоту и деятельно принялся за организацию починки своих поврежденных кораблей. В это время многие из морских офицеров, ездил в Гаагу и Амстердам, испрашивая себе более высоких наград, чем были им дадены первоначально. Рюйтер всех желающих отпускал и всем без разговоров подписывал необходимые прошения, но относился к этому с долей иронии.

– Человек не может и не должен искать себе славы! Слава сама должна найти его! – говорил он, отдавая бумаги очередному просителю.

Свою долю заслуженной славы получил и Корнелий Тромп. Говорили, что англичане не осмеливались держаться перед его кораблем и часто, видя его флаг в разных местах (начальник авангарда и вправду переносил несколько раз флаг из-за постоянных повреждений своих флагманских кораблей), якобы удивлялись, сколько же Тромпов в голландском флоте, пять или шесть?

Однако все почести казались Тромпу малозначительными, по сравнению с почестями, оказываемыми командующему. Болезненно честолюбивый, Тромп считал именно себя, а не Рюйтера, истинным автором победы, а потому ненависть к Рюйтеру в нем кипела теперь все более и более день ото дня. Скоро, уже очень скоро, она вырвется наружу!

Героями были все участники грандиозного победного сражения, и страна чествовала всех. Матросам правительство республики выкатило три больших бочонка полностью набитых золотыми монетами. Матери и жены гордились своими сыновьями и мужьями. Дети Голландии играли в Рюйтера. Людям хотелось верить, что одержанная победа, и понесенные потери не напрасны, что англичане теперь, наконец-то, одумаются, и пойдут на мир. Хотелось верить, что все плохое уже позади, и скоро можно будет опять не бояться за жизни, уходящих в неведомое сыновей, мужей и отцов.

В те дни на улицах голландских городов мальчишки выкрикивали нехитрые куплеты:

Качает корабль устало волна,
На брасы! Живее пошел, старина!
Избиты мы в щепки, но правим домой,
Нас дядюшка Рюйтер ведет за собой!

Из открытых дверей трактиров и харчевен, где отчаянно гуляли вернувшиеся в живых матросы, пацанам вторили пьяные хриплые голоса:

Нам ли голландцы врага бояться?
Плечом к плечу мы стремимся в бой
Пусть впереди будет кровь и утраты,
Жребий уж брошен старухой-судьбой!

Даже в общественных прачечных, румяные толстобокие прачки, переводя дух, положа на колени красные от бесконечной стирки руки, задушевно распевали:

Смотрю на море и жду героя.
Вот белый парус мелькнул вдали.
С победой милый ко мне вернулся
Прижал меня он к своей груди!

Но победа досталась не дешево и не одна мать забилась в рыданиях, узнав о кончине сына, ни одна жена, обхватив малолетних детей, ставших в одночасье сиротами, запричитала о своей горькой участи. Победа стоила голландцам большой крови. Около восьми сотен человек не вернулись с моря, еще более тысячи вернулись раненными и калеками.

Потери ж англичан были еще намного значительнее. Одних убитых насчитывалось более шести тысяч человек, раненных же никто не считал вовсе. Среди павших был вице-адмирал Барклей и несколько десятков капитанов. Три тысячи англичан во главе с младшим флагманом Аском попали в плен. В корабельном составе потери сынов Туманного Альбиона были тоже весьма внушительными: семнадцать английских кораблей были сожжены и потоплены, а шесть стали трофеями победителей. Как это обычно бывает после неудачи, в Лондоне начался грандиозный скандал. Искали виновника поражения.

Козлом отпущения сделали герцога Альбемарле, хотя именно он, как раз в отличие от короля, герцога Йоркского и первого лорда адмиралтейства ни в чем виноват не был. Причина поражения крылась, прежде всего, в преднамеренном дроблении флота, то есть в ошибке стратегической. Генерал Монк, как мог, оправдывался, Говоря, что все его капитаны – отъявленные трусы. Это тоже было, мягко говоря, не правдой. В конце концов, обвинители так ни к чему однозначному не пришли. С должности Альбемарле не сняли, но нервы потрепали порядочно.

А вот как оценивают личный вклад в выдающуюся победу при Па-де-Кале историки: «Ясное понимание тактическое обстановки дало де Рюйтеру в последний момент победу: он не замедлил отказаться от своего строя, бросился на противника и таким путем соединился с находившейся под ветром частью своего флота. Вторжение всех наветренных судов в строй англичан заставило последних дрогнуть. Упорство голландцев, их жестокая борьба и то обстоятельство, что ни одно из их судов не попало в плен к англичанам, имело особое основание. Господствовала паника перед английским пленом и потребность отомстить за все те ужасы, которые претерпевали пленные в английских тюрьмах, где многие умирали от голода, болезней и грязи. Де Рюйтер, воспользовался и этим обстоятельством, распределив всех бывших ранее в плену по всем судам; он и сам неоднократно указывал в беседах с командами, что попасть в плен к англичанам равносильно позорной смерти. Таким образом, помимо уверенности в победе, толкала голландцев на подвиги и доставила им победу еще и жажда мести. Наоборот, англичане знали, что в голландском плену их не подвергнут унижению;

поэтому биться до последней возможности для них не было такой необходимостью. Талант де Рюйтера сказался также и в умении действовать на психологию подчиненных.»

Этот четырехдневный бой является одним из самых значительных в военно-морской истории из-за величины флотов, громадных потерь, длительности сражения и серьезных тактических и стратегических уроков, которые он нам дал. Громадная ошибка – разделение английских сил – ясна сама по себе; даже если бы французский флот наступал, такое разделение не могло иметь места, оно ничем не было вызвано. Лишь крепкая внутренняя спайка, связывавшая английский офицерский состав, не допустила поражения до крайне тяжелых последствий; если бы тот же дух царил в голландском флоте, англичанам пришлось бы совсем плохо. Тут даже энергичное и лихое командование де Рюйтера не могло исправить существующих в голландском флоте недостатков; отсутствие дисциплины зашло так далеко, что каждый флагман действовал на свой риск и страх. В то время как один сражался под ветром, другой преследовал неприятельские суда, оба отделились среди боя от своего командующего; не говорю уже о попытке двух младших флагманов бежать с поля битвы.

Сразу же после возвращения в свои базы, противники начали одновременно лихорадочно ремонтировать свои потрепанные флоты, понимая, что впереди еще не одно сражение. Все голландские порты в эти дни напоминали разворошенный муравейник. На какое-то время пришлось приостановить строительство новых кораблей, все силы были брошены на починку поврежденных старых. На эллингах и в сухих доках латали большие корпусные пробоины, на лесопилках пилили и обтесывали мачты и рангоут, в парусных и канатных мастерских шили паруса и вили тросы и канаты. После ремонта корпуса корабли один за другим буксировали шлюпками к подъемным кранам, которые вытаскивали из их палуб огрызки перебитых мачт и вставляли на их место новые, затем сразу же без всякой задержки корабль оттаскивали дальше к причалу, и там начиналась его оснастка. В последнюю очередь меняли артиллерию, загружали припасы и порох. Оснащенные и вооруженные корабли немедленно отводили на рейд, чтобы освободить место следующим. Всюду куда-то бежали, что-то тащили, пилили, строгали, вязали и сращивали, конопатили и смолили. Стучали молотки плотников, конопатчиков и кузнецов. Корабельные экипажи работали бок обок с рабочими верфей. Каждому из матросов Рюйтер дал для отдыха всего пару дней, но большинство не воспользовалось и этим. Все понимали, что

сейчас на противоположной стороне Северного моря англичане ударными темпами выполняют такую же работу и в скором времени она должна уже завершиться.

Глава третья
Нордфорелендская трагедия

Спустя всего лишь девятнадцать дней после возвращения, голландский флот был снова приведен в боевое состояние. Поврежденные корабли отремонтировали и загрузили припасами. Кроме этого флот пополнили и рядом новых кораблей. Всего у Рюйтера было теперь восемьдесят кораблей и восемь брандеров. Еще около двух десятков единиц, все еще не успевших с ремонтом, должны были присоединиться к нему несколько позднее. Разумеется, что лучше всего было бы собрать все силы в единый кулак, Но Рюйтер торопился не допустить, чтобы англичане перехватили инициативу. Сейчас важно было закрепить прошлый успех.

– Я хочу идти прямо в Темзу, чтобы там добить остатки английской армады! – говорил Рюйтер о своих намерениях.

От этой идеи его, однако, отговорили лоцманы, сославшись на то, что не знают тамошних многочисленных банок и течений, тем более, что, если уж сами англичане там сели на мель, то трудно представить чем грозит эта затея голландскому флоту. Согласившись с их доводами, Рюйтер несколько поостыл, но недолго.

– Тогда пойдем к английским берегам и высадим им хороший десант! – решил он, немного подумав.

Но и с десантом ничего не вышло. Посланные в разведку яхты сообщили, что берега англичане хорошо охраняют, а в глубине их стоят готовые к отражению нападения войска. И от этого плана так же пришлось отказаться.

– Выходим в море и постараемся выманить англичан в море! – распорядился Рюйтер и поднял свой флаг над 100-пушечным «Семью Провинциями».

На этот раз в поход с голландцами отправилось уже более полутора десятков молодых французских аристократов. Волонтерство в голландском флоте становилось модной и щекочущей нервы забавой для золотой французской молодежи.

Пока англичане долатывали последние свои корабли, голландский флот уже демонстративно деффелировал у их берегов, наглядно демонстрируя всем и вся, кто теперь истинный хозяин морей и океанов. Это был сильный удар по британскому самолюбию.

Англичане не были готовы к столь быстрому появлению противника, некоторое время нехотя даже верить в факт

присутствия Рюйтера у своих берегов. Увы, ослепленные позором поражения, они забыли простую древнюю истину, что раны у победителей затягиваются гораздо быстрее, чем у побежденных.

Наконец, 29 июля и британский флот показался из устья Темзы. На этот раз он насчитывал девяносто кораблей и двадцать брандеров. Во главе фота были уже знакомые голландцам воители: принц Руперт и герцог Альбемарле, он же генерал Монк. Вместе с собой принц взял в море на этот раз и главного хирурга флота Джеймса Пирсона. Помимо виртуозного владения ланцетом, Пирс не менее виртуозно владел кисточкой и карандашом. Именно ему потомки обязаны наброскам всех фаз будущего сражения.

Узнав о выходе англичан, Рюйтер немедленно созвал капитанский совет, на котором сказал:

– Я не хочу прибегать к красноречию и убеждать вас быть храбрыми. Я прошу вас только быть исполнительными и не предпринимать никаких значительных маневров без моей команды. Англичане жаждут реванша, и будут драться как сумасшедшие, стремясь поймать нас на какой-нибудь ошибке. Поэтому ошибок нам допускать нельзя! Надеюсь, как всегда на ваше мужество и благоразумие! С нами бог!

В течение трех дней оба флота маневрировали среди многочисленных отмелей у побережья Эссекса, ожидая благоприятной погоды. Никто не хотел начинать бой в условиях ненастья, которое скомкало действия сил в прошлый раз. То и дело шли грозы, и на каждом из флотов один из кораблей потерял по мачте от их ударов. Но всему всегда приходит свой конец. Улучшилась и погода, установился легкий северный ветер и оба флота взяли, не сговариваясь, курс подальше от коварных мелей в открытое море, что бы там, на просторе начать выяснение отношений. На следующий день противники обнаружили главные силы друг друга. Это случилось в день святого Джеймса.

4 августа английский флот приблизился к давно поджидающим его голландцам. С утра Рюйтер, как он всегда обычно поступал перед каждым боем, вымел свою каюту веником-голяком, затем помолившись, отобедал куском жареного мяса и большой кружкой пива. Над головой адмирала в такт качке раскачивался натюрморт: гроздь винограда с букетом бордовых тюльпанов. На столе привычно лежала старая обтрепанная Библия. Встав из-за стола, Рюйтер бросил горсть пшена пищащим в клетке цыплятам и, нахлобучив на голову шляпу, поднялся по трапу на шканцы. Несмотря на лето, было довольно прохладно и неуютно. От сильного ветра и хорошей волны корабли валяло во все стороны. Офицеры деловито подсчитывали силы противника.

– Все ли здесь? – поинтересовался Рюйтер, беря в руки зрительную трубу.

– Кажется, все собрались! – ответили ему.

– Вот и хорошо! – довольно пробурчал себе в седые усы лейтенант-адмирал, оглядывая покрытый парусами горизонт. – Вот и славно! Скоро уже начнем наш задушевный менуэт!

Около полудня дистанция между противниками сократилась настолько, что стало можно начать сражение. И оно грянуло! В начале боя оба флота начали действовать в полном соответствии с классической линейной тактикой: они выстроились в линии на параллельных курсах и начали понемногу сближаться, пока корабли-уравнители, идущие впереди, не оказались на дистанции пушечного выстрела.

Было 10 часов утра, когда раздались первые выстрелы, и вскоре передовые эскадры обеих сторон стали неистово палить друг в друга. Причем каждый корабль сошелся в смертельном поединке со своим визави в строю вражеского флота. Спустя час в сражение вступили и эскадры центра. Во главе голландской шел на «Семи Провинциях» Рюйтер, во главе английской на «Роял Чарлзе» Руперт с Альбемарле. Командующие под гром пушек принялись выяснять свои личные отношения.

Стихший ветер не позволил всем голландским кораблям сразу вступить в бой, но Рюйтер не стал дожидаться отставших, лишь подняв им сигнал, чтобы поторапливались. А далее события, неожиданно для лейтенанта-адмирала, стали разворачиваться совершенно по иному плану, чем он предполагал. Действия младших флагманов были столь непонятны, будто они демонстративно игнорировали все наставления своего командующего о благоразумии и исполнительности. Так, неожиданно для всех, шедший во главе своего арьергарда Корнелис Тромп, едва войдя в зону боя, внезапно повернул вправо и, пройдя сквозь английскую линию сражения, начал удаляться куда-то в сторону. Действием этого опытного флотоводца англичане были удивлены не менее голландцев. Зная от своих многочисленных шпионов о натянутых отношениях между голландскими флагманами, Принц Руперт с удовлетворением заметил Монку:

– Единственную причину столь предательских действий по отношению к своему начальнику я вижу только в ненависти Тромпа к Рюйтеру! Впрочем, это дает нам прекрасный шанс раскатать их обоих поодиночке!

В ответ Монк лишь недоуменно пожал плечами:

– Любому самолюбию есть какой-то предел, но, как оказывается, есть самолюбие и без предела! Мне искренне жаль

папашу Рюйтера! Представляю его теперешнее состояние, но нам придется его огорчить еще больше!

«…Рюйтер не мог уже отступить, он подался слишком далеко и с половиною своего флота принужден был выдерживать натиск всего английского. Он надеялся, что Тромп и другие флагманы поспешат с ним соединиться, но они, подобрав паруса, остановились в двух милях от его дивизии. Лейтенант-адмирал Эвертсон следовал за ним со своей эскадрой, составлявшей авангард голландского флота, но он слишком далеко ушел. Англичане разрезали обе эскадры. Четверо французов, приехавшие на корабль к Рюйтеру, чтобы сражаться на его глазах, желали знать причину поступка Тромпа, но никто не мог им дать удовлетворительного ответа. Рюйтер был окружен множеством неприятельских кораблей, направлявших на него все свои выстрелы. В такой опасности он показал всю великость своего мужества. Поддержанный не многими из своих кораблей, он ужасным огнем заставил отступить англичан. Когда рассеялся окружавший его дым, он увидел, что Зеландская эскадра, предводительствуемая лейтенантом-адмиралом Эвертцом, составлявшего авангард голландского флота, пустилась в бегство. Рюйтер, выстреливши из больших орудий, не мог остановить беглецов…» – так описаны эти события в одной старой французской книге.

– Не может быть! Не может быть! – твердил в полном отчаянии Рюйтер, видя в зрительную трубу, как следом за Тромпом удирает с поля брани и эскадра забияки Эвертсона.

В голландском флоте творилось что-то небывалое и непонятное.

Ситуация складывалась весьма трагически. Уход эскадры Эвертсона, естественно, так же не остался без внимания англичан. Генерал Монк немедленно опять стал наращивать свою атаку на центр голландского флота, в надежде рассеять его и уничтожить «Семь Провинций», доставлявший англичанам столько хлопот. Но Рюйтер с ближайшими кораблями выдержал и этот бешеный натиск, вновь заставя противника несколько отойти и умерить свой пыл. Центр голландского флота, воодушевляемый своим командующим, был непоколебим и даже имел ощутимое преимущество над врагом. Рюйтер на «Семи Провинциях» вышел победителем из личной дуэли с неприятельским «Роял Чарлзом». Руперт с Альбемарле были вынуждены в конце-концов бросить свой вдрызг разбитый и, уже ни на что не годный флагман, перебравшись на бывший неподалеку 78-пушечный «Роял Джеймс». Однако легче от этого голландцам не стало. Англичане, несмотря на огромные потери, упорно час за часом все больше и

больше давили своего противника числом. На смену разбитому «Чарлзу» почти сразу подвернул еще не бывший до той поры в огне 80-пушечный «Генри» под командой знаменитого разбойника Роберта Холмса. Это был тот самый Холмс, который в преддверии войны огнем и мечом прошелся по голландским африканским факториям, за что и стал именоваться сэром. Теперь Холмс горел явным желанием взять реванш у Рюйтера, за то, что тот некогда перечеркнул все его гвинейские завоевания. Поединок с Холмсом был весьма тяжел для немало поврежденных к тому времени «Семи Провинций». Корабль Рюйтера потерял уже все три мачты и теперь под шквальным неприятельским огнем матросы ставили фальшивое вооружение, чтобы не дай бог не отстать от флота и не сделаться легкой добычей англичан. Неподалеку от командующего по прежнему стойко сдерживал не менее сильный натиск храбрый и верный вице-адмирал Ван Нес, единственный из младших флагманов, кто в точности исполнял все предписания Рюйтера.

Видя, что количественный перевес англичан с каждым часом сказывается все больше, что рано или поздно, но обязательно приведет к массовому уничтожению его кораблей, лейтенант-адмирал, скрепя сердце, начал организованно отходить под малыми парусами. Так, непрерывно отбиваясь, от наседавшего противника он постепенно продвигался к югу, держа курс на побережье Нидерландов и все еще надеясь, что бросивший его на произвол судьбы Тромп, под покровом темноты объявится где-нибудь поблизости. В этом случае Рюйтер рассчитывал сообща продолжить сражение, чтобы попробовать как-то переломить его ход. Однако Тромпа все не было. Неприятель, меж тем, преследовал лейтенанта-адмирала столь плотно, что матросы с враждебных кораблей имели возможность не только стрелять друг в друга, но и отчаянно переругиваться. Сколько ни вглядывался вдаль голландский командующий, всюду пестрели английские флаги. Рядом с Рюйтером неотступно держался со своими кораблями лишь преданный и храбрый Ван Ниес.

Из английской версии развития сражения: «Вскоре после полудня корабли обеих сторон уже имели множество повреждений, а сами они исчерпали свои возможности вести организованное сражение. Большое количество кораблей, около 60, потеряв способность управляться, понемногу дрейфовали в южном направлении. Среди обломков мачт и в хаосе развороченных ядрами корабельных бортов моряки – те, кто все еще оставался в живых – вели отчаянную борьбу за живучесть своих кораблей и делали все возможное, чтобы поскорее вернуть их в строй. Ближе к вечеру англичанам удалось построиться в

неровную линию, и они стали снова сближаться с противником. Но де Рюйтер также перегруппировал силы своей эскадры и выстроил перед собой заслон из наиболее боеспособных кораблей, подобно тому, как это сделал Албемарле во время Четырехдневного сражения, когда оставшиеся в строю английские корабли образовали арьергард, прикрывающий отход поврежденных кораблей к своим базам. Медленно, отбиваясь из всех пушек, Рюйтер оттягивался к своим берегам, стремясь вывести из-под удара все, даже самые поврежденные корабли.

Отдельные неорганизованные бои продолжались всю ночь. Два флагманских голландских корабля, которые не могли дальше двигаться, после нескольких неудачных попыток взять их на буксир, были оставлены экипажами и теперь медленно догорали вдали. Англичане продолжали преследовать противника, пока рассвет не застал сражавшихся невдалеке от голландских берегов. Теперь голландцы отступали, маневрируя уже между знакомых отмелей, и один за другим уходили в каналы, а англичане, не имевшие опытных лоцманов, были вынуждены прекратить погоню».

В развитии событий мы несколько забежали вперед, но из английского описания сражения совершенно ясно, что даже при столь благоприятном стечении обстоятельств для англичан, своей полной победы над противником они все же, по их же признанию, они не одержали. Это весьма красноречивый факт!

Из хроники войны: «На рассвете оба флота при слабом бризе северо-востока, перешедшем к северо-западу, снялись с якоря. И об этом сражении донесения расходятся; англичане были в тесной колонне на ветре, голландцы как раз наоборот, Тромп снова далеко под ветром. После 10 часов начался бой на параллельных курсах; авангард голландцев начал приходить в беспорядок, после того как там были убиты все флагманы, в числе их и Эвертсен (его отец, сын и четыре брата были убиты еще раньше). В 1 час дня часть судов начала спасаться бегством, за ними последовал позорнейшим образом весь авангард. Тромп отделился опять самовольно от главных сил, так что и де Рюйтеру с центром приходилось очень туго. Монк послал часть своего центра в помощь авангарду. Флагманский корабль де Рюйтера жестоко страдал в тяжелом бою с двумя трехдечными английскими кораблями. Когда английский авангард, правильно оценив положение дела, бросил преследование и устремился на центр голландцев, де Рюйтер прекратил бой и начал в полном порядке, со своими 20 судами, отступать. Он убавил парусов, чтобы заслонить собой уходивший авангард и соединиться с оставшимся под ветром Тромпом. Почему последний так

действовал, остается неизвестным; в своем донесении после боя он утверждал, что особым маневром надеялся скорее сблизиться с неприятелем. Английский арьергард вклинился между де Рюйтером и Тромпом, сильно наседая на последнего; оба арьергарда удалились от своих главных сил. Более сильный Тромп преследовал своего противника и настолько удалился от своего флота, что даже потерял его из вида: так непозволительно самостоятельно, вернее сказать, неправильно и самовольно, он действовал».

Уже в сумерках первого дня сражения с норд-веста до Рюйтера донеслась отдаленная пальба. Посланная в разведку посыльная яхта донесла, что это дерется с английским авангардом эскадра Тромпа. Идти на соединение с командующим тот не мог, да, наверное, и не слишком хотел. Еще несколько позже Рюйтеру удалось все же нагнать и соединиться с Зеландской эскадрой Эвертсона. Увидев объединение голландцев, англичане сразу прекратили все атаки и, развернувшись, скрылись в опустившейся на море темноте. Рюйтер от негодования бегал по шканцам, грохоча своими тяжелыми ботфортами.

– Эвертсона немедленно ко мне! – кричал он на отходящую от борта шлюпку. – Пусть готовится к разжалованию и суду! Передайте, что я поступлю с ним, как с изменником!

Вскоре шлюпка вернулась назад. В нетерпении, Рюйтер перевесившись с планширя, вглядывался в сидящих. Лейтенанта-адмирала Зеландской эскадры в шлюпке не было!

– Где Эвертсон? – зло крикнул он, когда посланный офицер, взобрался на палубу по шторм-трапу. – Где этот негодяй?

– Лейтенант-адмирал Эвертсон пал от ядра в самом начале сражения! – доложил офицер, переводя дух.

Рюйтер осекся на полуслове. Затем, сняв шляпу, перекрестился и глядя в темное небо, произнес:

– Прости мой старый и верный товарищ, что усомнился в тебе! Прости, но и пойми!

– Где тогда его помощник вице-адмирал Гидес де Вриес?

– Убит еще раньше Эвертсона! – доложили ему.

– Но почему тогда не прибыл хотя бы контр-адмирал Кендерс?

– Кендерс так же умер, пораженный в бок ядром!

– Кто же сейчас командует зеландской эскадрой?

– Никто! Каждый из капитанов предоставлен сам себе, а вместе они держатся только из боязни англичан!

Некоторое время Рюйтер, заложа руки за спину и пыхтя своей глиняной трубкой, ходил туда и сюда по палубе, затем велел

звать к себе верного Ван Неса.

– Принимай под свое начало Зеландскую эскадру и постарайся хоть немного привести в чувство этих мерзавцев! – велел он ему.

Потери потерявшей управление эскадры составляли два сожженных и два потопленных корабля. Вне всяких сомнений, что при сложившихся обстоятельствах, можно было считать, что зеландцы отделались малой кровью. Уже позднее бежавшие капитаны будут оправдывать свой уход тихим противным ветром, который не давал им, якобы, возможности соединиться с главными силами, зато подставлял под удар всей массы неприятельского флота. Столь пугающая перспектива, помноженная на гибель сразу трех флагманов, и вызвала панику на кораблях Зеландской эскадры.

Два дня спустя через дозорный фрегат Рюйтер узнал и о происшествиях на эскадре Тромпа. Все началось там с того, что когда сам Рюйтер начал атаку неприятельской эскадры красного флага, Тромп, сомкнув свою линию, сблизился поперечными ходами с эскадрой синего флага вице-адмирала Иеремия Шлитома, дал весь свой залп по ближайшему 60-пушечному неприятельскому кораблю и уничтожил его. Английский линейный корабль затонул так быстро, что с него не спасся ни один человек. Лишь груда обломков и мертвых тел напоминала о том, что еще несколько мгновений назад на этом месте находилось грозное боевое судно.

Затем Тромп ввязался в затяжной бой с ближайшими кораблями противника, который продолжался без передышки несколько часов и несмотря на то, что англичане подкрепили Шлитома несколькими свежими кораблями, Тромпу все же удалось обратить противника в бегство. Все это время Тромп нисколько не заботился о поддержании связи с командующим и выполнении каких-либо его сигналов, а делал только то, что казалось ему правильным. Когда один из офицеров обратил его внимание, что в пылу погони их эскадра без всякого на то разрешения покинула флот, Тромп в ярости его едва не ударил:

– Я сам себе командующий и делаю лишь то, что считаю нужным!

К концу боя корабль Тромпа был настолько избит, что буквально черпал бортами волну. Грот-мачта была перебита сразу в семи местах, а весь порох оказался залитым водой. К тому же черед посыльное судно ему стало известно, что главные силы Рюйтера отбиваясь, отступают к своему побережью. Перспектива остаться в море один на один со всем английским флотом Тромпа не прельщала, и он тоже повернул в сторону материка, Тромп

начал медленное движение домой, по-прежнему, не утруждая себя заботой о судьбе главных сил. Понимая, что поведение адмирала продиктовано более всего личной неприязнью к Рюйтеру, офицеры с его кораблей отнеслись к этому отрицательно, даже не пытаясь скрывать своих эмоций перед Тромпом. Но тот, казалось, ничего не видел и не слышал, не разрешая даже выслать дозорные яхты, чтобы поискать, гдеже находится Рюйтер с остальными кораблями.

А Рюйтер, тем временем, прикрывая отход наиболее поврежденных кораблей в каналы, с десятком наименее поврежденных, был снова настигнут, и атакован собранным в единый кулак английским флотом. Ситуация складывалась самая критическая. Впередсмотрящие с салингов до рези в глазах всматривались вдаль, надеясь увидеть спешащую на выручку эскадру Тромпа. Но Тромпа нигде не было. Рюйтер, давно уже понявший, по демонстративно вызывающему поведению своего младшего флагмана, что помощи от него он никогда не дождется, рассчитывал теперь только на свои собственные силы.

На «Семи Провинциях» потери в орудийной прислуге были столь велики, что Рюйтер послал к пушкам всех солдат абордажной команды во главе со сво им зятем Жаном де Ви ттом. Вслед за ними отправились плотники и коки.

В это время, используя свое преимущество в силах и скорости кораблей, англичане уже замыкали кольцо окружения. Большая часть неприятельского флота расположилась в строю полумесяца на ветре, под ветром и позади голландцев. Ядра сыпались на окруженных со всех сторон беспрестанно. Паруса изничтожались в несколько минут. Едва заменят обугленные лохмотья на новую парусину, как глядь, вместо нее вновь свисают такие же лохмотья.

– Кажется, нам из этой свалки уже не выбраться! – мрачно резюмировал лейтенант-адмирал, глядя на все творившееся вокруг. – Однако, по крайней мере, мы будем драться до конца, и никто не посмеет упрекнуть нас посмертно в трусости!

Рюйтер снова вызвал шлюпкой на «Семь Провинций» Вана Ниеса.

– Как состояние твоей эскадры, мой верный друг? Сколько еще сможешь продержаться? – спросил, когда черный от дыма и копоти вице-адмирал взобрался к нему на палубу.

– Не слишком хорошее! – махнул тот рукой с безнадежностью. – Держимся из последних! Мой корабль уже почти безоружен. Пушки разбиты, порох делим последними горстями. Из тех, кто еще жив, почти все переранены по нескольку раз!

Командующий еще раз глянул на своего младшего флагмана.

Вид вице-адмирала желал много лучшего: обгоревшее лицо, перебинтованная на перевязи рука, пробитая пулями шляпа и разорванный в клочья кафтан.

Оба адмирала спустились в каюту Рюйтера. Там командующий продолжил разговор:

– Мы полностью окружены англичанами. Помощи ждать неоткуда и не от кого. В более-менее приличном состоянии только шесть или семь кораблей, все остальное просто дрова! Что предлагаешь делать?

Ниес, вытерев рукой грязный лоб и, помолчав, ответил:

– Остается лишь одно: пока нас всех не перетопят, будем сражаться!

– Я тоже того мнения, – кивнул ему Рюйтер. – Ни о какой сдаче не может быть просто и речи. Для начала попробуем выдвинуть вперед все наши уцелевшие корабли и ими пробить брешь в окружении. Если это получится, то будем отходить отбиваясь. Если нет, то погибнем здесь! По крайней мере, для себя я избрал именно такой жребий!

– Я тоже! – кивнул Ван Ниес. – Бывают моменты, когда смерть будет счастливей постыдной жизни! Представляю, как будет рад известию о вашей гибели Тромп. Дорога к должности командующего будет ему открыта!

– Может быть, все будет именно так! – печально сказал Рюйтер. – Хотя я все же надеюсь, что найдутся те, кто сможет осудить его за предательское поведение в нынешнем сражении! Не брось Тромп нас, все было бы совершенно по-иному. Впрочем, теперь нам следует думать об ином!

Голландский историк пишет: «Они видели, что все окружавшее их пало, а самим предстояла смерть от неприятелей, ими побежденных за несколько перед сим времени. Они вышли из каюты, и Ван Ниес простился. Расставаясь, они взаимно обещались не покидать друг друга и умереть или вместе освободиться».

Тем временем англичане, понимая, что доведенные до отчаяния голландцы готовы на все, не решались свалиться с ними на абордаж, а лишь наращивали и наращивали темп стрельбы. Едва Рюйтер и Ван Ниес покинули каюту, как туда одно за другим влетело сразу два ядра и разнесло в мелкие брызги кресла, на которых они только что сидели.

Собрав в кулак все уцелевшие корабли, Рюйтер повел их на прорыв. Неимоверным усилием и большими жертвами, но ему удалось прорвать кольцо окружения! В образовавшуюся брешь в английской линии проскочил весь голландский флот.

– Рано нас хоронили! – грозили кулаками британцам

голландские матросы. – Мы еще вам покажем, где раки зимуют!

Ван Ниес, держась позади него, принимал на себя весь металл, летевший от неприятеля. Англичане били из погонных пушек, голландцы отстреливались из ретирадных. Рюйтер уводил свой потрепанный, но так и не побежденный флот на зюйд-ост.

Генерал Монк гнался за ним с невероятным азартом, горя желанием пленить голландского командующего и привезти в Лондон, как главное доказательство своей победы. Для достижения этой цели Монк, казалось, не жалел ничего. Одних только брандеров против «Семи Провинций» он бросил более десятка. На этот раз уничтожить Рюйтера английский командующий желал наверняка. Сам Монк, наблюдая за атакой, ходил в нетерпении на шканцах. Неотрывно глядя в зрительную трубу, когда матросы раскрутят и закинут на палубу столь ненавистного ему корабля четырехлапые якоря-дреги, намертво привязывающие горящие брандеры к их жертвам, он уже мысленно радовался смерти своего главного врага. Но этого так и не произошло. Капитан рюйтеровского корабля всякий раз успевал как-то уворачиваться от несущихся на него судов-смертников в самый последний момент, а затем и расстреливать их в мелкую щепу.

– Румпель быстрее под ветер! Брасопить паруса на левую сторону! – командовал, стоявший рядом с ним, Рюйтер.

Очередной брандер на полном ходу проскакивал мимо. Несколько добровольцев (и в их числе волонтеры-французы), забравшись в спущенную на воду шлюпку перехватывали несущиеся на флагман брандеры, беря их на абордаж. Впопыхах следующий из брандеров был подожжен столь рано, что от него загорелся шедший рядом 72-пушечный английский корабль. Сбивая огонь, он неудачно подвернул кормой к самому борту Ван Ниеса и тот без раздумий вычистил ему палубы смертоносными продольными залпами. Французы-волонтеры, обступив Рюйтера, просились у него идти на абордаж. Но он этого не разрешил, не желая задерживать движение всего флота. Зияя дырами и набитый доверху истерзанными трупами, англичанин вывалился из строя и вскоре навсегда скрылся за горизонтом.

Потерпев неудачу с брандерами, Монк, все же не отказался от мысли уничтожить «Семь Провинций». Теперь он приказал сразу нескольким своим кораблям, сомкнув линию, сблизиться с флагманом Рюйтера и бить по нему залпами, пока тот не будет уничтожен. Эта атака была наиболее страшной и долгой. Ядра в таком количестве прыгали по палубе корабля, что Рюйтер каждый миг ожидал взрыва. Рядом с командующим неотступно следовал его зять де Витт. Переступая через еще крутящиеся ядра, Рюйтер

говорил ему:

– Ну, почему же я столь несчастлив, что ни одно из тьмы летящих ядер не поразит меня!

Рядом то и дело падали убитые и раненные, кровь текла по палубе уже не ручьями, а единой широкой, быстро густеющей багрово-красной рекой.

– Отец! Если вы предадитесь отчаянию, то для всех нас не останется ничего кроме смерти! – попытался, было. успокоить Рюйтера зять.

– Я не отчаиваюсь, я лишь высказываю тебе свою мечту! – оборвал де Витта лейтенант-адмирал. – Мы же будем драться, пока мы дышим!

Но Рюйтер не просто отходил, он заманивал англичан на близлежащую песчаную банку. От точного огня голландцев вдалеке уже полыхали огромными кострами два английских корабля. Понимая, что Рюйтер великолепно знает местные воды, в то время как его капитанам придется действовать вслепую, что неизбежно приведет к большим потерям, Монк с большим сожалением отдал приказ о прекращении погони и повороте флота на обратный курс. Невозможное случилось! Избиваемый и отступающий Рюйтер, несмотря на всю трагичность ситуации, сумел не только нанести урон во много раз превосходящему врагу, но и заставить его убраться восвояси.

Но и на этом Рюйтер не остановился. Обнаружив, что три его корабля отстали настолько, что вот-вот будут захвачены англичанами, Рюйтер немедленно собрал несколько наименее потрепанных кораблей и фрегатов, приказал вице-адмиралу Банкерту спасти отставших. Атака Банкерта имела полный успех. Едва он устремился в атаку, англичане, не приняв вызова, отвернули прочь. Задача, поставленная Рюйтером, была выполнена без всяких потерь.

Адмирал де Рюйтер

Российский военно-морской историк лейтенант Щеглов писал об этом так: «Отступление Рюйтера было выполнено столь образцово, что оно справедливо стяжало ему славу равносильную победе и превосходило таковое же отступление Мартына Тромпа, ибо при таком подавляющем числе англичан голландская эскадра, казалось бы, должна была быть окончательно истреблена, между тем как в этом отступлении Рюйтер не потерял ни одного корабля, тогда как у англичан два были потоплены и два сожжены брандерами. Тем не менее, голландский флот был на этот раз разбит и потерял 10 кораблей,

2000 человек убитыми и 1000 пленными, англичане же потеряли 4 корабля, 1500 человек убитыми и пленными».

В тот же вечер голландский флот встал на якорь у порта Доорло. Спустившись в свою разнесенную в щепки каюту, Рюйтер с грустью посмотрел на перебитых ядрами цыплят и бережно снял со стены чудом оставшийся целым натюрморт, поднял с палубы обгоревшую Библию. Там же подле Доорло Рюйтер расстался с французскими волонтерами, которые отправились шлюпкой на берег, чтобы через Кале добраться до Парижа и представить отчет королю Людовику о ходе англо-голландской войны. Отослав в Амстердам подробнейший отчет о всех перипетиях только что завершившегося сражения, Рюйтер перешел с флотом в Флессинген и Виелинген, где велел всем капитанам подать докладные о необходимом ремонте и припасах. На «Семи провинциях» насчитали тридцать погибших и сто тридцать раненных. Тогда же открылось, что часть матросов, в испуге попряталась в трюме, и выбрались оттуда, только тогда, когда бой был уже закончен. Командующий хотел, было, поначалу расправиться с трусами, но число их было столь велико, что он от этой затеи отказался, ограничившись лишь публичной поркой дезертиров.

Лейтенант-адмирал весьма нервничал. До сих пор он ничего не знал о судьбе эскадры Тромпа. Прошло еще несколько томительных дней, прежде чем тот вернулся.

Пока Рюйтер занимался починкой кораблей и пополнением команд, Генеральные Штаты прислали к нему в Виелинген депутатов с изъявлением благодарности за спасение флота. Все были потрясены тем, что Рюйтер, несмотря на свое тяжелейшее отступление, ухитрился не только заставить англичан отойти, так ничего не добившись отойти, но при этом не потерял, ни одного корабля своей эскадры, в то время как сам уничтожил четыре английских. Сошедшие на берег офицер и матросы как один во всеуслышание заявляли, что не помнят, чтобы когда-нибудь кто-то был достоин такой славы как их главнокомандующий за блестяще проведенный отход своего флота из неприятельского кольца.

– Отступление Рюйтера славнее любой победы! – говорили одни.

– Наш папа шел на прорыв с семью вымпелами против неприятельских двадцати трех и вышел победителем! Разве это не подвиг достойный бессмертия! – вторили им другие.

Сам Рюйтер в это время был озабочен выбиванием парусов и такелажа у прижимистых адмиралтейских чиновников. Раненных и больных развезли по госпиталям. Остальных членов команд

поартельно отпускали на несколько суток по домам. Затем Рюйтер собрал военный совет для осуждения тех, кто пренебрег своими обязанностями в сражении. Одного из капитанов разжаловали в матросы и навсегда изгнали с флота, многие матросы были протащены под килем корабля, а некоторые повешены. Настроение от всего этого у Рюйтера было самое удручающее.

Но на этом беды лейтенанта-адмирала не закончились. Желая проведать мужа, к нему в Виелинген приехала жена с младшей из детей пятнадцатилетней Анной. Но, как говорится, большая беда никогда не приходит одна. В дороге девочка заболела, и спустя несколько дней после приезда к отцу умерла. Смерть своей маленькой любимец Рюйтер перенес очень и очень тяжело. «Он утешался своей набожностью, предаваясь воле провидения» – так писал об этих горьких днях адмирала один из биографов Рюйтера.

Тем временем, все более и более разгорался скандал вокруг Корнелия Тромпа. Штаты затребовали от командующего подробного донесения о действиях его младшего флагмана. Рюйтер ничего не скрыл, однако, ничего и не прибавил. Донесение его было кратким, честным и без тех личных выпадов в адрес Тромпа, которые, казалось бы, можно было ожидать. Рюйтер справедливо обвинял Тромпа в том, что он слишком поздно вступил под паруса на неприятеля, а затем и вовсе покинул флот. В свою очередь Тромп обвинял Рюйтера во всех мыслимых и немыслимых грехах, не стесняясь в выражениях. Тромп писал следующее: «…После сих прежних верных моих услуг, лишь прискорбно видеть себя на счету преступников и обвиняемым в гибели флота по одной зависти лейтенанта-адмирала Рюйтера. Он не прощает лишь преимущества, одержанного мною над неприятелем с меньшими силами, нежели каковыми он начальствовал и с которыми был разбит. Если я не буду вознагражден за такое оскорбление, то признаюсь, что не нахожу себя более способным служить…»

– Образумься и покайся в случившемся! – говорили Тромпу друзья. – Ведь виноват во всем только ты!

– Это неправда! – продолжал твердить упрямо Тромп. – Рюйтер похитил у меня славу! Благодаря его стараниям флот сейчас настолько распущен, что я не удивлюсь, если матросы скоро перережут друг друга на берегу в драках!

Несмотря на все заявления Тромпа, вина его была доказана полностью. Кроме этого стало очевидным, что далее два адмирала служить и воевать вместе не могут. Голландия не могла позволить себе роскошь еще одного выверта младшего флагмана.

Тромп немедленно был вызван в Гаагу, где ему и было объявлено, что он отныне «отчуждается» от флота, а на его место уже назначен другой адмирал. Не ожидавший такого поворота, Тромп тут же сказал президенту Штатов де Витту:

– Я готов немедленно и всенародно признать свою вину перед Рюйтером и республикой. Я готов служить на любой меньшей по значимости должности, готов быть простым капитаном. Прошу лишь об одном, не отправлять меня на берег в этот трудный для отечества час!

Депутаты долго совещались. Наконец, верх взяло мнение, что наказание Тромпу следует оставить в силе хотя бы потому, чтобы показать всем, как, невзирая на чины и заслуги, карается ослушание во время войны и тем самым предостеречь себя от подобных поступков в будущем. Тромпу было объявлено об отставке и о запрещении покидать Гаагу до конца войны, а так же переписываться с кем бы то ни было. Причина столь строгого домашнего ареста крылась в том, что депутаты Генеральных Штатов и в первую очередь братья Витт побаивались, как бы разобиженный Тромп, появившись в портах, не вызвал бунт среди преданных ему офицеров и матросов.

Пока шли разбирательства с Тромпом, Рюйтер встретился с французским послом д, Эстрадесом, обсуждая вопрос возможного объединения голландского и французского флотов для совместных действий против англичан. Посол обещал, что французский флот уже полным ходом вооружается и вскоре должен прибыть в Ла-Рошель под началом герцога де Борфорта. Тогда же он возложил на грудь Рюйтера от имени своего короля орден Святого Михаила.

На ордене изображён архангел Михаил на скале, символизирующей штаб-квартиру ордена – священную гору Мон-Сен-Мишель

Вот как описывает причины столь щедрого награждения и саму церемонию этого действа русский историк X1X века лейтенант П. Головин: «Геройское мужество, оказанное Рюйтером в сражении, его славное отступление с места битвы, где он уходил как отступающий лев, конечно, могли равняться доброй победе. Так, по крайней мере, выразился Людовик XIV, в своем письме к Рюйтеру. В то же самое время он прислал Рюйтеру орден святого Михаила и граф д, Эстрад, в отсутствие короля, должен был возложить этот орден на Рюйтера. 29-го августа Рюйтер прибыл в Флиссинген. Для церемонии вручения был назначен дворец принца Оранского. Стены обширной и длинной залы избранной для церемонии были украшены драгоценной индийской тканью, шитою золотом и серебром. В глубине залы, на возвышении в одну ступень, стояло кресло для посланника. Позади кресла находился стол совета, окруженный стульями. В 11 часов звук литавры известил о приближении посланника, который вошел в залу в тоже время, когда Рюйтер в сопровождении вице-адмиралов и корабельных капитанов входил в противоположные двери. Накануне Рюйтер получил известие о смерти своей любимой дочери и несмотря на всю силу воли, не смог скрыть своего огорчения. Он был бледен и печален и невольные слезы блистали в его глазах. Он вошел в залу с непокрытой головой. Его седые волосы распались по плечам. На

нем был блестящий стальной нагрудник без всяких украшений, и шелковый трехцветный шарф был надет через левое плечо. В правой руке он держал свой жезл. Буйволовый пояс без шитья, поддерживал его тяжелый боевой мечь. Маленький паж, одетый в зеленый кафтан, нес сзади Рюйтера его шлем с опущенным забралом, без герба и без перьев. Граф д, Эстрад, представитель короля Франции, сел с покрытой головой. На шее у него была одета большая золотая цепь ордена Святого Михаила. Позади его стали маркиз де Белльфон, Кавуа и секретари посольства. Наконец, за ними находились дворяне и офицеры, служащие в посольстве. У ног графа д, Эстрада лежала богатая подушка из пунцового бархата. Кавуа пригласил Рюйтера преклонить к этой подушке колена. Рюйтер приблизился, встал на одно колено и граф д, Эстрад, поклонившись ему, встал со своего места и, сняв шляпу, сказал: „Именем Его Величества, великого магистра ордена святого Михаила, к которому ему угодно сопричислить вас, господин Рюйтер, выслушайте присягу, произносимую кавалерами, и клянитесь исполнять ее и все статуты, которых содержание вам уже объявлено“. Граф д, Эстрад накрылся и сел и один из дворян прочитал присягу. Когда он кончил, Рюйтер твердым голосом отвечал: „Клянусь!“ Граф д, Эстрад опять встал, вынул из ножен шпагу и, коснувшись плеча Рюйтера, произнес: „Во имя святых Павла и Георгия, делаю вас кавалером ордена святого Михаила“. Потом, вложив шпагу в ножны, он снова сел и взяв, поднесенную ему на подушке орденскую цепь, надел ее на Рюйтера. „Орден принимает вас в свои сочлены! – сказал он. – В знак чего и дает вам эту цепь. Да поможет вам Бог долго и со славою носить ее, для службы верховного правителя ордена и для вашей чести.“ И граф д, Эстрад, в знак истинного братства, обнял Рюйтера. По окончании церемонии, д, Эстрад взял Рюйтера за руку и подвел его к столу совета. „Мне остается исполнить еще одно повеление короля! – сказал он Рюйтеру. – Его Величеству угодно, чтобы вместе с орденом, вручил вам еще одну вещь, как знак особенной королевской к вам милости“. Рюйтеру поднесли богатый ларчик, обтянутый голубым штофом, посредине крышки был герб Рюйтера, украшенный эмблемами и регалиями ордена Святого Михаила. Д, Эстрад открыл ларчик и вынул великолепный портрет Людовика XIV и толстую золотую цепь, превосходной работы, на которой висела золотая медаль. На одной стороне медали было изображение короля, а на другой представлено восходящее солнце с девизом: Nec pluribus impar, т. е. „Нет мне подобного“. К подаркам было приложено письмо короля. В этом письме Людовик XIV говорил, что, высоко ценя заслуги и мужество Рюйтера, он дарит ему свой портрет и

золотую цепь с тем, чтобы по смерти Рюйтера обе эти вещи перешли к его старшему сыну и таким образом навсегда сохранились в его семействе… Сколько трогательного в этой церемонии. Как радовала всех эта милость короля, излитая на заслуженного ветерана. И можно ли думать, что все это была комедия, насмешка над легковерием старика, комедия, необходимая, как выразился граф д, Эстрад, для того, чтобы зажать рот крикунам, которые сомневались в искренности французского правительства и громко роптали на медлительность эскадры герцога де Бофора, которая и не думала еще выходить из портов Франции. Вся помощь, все громкие обещания французов, кончились присылкою одного брандера! Конечно, голландским крикунам надо было зажать рот и милости, которыми осыпали Рюйтера, скорее всего, могли привести к этой цели».

Людовик XVI – король Франции из династии Бурбонов

– Король наградил Михаила Михаилом!

Сам же Рюйтер, сгибаясь под тяжеленной цепью, искренне вздыхал:

– Как бы эта штука не утянула меня на дно!

Ответным подарком французскому монарху стал портрет голландского флотоводца, который, по уверению посла, король давным-давно желал видеть висящем в своем дворце.

Единственный, кто понял весь позор ситуации, был проницательный Йохан де Витт. Французскому послу он резанул прямо в лоб:

– Кусок золота никак не компенсирует отсутствие вашей эскадры в двух последних сражениях! Я не хочу пока делать далекоидущих выводов относительно искренности вашего короля в нашем союзе, а потому пока сетую лишь на вашу медлительность!

В ответ граф д, Эстрад лишь развел руками:

– Наша эскадра уже вышла в Ла-Рошель и скоро будет вместе с вашим флотом!

В тот же день граф в красках отписал в Версаль претензии премьер-министра республики. Король Людовик, выслушавши, зачитанное секретарем письмо, скривил свои толстые губы:

– Эти Витты слишком многого хотят. Никакого флота в поддержку они от меня не получат. Пусть дерется простофиля Рюйтер! А нам, видимо, пора уже подумать над тем, как побыстрее сбросить Виттов с помощью нашего чахоточного мальчика Вильгельма Оранского. С этим я договорюсь всегда, а в награду дам поуправлять какой-нибудь маленькой провинцией. Голландия же будет моей. Я имею все права на нее от имени своей супруги Марии Терезии, дочери Филиппа Четвертого от первого брака и могу, вполне, по этому оспаривать права Карла Второго испанского, потому как он был рожден от Филиппа во втором браке! Отныне мы ставим на Оранского!

О, если бы мог король Людовик заглянуть в будущее! Как понял бы он, что жестоко обманулся в своих ожиданиях! Чахоточный мальчик окажется выдающимся политиком и полководцем, обведет вокруг пальца своего бывшего благодетеля. Став затем королем Англии, навлечет еще на Францию две жесточайшие морские войны! Но пока король-солнце еще пребывает в мире несбывшихся грез.

Граф д, Эстрад, как ни странно, но голландского премьера не обманул. Вскоре французская эскадра и в самом деле перешла в Ла-Рошель, поближе к театру военных действий. Но в конце сентября она, неожиданно для всех, снова вернулась в Брест, пройдя у острова Уайт, мимо всего английского флота. Герцог де Бофор не сделал по англичанам не одного выстрела, те тоже. Все объяснялось очень просто: посланник французского короля маркиз де Рювиньи уже вовсю вел в Лондоне тайные переговоры о мире и последующем тесном союзе против… Голландии, так что будущим союзникам выяснять отношения ядрами было вовсе не к чему! Ну, а чтобы у голландцев не возникло никаких подозрений относительно его козней, Людовик еще и обвинил Генеральные Штаты в том, что их флот своей медлительностью подставил его эскадру под английские пушки и та, мол, едва спаслась. По этой причине он более рисковать своими кораблями в будущем не

намерен. Повод для обиды был найден. Что касается злосчастной эскадры герцога де Бофора, то судьба ее будет печальной. Направленная королем из северных вод в Средиземное море, она будет наголову разбита турками у острова Кандия. От самого герцога ж останется лишь нога в ботфорте. Увы, он был, быть может, не плохим политиком, но никудышным флотоводцем!

Тем временем Рюйтер, которому Йохан де Витт разъяснил всю подоплеку с его награждением, был очень расстроен таким обманом и своей глупой ролью в организованном спектакле.

– Я, конечно не политик и не могу ответить французам той же монетой, – ответил он премьеру, выслушав его рассказ, – Но коль дело дойдет до встречи в море, то король Людовик ее запомнит надолго, в том я ручаюсь!

Придя домой, Рюйтер зашвырнул цепь с чеканным профилем короля-солнце в сундук.

– Пусть валяется на черный день! – сказал жене. – Будет туго, продадим!

Однако не все получалось, как спланировал король Людовик. Если на европейском театре военных действий он успел упредить столкновение своего флота с английским, то в американских колониях это ему не удалось. Пока возились секретные инструкции, французы захватили английские форты на острове Сан-Христофор, а посланная туда Плимутская эскадра была наголову разгромлена и сожжена брандерами Левевра де-ла-Барра. Потери плимутцев приближались к тысяче человек. В ответ англичане перебили французов в Гвиане. Затем оба короля галантно извинились друг перед другом и взаимно вернули захваченное друг у друга.

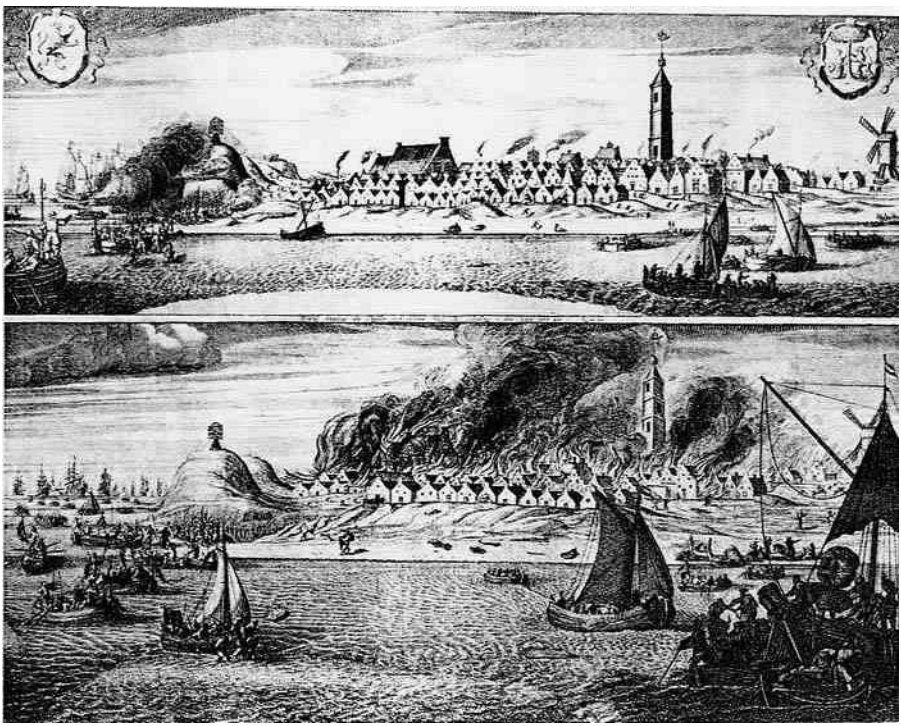
Одновременно, желая как-то закрепить достигнутый успех в сражении святого Джеймса (именно под таким названием вошло в английскую историю четырехдневное сражение августа 1666 года) король Карл Второй распорядился провести неожиданную набеговую операцию на голландское побережье. Начальствовать диверсией был определен капитан сэр Роберт Холмс, чьи ярко выраженные пиратские замашки, давали уверенность в удачном исходе предприятия. В качестве цели был выбран небольшой и слабо укрепленный приморский торговый город-порт Влиланд, имевший большое количество магазинов и складов с колониальными товарами. К тому же там не было военных кораблей. На личной аудиенции короля Холмс получил приказ разграбить и сжечь город, а так же захватить в плен наиболее влиятельных и богатых горожан.

– Это поручение по мне! – не скрывал своей радости пират, – грабить и жечь куда веселее, чем палить друг в друга в

кильватерных колоннах!

Во главе отряда кораблей Холмс скрытно подошел к городу, с трудом форсировав мелководный пролив между островами Влиланд и Терсхеллинг. Открывшееся ему зрелище было воистину фантастическим. Весь рейд за Терсхеллингом был буквально забит десятками и десятками торговых судов.

– Вперед, друзья! – провозгласил сэр Роберт. – Сегодня мы все поживимся на славу!



Сжигание Вест-Терсхеллинг

На яхте «Фэнфэн» он первым врезался в гущу стоящих на якорях «индейцев». Следом за ним неотступно следовал фрегат (второй сел на мель в проливе), пять брандеров и с десяток легких кечей и баркасов. Два небольших охранных голландских судна отважно бросились на перехват пиратов. Одно из них сцепилось с фрегатом и подожгло его. Второе, маневрируя, выскочило на мель, и было тут же подожжено английским брандером. Тем временем Холмс с остальными своими соратниками ворвался в гавань. Местные жители, зная, что от англичан пощады ждать не приходится, разбегались в разные стороны. Холмс вначале поджигал один за другим, беспомощно стоявшие на якорях и почти без команд на борту, торговые суда, а затем, высадившись на берег, принялся грабить город. Стоявшие

плотно купцы вспыхивали один за другим, и скоро вся гавань представляла один большой костер, дым от которого был виден далеко в море. Английские остряки и многие годы спустя, именовали эту операцию не иначе как «костер сэра Роберта». Сколько всего было уничтожено судов тогда, точно не установлено и по сегодняшний день. Источники разнятся. Одно ясно точно, их было далеко за сотню.

Когда с торговым флотом было покончено, Холмс принялся за город. Разграбив город, английские матросы добрались до складов со спиртным, после чего началась самая разнузданная вакханалия. Пьяные англичане врывались в дома и грабили все подряд. Оставшихся жителей хватали и пытали, выведывая, куда они спрятали свое золото, попадавшихся на пути женщин насиловали без разбора, не взирая ни на возраст, ни на сословия. Дело дошло до того, что когда Холмс убрался восвояси, то голландцы обнаружили в домах еще немало перепившихся и не добравшихся до своих кораблей англичан, которые тут же после своего протрезвления были повешены озлобленными горожанами.

Сами англичане так оценивают итог рыцарского рейда сэра Ричарда: «Когда известие об успехе Холмса достигло Лондона, то там его широко отпраздновали, зажигая костры на улицах и стреляя из крепостных пушек. Сжигание кораблей стало уже давно общепринятым действием во время войны. Но совесть многих людей не могло не беспокоить поджигание города. Это было фактически бессмысленной провокацией. Холмс сжег к тому же не тот город: склады с государственным имуществом находились на острове Влиланд, а там, где отвели душу английские моряки, в Терсхеллинге, не было совершенно никаких правительственных складов, товаров и запасов. Пепюс (секретарь адмиралтейского совета Англии и один из главных реформаторов ее флота – В.Ш.) засомневался, когда получил первые сообщения о произошедшем: „Я уверен, то это либо неверный доклад, либо ошибка“. У него появилось тревожное чувство, что такой бессмысленный поступок вызовет кару со стороны всемогущего Бога или возмездие от рук голландцев».

Что ж, секретаря британского адмиралтейства предчувствие не обмануло. Пройдет совсем немного времени и Англия испытает то и другое.

В Голландии пиратская акция англичан вызвала настоящий шок. О сожженных торговых судах особо не вспоминали, война есть война, но грабежи и убийства населения породили небывалую дотоле ненависть к врагу. В церквях денно и нощно просили о покарании своих единоверцев – протестантов, живущих за морем. Матросы и капитаны клялись на Евангелие отомстить

разбойникам за поругание Терсхеллинга. Дал такую клятву и Рюйтер.

– Нанести ответный удар англичанам теперь для меня – дело моей чести! – объявил он на заседании Генеральных Штатов. – К подготовке операции, я уже начинаю приступать и клянусь всем, что нашему врагу слезы вдов и детей Терсхеллинга еще аукнутся не раз!

Речь лейтенанта-адмирала была встречена громкими аплодисментами.

5 сентября 1666 года голландский флот был снова готов к выходу в море, затратив на весь огромный ремонт всего лишь два месяца. Теперь он насчитывал девяносто два корабля и двадцать брандеров. Все рвались в бой, посчитаться с противником. В море Рюйтер выходил в твердой решимости поквитаться за прошлую неудачу. Однако англичане на этот раз драться с жаждавшими мщения голландцами не захотели, а предпочли, завидев их, уходить по добру по здорову. при преследовании был настигнут и пленен 80-пушечный «Роял Чарли». Только лишь раз они попытались атаковать рюйтеровский флот неподалеку от побережья Франции своими брандерами, которые были, однако, легко отбиты. К тому же дальнейшему развитию событий помешал и внезапно налетевший сильный шторм. И противника пришлось искать укрытия в своих портах. Англичане отправились в Портсмут, а Рюйтер повернул на близкий союзный Дюнкерк.

Едва английские корабли бросили свои якоря, как с берега к ним подошли лодки, привезшие с собой потрясшую всех новость – горел Лондон! Мнительные сразу же увидели в огромном пожаре английской столицы божественную кару за уничтожение Терсхеллинга. Если это было действительно так, то наказание оказалось ужасным. В течение трех дней бушующее пламя уничтожило всю центральную часть города, все склады Людям казалось, что наступил день страшного суда. Количество задохнувшихся в дыму и заживо сгоревших исчислялось многими и многими тысячами. Самыми сокрушительными были результаты пожара и с экономической точки зрения. Чума и огонь столь сильно подорвали мощь Англии, что теперь король Карл стал всерьез подумывать о стратегической паузе в войне с Голландией, которая дала бы возможность хоть немного перевести дух и зализать раны. Тогда же начали раздаваться и голоса в пользу мира с Голландией. Было очевидно, что голландцы пылают ненавистью за бесчинства в Терсхеллингене, но теперь после пожара Лондона они могли стать немного уступчивее. По тайному приказу короля на континент отправился лорд Олбанс, чтобы начать готовить почву для мирных

переговоров. Но голландцы с переговорами не торопились. От своих шпионов они были прекрасно осведомлены, что Англия едва ли сможет из-за финансовых трудностей вывести в море свой флот на следующий год. У самих же голландцев денег было в достатке, и флот их деятельно готовился к следующей кампании.

Пока англичане боролись с огнем и оплакивали погибших, едва не погиб и Михаил Рюйтер. Во время последнего выхода в море, когда англичане попытались, в преддверие надвигающегося шторма, все же атаковать голландцев своими брандерами, Рюйтер помогал своим артиллеристам наводить пушки на несущиеся суда-смерти. Внезапным порывом ветра прямо в горло ему швырнуло кусок горящего фитиля. Это вызвало большой внутренний ожог и рвоту, быстро переросшую в сильную лихорадку, надолго свалившую командующего в постель. Слабея с каждым днем, Рюйтер скоро не мог уже даже вставать с кровати. Из Голландии прислали к нему в Дюнкерк посыльную яхту с голландскими и французскими докторами. Осмотрев больного, те единодушно заявили, что Рюйтера необходимо немедленно переправить на берег, иначе последствия могут быть самыми плачевными. На носилках командующего перенесли на яхту, и та на всех парусах поспешила к голландскому берегу. Командование флотом принял храбрый и верный Ван Ниес.

Продержавшись в море еще около месяца, но, так и не встретив англичан, которые уже попрятались по своим портам, Ниес, опасаясь начавшегося периода жестоких осенних штормов, взял курс в родные базы.

Так закончилось выяснение отношений между Голландией и Англией в 1666 году и обе противные стороны уже начали деятельно готовиться к боям следующего года.

К декабрю месяцу Рюйтеру стало значительно лучше, ожоги затянулись, лихорадка спала, и он потихоньку начал подниматься с кровати. Вначале делалось это только в сопровождении жены, но затем, постепенно набираясь сил, он уже самостоятельно стал совершать небольшие прогулки. 5 декабря лейтенант-адмирал впервые показался на публике и был встречен приветственными криками.

Голландский историк пишет: «Он (Рюйтер) имел удовольствие видеть общую к нему любовь и почтение. Народ во множестве толпился ему навстречу и каждый на перерыв изъявлял радость, видя столь полезного для республики человека. Штаты дали ему почувствовать, что они с радостью услышали о его выздоровлении, надеясь еще долгое время наслаждаться его службой, столь похваляемою и полезною для нации. Разные коллегии адмиралтейств соревновали изъявить ему их уважение

подарками. Амстердамская послала ему саблю с литым золотым эфесом в шагреневых ножнах. От Ротердамской получил он золотой кубок, а от Зеландской атлас в богатом переплете. Советники адмиралтейств поставили его портрет в зале совета, как героя, долженствующего быть примером морским офицерам».

Глава четвертая
Удар по Темзе

Бесконечные интриги и ссоры между людьми, стоящими во главе отдельных провинций в Нидерландах и вечные партийные раздоры, а также сильно распространившееся желание прекратить войну были главными причинами того, что вместо ожидавшихся 88 линейных кораблей, 12 фрегатов, 24 брандеров де Рюйтер получил под своим начальство лишь 64 корабля, 20 мелких судов и 15 брандеров. Хотя это количество судов и представляли внушительную силу, в особенности по сравнению с плохо подготовленными англичанами, но всеже для поставленной задачи она была явно недостаточна.

Адмирал де Рюйтер, Atlas_Blaeu-Van_der_Hem

Едва поправившейся Рюйтер был немедленно вызван в Гаагу, где был принят премьер-министром республики Йоханом де Виттом. Энергичный и блестящий политик де Витт, рассказал лейтенанту-адмиралу о возможности скорого мира и о своем желании провести какую-нибудь удачную операцию против Англии, которая позволила бы ему заключить мир с позиции силы.

– Ситуация чрезвычайно сложна! – доверительно говорил Витт лейтенанту-адмиралу. – Хотя ты Михаил и далеко от политики кое-что знать ты все же должен. К власти рвется принц Оранский. Принца поддерживает проанглийская партия. Если он

добьется своего, он уничтожит республику, то за что мы пролили моря крови!

Кроме этого, похоже, что и наш друг король Людовик тоже не прочь вторгнуться в голландские пределы. Все это и склоняет меня к миру. Однако англичанам для придания большего миролюбия нужна хорошая взбучка!

– Прекрасно, ваша честь, взбучка будет отменная! – обрадовался Рюйтер. – Пока я валялся в безделии на домашних пуховиках, у меня возникла идея о такой диверсии. Я уже все рассчитал и просчитал, однако, данная операция должна готовиться в полнейшей тайне, иначе все будет обречено на провал!

– Что же вы задумали, мой милый Рюйтер? – сразу же заинтересовался премьер-министр.

– Я поклялся англичанам отомстить за костер Холмса, поэтому наш костер будет еще более большим. Мы войдем с флотом в Темзу, и пройдем вверх по ней, сметая все на своем пути!

– Но возможно ли такое? – искренне изумился Йохан де Витт. – Ведь там и отмели и течения, к тому же река не столь широка, а у нас нет хорошо знающих ее лоцманов?

– Вы недооцениваете голландских моряков! – усмехнулся в растопорщенные усы лейтенант-генерал. – Я уже разыскал торговых капитанов в мирные годы часто ходивших по Темзе, составил ее карту со всеми берегами, течениями и даже ветрами. Дело осталось за малым. Вам нужно решиться на этот поход!

Энгель де Рюйтер, сын Рюйтера.1669. Художник Ф. Боль

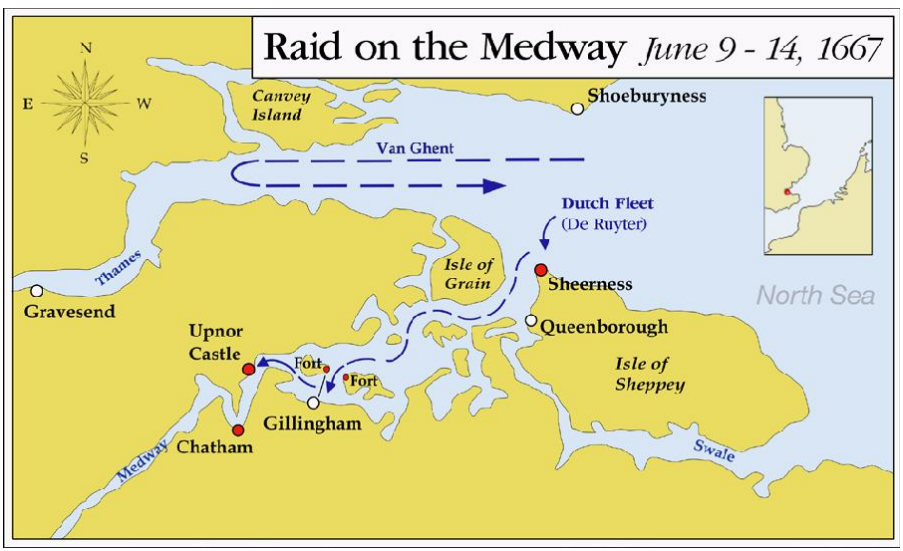
В тот же день в Гаагу был срочно вызван младший брат премьера Корнелис, бывший мэром крупного голландского города Дордрехта. Детали операции обсуждали уже втроем. Корнелис брал на себя всю административную и финансовую подготовку, а так же все меры по обеспечению тайны. Старший брат должен был, находясь в Гааге и получив известие об успехе операции, немедленно известить своих дипломатов ведущих неторопливые переговоры о мире с англичанами в Бреде, чтобы те тотчас прижали своих оппонентов к барьеру. Тем временем Людовик Четырнадцатый разругавшись с королем Испании за то, кто из них имеет больше прав владеть Голландией, пошел на Испанию войной. Маршал Тюренн захватывал город за городом. Рюйтер

должен был осуществить саму операцию, от результатов которой зависело будущее Республики. По плану отряд голландских кораблей должен был неожиданно войти лиман Темзы и подняться по извилистому руслу реки Мидуэй до порта Чатама, где отстаивался на якорях почти весь разоруженный английский флот. Там голландцам предстояло по возможности уничтожить как можно больше кораблей, после чего спуститься по реке и уйти в море.

Все дни подготовки к операции Рюйтер работал, не покладая рук. Еще никогда в своей жизни он не готовил поход такой неимоверной трудности. Ведь даже если бы весь английский флот был полностью не боеготов и береговые укрепления будут чрезвычайно слабыми, то и тогда все равно существовали почти непреодолимые трудности навигационного характера. Лиман Темзы, как известно, изобиловал песчаными отмелями и длинными участками малых глубин, на которых крупный корабль просто окажется на мели, если пропустит высокую воду во время прилива. Корабль с прямым парусным вооружением, тяжелый в лавировке, мог войти туда только при ветре, дующем от северного до юго-восточного направлений. Войдя же в Мидуэй, корабли были вынуждены ожидать смены направления ветра, чтобы получить возможность снова выйти в открытое море. К тому же для судоходства река Мидуэй была намного хуже, чем Темза. Ее лиман был весьма узким, усыпанным многочисленными отмелями и грязевыми островками, которые скрывались под водой во время прилива. А до порта Чатам, где стоял английский флот, было без малого семь миль извилистого водного пути. При этом кораблю опять же требовался именно северо-восточный ветер при входе и юго-восточный при выходе. Кроме этого надо было иметь в виду и местные приливно-отливные течения, которые здесь достигали такой силы, что корабль мог войти в лиман только при полном приливе, а выйти только во время полного отлива. Поэтому получалось, что даже если голландцам как-то удастся прорваться к Чатаму, то они будут вынуждены остановиться там и обороняться до тех пор, пока ветер и уровень воды не позволят им отступить. Одним словом Мидуэйская операция была задачей с множеством неизвестных, причем такой сложности, что далеко не каждый, даже весьма храбрый флотоводец, рискнул бы на ней своей репутацией. Но это Рюйтера не остановило. Ночами он считал и пересчитывал все варианты времени подхода к лиману и входа в реку, времени выхода. По его расчетам все вроде бы выходило неплохо. Но как получится на самом деле, не мог сказать никто. Чтобы разделить ответственность вместе с командующим, в операции решил

принять и младший из братьев Виттов Корнелиус. На отобранные для операции корабли Рюйтер набирал команды из самых опытных и знающих капитанов и матросов, никого не посвящая, при этом, в цели операции.

Всю зиму, как обычно, голландцы стучали топорами и пилили пилами, готовя свой флот к новым испытаниям, а потому весной все было у них готово. Перед выходом в море Рюйтер хотел оставить своего сына Энгеля и пасынка Жана Павла ван Гельдера дома, но те столь слезно молили отца, что тот, в конце концов, им уступил и взял с собой. Энгель был пожалован капитан-лейтенантом 24-пушечной «Голландии», а Жан Павел капитаном 44-пушечного корабля.



Операция голландского флота в устье реки Мидуэй в июне 1667 года

По выходу из баз, флот объединился под единым началом Рюйтера и 14 июня был уже в шести милях перед устьем Темзы в так называемом Королевском канале, вызывая англичан померяться силой. Из реки не вышел ни один английский корабль – это был сигнал о полной неготовности флота противника.

Одновременно пришло известие, что большое количество английских торговых судов сосредоточено в порту Грейвсенда в низовье Темзы. Немедленно туда был направлен отряд легких кораблей. Но англичане успели отвести свои суда вверх по реке. Тем не менее, появление голландских кораблей в низовье Темзы вызвало в Лондоне большую панику и неразбериху. «Испуг и оцепенение в городе были такими, словно голландцы не только завладели рекой, но на самом деле высадили стотысячную

армию, – записывал в те дни в своем дневнике королевский министр граф Кларендон. – И хотя демонстративное спокойствие короля и герцога не удержало окружающих их людей от паники, все-таки не нашлось никого, кто советовал бы им оставить город». К Темзе начали стягиваться все. Везде шлялись какие-то полупьяные личности, размахивая пистолетами, местное ж население, включая всех мужчин, поголовно разбежалось. Естественно сразу же начались поджоги и грабежи.

Тем временем Рюйтер готовился нанести удар совсем в другом направлении. Вскоре после полудня 20 июня 1667 года голландская эскадра вошла в устье реки Мидуэй.

Начался самый важный и ответственный этап операции. Большие корабли Рюйтер оставил в лимане, с собой же взял лишь шесть брандеров и семнадцать мелкосидящих судов, включая два легких фрегата. На входе в Мидуэй голландскому отряду пришлось выдержать огонь форта на острове Ширенесс. Но пушки форта были быстро подавлены, а солдаты разбежались. Высаженный десант, без всяких затруднений, захватил форт, и отряд продолжил свой путь вверх по реке. Рюйтер с Корнелисом Виттом и лейтенантом-адмиралом Виллемом ван Гентом были довольны. В подвалах форта было обнаружено огромное количество припасов, общей стоимостью около пяти тонн золота, которое немедленно начали грузить на предусмотрительно взятые с собой транспорта.

Новость о падении Ширнесса быстро достигла находившегося выше по реке основного английского судостроительного центра и города Чатама. Там началась несусветная паника. Прошел слух, что голландцы пришли мстить за «костер Холмса» и пощады теперь не будет никому. Никто не знал и не понимал, что происходит. Народ и чиновники разбегались во все стороны, следом за ними солдаты и матросы. Из полка шотландцев отправленного на выручку Ширнесса прибыло к нему всего тридцать пять человек, которые тут же сдались голландцам. Прибывший в Чатам генерал Монк пытался как-то увести вверх по реке, стоящие у ее берегов разоруженными сильнейшие корабли английского флота, но на это у него не хватало ни времени, ни людей. Нельзя было отыскать ни одного из лоцманов, все они как один куда-то попрятались. Единственное что удалось сделать Албемарле – это затопить поперек реки пять старых судов, а выше натянуть толстую железную цепь. Часть кораблей, которые, пытаясь спасти, сняли с якорей, затем бросили и те сами по себе дрейфовали вниз по реке, притыкаясь то тут, то там к берегам. Ни к чему не привела и лихорадочная попытка установить армейские пушки вдоль реки. Пушки притащили, но все они завязли в

прибрежном иле, и их невозможно было оттуда вытащить. Вся надежда была на то, что может быть изменится ветер. Но не сбылось, и это ветер был ровный и попутный голландцам.

Ранним утром 22 июня над рекой показались мачты голландских кораблей, приближавшихся вместе с приливом. Передовой отряд, ведомый Рюйтером, почти не задержался, проходя мимо наспех и неудачно затопленных на фарватере английских судов. В нем насчитывалось три фрегата, четыре вооруженные яхты и два брандера. Чуть позади следовали основные силы отряда: длинная колонна из более чем двух десятков кораблей, последние из которых едва различались в утренней дымке. Первым у берега был обнаружен английский фрегат «Юнити», который немедленно атаковал голландский фрегат «Вреде». На борту «Вреде» находились все три руководителя операции Рюйтер, Корнелис де Витт и младший флагман Виллем ван Гент. Увидя шлюпки с абордажными партиями, англичане покинули фрегат без всякого сопротивления. Вскоре над «Юнити» взвился красно-бело-синий голландский флаг.

Около десяти часов утра передовые силы голландцев прошли очередной поворот реки и неожиданно для себя оказались перед натянутой железной цепью. Нельзя было терять темп движения, дорога была каждая минута.

– Брандеры вперед! – распорядился Рюйтер.

«Горящий английские корабли» Худ. Ян Ван Лейден.

Первый из брандеров «Сюзанна» налетел на цепь, но неудачно, не причинив ей никакого вреда. Зато второй, «Про Патриа» с полного хода наскочил на цепь и своим весом разорвал

ее. Путь вперед был снова свободен! Подгоняемые попутным ветром и течением, голландцы в плотном строю проследовали дальше. По сторонам пылали яркими кострами два прикрывавших цепь боевых корабля. Там же была обнаружена и расстреляна 70-пушечная «Мери».

Вскоре показался, безмолвно стоящий под берегом, 100-пушечный «Роял Чарлз», которого так и не успели вывести из-под удара. Команда, бросив корабль, давно бежала, и флагман британского флота захватила шлюпка с десятью матросами. Появление на флагштоке «Рояла Чарлза» трехцветного флага было встречено громкими криками восторга на проходящих мимо него голландских судах. Одновременно началось и уничтожение немалого количества других стоявших под берегом кораблей.

Эту картину наблюдали с берега и бессильные что-либо изменить английские начальники. Герцог Албемарле прикидывал, как в недалеком будущем, ему оправдываться за происходящий сейчас погром.

Пленение английского корабля «Роял Чарлз»

– Как же так? Кто виноват, что наши корабли, словно линялые птицы, лежат на берегу, став слабой и легкой добычей врага! – шептал он одними губами и сжимая в бессилии кулаки.

Над рекой все выше и выше поднимался дым корабельных костров. Боясь, чтобы и стоявшие выше корабли не стали добычей голландцев, Албемарле распорядился их немедленно топить под

берегом. Матросы, в несколько ударов топоров, прорубали днища и еще недавно гордые многопушечные исполины, грузно заваливаясь на борт, один за другим исчезали в пузырях вырывающегося наверх воздуха.

Тем временем Корнелис де Витт забрался на палубу захваченного британского гиганта. Вместе с ним матросы и капитан «Вреде» Ян ван Брэйкелом, которого Рюйтер только что назначил капитанствовать на плененном «Чарлзе». Такого огромного и красивого корабля в голландском флоте еще никогда не было. Не лишенный честолюбия, де Витт спустился в каюту герцога Йоркского, где начертал победную реляцию об одержанной победе, подписав его словами: «На „Роял Чарлзе“, 22 июня 1667 года около двух часов пополудни, стоя на рейде Чатама.»

К вечеру Рюйтер велел прекратить движение вперед. Прилив закончился, и теперь надо было дожидаться нового. Утром лейтенант-адмирал собирался атаковать стоявший на пути и прикрывавший путь к Чатому замок Апнор, а так же сжечь три огромных корабля, стоящих под его берегом.

С рассветом сражение продолжилось. Теперь оно заключалось в артиллерийской дуэли между замком и подошедшими к нему голландскими кораблями. Но, как оказалось, в Апноре почти не было исправных пушек, и Рюйтер без всякого труда подавил слабый огонь замка. Одновременно брандеры атаковали и один за другим подожгли три самых крупных английских боевых корабля: «Лойел Ландэн», «Ройял Оук» и «Ройял Джеймс». Сам Рюйтер возглавил эту атаку. В маленькой шлюпке, стоя во весь рост на носу, он шпагой указывал каждому из брандеров его цель.

Один из английских моряков наблюдавших картину гибели трех первых красавцев британского флота писал позднее: «Уничтожение этих трех величественных и славных кораблей было наиболее печальным зрелищем, которое когда-либо видели мои глаза, и, несомненно, при виде такой картины сердце каждого истинного англичанина обливалось кровью».

«Лойел Ланден» и «Ройял Джеймс» горели, с точки зрения Рюйтера, не слишком хорошо и он велел направить к ним еще два брандера, чтобы усилить огонь. Над Чатамом поднимались ввысь огромные столбы черного дыма. Внизу, освещаемые вспышками пушечных залпов, под дождем искр и горящих кусков дерева маленькие голландские шлюпки принимали на свой борт храбрые экипажи брандеров, только что исполнивших свой долг.

Больше голландцы не пытались атаковать ни верфь, ни корабли, успевшие отойти выше к мосту. Рюйтер понимал, что час от часу сила английской обороны вскоре начнет расти и тогда

настоящая победа вполне может стать будущим поражением.

– Мы итак сделали здесь достаточно, чтобы нас запомнили надолго! – сказал он, хотевшему было идти выше по реке де Витту. – Теперь пора думать, как выбраться из этого осиного гнезда!

Самое унизительное лейтенант-адмирал приберег англичанам напоследок. По его приказу голландцы не стали жечь флагман британского флота «Роял Чарлз», а, наоборот, потушив, было, начавшиеся на нем пожары, перевезли необходимое количество матросов. Внезапно англичане увидели, как их любимец внезапно стал крениться. Поначалу никто ничего не понял, но вскоре все стало ясно. Голландцы перетащили пушки и весь подвижный груз на один борт, чтобы накренившийся корабль сошел с мели. Это им удалось и спустя какой-то час «Роял Чарлз» закачался на мутной речной волне. Отбуксированный на середину фарватера, он затем величественно развернулся и, не торопясь, двинулся вниз по реке, изредка паля из пушек по своим недавним хозяевам. Подгоняемые попутным ветром и отливом голландцы спускались по реке столь быстро, что угнаться за ними было уже просто невозможно. Стоявший на берегу, секретарь адмиралтейства лорд Папюс, глядя на их маневр, невольно воскликнул:

– Ни один лучший чатамский лоцман несумел бы сделать такого!

Кое-какие прибывшие к этому времени на берега реки войска, пытались затеять с голландцами перестрелку. Но огонь был слабый, и голландские корабли быстро проскакивали опасные зоны. Рюйтер велел на огонь внимания не обращать, а всем заниматься безопасностью проводки. Лейтенанта-адмирала очень беспокоил ветер и вода: направление ветра могло поменяться в любой момент на северное, то есть противное движению, а отлив, который сейчас ускорял их движение, одновременно понижал и уровень воды, увеличивая риск оказаться на мели.

Уже перед самым выходом из реки выскочил на песчаную отмель фрегат «Хардервейк», а за ним и «Роял Чарлз». На какое-то время у англичан мелькнула надежда, что их любимец будет подожжен, но все же брошен. Однако эти робкие надежды не сбылись. И фрегат, и бесценный трофей были быстро сняты с мели и продолжили свой путь на выход. Спустя семьдесят два часа, после захода в Мидуэй, голландцы с полным триумфом вышли из него.

Экспедиция завершилась ошеломляющим успехом. Победители привели с собой в Голландию трофей, достойный королей, – «Роял Чарлз» – и многие тысячи голландцев собрались

на берегу, чтобы его увидеть.

Вскоре после возвращения из набега Рюйтер, Корнелис де Витт и Виллем ван Гент были награждены памятными золотыми кубками, стоимостью более двадцати пяти тысяч гульденов каждый. Йохан де Витт снисходительно принимал почести.

– За нашу удачу следует возблагодарить Господа и восхвалить нашего Рюйтера! – говорил он. – Ныне мы обуздали высокомерного неприятеля и завершаем кровавую войну почетным и прочным миром.

Что касается «Рояла Чарлза» то в море он никогда он так и не вышел. Несколько лет он простоял в порту, а затем был продан на дрова. В память о подвиге оставили лишь некогда украшавший корму королевский герб, который и сегодня можно увидеть в военно-морском музее в Амстердаме.

Кормовой декор английского корабля «Роял Чарз»

Всего за время операции на Мидуэе англичане потеряли шесть самых крупных своих кораблей, еще два корабля были

захвачены, а несколько десятков небольших потоплены. Общий размер ущерба оценивался в двести тысяч фунтов стерлингов, сумму по тем временам фантастическую! Но и это не все к своему удивлению англичане обнаружили, что несмотря на нанесенное им поражение Рюйтер вел себя совершенно не так, как их сэр Ричард Холмс. Голландцы ни ограбили, ни одного обывателя, не сожгли ни одного дома. Погиб всего лишь один крестьянин, который вылез из любопытства на прибрежный холм поглазеть на настоящую войну, и был убит шальной пулей. Это был еще один сильный удар по английскому самолюбию. Даже в порядочности Рюйтер оказался намного выше их самих.

Едва известие о Чаттамском погроме достигло Бреде, где все еще вяло шли мирные переговоры между английской и голландской делегациями, как англичане засуетились. Претензии и аппетиты их сразу резко поубавились, стало очевидно, что подписание выгодного Голландии мира не за горами. Но пока мира не было, и голландский флот по-прежнему находился в море.

Все почести и подарки за Мидуэй Рюйтер получил, находясь на борту «Семи Провинций». Надежно заперев окончательно упавшим духом англичанам выход из Темзы заградительной эскадрой, сам он отправился с основными силами флота в крейсерство вдоль английских берегов, наводя трепет на прибрежные селения, никого, однако, при этом не трогая.

– Человечество воспрещает разорять людей, на которых у нас нет причин жаловаться! – объявил он своим солдатам и матросам. – А потому, тот из вас, кто будет уличен в насилии или в мародерстве, тотчас будет повешен на первом же суку!

Этот поиск еще более увеличил страх англичан перед всесилием голландского флота. Дойдя до порта Тор-бэй, Рюйтер высадил там десант, который сжег находящиеся в порту два военных корабля. Разделенный на эскадры, флот соединенных провинций начал беспрерывное крейсирование вокруг восточной части острова, перехватывая все, даже самые мелкие суда и постоянно угрожая высадкой десанта в любом месте. Эти дни были триумфом заслуженного адмирала, сокрушившего грозного противника и добившегося полного господства в море.

Мнение историка: «Экспедиция в Темзу была проведена с блестящим успехом с 19 по 23 июня; особенно удачны были действия у Ширнесса, где все английские корабли, арсеналы и запасы были уничтожены. Зарево было видно в Лондоне. Из-за неблагоприятного ветра голландцам не удалось уничтожить 30 военных и коммерческих судов, стоящих у Грэйвсэнда. Большие затруднения представляло форсирование цепного заграждения,

которое все же удалось голландцам. Де Рюйтер, Корнелиус де-Витт и много других адмиралов принимали лично участие в этих разнообразных экспедициях, сражениях на шлюпках и мелких судах, и им следует приписать большую долю успеха. Монк с войсками вышел из Лондона; в столице царила паника, многие начали спасаться бегством. Монку оставалось еще сделать массу распоряжений для защиты страны, выполнявшихся небрежно и наспех, например, затопление судов и т. п. Англичане понесли громадные потери в людях. 24 июня де Рюйтер был уже вне Темзы. Де Рюйтер еще раз доказал свои высокие нравственные качества, запретив убивать мирных граждан и захватывать их имущество. Голландцы высказывали к этому большое желание, так как в прошлом году англичане, во время экспедиции к голландским берегам, разрушили до основания все близлежащие рыбацкие селения. Последовала блокада Лондона и Темзы, проведенная 80 кораблями де Рюйтера; цены в Лондоне повысились до небывалых размеров. Чтобы произвести еще более сильное давление на Англию, де Рюйтеру было приказано еще раз подняться вверх по Темзе. В начале июля он дошел до Грэйвсэнда; операция против Гарвича, однако, совершенно не удалась, хотя там уже успели высадить десант в 2000 человек. На Темзе в августе произошел еще ряд стычек, в которых чаще всего брандеры действовали против брандеров; англичане потеряли при этом дюжину, голландцы – половину этих судов. Обратный выход голландцев из Темзы может считаться образцом военно-морского искусства. Де Рюйтер тем временем беспокоил частью своего флота западные острова Ла-Манша и острова Сцилли. Хотя мир был заключен 21 июля в Бреде, и его ратификация последовала через пять недель, и война в отечественных водах должна была продолжаться лишь до 5 сентября, де Рюйтер получил приказание крейсеровать до конца апреля перед устьем Ла-Манша. Сильная заболеваемость и свежая погода заставили его флот уже 10 октября вернуться в отечественные воды».

Заключения мира в замке Бреды.

9 августа, когда лейтенант-адмирал находился на траверзе Плимута, из порта к нему вышла шлюпка под белым флагом. Подойдя к «Семи Провинциям», с нее взобрались на палубу два английских офицера, объявившие, что только что заключен мир между Лондоном и Гаагой.

– Есть ли при вас соответствующие бумаги? – поинтересовался Рюйтер.

Бумаги были ему немедленно дадены. Ознакомившись с ними самым внимательным образом, командующий велел:

– Вино и бокалы!

Прием в салоне адмирала длился более двух часов. Заключенному миру голландские моряки были рады не меньше чем англичане, а потому радостная весть, в одно мгновение облетевшая все корабли, вызвала целую бурю чувств у тех, кто своим потом и кровью приближал этот долгожданный день.

Когда шлюпка, наконец, отвалила от борта, ей с «Семи Првинций» салютовали. В ответ Плимутскую крепость так же заволокло дымом холостых залпов.

После отъезда англичан Рюйтер собрал совет капитанов. Посовещавшись, решили продолжать блокадные действия, пока не будет получено подтверждения из Голландии. Однако, едва начали выбирать паруса, как из Плимута прибыла большая лод ка-кеча с одним из вчерашних офицеров. Англичане привезли в

дар Рюйтеру быка, баранов, куриц и уток, угрей и фрукты, семгу и даже корзину морковки. Отблагодарив хозяина лодки горстью талеров, Рюйтер принял подарок.

В крейсерство на перехват английских судов он, несмотря на столь щедрые дары, отправился.

Спустя неделю лейтенант-адмирал получил, наконец, официальную депешу о том, что в Бреде в конце июля подписан мир, однако, до размена актов Рюйтеру повелевалось нападать на все английские суда и ждать новых бумаг. И хотя крейсерство продолжилось, настроение у всех было уже далеко не боевое. Увидев на горизонте очередной парус, матросы и офицеры всем сердцем желали, чтобы это оказался не очередной осточертевший англичанин, а почтовый бот с долгожданным приказом о возвращении домой. Такое непонятное крейсерство между миром и войной продолжалось до середины октября, когда, наконец-то, было получено долгожданное повеление следовать в Голландию. Ошвартовав корабли у родных причалов, Рюйтер немедленно отбыл в Гаагу, где его уже ждали с отчетом о проделанной работе в море. И снова предоставим слово историку, на сей раз французскому: «Он (Рюйтер) немедля поехал в Гаагу и когда вошел в собрание Генеральных Штатов, то на лице каждого написано было удовольствие. Он отдал отчет в своих действиях обо всем происходившем. Гонкинг, президент собрания, сказал ему: „Их Высокомочия весьма довольны вашим благоразумием, вашею деятельностью и вашими подвигами в последнюю экспедицию. Все ваши действия благоприятны для нации, и вы принудили неприятеля просить мира. Все это составляет вашу славу. Вы входите в это почетное собрание, увенчанные лавровой короною и с оливковой ветвью в руке“. Приказано выбить в Амстердаме медаль в память последней РЮЙТЕРОВОЙ победы и последовавшего мира».

21 июля 1667 года после долгих переговоров в Бреде был заключен мир. Несмотря на успехи последних лет, Голландии пришлось заключить мир на невыгодных для нее условиях: она потеряла некоторые колонии, должна была снова обязаться первой производить салют английскому флагу, приспускать свой флаг перед английским и спускать марсели. Однако крупным судовладельцам и коммерсантам удалось добиться ограничения этих оскорбительных для самолюбия нации правил. Франция, боясь оставаться один на один с Англией, немедленно так же заключила мир.

В целом же мир обеспечил процветание Голландии еще на долгие-долгие годы, пока, ставшая поистине первой морской державой мира, Англия не приберет постепенное все ее заморские

рынки к своим рукам. Но все это еще будет не скоро, а пока голландцы праздновали свой такой долгожданный и такой выстраданный мир.

Глава пятая
Между войнами

Долгожданный мир немедленно отозвался эхом нового политического альянса в Европе. Голландия заключила союзный трактат с Англией и Испанией (названный Тройственным союзом). Чуть позднее к трактату присоединилась и Швеция. По существу союз был направлен против Людовика Четырнадцатого, бывшего еще совсем недавно верным союзникам голландцев в их борьбе с англичанами. Но политика как разноцветный калейдоскоп: чуть сдвинул и уже перед глазами совершенно новый рисунок. По Голландии сразу же пошли сплетни о французском короле. Якобы, будучи еще дофином, он изнурял своих кормилиц жестокими укусами. Будущий король даже родился с двумя зубами и первым, что сделал, появившись на свет, – это укусил до крови свою кормилицу. Быстрое усиление Франции и увеличение аппетита Людовика к соседним землям сделали Версаль слишком опасным для каждой из европейских государств.

Пока политики сколачивали новые союзы и уже вовсю планировали новые войны, Рюйтер отдыхал от походов и боев в кругу своей большой и дружной семьи. Стоило адмиралу показаться на улице, как знавшие его амстердамцы, останавливаясь, приветствовали его, приподнимая свои шляпы. Будучи человеком вежливым, Рюйтер отвечал каждому тем же, а потому даже за время самой короткой прогулки сильно уставал, почему и принял решение гулять без шляпы. Теперь дело пошло на лад и на приветствия горожан он уже отвечал лишь кивком головы.

И снова характеристика Рюйтера, данная ему одним из его первых биографов: «Рюйтер раскрывал все свои военные таланты на море. На берегу же, являл он все качества любезного человека. Он был весьма воздержан, не предавался никаким излишествам. С друзьями был весел, принимая вид важный и степенный с незнакомыми, и говорил с ними мало. Никогда не гордился блеском величия, на которое возвели его одни только заслуги. Оказывал всегда благодарность своим благодетелям, всегда был учтив с равными себе, дружествен с низшими, доступен и щедр с несчастными. Он оказывал дружбу к тем, кто были ему равны в начале его жизни, сохранял даже с ними обходительность, доказывая тем, что с переменой состояния, он не переменился в своем характере. Он столько чуждался тщеславия, что начальству

флотом… имел только одного слугу и ходил всегда без свиты. Не стыдясь состояния, в котором он был во время своего ребячества, рассказывал в обществе, даже в присутствии знатнейших людей, что он служил прядильщиком, а на море юнгой. Иногда он побуждал простых матросов не унывать, исполнять их обязанности, говоря им, что он был меньше их, и что они могут дослужиться чести выше его. Он хвалил охотно действия других, говоря всегда о своих со скромностью, и готов был всегда извинять недостатки других… Бывши на берегу, он оставлял все свои занятия, чтобы идти к обедне. По вечерам он читал Священное Писание среди своего семейства и часто пел псалмы. Жена его и дети слушали его с удовольствием. Он внушал в них свою набожность и имел прекрасный голос. Герой этот обладал всеми добродетелями и не имел никакого порока».

Чтобы сделать Рюйтеру приятное Генеральные Штаты в обход всех очередей и списков произвели его девятнадцатилетнего сына Энгеля в корабельные капитаны, а чтобы он мог сразу же проявить себя, назначили мальчишку командовать фрегатом, который отправился в Лондон за назначенным в Голландию полномочным английским посланником Жаном Мерманом. Посланник представил младшего Рюйтера королю с королевой, герцогу и герцогине Йоркским, принявшим мальчика весьма благосклонно. Особое ж внимание и заботу о молодом капитане проявил давний противник его отца генерал Монк, неизменно приглашавший Энгеля к себе на обеды, во время которых предавался бесконечным рассказам о своем противостоянии с Рюйтером старшим. Затем король пожаловал молодого капитана кавалером со всеми полагающимся при этом церемониалом. Успел посетить младший Рюйтер и арсенал с портом в Чатаме, где с особым удовольствием любовался на стоящие под берегом многочисленные обгоревшие днища кораблей, сожженных его отцом.

В января в дом Рюйтеров прибыл датский посол и передал, что его сюзерен Фредерик Третий желает иметь у себя портрет знаменитого флотоводца не хуже, чем повесил у себя во дворце король Людовик. Естественно, что Рюйтеры сразу же нашли хорошего портретиста и заказали ему картину, когда же та была готова, ее немедленно переправили в Копенгаген.

– Я становлюсь модным! – не без иронии разводил руками адмирал.

– Ах, Михаил! – обнимала его жена. – Я самая счастливая жена! Я так горжусь тобой!

В это время большие изменения претерпевает военное кораблестроение. Опыт двух грандиозных морских войн не

прошел даром. Если раньше английские корабли отличались от голландских крепостью и надежностью постройки, круче ходили к ветру, а французские славились своими огромными размерами, то теперь и голландцы стали строить на своих верфях корабли ничуть не хуже. Единственное, что по-прежнему отличало корабли Соединенный провинций, так это плоские днища, но иначе в голландских мелководных и насыщенных всевозможными банками и отмелями водах, было просто нельзя. К концу шестидесятых годов начали исчезать высокие, а потому сильно парусившие надстройки, столь негативно влиявшие на поворотливость и остойчивость кораблей. Теперь несколько возвышенной осталась лишь кормовая часть. Наряду с широко распространенными двухдечными, начали понемногу появляться и трехдечные ливиафаны, имеющие от восьмидесяти до сотни пушек и водоизмещение до 1.700 тонн. Наряду с этим стремительно начал развиваться новый класс боевых судов – фрегатов, предназначенного для разведок, дозоров, крейсерства и набеговых операций. Всем этим занимался и Рюйтер.

Относительно безмятежная домашняя жизнь адмирала продолжалась не более года. Затем его внезапно вызвали в Гаагу.

– Кажется, затевается какая-то новая авантюра! – недовольно хмыкал он, целуя на прощание заплаканную жену и садясь в поданную карету. – Но будем надеяться, что все обойдется!

Причиной вызова Рюйтера было то, что Голландия и Англия решили объединить свои усилия для борьбы с алжирскими пиратами, доставлявшим немало хлопот как одним, так и вторым. Рюйтер должен был рассказать свои соображения по этому поводу. Лейтенант-адмирал к заданному вопросу оказался вполне готов.

– Чтобы обуздать африканских разбойников надобно иметь в средиземных водах не менее двадцати четырех кораблей и фрегатов. – сказал он заседающим. – Только столь мощная сила удержит их от всяких посягательств на христианские суда! Разделенные на летучие отряды наши корабли должны денно и нощно крейсировать вдоль Африки, выявляя и топя негодных. При таком подходе, я уверен, что через год тамошние разбойники образумятся вконец и запросят пощады!

План Рюйтера был принят почти безоговорочно и вскоре уже две союзные эскадры ушли в Средиземное море.

В это время Людовик Четырнадцатый, в ответ на создание Тройственного союза, изо всех сил наращивал свои военные и морские силы, готовясь к серьезной и долгой борьбе за европейскую гегемонию. При этом французский король имел все основания для неприязненного отношения к Голландии. Дело в

том, что успешному завоеванию французами Фландрии был положен конец совместным выступлением Гааги, Стокгольма и Лондона и при подписании мира в Аахене Людовику пришлось по этой причине отказаться от большого и лакомого куска. Голландцы волновались, понимая, что в случае войны французские армии первым делом нанесут удар именно по ним. Именно поэтому голландские послы зачастили на прием к английскому и шведскому королям, слезно прося поддержать их страну в случае французской агрессии. Но короли были глухи и немы.

– Мы не обязаны помогать вам, когда Франция имеет к предстоящей войне причины, не имеющие никакого отношения к Тройному союзу! – заявил голландскому послу Карл Второй. – Выкручивайтесь сами!

Одновременно вновь начали быстро обостряться торговые отношения и с Англией. Две тяжелые войны так и не сняли всех противоречий. Недавним врагам снова становилось тесно на морских торговых путях. Несмотря на то, что в Гааге трезво оценивали ситуацию и всеми силами старались не злить понапрасну своего запроливного соседа, Лондон, наоборот, желал использовать исключительно благоприятную для него расстановку европейских сил, чтобы, наконец-то, окончательно свести счеты со своим давним недругом и конкурентом. Правда англичанам необходима была еще некоторая пауза, чтобы зализать раны прошлой войны, но это было уже делом времени.

Кроме всего этого, вскоре стало известно что Людовик Четырнадцатый в обход всех договоренностей уже вовсю ведет тайные переговоры с английским королем Карлом Вторым. Секретным договором между ними, Карл обязывался при вторжении французских войск в Соединенные провинции выставить шеститысячный корпус и вооружить не менее пятидесяти кораблей. К этому флоту должна была присоединиться и французская эскадра в тридцать вымпелов. При этом общее командование сухопутными силами было возложено на французов, а морскими на англичан. А чтобы быстрее расшевелить английского короля, Людовик обязался выплачивать ему за военные издержки по три миллиона ливров ежегодно.

Кроме этого не все было ладно и в самой Голландии. Обострение отношений с Францией значительно подорвало престиж и авторитет профранцузской правящей партии братьев Витт. На политическом небосклоне стремительно всходила фигура нового претендента на власть. Этим претендентом был совсем еще молодой принц Оранский, представитель семейства некогда длительно правившего Голландией. Принца давно

держал при себе Людовик, выжидая момент, когда можно будет пустить его в дело. И вот, наконец, по мнению французского короля, такой момент наступил.

Йохан Витт, весьма нервничая по этому поводу, говорил в сердцах своему брату Корнелию:

– Я знаю Оранских, все они честолюбивы и горды без всякой меры. Принц Вильгельм не остановится ради власти ни перед чем. Он желает единолично прибрать республику к своим рукам. Что тогда станет с нашей свободой, купленной дорогой ценой крови и жертв?

– За спиной тщедушного принца виден, прежде всего, его толстогубый дядюшка Людовик, – согласился с братом Корнелий. – А это значит, что скоро мы станем французским придатком, без голоса и прав. К тому же этот Вильгельм имеет права и на английский престол. В общем, скоро нам всем будет здесь очень весело!

– Да уж, такого веселья нам только и не хватало! – кивнул мрачный Йохан.

Видя, что на союзников в деле совместной борьбы с французами никакой надежды нет, голландцы сделали единственно возможное, что могли сделать в столь тревожной ситуации. Они выслали в море весь свой флот под командой Михаила де Рюйтера.

8 июля 1671 года лейтенант-адмирал покинул порт. Поджидая, то и дело подходящие корабли, Рюйтер крейсировал у берегов Голландии, беспрестанно упражняя команды в маневрах и атаках.

А 24 августа случилось происшествие, имевшее самые драматические последствия. Началось с того, что, попав в шторм, часть голландского флота бросила якорь вблизи порта Вест-Канель. Флагману де Рюйтера сильно не повезло и, оказавшись снайтованным, он пребывал почти на боку. В это время к голландцам приблизилась яхта английского короля «Мерлин», следовавшая из Мааса домой. Пройдя сквозь голландский флот, англичане отсалютовали кораблю Рюйтера. Однако тот не смог им ответить тем же, так как находился в весьма сложном положении. Вместо Рюйтера англичан приветствовал семью выстрелами, находившийся рядом младший флагман ван Гент. Однако флага, как того любили требовать англичане, ван Гент перед яхтой не спустил. Со стороны «Мерлина» немедленно последовал залп и два ядра прошили борт голландского корабля. Опытный де Рюйтер сразу же понял в чем дело. Это была самая настоящая провокация. Англичане специально пришли сюда, чтобы создать повод для дальнейшего обострения ситуации

между государствами. На «Семи Провинциях», несмотря на его трудное положение, немедленно дали салют в девять выстрелов. Но яхта, так и не ответив на него, уже мчалась к своим берегам.

– Теперь жди скандала! – посочувствовал Рюйтеру, приехавший шлюпкой на его корабль ван Гент.

– Да, шуму будет много! – мрачно согласился лейтенант-адмирал. – Однако мы правы. Негоже нам спускать свои флаги перед кем бы то ни было у своих берегов!

Оба моряка даже не предполагали настолько страшными будут последствия случившегося. А если бы и знали, что они могли сделать и что изменить, когда все было уже давно решено без них!

По всей Англии стоял большой шум. Интриганы-политики кричали, что Соединенные провинции презирают штандарт его королевского величества и слишком зарвались в своей дерзости. Голландского посланника при британском дворе Жана Борселя буквально извели нотами и предупреждениями. Вызвали в Гаагу и Рюйтера.

– Я не нарушил никаких договоренностей и не считаю себя виноватым! – заявил лейтенант-адмирал. – Я люблю флаг Штатов не менее, чем англичане любят свой и всегда буду ему верен. Пока я адмирал то мои капитаны всегда будут салютовать проходящим мимо судам только пушечными выстрелами. Своего флага мы не спустим не перед кем, а уж особенно перед англичанами!

Зал разразился аплодисментами. Созданная тогда же для расследования всех обстоятельств происшествия, комиссия так же не нашла никаких отклонений от порядка салютаций.

На исходе 1672 года, поняв, что французы до следующей весны ничего предпринимать уже не будут, голландский флот неспешно втянулся в гавани и разоружился.

В январе следующего года английский король прислал в Гаагу своего посланника, требуя удовлетворения за не спущенный флаг перед его яхтой и наказания Рюйтера за своеволие. Голландцы так же послали своего посла в Лондон, в попытке убедить короля и его окружение в том, чтобы этот досадный конфликт предать забвению. Но не тут-то было Карл Второй уже закусил удила. В это время министр двора Бененг услужливо передал ему медаль, якобы выбитую в Голландии. На ней Карл был изображен с ослиными ушами и облезлым хвостом. Надпись гласила, что он король-тунеядец.

– Проклятые торгаши! – рассвирепел Карл, с силой вышвыривая медаль из окна в Темзу. – Теперь уж я посчитаюсь с ними за все!

– О, как вы правы, ваше величество! – обрадовано кивал головой преданный министр.

В его кармане лежала вторая медаль, которую он королю не показал. На медали был изображен сам Бенинг, голову которого увенчивала надпись «достойнейший из воров».

Почти в то же время нашлась медаль и для короля Людовика. На ней было изображено солнце (герб короля Франции) вытягивающее лучами миазмы из гнилого болота. Надпись гласила: «Я тебя возвысила, я тебя и уничтожу» Поначалу Людовик даже не понял что к чему.

– Чего это я осушаю какое-то болото? – с недоумением спросил он своих придворных, повертев в руках кусок металла.

Те несколько замялись.

– Простите, сир, но болото – это вы! – наконец, разъяснил смысл аллегории самый смелый из них.

– Что!!!

Король-Солнце нервно одернул хрустящие кружевные манжеты:

– Быть войне!

До сих пор никто так и не установил, кто и где изготовил эти медали. Зачем они были изготовлены вроде бы все ясно. Несколько медных бляшек в одно мгновение свели на нет все хитросплетения голландской политики. Да и в бляшках ли было дело! Повод найдется всегда, когда есть причина.

Теперь уже начала готовиться к неизбежной войне и Голландия. Верховным главнокомандующим (генерал-капитаном) был избран принц Оранский Вильгельм-Генрих, уже объявившийся в Голландии и исподволь приступивший к захвату власти. Влияние Оранских и большое количество их приверженцев, не позволяло Виттам избавиться от появившегося конкурента. Впрочем, принц сразу же дал всем понять, что он дядюшкина добра не помнит, и на Версаль оглядываться не намерен. «Чахоточный мальчик» уже начал показывать свои зубы и выходить из подчинения короля Людовика. Принц готовился играть свою собственную большую игру!

Морские силы с единодушного согласия решено было вновь доверить Рюйтеру. Предполагая, что англичане первым делом нанесут удар по какому-либо из портов, чтобы отомстить за свое сокрушительное поражение при Мидуэе, Рюйтеру было велено, в первую очередь, обеспечить безопасность собственного побережья.

Перво-наперво, Рюйтер распорядился немедленно готовить к выходу легкие суда: фрегаты, яхты и брандеры. Им, до приведения в готовность главных сил, надлежало немедленно

выйти в море, чтобы вести разведку и прикрывать порты от возможного нападения англичан. Тогда же по его приказу были предприняты и другие меры по защите побережья: сняты и переставлены все вехи и баканы, а входы в реки и порты перегорожены бонами. Местом сбора линейных сил был определен Тексель, как наиболее выгодный стратегически и удобный навигационно. На вопросы, что он намеревается делать с открытием боевых действий, Рюйтер отвечал:

– Вооружив хотя бы часть кораблей, немедленно идти к Темзе и постараться разбить английский флот прямо там, пока он не вышел. А затем уж приниматься за французов. Если же союзники успеют соединиться, то ждать полного вооружения флота и тогда уже, помолившись, бить всех сразу без разбора!

– Что этому может помешать? – спрашивали его.

– Медленное вооружение нашими адмиралтействами кораблей, что, увы, от меня почти не зависит! – отвечал Рюйтер грустно.

Тогда же стало известно, что в Лондоне вынашивают планы убийства голландского флотоводца. Немедленно для личной охраны Рюйтера была назначена целая рота мушкетеров, обязанных сторожить жизнь лейтенанта-адмирала днем и ночью. Истекали последние мирные дни.

Глава шестая
Бухта Солебей

Успехи французского короля так легко получившего испанские Нидерланды и Франш-Конте, заставили Европу призадуматься. В Англии опасались притязаний французов на Голландию и боялись совместного выступления голландских морских сил с французскими против Англии. Йохан де-Витт заключил в 1668 году тройственный союз между Голландией, Англией и Швецией. Эти три державы заставили Францию, по Аахенскому договору 2 мая 1668 году, уступить их настояниям и удовольствоваться лишь дюжиной важных нидерландских городов.

С этого времени начинается новая политика Людовика, преисполненная ненависти к Голландии, в которой он видел душу этого тройственного союза. Прежде всего, он хотел уничтожить Голландию и начал работать над тем, чтобы ее политически изолировать. В переговорах со шведами он добился успеха, но прошло целых четыре года, прежде чем был заключен договор, по которому Швеция должна была содержать в своих померанских владениях большое число войск для вторжения в государства Священной Римской империи. С Карлом 1I было справиться легче – Людовик ссужал его деньгами и тем быстро привлек на свою сторону. После разрыва тройственного союза из-за соглашения Швеции с Францией, Людовик и Карл быстро объединились. Последний, совершенно против желания своего народа, заключил наступательный союз с Францией. Было решено, что во всех случаях союзным флотом будут командовать английские адмиралы.

Различными мелкими инцидентами на почве морского церемониала англичане старались спровоцировать Голландию на начало боевых действий. В 1672 году Англия посылает Голландии ультиматум с требованием, чтобы голландские флоты салютовали флагом даже самому маленькому английскому военному кораблю. Терпение голландцев иссякло и в феврале Генеральные Штаты приступили к вооружению 75 линейных кораблей. В конце марта английские военные корабли нападают без объявления войны на голландский торговый флот.

А 7 апреля 1672 года Англия и Франция одновременно объявили войну Соединенным провинциям. К этому времени они успели объединить английский флот с французской вспомогательной эскадрой. Того, что Рюйтер расколошматит их

морские силы по одиночке, в Лондоне и Версале не сомневались. А потому и решили идти на «папашу Рюйтера» только, взявшись за руки, т. е. объединившись.

В Гааге напряженно подсчитывали баланс морских сил, сможет ли Голландия выставить флот, способный на равных драться с объединенной франко-английской армадой. При этом, одновременно, иметь возможность для отражения французской агрессии на сухопутье. Подсчет показывал, что при крайнем напряжении всех сил померяться силой будет можно, при условии, что голландцам будет сопутствовать успех. Восстановить флот после крупного поражения страна будет быстро уже не в силах. Исходя из этого, особую надежду все возлагали на командующего.

Тем временем англичане перешли от слов к делу. Из хроники войны: «72 коммерческих судна, возвращающихся из Смирны, конвоируемые пятью большими военными кораблями, подверглись в конце марта нападению в Ла-Манше, совершенному по особому приказанию жадного до добычи короля Карла. Англичане, под начальством адмирала Холмса, с 8 большими и 3 малыми кораблями вышли в море; предполагалось выслать 32 корабля, но по небрежности такого количества судов собрано не было. Возвращавшемуся в то же время из Средиземного моря другом английскому адмиралу Холмс ничего не сообщил о поставленной ему задаче, чтобы иметь возможность ее выполнить одному и, следовательно, не получил никакой поддержки. Начальник конвоя, получил известие о грозившей ему опасности у входа в Ла-Манш; он сделал все возможные приготовления и дал вооруженным купеческим судам (их было около трети) соответствующие инструкции.

Бой длился два дня, все время на параллельных курсах. Окончательный результат был сравнительно ничтожен, если учесть, что против 12 английских линейных кораблей и 6 мелких судов, сражались 5 голландских военных и 24 вооруженных коммерческих корабля, причем последние должны были еще защищать своих безоружных спутников. Три голландских флагмана были убиты. Однако лишь один нидерландский корабль был потоплен и три купеческих судна достались в руки англичан – жалкие результаты, добытые к тому же с тяжелыми повреждениями английских судов. Голландцы ушли в полном порядке и, под прикрытием тумана, на третий день вернулись на родину.

Англичане могли рассчитывать на богатую добычу, как видно из того, что за продажу трех купеческих судов они получили очень много. Сколько бы они выручили, если бы им досталось

свыше 70 таких кораблей! Из этих цифр ясны размеры торговли с Левантом, превосходившей тогда всю торговлю прочих государств вместе взятых. В Англии это разбойничье нападение, совершенно вопреки всяким основам международного права, заслужило всеобщее порицание. Попытки короля отречься от своего приказа и свалить всю вину на голландских флагманов и их поведение при первой встрече, не удались ввиду категорических опровержений английского адмирала, желавшего защитить свое собственное доброе имя».

Германский историк флота адмирал А. Штенцель в своем фундаментальном труде «История войн на море» пишет: «Витт и де Рюйтер действовали правильно, приложив все усилия, чтобы как можно скорее быть в состоянии противопоставить противнику сильный флот, отчасти, чтобы действовать против каждого из союзных флотов порознь, еще до их соединения, отчасти, чтобы быстрым наступлением уничтожить возможность предполагавшейся грандиозной высадки. Предполагали пойти, как прежде, к устьям Темзы и в Брест. Выполнению плана помешала неготовность флота. Как и прежде, провинция Зеландия сильно отстала в вооружении своих судов. Причина крылась не в плохой организации морских сил и адмиралтейств, а в предательском желании действовать против правительства. Межпартийная рознь в Голландии разгоралась до того, что охотнее подчинились бы самому злейшему иноземному врагу, чем враждебной группировке своей родины. Итак, безусловно, верный в стратегическом и тактическом отношениях план обоих великих людей не мог осуществиться.

Де Рюйтеру пришлось другими путями попробовать выполнить свое намерение; его план, заключавшийся главным образом в том, чтобы ловко использовать создавшееся положение и устранить возможность высадки, дал последующей войне своеобразный характер. Он чувствовал себя обязанным быть особенно осторожным, несмотря на сознаваемую им важность быстрого и энергичного нападения, так как надежды на успешные действия на суше не было, и флот оставался единственным спасителем отечества.

Стратегия де Рюйтера, благодаря таким соображениям, стала совершенно иной, чем в прежние годы. Он старался использовать условия местности, занял безопасное положение позади отмелей, расположенных перед устьями рек Маас и Шельда и оттуда производил в подходящий момент энергичные нападения на противника. Неприятель со своими судами больше не рисковал за ним следовать после боя по опасным, неизвестным фарватерам, благодаря чему де Рюйтер, пользуясь своими базами в тылу, мог

спокойно исправлять повреждения и готовиться к новым операциям.

Де Рюйтер пользовался каждой возможностью выхода, как только ветер благоприятствовал его судам; в противном случае он немедленно поворачивал и возвращался на мелководье, куда враг, как уже было сказано, не решался за ним следовать. Такой образ действий можно назвать стратегическим и в то же время тактическим».

Сам Рюйтер тем временем лихорадочно собирал свой флот в Текселе. Однако в сроках он не успевал перехватить англичан у Темзы, а потому от этого плана пришлось с большим сожалением отказаться. Под началом у него пока значилось всего тридцать пять кораблей, одиннадцать фрегатов и двенадцать брандеров с девятью яхтами. Это был еще далеко не весь флот. Корабли продолжали понемногу подходить. Однако слишком медленно. Отчаянно опаздывала Зеландская эскадра, которую все никак не могли вооружить в местном адмиралтействе.

– Соберемся с силой, тогда и двинемся наверняка! – говорил умудренный многими войнами флотоводец молодым и нетерпеливым, когда те особо надоедали расспросами.

Перед самым выходом в море в каюту к нему постучался боцман «Семи Провинций», молоденький белобрысый француз.

– Мой адмирал! – сказал он, склонив голову. – Вы идете в поход против моей Родины, и я не могу в этом участвовать. Отпустите меня домой в Дюнкерк!

– Я понимаю тебя, Жан! – кивнул Рюйтер. – Но прошу тебя подумать еще раз перед тем, как сделать свой окончательный выбор! Ты ведь знаешь, что являешься любимым из моих воспитанников!

– Все уже решено, я должен драться в рядах своих соотечественников! – упрямо мотнул головой боцман.

Жан Барт – французский военный моряк и капер, национальный герой Франции

– Что ж, ты сам избрал свою судьбу! – встав, Рюйтер подошел к молодому французу, обнял его на прощание. – Попросим же господа, чтобы нам не пришлось встретиться друг с другом в бою!

Мальчишка-боцман ушел, а Рюйтер долго сидел, задумавшись над превратностями жизни. Мальчишку звали Жан Барт. В этой войне он станет национальным героем Франции и великим корсаром всех времен. Но судьба будет к Барту благосклонна и ему так и не придется скрестить оружие в бою со своим учителем…

На следующий день к Рюйтеру на корабль прибыли братья

Витты. Несмотря на чрезвычайно сложную обстановку в стране, премьер-министр Йохан де Витт, все же принял решение самолично проводить в поход флот, понимая, что от успеха Рюйтера, возможно, зависит и судьба республики. Младший же брат Корнелий должен был идти в море с адмиралом, как уполномоченный депутат Соединенных провинций.

А вскоре Рюйтеру пришлось, неожиданно для себя, пережить несколько неприятных минут. Дело в том, что с объявлением войны с фарватеров сняли все вехи и буи. Теперь корабли должны были выводить между многочисленных отмелей на большую воду только лоцманы. Они-то и отказались наотрез выводить «Семь Провинций» Рюйтера, говоря, что у того слишком большая осадка, и они не попадут в проход. Прекрасно знающий сам все фарватеры у острова Тексель, Рюйтер был возмущен.

– Это форменное безобразие! – ругался он. – Проходы есть, но лоцмана просто боятся ответственности! Нынешний вест-зюйд-вест и так давно уже держит нас под берегом, а мне, кровь из носу, надо поспеть в Ламанш до соединения союзников! Промедление подобно катастрофе!

– Что же делать? – сразу помрачнели братья Витты.

– Придется мерить фарватер самому! – пожал плечами, командующий и спрыгнул в шлюпку.

Следом за ним спрыгнули оба Ватта и один из лоцманов. Погода стояла на редкость препоганая. То и дело налетали дождевые шквалы. На «Семи Провинциях» с беспокойством ждали возвращения Рюйтера. Наконец, шлюпка вернулась. Взобравшись по шторм-трапу на борт корабля, командующий сразу же попросил трубку. Раскуривая ее, он кивнул столпившимся подле него офицерам:

– Я не ошибся! Наименьшая глубина на банке сорок пять футов, а это значит, что мы пройдем ее спокойно!

Между тем ветер, как назло, внезапно стих. Глядя на обвисшие вымпела и застывшие недвижимо флюгарки, Рюйтер в гневе бросил понурым лоцманам:

– Вы даром едите свой хлеб! Сейчас, по вашей милости, я торчу здесь, а мог бы давным-давно быть в открытом море. Ваше незнание и упрямство срывают прекрасно задуманную операцию. Потеря времени сейчас для нас невосполнима, а потому я всех вас арестовываю и отправляю в Тексель. Коллегия разберет вашу вину и накажет в назидание всем другим!

Спустившегося в каюту Рюйтера уже ждали Йохан и Корнелий Витты. Согреваясь горячим кофе, они провели импровизированный совет. Решено было, что Рюйтер при первом же усилении ветра, немедленно выйдет из Текселя соединиться с

частью флота, уже находящегося в море, и двинется на зюйд-вест к Темзе. По возможности, он попробует войти в реку и сжечь стоящий там английский флот. Если же англичан там не обнаружится, то идти к Доунсону, Гонфлиту и Солебейской бухте, пытаясь обнаружить англичан и дать им бой. Если же союзники уже объединились, то тогда надлежит, избегая генерального боя, ждать все отставшие починкой корабли и только, соединившись всеми силами, нападать.

Едва окончили совещаться, как к борту «Семи Провинций» подошел пассажирский бот. Прибывший на нем курьер принес весьма тревожные вести. Начавшееся только что в Гааге формирование местной милиции-ополчения остановлено. Толпы возбужденного народа окружили дом Йохана Витта с криками «Смерть Витту! Смерть приспешникам Франции!»

– Вот и дождались светлого дня! – сплюнул в сердцах Йохан, спешно собираясь с корабля.

– Узнаю дружескую руку Вильгельма Оранского! – покачал головой его брат Корнелий.

Обнявшись, братья простились. Старший спешил в объятую мятежом Гаагу. Младший уходил в море навстречу врагу. На прощание Йохан и Рюйтер крепко обнялись, словно предчувствуя, что более им уже никогда не встретится.

Спокойное море, 1676, Dubbels, Hendrick Jacobsz

13 мая Рюйтер вышел в море. Над мачтами пронзительно кричали чайки, а хлесткий ветер срывал с макушек волн пенные брызги. К этому времени поступили сведения, что, воспользовавшись задержкой голландского флота, союзники тоже время даром не теряли. Передовые голландские корабли настигли и пленили английский дозорный фрегат. Его капитан рассказал, что британский флот пребывает ныне на якорях неподалеку от Нордфореленда. Естественно, что Рюйтер немедленно поспешил туда. Но у Нордфореленда вместо флота обнаружили лишь с десяток мелких судов. Суда эти захватили, но настроение у всех было препоганое: противник явно улизнул. А вскоре шкипер датской шхуны сообщил, что видел уже объединенный англо-французский флот на траверзе острова Уайт. Идти к острову и давать там сражение Рюйтер не решился, слишком уж далеко был он от голландских портов. Поэтому пришлось возвращаться к своим берегам, чтобы собрать там все возможные силы.

11 мая в Брест, где в то время собралась французская эскадра, пришла английская яхта с распоряжением герцога Йоркского к вице-адмиралу графу д, Эстре немедленно сниматься с якоря и спешить на соединение с английским флотом.

– Рюйтер уже вовсю прочищает глотки своих пушек под Текселем, а этот дядька шутить не любит! – передал графу уже на словах посланец герцога. – Попадетесь ему в одиночку, будете разорваны в клочья! Герцог сейчас тоже покидает Темзу и спешит в Портсмут. До встречи, ваше сиятельство!

Идти в подчинение к англичанам, несмотря на все договоренности, графу не хотелось, но на этом настоял его младшие флагмана контр-адмирал Дюкен и капитан де Рабиниер.

Только после их настоятельных убеждений, д, Эстре все же снялся с якоря и на всех парусах поспешил соединиться с герцогом, под защитой которого он, впрочем, сразу же почувствовал себя в полной безопасности.

Из характеристики графа д, Эстре, данной ему российским историком: «Граф д, Эстре, поступивший на флот из сухопутных генералов, плохо понимал морское дело, но самолюбивый и гордый до крайности, он терпеть не мог советов людей опытных… Впрочем, д, Эстре был человек решительный, храбрый и бескорыстный.» Кроме этого известно, что граф увлекался математикой и жизнеописаниями великих мужей древности, а так же состоял в дружеской переписке с великим Тюренном. Однако лучше разбираться в морском деле от всего этого он так и не стал. Впрочем, это нисколько не мешает французским историкам

чтить д, Эстре, как флотоводца с большой буквы!

Но нас на французской эскадре интересует еще один человек – контр-адмирал Дюкен, человек которому еще суждено будет сыграть в свое время в жизни нашего героя самую роковую и трагическую роль. В свое время мы еще подробно поговорим о Дюкене, пока же следует отметить лишь то, что это был один из самых талантливых флотоводцев французской истории. Это было столь очевидно, что граф д, Эстре никак не мог простить своему подчиненному его превосходства, не гнушаясь при этом ни чем, включая откровенную клевету, приписывая его заслуги себе. Впрочем, Дюкен платил ему той же монетой, демонстративно игнорируя своего начальника, незнание которого было предметом его постоянных насмешек.

Графу повезло с попутным ветром, и до Потсмута он домчался всего за два дня. Едва французы показались на Сент-Эленском рейде, как к графу д. Эстре тотчас пожаловал с визитом сам король Карл Второй.

Английский историк Дэвид Хорн так характеризует своего монарха: «Блестящий весельчак, любитель развлечений и удовольствий, довольно беспечный насчет требований морали и каких бы то ни было убеждений». Но сейчас Карлу было явно не до развлечений, а потому он был собран и строг.

Король приветствовал союзников и выразил пожелание, что совместными действиями они сломят морскую гордыню непокорной Голландии и наведут настоящий порядок на морских торговых дорогах.

– А достанется хоть что-нибудь от вашего пирога и для нашего стола? – вежливо, но не без ехидства, поинтересовался граф д, Эстре.

– Это, смотря, как вы будете помогать нам замешивать тесто! – прищурил глаз король Карл. – Каждый должен заработать на свой обед!

– Его высочество герцог Йоркский! – крикнул, высунувшийся из двери мажордом.

Герцог вошел стремительно, так же стремительно сорвал с головы шляпу с плюмажем, приветствуя короля.

– Здравствуй, мой друг, Джеймс! – кивнул ему Карл. – С прибытием тебя в Портсмут и каковы сегодня новости с моря?

– Новости не слишком радостные, ваше величество, – склонил голову герцог, – Мною получено сообщение от лазутчиков, что Рюйтер готовится сделать покушение на наши корабли, стоящие в Темзе!

– Я не удивлюсь, если этот голландский боцман в одно прекрасное утро вломится на своем корабле в мою спальню! –

желчно передернул плечами король. – Что же теперь намерены делать вы?

– Я поспешил вывести из Темзы с собой весь стоявший там флот, оставив лишь восемь кораблей, которые еще до конца не вооружены. Но мы надежно прикрыли их береговыми пушками на случай возможной диверсии. На пути сюда я встретил в море часть голландского флота, однако благодаря сильному туману, нам удалось разминуться. Потерян лишь один 30-пушечный корабль, угодивший по ошибке в самую середину неприятельский сил.

– Ну вот, вы и сделали пасхальный подарок папаше Рюйтеру! – вздохнул король. – А ведь мы еще даже не начинали с ним драться!

– Ваше величество, на море всегда бывают форс мажорные обстоятельства, от которых не застрахован никто! – вскинул вверх подбородок герцог Йоркский. – Но скоро мы рассчитаемся за все сполна!

– Господа! – обратился к герцогу и графу Карл Второй. – Я и мой брат Людовик ждут от вас только решительной победы!

– Мы добудем ее вам, ваше величество! – в один голос рявкнули оба морских предводителя.

Спустя несколько дней объединенный англо-французский флот покинул Портсмутский рейд. Свой флаг герцог Йоркский поднял на 100-пушечном «Ройял Джеймсе». Флаг с фамильным гербом графа д, Эстре трепетал над 76-пушечным «Святым Филиппом». Огромная колонна кораблей растянулась до самого горизонта. Две великие державы выставили все свои морские силы, чтобы испепелить противника и, глядя на это морское могущество, казалось, что ничто в мире не может остановить могучую поступь этого огромного флота.

Узнав об объединении союзников, Рюйтер понял, что теперь торопиться особенно уже не стоит, а следует лучше побыстрее наращивать собственные силы. До середины следующего месяца к голландскому флоту подтягивались отставшие и опоздавшие. Наконец, под флагом лейтенанта-адмирала сосредоточилось более полутора сотен вымпелов.

– Теперь мы в силе! – решил Рюйтер. – И вполне можем искать и атаковать наших врагов, пусть даже они успели объединиться.

Верный своему принципу всегда искать неприятеля и нападать на него первым, Рюйтер без всяких раздумий направил флот к Англии.

– Но нам же было велено в первую очередь защищать свои берега! – подали голос наиболее осторожные.

– Лучшая безопасность своих берегов, это нападение на чужие! – было им ответом.

26 мая Рюйтер закончил сосредоточение своего флота и немедленно вышел в море. Впереди главных сил он далеко выдвинул цепь легких судов.

Спустя три дня французские дозорные фрегаты усмотрели медленно двигающийся лавировкой голландский флот. Завидев французов, Рюйтер немедленно подал команду на перестроение в боевой порядок, придерживаясь к ветру. Союзники были на ветре. Подойдя на расстояние нескольких миль к голландцам, они так же выстроились в линию. К вечеру герцог Джеймс подозвал фрегаты на голосовую связь.

– Неотступно наблюдайте за противником! – прокричал он им в рупор. – Немедленно уведомите меня, если они будут поворачивать!

Едва стемнело, как Рюйтер немедленно подвернул ближе к союзникам. В надежде, чтоб с рассветом заставит их принять бой. Почти одновременно граф д, Эстре узнал, что его корабли движутся прямо на обширные отмели Заландской банки, а потому резко поворотил в сторону от отмели, а заодно и от голландцев. Следом за французским авангардом вынуждены были отвернуть и англичане. Ночь развела враждующие флоты в разные стороны. А на следующий день сильный туман окончательно поставил точку на этой встрече врагов. Из-за нехватки воды герцог Йоркский повел союзный флот в Солебейскую бухту, что находится между Гарвичем и Ярмутом. Там он встал на якорь в тот же вечер и принялся спешно возить баркасами воду с ближайшей речки Блэйт. Графу д, Эстре герцог разъяснил свои планы так:

– Я хочу налиться водой и запастись провизией на два месяца, а тогда уж брать курс к Доггер-банке, где и поджидать Рюйтера, а заодно попытаться перехватить голландский купеческий конвой, идущий в Зееланд из Индии.

– А если Рюйтер не захочет выходить к Доггер-банке? Да и зачем нам ждать его именно там, ведь море такое большое? – спросил граф, продемонстрировав наглядно всю свою морскую невежественность.

– Он обязательно явится к нам на свидание! – важно бросил герцог. – У этого голландского боцмана просто нет иного выхода, ведь ему надо встречать конвой. Доггер-банка же нам нужна, потому, что нам выгоднее давать голландцем сражение в открытом море, а не у их берегов, где эти бестии в два счета заманят на свои бесчисленные мели!

Адмирал Сандвич высказал, было, предположение, что слишком опасно надолго задерживаться у берега, когда

неизвестно точное местонахождение такого противника как Рюйтер.

Герцог Йоркский лишь расхохотался:

– Вас нельзя упрекнуть в излишней храбрости!

Оскорбленный Сандвич немедленно покинул борт флагмана и отправился к себе. По всей бухте сновали шлюпки и баркасы. Вдалеке на берегу сновали толпы матросов, таскавших и кативших бочки.

Всего в союзном флоте на тот момент числилось пятьдесят три английский и тридцать французских кораблей, кроме этого имелось и немалое число фрегатов, яхт и брандеров.

Не успел адмирал Сандвич добраться до своего корабля, как вдали ударила сигнальная пушка дозорного судна, оповещавшая о появлении голландцев. Английский флот был застигнут врасплох. Бросив оставшихся на берегу, капитаны спешно рубили топорами якорные канаты и без всякого порядка бросились к выходу из бухты.

Голландский флот уже вовсю лавировал неподалеку от бухты Солебей. С передовых фрегатов были усмотрены союзники, в неразберихе покидающие бухту и кое-как выстраивающиеся по ходу движения… Герцог Йоркский вел англичан, составлявших эскадру красного флага. Они же составляли и эскадру синего флага, ведомую графом Сандвичским и адмиралом Эдуардом Монтэгю. Эскадру белого флага состоящую из французских кораблей вел вице-адмирал граф д, Эстре.

– Ну, вот и флот двух королей против одного прядильщика канатов! – с мрачной иронией проворчал Рюйтер, обследуя, своей видавшей виды, зрительной трубой покрывающийся белыми парусами горизонт. – Прибавить парусов и начать движение к норду!

Против 45 английских и 26 французских судов Рюйтеру удалось собрать лишь 61 судно с более чем 40 орудиями; судов и 35 транспортов. Союзники располагали 5100 орудиями и свыше 33000 человек команды, голландцы только 4500 орудиями и 21000 человек команды. На многочисленных английских транспортах находилось большое число солдат, а в Дюнкерке французы имели еще 2000 человек, которые после высадки с флота должны были быть переправлены туда же. Герцог Йоркский, как главнокомандующий, командовал центром на флагманском 120-пушечном «Ройял Принсе». Севернее его стоял лорд Монтегю, державшйи флаг на 100-пушечным «Ройял Джеймс». Южнее, в середине, стояла французская эскадра под начальством вице-адмирала графа д'Эстре, флагманский корабль «Сен-Филипп» (78 пушечный); младшим флагманом у французов

был генерал-лейтенант Авраам Дюкен.

Из хроники войны: «В голландском флоте де Рюйтер вел центр на корабле „Семь Провинций“, Банкерс левый (южный) фланг, а ван Гент правый (северный) фланг. Все шесть эскадр неприятельских флотов можно считать приблизительно равными по силе. Де Рюйтер ослабил свои 9 отрядов, выделив из каждого по 2 корабля и 2 брандера, чтобы составить особый отдельный отряд. Последний, в составе 18 кораблей и 18 брандеров, шел вперед флота, образуя передовую линию фронта и предназначался для задуманной де Рюйтером атаки брандеров на стоящие на якоре английские корабли, если бы к тому представилась возможность.

Английский берег у Солебея идет с севера на юг; в прежние времена бухта глубже врезывалась в берег, чем теперь. Союзный флот стоял почти параллельно берегу, вблизи него. Монтегю стоял севернее Йорка, д'Эстре южнее него, несколько дальше от берега, причем между французами и англичанами оставался промежуток. При начавшемся 6 июня свежем ONO положение Монтегю было особенно невыгодным, а в случае усиления ветра или внезапного нападения оно становилось крайне опасным. Он докладывал об этом главнокомандующему, но получил в ответ обидный намек на свою „излишнюю осторожность“.

Получив донесение о возвращении де Рюйтера к голландским берегам и, считая себя в полной безопасности, принц Йоркский разрешил 7 июня рано утром почти всем кораблям отправить шлюпки на берег за водой. Среди этих мирных занятий вдруг как снег на голову пришло известие, что враг близко. Один из дозорных французских фрегатов, идя под всеми парусами, донес об этом сигналами и пушечными выстрелами. Странно, что донесение исходило от французского фрегата, ведь де Рюйтер шел с северо-востока, а французы занимали позицию на юге. Возможно, это еще одно доказательство беззаботности английского главнокомандующего. Попутным ONO де Рюйтер приближался к стоящим в одну линию на якоре англичанам; голландцы шли, как было сказано, в строе фронта, имея впереди, в том же строю, 18 более легких линейных кораблей, предназначавшихся для прикрытия 18 брандеров».

Проинструктировав командующих авангардом и арьергардом, Рюйтер пожелал им удачи в сегодняшней схватке. Затем подле него остались вице-адмиралы ван Ниес и Лифде. Первый из них должен был возглавлять передовой отряд кордебаталии, а второй концевой. Сам Рюйтер брал на себя центр. Если в инструктаже с командующими отдельными эскадрами он ограничился общими вопросами, в остальном полагаясь на опыт и умение своих

младших флагманов, то инструктаж отрядных командиров кордебаталии был уже более тщательным.

– Следовать мы будем в шахматном порядке с попутным ветром на фордевинд. – говорил он, внимательно слушавшим его вице-адмиралам. – Тогда тебе, ван Ниес, надо будет со своими кораблями держаться от меня с правой стороны, а тебе, Ливде, с левой. Затем, идя в бейдевинд, ван Ниес займет место в голове кордебаталии, а ты, Лифде, в хвосте. Поворот всегда следует вам начинать с концевых кораблей, стремясь, чтобы флот выстраивался в обратном порядке. Тогда после поворота Лифде будет уже находиться впереди меня, ты, ван Ниес, соответственно сзади. Следующий поворот будет начинать уже ван Ниес, после чего опять станет во главе кордебаталии и так далее. То же самое будут делать в своих колоннах корабли авангарда и арьергарда. Брандеры и яхты должны держаться у тех кораблей, в чье распоряжение они отданы, так чтоб по первому приказу брандеры могли броситься в атаку, а яхты имели возможность перехватывать неприятельские брандеры и спасать командующих кораблей. Есть ли ко мне вопросы?

– Все ясно! Вопросов нет! – разом ответили вице-адмиралы и поспешили к себе, чтобы в свою очередь успеть повести совещания подчиненных им капитанов.

Выиграв без особых трудностей ветер, Рюйтер сразу же начал общую атаку. Голландский командующий стремился начать сражение как можно раньше, чтобы иметь впереди весь долгий день, за который можно много достичь.

– Выжидать нет никакого смысла. Надо действовать как можно решительно! – провозгласил он.

«Семь Провинций» лейтенант-адмирал направил прямо на эскадру герцога Йоркского. Ведший голландский арьергард лейтенант-адмирал Банкерт подвернул к французской эскадре, а ван Гент, бывший во главе авангарда, взял курс к неприятельской эскадре синего флага.

Было ровно восемь часов утра, когда Рюйтер подозвал своего штурмана.

– Смотри! Вон наш молодец. На него и правь!

Командующий показал рукой на увешанный разноцветными флагами корабль герцога. Штурман, вежливо снял с головы шляпу, поклонился своему командующему:

– Считайте, что вы уже стоите подле него!

Поворотив на корабль герцога Йоркского, лейтенант-адмирал сошелся с ним на ружейный выстрел. Было ровно половина девятого утра, когда английский корабль, развернувшись всем бортом, дал свой первый залп. Рюйтер немедленно ответил.

Сражение началось. Спустя какие-то минуты канонада грохотала уже по всему фронту. Противостоящие флоты, как обычно, заволокло густым дымом, и капитаны высматривали своих врагов, ориентируясь зачастую лишь по флагам на топах мачт. Историк пишет: «Невозможно описать, даже вообразить ужаса сражения, происходившего тогда между этими двумя адмиралами. Дюк Йоркский и Рюйтер оставались более двух часов рядом и под выстрелами один другого, были оба почти совершенно разбиты. Пушки Рюйтера так хорошо действовали, что и ружьями нельзя было лучше и скоре стрелять. Наконец, в восемь часов вечера грот-стеньга дюка Йоркского была сбита со своим красным флагом, и он подвергался бы большей опасности быть сожженным брандером, если бы тишина тому не воспрепятствовала. Он принужден был переменить корабль, и пересел на „Святой Михаил“. Когда же в щепки был разнесен и тот, герцог ретировался на шедший следом за ним „Лондон“. Ему не рассудилось в другой раз состязаться с Рюйтером, а отрядил на него другие корабли первого ранга».

Говоря более откровенно, проведя почти целый день в огненном единоборстве, герцог был настолько подавлен, что попросту ретировался с поля боя, заслонившись от преследовавшего его Рюйтера, другими кораблями своей эскадрой. Это была пусть еще не победа, но уже большой моральный успех. Выстояв в течение целого дня против союзников, флот Соединенных провинций был полон решимости все же сломить упорное сопротивление врага.

– Начало положено! Теперь надо удержать удачу за хвост! – переводили дух голландские матросы, жадно припадая к стоящим на палубах бочкам с водой. – Главная драка еще впереди!

Хищные, как стаи волков, голландские брандеры то и дело дерзко атаковали английские корабли, поджигая и испепеляя их. И здесь Рюйтер делал все по-новому. Он не пускал, как это делалось обычно, свои брандеры в беспорядке по ветру на «авось», а посылал их в организованные атаки под прикрытием огня линейного корабля, к кому каждый из брандеров был приписан. По этой причине даже если кому-то из смертоносных судов и не удавалось сцепиться с намеченной жертвой, то уж строй неприятеля они расстраивали своими атаками напрочь!

Во время дневного боя был серьезно ранен сын Рюйтера Энгель, сражавшейся в дивизии своего отца. Корабль, на котором он был капитаном, следуя примеру флагмана, дрался с англичанами на самой кратчайшей дистанции. Именно тогда меткая мушкетная пуля пробила ему желудок. Младшего Рюйтера снесли в каюту. От боли он лишился дара речи на несколько

дней, но все же жестами требовал доклада обо всех происходящих наверху событиях.

Пока командующий успешно дрался с герцогом Йоркским, младший флагман его дивизии верный Жан ван Ниес так же одержал большую победу в единоборстве с врагом, разогнав в стороны поочередно несколько английских кораблей. Но самый большой успех выпал в тот день на долю капитана Жана ван Браакеля. Его 62-пушечный «Гранд Голланд» рискнул противоборствовать 104-пушечному «Роял Джону», на котором держал свой адмиральский флаг многоопытный Монтэгю. И снова предоставим слово историку: «…„Гранд Голланд“… сцепился с „Роял Джоном“ и почти полтора часа беспрестанно производил по нему пушечный и ружейный огонь. Монтэгю, командовавший сим кораблем, защищался со всею храбростью, какой только можно было от него надеяться, но так был разбит, что сдался бы, если бы только корабль де Браакеля носил флаг. Однако ему удалось, обрубив снасти, выпутаться от Браакеля, но быв побит во многих частях, не мог идти далее и голландский брандер сжег его. Адмирал Монтэгю сошел со своим сыном в шлюпку, но множество бросившихся в нее людей, затопили оную и адмирал и сын его пропали. Его смерть оплакиваема была всею Англиею, чтившего его заслуги и его добродетель». Позднее много говорили, что гибель графа Сандвича (адмирала Монтегю) была во многом спровоцированы незаслуженным оскорблением герцога Йоркского, обвинившего графа-адмирала в трусости.

Стремясь всем и в первую очередь доказать свою храбрость, Сандвич-Монтегю и бросался в тот день очертя голову в самое пекло, пока не нашел свой конец. Впрочем, на желчного герцога Джеймса это не произвело ровным счетом никакого впечатления.

Необходимо отдать должное голландцам. Во время гибели «Роял Джона» они, несмотря на продолжавшийся бой, занялись спасением тонущих врагов и многих вытащили из воды. Одного из спасенных, лейтенанта, доставили шлюпкой к Рюйтеру для допроса. Расспросив кое о чем мокрого англичанина, лейтенант-адмирал посоветовал ему идти в трюм и дожидаться там окончания боя. В ответ англичанин замотал головой:

– Я прошу вас разрешить мне остаться подле вас и посмотреть развитие событий!

Смерив пленника взглядом, Рюйтер пожал плечами:

– Смотрите, если хотите!

Буквально через час англичанин с поклоном подошел к голландскому командующему:

– Сегодня я впервые увидел, как надо драться! Еще нет полудня, а вы уже сделали в прошедшие часа столько подвигов,

сколько иным не свершить и в четверо суток!

Рюйтер в ответ кивнул:

– Все очень просто: кто рано встает, тому и бог дает!

Вскоре лихой абордажной атакой был пленен английский «Роял Казарин». С палубы «Семи Проинций» было хорошо видно, как всплеснув на ветру, полетел в волны английский флаг, а на его мете затрепетал трехцветный голландский.

Весьма настойчиво атаковал выпавшего на его долю противника со своими кораблями и ван Гент. Горя мщением за столь недавний скандал с отданием почестей британской яхты, он шел буквально напролом. Атакуя английскую эскадру синего флага, ван Гент прорезал ее насквозь и, взяв противника в продольный огонь, вычистил ядрами его палубы под метелку. Британский авангард был уже почти рассеян. Однако судьба не была благосклонна к этому человеку. Уже заканчивая свой отважный маневр, делающий честь любому флотоводцу, он был поражен в бок отскочившим от палубы ядром и скончался на месте.

Пока Рюйтер бил англичан, ван Банкерт с кораблями вверенной ему эскадры не менее решительно атаковал французов графа д, Эстре и здорово их потрепал. Отважно отбивался на «Террибле» контр-адмирал Дюкен, не менее храбро поддерживал его огнем на 70-пушечном «Сюпербе» отрядный начальник де Рабиниер, но сам граф особо в бой не лез, да и других одергивал. Над «Святым Филиппом» трепетали сигналы, приказывающие держаться от голландцев подальше. Известна фраза, сказанная д, Эстре во время этого боя.

– Рюйтер мой великий наставник в мореходстве! Он дал мне прекрасные уроки в этой битве, и я охотно бы заплатил своею жизнью за его славу!

Чаша весов все еще окончательно не склонилась ни в чью сторону, хотя было очевидно, что голландцы, пусть медленно, но все же начинают повсеместно брать верх. Уже один из линейных английских кораблей был сожжен брандером, а два других потоплены артиллерийским огнем. В горячке боя, и в силу внезапно упавшего ветра корабли противников так сильно перемешались между собой, что теперь в большинстве случаев каждый из них был предоставлен только себе и капитаны сами определяли с кем и как им надлежит драться. Все с надеждой и нетерпением смотрели на опавшие косицы многометровых вымпелов. Но вот вымпела понемногу зашевелились, затем вытянулись и заполоскали на свежем ветру. Теперь было крайне важно опередить противника и первым воспользоваться засвежевшей погодой. И здесь Рюйтер оказался на высоте

положения! Он не только быстрее англичан собрал свой разбредшийся во все стороны флот, но, выстроив его, произвел столь выгодный маневр, в результате которой противник был буквально зажат в клещи. Избиение англичан прекратила лишь столь некстати спустившаяся ночь.

Поздним вечером, собрав к себе на «Семь провинций» капитанов для доклада о потерях, Рюйтер говорил им о том, что на протяжении всей своей жизни не участвовал еще в такой ожесточенной и продолжительной битве. Еще бы! Только его флагманский корабль издержал более двадцати пяти тысяч фунтов пороха, сделав более двух с половиной тысяч выстрелов. Но и урон тоже был не мал: у «Семи провинций» были разбиты мачты, перебит такелаж, порваны паруса, корабль получил даже несколько подводных пробоин, столь редких в ту давнюю пору. Убито на флагмане Рюйтера было тридцать, а ранено около сотни.

Общие потери голландцев были не малыми, но потери англичан были многим более – более двух с половиной тысяч человек. Говорят, что герцог Йоркский, объехав ночью свои изрешеченные корабли, вернулся к себе на борт в состоянии самом удручающим.

– Этот Рюйтер сущий дьявол! – твердил он, обхватив голову руками. – Проклятый голландец совмещает в себе все от адмирала до матроса и заключает в себе всю их морскую силу! Сколько бы я отдал, чтобы он был мертв!

Немецкий историк Альфред Штенцель в своем труде «История войн на море»: «Бой начался нападением главных сил де Рюйтера на англичан; эта первая, горячая и кровопролитная схватка, самим великим адмиралом потом считалась самым упорным и ожесточенным боем всей его жизни. Эскадра лорда Монтегю успела почти одновременно на всех судах обрубить канаты – для выхаживания якорей не оставалось времени; она в сравнительном порядке легла на север. Не то было в центре, где некоторые суда буксировались шлюпками на свое место в строю. При все стихающем ветре разгорается бой на параллельных курсах; дистанция столь близкая, так что неприятельские корабли постепенно перемешиваются.

В бою арьергардов (в данное время авангардов) Гент вскоре был убит, Монтегю утонул во время перехода со своего горящего флагманского корабля; голландцы начали ослабевать, но преемник Гента сумел снова взять эскадру в руки и оказать поддержку сильно теснимому де Рюйтеру. Флоты настолько близко подошли к банкам южнее Лоустофта, что пришлось поворачивать. После поворота удалось выправить строй,

благодаря несколько засвежевшему ветру; из отдельных групповых схваток развилось более правильное сражение.

Таким образом, бой продолжался после полудня, причем центры обоих флотов приближались к отделившимся авангардам; последние не сходились очень близко, т. к. Банкерс держался далеко и стрелял только на большом расстоянии. Хотел ли он, как более слабый, беречь свои силы, чтобы потом поддержать де Рюйтера или он должен был, из политических целей, беречь французов – теперь невозможно установить. Вероятно, на основании последних соображений он получил соответствующие приказания от де Рюйтера. В таком случае, как теперь кажется, де Рюйтер был не прав, направив именно эту эскадру против французов, т. к. она была укомплектована храбрыми зеландцами-оранжистами, отличавшимися крайней ненавистью к французам.

Д'Эстре несколько раз стремился к сближению; потом он утверждал, что сближение не удалось по вине его флагмана Дюкена, но, вероятно, причина крылась в дурной боевой подготовке его команд. Когда Банкерс убедился, что французам уже невозможно успеть соединиться с центром, он прекратил бой и соединился со своим главнокомандующим, который незадолго до 9 часов, при наступлении темноты, прекратил сражение. Вероятно, конец боя наступил бы и сам собою из-за темноты, утомления, аварий, больших потерь, недостатка боевых припасов и т. п. Для Йорка продолжение боя было тем более опасным, что из двух авангардов Банкерс успел значительно скорее соединиться со своими главными силами.

Йорк дважды менял свои флагманские корабли, де Рюйтеру пришлось сделать то же; его флагманский корабль выпустил 3500 ядер. Оба флота маневрировали на следующий день в виду друг друга и лишь 9 июня де Рюйтер ушел в свою безопасную позицию под прикрытие отмелей, не будучи преследуем противником. Англичане потеряли 4 корабля, голландцы только 2, потери в людях убитыми и ранеными у англичан 2500, у голландцев 2000. Почти все корабли получили тяжелые повреждения. Как часто бывает, особенно после морских сражений, оба противника считали себя победителями, но если принять во внимание, что де Рюйтер после боя еще целый день оставался вблизи неприятельского флота и лишь после второй ночи вернулся на родину, при чем не было и тени преследования со стороны союзников, то заявлению англичан, что они победили, так как оставались до конца на месте битвы, нельзя придавать значения.

Несомненно, больший успех выпал на долю де Рюйтера, т. к. стратегический план противника высадиться сейчас же после первого морского боя на голландском берегу, оказался

невыполнимым; англичане считали себя слишком слабыми. В тактическом отношении де Рюйтер сделал много: он выследил противника, внушил ему беззаботность, произвел совершенно неожиданное нападение, заставил принять бой, не дав времени привести строй в порядок, напал с превосходящими силами на главные силы врага, приказал отделившихся французов отвлечь боем на дальних расстояниях, не принося им вреда (что в политическом отношении нужно признать очень ловким), умело использовал все дальнейшие выгодные тактические положения, добивался все время быстрого восстановления строя, как только последний нарушался. Несмотря на свои более слабые силы, он добился значительного успеха. Йорк оказался не на высоте положения; это подтверждается его действиями по отношению к Монтегю и, главным образом, первоначальным поворотом на север, когда следовало идти на юг. Понятно, как известие об исходе боя должно было подействовать на находившихся в унынии соотечественников де Рюйтера. Солебей и Мюйден снова оживили упавших духом голландцев».

Пока союзники зализывали раны, «проклятый голландец» даром времени не терял, а всю ночь шел во главе флота вперед, чтобы к утру встретить противника со стороны английского побережья, то есть с той стороны, откуда неприятель менее всего ожидал его появления. С рассветом он вновь устремился на видневшийся вдали английский флот. А затем, подойдя ближе, внезапно начал демонстративный отход к своим берегам, надеясь заманить противника в лабиринт голландских отмелей и банок, где можно было бы разделаться с английским флотом без всякого труда. Но герцог Йоркский на эту хитрость не клюнул, а переменив галс и, поймав ветер, поспешил поскорей убраться прочь. По самым скромным подсчетам на ремонт избитого флота герцогу требовалось не менее двадцати тысяч фунтов стерлингов, сумма по тем временам фантастическая и сейчас брату короля было уже не до продолжения боя. Теперь надо было добраться до своих портов и как можно скорее. Обиженный Рюйтер гнал англичан три дня подряд, добивая отставших, пока те не укрылись в своих портах.

Людовик XIV де Бурбон, – король Франции и Наварры с 14 мая 1643 г

Едва стало известно об уходе британского флота вдоль неприятельского побережья, сразу же проскочили несколько больших голландских торговых караванов. Нигде не было видно ни одного противника. Море было чистым.

9 июня в Гааге было получено сообщение о блестящей победе при Солебее. Но радости особой это известие не вызвало. Ситуация на сухопутном фронте складывалась крайне тяжелой. С началом войны через пограничные области испанских Нидерландов Людовик Четырнадцатый направил 120-тысячную армию против Голландии. Через месяц немецкие союзники

начали свое вторжение с востока. Французские главные силы, под предводительством знаменитых маршалов Тюренна и Конде, вошли с юго-запада в Соединенные провинции, обходя испанские Нидерланды. Голландия сделала ошибку, распределив свои слабые сухопутные силы по различным крепостям. Часть мелких укреплений вскоре сдалась французам, мимо более крупных Тюренн прошел без боя, и скоро почти вся страна оказалась во власти французов. Нидерланды утратили почти все сухопутные силы. В распоряжении принца Оранского оставалось девять тысяч человек. В середине июня повсюду началась паника, решено было запросить Людовика XIV об условиях мира.

20 июня французы находились вблизи Амстердама. Среди народа вполне серьезна ходили разговоры о массовом переселении в Ост-Ингдию, чтобы там вдали от всех врагов воссоздать свю республику. Вольтер в своей «Истории царствования Людовика XIV и Людовика XV» с нескрываемой досадой писал об этих днях: «Если бы был взят Амстердам, то не было бы голландского народа и сама земля сей области скоро бы исчензла. 50 тыс. семейств готвились укрыться в Индонезии. Голландия существовала бы на краю востока». Однако к явному огорчению Вольтера голландцы так и остались в Европе.

Флот был последней надеждой осажденной республики. Рюйтер не мог спасти страну от французских полчищ, зато мог нанести удар по морской силе неприятеля, а если получиться, то и рассорить союзников, предварительно их разбив. Именно поэтому флот был немедленно пополнен, несмотря на все трудности людьми и припасами. Самому же лейтенанту-адмиралу глава республики де Витт отписал следующее: «Мы почитаем обязательно изъявить вам наше совершенное удовольствие за оказанное вами мужество в битве с неприятелем нашего государства и уверить вас, что мы не применим при случае доказать вам сие на опыте…» Учитывая обстановку на сухопутье, Рюйтеру было велено не удаляться более от своего берега, а прикрывать его от возможных нападений англичан и французов.

Глава седьмая
Мятежи и интриги

Меж тем победоносное наступление французов продолжалось. Слабая голландская армия была почти бессильна против вымуштрованных мушкетеров и драгунов короля-Солнце. Вскоре под пятой Людовика была уже половина Голландии. Когда французы подошли к Амстердаму, жители города, открыли шлюзы на плотинах и пустили воду. Вслед за Амстердамом открыли плотины и других городов. Затопление обширных районов страны вынудило французов отвести войска. Нидерланды получили некоторую отстрочку, но положение дел было все равно очень тяжелым.

Победы, как хорошо известно, всегда вызывают прилив народного энтузиазма. Поражения же обычно ведут к недовольству и смуте. Не была исключением в 1672 году из общего правила и Голландия. Пока боевые действия происходили только на море, и успех следовал за успехом, в стране царила всеобщая приподнятость духа. Когда же наступило время поражений на сухопутье, мгновенно вспыхнуло недовольство. Толпы народа требовали немедленного смещения с поста главы республики де Витта и назначения штатгальтером и генерал-капитаном Голландии и Вест-Фрисландии принца Оранского Вильгельма Второго. 3 июня в Гааге произошел государственный переворот и принц Вильгельм принял власть над погибающей страной.

Вильгельм II Нассау-Оранский – принц Оранский

Не смотря на достаточно неплохие отношения с братьями Виттами, Рюйтер отнесся к их низложению достаточно спокойно. Что касается принца Оранского, то он никогда не был в числе его сторонников оранжистов. Рюйтер вообще всегда по мере возможности старался быть подальше от большой политики, повторяя при каждом удобном случае:

– Каждый должен делать свое дело. Дипломаты говорить и обманывать, властители править и надувать щеки, мы же, моряки, плавать торговать, а если понадобиться, то и драться.

Пришедшего к власти принца, Рюйтер поздравил письмом. Штатгальтеру он желал «счастья, успехов и благославления

господнего». Принц, более всего озабоченный сухопутными делами, в распоряжения Рюйтера не вмешивался, попросив лишь в ответном письме не удаляться его далеко от Голландии. Почти одновременно с письмом штатгальтера к Рюйтеру пришло известие о скором подходе торгового каравана из Ост-Индии, который, судя по всему, англичане уже давно с нетерпением поджидали.

– Придется лишить их этого удовольствия! – здраво рассудил лейтенант-адмирал и решительно направил свои корабли навстречу ожидаемому каравану.

Трупы братьев де Витт висят на Groene Zoodje (место казни) в Гааге, 1672, Baen, Jan de

Хотя старый адмирал и молодой принц Оранский находились в прекрасных отношениях, смена правительства не заставила де Рейтера отказаться от дружбы с Иоханом и Корнелисом де Виттами после их трагического падения, хотя очень многие ради собственной карьеры открещивались от знакомства с ними. Когда Корнелис, который вместе с де Рейтером участвовал в экспедиции к Медуэю, был арестован и ложно обвинен в заговоре против принца, де Рейтер отправил Генеральным Штатам письмо в его защиту. Позднее «достопочтенный господин» спросил адмирала, где он оставил свою справедливость и мудрость, когда писал это письмо. Де Рейтер ответил: «Если в нашей стране никто не смеет говорить правды, ее дела обстоят очень плохо. Однако я буду говорить правду до тех пор, пока смотрят мои глаза». К сожалению, его заступничество было напрасным…

Тем временем смута и недовольство в Голландии достигла своего апогея. Пошли разговоры об измене бывших правителей, которых стали уже обвинять в прямой измене. Оранжисты требовали от братьев Виттов письменного отречения от власти. Те, ссылаясь на то, что избранны на свои посты депутатами всех провинций и сословий, долго отказывались, но затем под давлением и угрозами согласились. Однако оба Витта были людьми не робкими, а, потому ставя свои подписи под документом, передающим власть принцу, оба рядом со своими подписями поставили две буквы V. C., то есть vit coactus (по принуждению). Этого демарша оказалось достаточно, и оба были немедленно убиты приверженцами Оранского дома.

Памятник Корнелиусу и Йохану де Виттам в Дордрехте

Едва Корнелий Витт прибыл с флота в Гаагу, как его дом был немедленно окружен беснующейся толпой. К этому времени старший брат Йохан уже был ранен на улице, хотя в тот раз его успели отбить солдаты. Один из нападавших был пойман и казнен. Однако это было только начало. Тогда же был распущен слух, что братья собирались отравить принца Оранского. После этого Корнелий был арестован и посажен в тюрьму. Однако соратник Рюйтера все отрицал. Это не помогло, и младшего Витта осудили к лишению гражданства и изгнанию из страны. Но буквально через день разъяренная толпа ворвалась в тюрьму и забила Корнелия палками. Прибывший на помощь Корнелию, еще не оправившийся от старого ранения Йохан был пронзен ножом, а затем какой-то кузнец добил его пистолетным выстрелом в лоб. Тела вчерашних кумиров долго таскали по улицам, а затем повесили за ноги на одной из площадей.

Известие об убийстве братьев Витт настигло Рюйтера уже в море. Случившееся потрясло лейтенант-адмирала. Ведь от старшего Йохана де Витта он всегда имел большую поддержку во

всех своих планах и спорных делах, а с младшим его навечно совместный блестящий рейд на Мидуэй, где Корнелус де Витт по праву разделил с ним лавры победителя. Не выходя из своей каюты, Рюйтер целый день молился за души погибших. С тяжелым сердцем Рюйтер продолжил плавание, даже не предполагая при этом, сколь драматичные события разворачиваются сейчас вокруг и его семьи.

Известие об убийстве бывших правителей, как это часто бывает, вызвало сразу же у многих свести счеты с теми, к кому братья относились с почтением и кому покровительствовали.

В Амстердаме возбужденна толпа кинулась с криками и угрозами к дому Рюйтера с твердым намерением перебить всех его обитателей, а заодно и поживиться добром. В это время в доме находилась лишь жена адмирала с одной из дочерей, племянницей и двумя служанками. Немедленно заперев все двери, женщины в ужасе ждали развязки. Супруга адмирала, все же не потеряла полного самообладания и успела позвать на помощь жившего по соседству зятя купца Весселя Шмитта (тот был женат на ее дочери от первого брака). Шмитт не только пользовался достаточным авторитетом в городе, но и являлся капитаном мещанской роты ополченцев. К тому же купец был человеком не робкого десятка. Успев прибежать к Рюйтерам, пока толпа еще не окружила дом, он быстро все понял и отослал обеих служанок с записками о помощи. Сам же, высунувшись из окна, вступил в переговоры с толпой.

– Что вы хотите? – спросил он кричавших.

– Выйди к нам негодяй! Вы все предатели и изменники! Рюйтер давным-давно продался англичанам! Мы сделаем с ним и со всеми вами то же, что уже сделали с Виттами! – раздалось ему в ответ.

Особенно неистовствовали женщины.

– Дайте нам Рюйтера и его близких, и мы своими руками растерзаем их! Они продали наш флот французам, и те платят ему по червонцу за каждого из наших бедных мужей! Мы уже знаем, что его арестовали и в веревках привезли домой! Отдайте нам, того, кто желал сделать нас вдовами!

Шмитт закрыл ставни:

– Все понятно! Они считают, что адмирал такой же предатель, как и убитые правители!

– Но это же полный бред! – заломила в отчаянии руки жена Рюйтера.

– Разумеется! – покачал головой ее старший зять. – Но люди возбуждены и уже ничего не соображают. Сейчас разговор не об этом. Я выйду к ним, и попробую потянуть время, пока не

подойдет моя рота.

– Но ведь это опасно! – всхлипнула Анна ван Гельдер.

– Не более чем рискует жизнью, вступая в бой, ваш почтенный муж, сударыня!

Ударом ноги Шмитт распахнул дверь и вышел навстречу толпившимся у крыльца.

– Вы можете поступить со мной, как уже поступили с Виттами, но, думаю, перед тем было бы не плохо меня и выслушать! – сказал он, стараясь сохранить самообладание.

– Что он может сказать? Нечего его слушать! – кричали одни, более пьяные.

– Пусть говорит! С нас не убудет! – остановили другие, более трезвые.

– Кто из вас знает подчерк адмирала? – вопросил Шмитт к толпе.

Из нее протиснулось несколько человек, имевших в разное время дела с Рюйтером, и знавшие его руку.

– Вот письмо адмирала! – купец поднял над головой листок бумаги. – Только сегодня утром он получен его супругой! Слушайте, что там написано!

И Шмитт громко прочел письмо Рюйтера, в котором тот сообщал, что выходит в море искать неприятельский флот и надеется его уничтожить во славу Соединенных провинций. Услышав текст, толпа сразу притихла.

– Теперь посмотрите на дату! – продолжал Шмитт. – Письмо написано только два дня назад! А теперь, знающие подчерк адмирала, пусть удостоверятся, что я никого не обманываю!

Несколько человек поочередно ознакомились с бумагой и отошли в смущении, признав, что это рука адмирала. Теперь уже перешел в наступление и Шмитт:

– Как же вы можете обвинять в измене человека, который в эти самые минуты далеко в море рискуя жизнью, сражается за ваши дома и ваших детей плечем к плечу рядом с вашими же мужьями и братьями!

Толпа притихла совсем. Пыл угас, и люди начали понемногу приходить в себя. Тем временем к адмиральскому дому прибежали горожане, назначенные в ночную стражу и солдаты-ополченцы мещанской роты, вызванные Шмиттом. Увидев это, все разошлись. Однако, по настоянию Шмитта, подле адмиральского дома на ночь теперь выставлялся вооруженный караул.

Рюйтер, которого известили о случившемся через почтовую яхту, был весьма удручен.

– Странные эти люди, наши голландцы! – с грустью сказал он своему младшему флагману и другу Бакерту за совместным

ужином. – От слепого поклонения до слепой ненависти у них всего лишь шаг!

В тот же день лейтенант-адмирал отправил письмо принцу Оранскому, требуя обеспечить безопасность его семьи. Принц немедленно отвечал, что все необходимые для этого распоряжения им уже даны.

Кроме личных проблем лейтенанта-адмирала поджидали и иные неприятности. Тяжелое положение на сухопутье вынудило принца Оранского снять с кораблей часть экипажей и отправить их в полном составе для пополнения армии. Вслед за этим последовало распоряжение и о сокращении состава флота теперь под началом Рюйтера оставалось всего лишь срок семь кораблей, дюжина фрегатов, да три десятка брандеров, на которых он, прежде всего, и рассчитывал.

Историк Альфред Штенцель пишет: «С 18 до 20 июля неприятель делал на мелких судах промеры у Текселя; де Рюйтер получил категорическое приказание вступить в бой лишь в случае начала высадки. Все время дул с берега сильный ветер; опасаясь расположенного вблизи и сбоку флота де Рюйтера, который не давал себя выманить с безопасной позиции, союзники не решились на высадку. 21 июля налетел трехдневный, жестокий шторм с юго-запада, после которого еще в течение целых трех недель дули сильные ветры от того же румба; рассеянные суда союзников, получив сильные повреждения, должны были искать убежища в ближайших английских портах. Счастье на этот раз было всецело на стороне голландцев. Де Рюйтер упорно оставался на своей безопасной позиции, позволявшей в любое время перейти в наступление. Союзники до поры до времени отказались от намерения высадки; уже 28 сентября французская эскадра вернулась восвояси, чтобы иметь возможность выполнить ремонтные работы на своих верфях дешевле, чем на английских. Де Рюйтеру еще раз удалось безопасно провести шедший из Ост-Индии и огибавший Англию с севера большой конвой мимо державшегося в море английского флота – предприятие очень рискованное. Лишь теперь голландцы снова разрешили каперство и разоружили военные суда для зимовки. Было задумано нападение на французские порта. Год войны закончился на море и на суше, зима принесла временный покой; все вооружалось для новых, тяжелых сражений будущего года».

Несмотря на начавшуюся полосу осенних штормов, Рюйтер держался в море до самой зимы, надеясь, что противник все же выйдет из своих портов, померяться силой и он на деле сможет доказать свою верность Отечеству. Но, ни англичане, ни французы в тот год рисковать своими флотами в единоборстве с

Рюйтером более так и не решились, предпочитая отстаиваться в безопасности. На исходе 1672 года вернулся к родным берегам и Рюйтер.

Сдав корабли в портовые адмиралтейства, лейтенант-адмирал поспешил в Амстердам к семье. К этому времени страсти вокруг обвинений Рюйтера, казалось, прекратились, и он отпустил охранявших его солдат, несмотря на все протесты домашних. И зря! Этот опрометчивый поступок едва не стоил ему жизни!

В один из дней в двери адмиральского дома постучался незнакомый человек, а когда дверь открыли, он, оттолкнув дворника, бросился в дом. В одной руке незнакомец держал пистолет, в другой нож.

– Мне нужен Рюйтер! – кричал ворвавшийся.

В это время лейтенант-адмирал только закончил завтрак и, услышав, что кто-то его зовет, вышел из своей комнаты, узнать, что случилось. Завидев выходящего адмирала, незнакомец выстрелил в него почти в упор, но произошла осечка. Щелкнув, кремень так и не высек искры. Тогда, отшвырнув пистолет, убийца бросился на Рюйтера с ножом. Трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы подбежавший слуга-дворник не схватил стоящий рядом стул и не швырнул ее в незнакомца. Стул выбил из руки нападавшего нож, и тот, не дожидаясь развязки, тут же бросился бежать из дома. Покушавшегося искали по всему Амстердаму и его окрестностям в течение нескольких дней, но так никого и не нашли. Разговоров было много. Одни говорили, что это, скорее всего, дело рук какого-то сумасшедшего, возомнившего себя великим моряком и завидующего славе адмирала, иные, наоборот, видели в этом происки герцога Йоркского, давно желавшего смерти Рюйтера, а может даже и французского короля.

Сам лейтенант-адмирал особого значения происшедшему не придал.

– Мало ли каких идиотов не бродит по нашей земле! – заметил он философски.

В тот момент Рюйтера волновали дела более значительные и важные с его точки зрения. Всю зиму он занимался лечением своего тяжело раненного сына и к весне сумел поставить его на ноги. Кроме этого вовсю продолжалось французское продвижение вглубь Голландии, а потому возникла реальная опасность захвата Амстердама зимой, когда замерзнут окружавшие город каналы и водохранилища. Вместе с местными военноначальниками Рюйтер провел всю зиму в строительстве укреплений на острове Ваал, где

размещался город. Зима к счастью прошла относительно спокойно. Французы так и не покинули своих зимних квартир. За это время лейтенант-адмирал обошел лично на парусной шлюпке почти все побережье Голландии, определяя места наиболее вероятные для возможной высадки английского десанта. Карты этих мест он отослал штатгальтеру.

Однако предстоящая летняя кампания не обещала такого же спокойствия, в каком прошла зима. В Париж, по-прежнему, во всю нагнеталась антиголландская истерия. Канцлер королевства граф Шафсбург, каждый раз, забираясь на трибуну парламента, начинал свою речь традиционным: Delenda est Carthago (Карфаген должен быть разрушен!). И Англия, и Франция во всю вооружали свои военные флоты, готовясь к реваншу за прошлогодние неудачи на море. Время не ждало, и голландцы тоже работали на своих верфях, не покладая рук. Желая ближе познакомиться со знаменитым флотоводцем, принц пригласил его к себе в Гаагу. Рюйтер, разумеется, приехал.

– От вас и только от вас зависит спасение Отечества! – говорил старому моряку штатгальтер. – И я и весь народ верят в ваш гений и вашу удачу! Прошу вас отобедать со мной!

За обедом принц много шутил, то и дело, прося Рюйтера рассказать что-нибудь из своих морских приключений. Рюйтер рассказывал.

История сохранила нам облик принца Оранского: «Он был среднего роста, худощавого и слабого сложения. Матовый, желчный цвет лица выказывал его нервный и болезненный темперамент. Лицо его, в котором не было ничего обыкновенного, носило отпечаток холодности и равнодушия. Лоб его мало выдавался, глаза почти всегда были полузакрыты, но тонкие и бледные губы означали в нем редкую силу воли. Почти беспрерывный его кашель был едва слышен, так слаб казался его голос. Но под этой слабой, невидной оболочкой скрывалась пылкая, энергичная душа, непреклонная воля, безмерное честолюбие. Обладая в совершенстве искусством выжидать и скрывать свои впечатления, равнодушный по наружности ко всему, он шел вперед медленными, но верными шагами. Казалось, он не был способен ни к привязанности, ни к ненависти и между тем, ненависть непримиримая таилась в его душе…»

Надо ли говорить, что этому человеку не стоило большого труда привлечь на свою сторону прямого и открытого адмирала. Пытаясь задобрить знаменитого флотоводца после недоразумения с его семьей, принц Оранский предложил Рюйтеру составить список офицеров, которых бы командующий не хотел взять с собой в море, второй же список на тех, кого бы он желал

видеть подле себя. Лейтенанту-адмиралу предлагалось по своему усмотрению полностью сформировать команду, без оглядки на чье бы то ни было мнение. Раньше о таком можно было только мечтать. Но Рюйтер не воспользовался этим предложением. Принца он вежливо поблагодарил в письме за проявленную заботу, однако не снял с кораблей ни одного человека.

– У меня плохих нет! – сказал он дипломатично. – Все мои подчиненные настоящие храбрецы и каждый из них находится на своем месте. Я доверяю всем!

Естественно, что вскоре содержание письма принца, как и ответ Рюйтера на него стали достоянием флотской общественности, что вызвало у всех еще большее уважение к своему командующему, и теперь каждый был готов скорее расшибиться в лепешку, чем допустить какой-нибудь промах и недовольство Рюйтера.

Однако и принц высказал командующему флотом свое пожелание.

– В прошлой кампании мы решились храброго Гетца! У нас тоже не так-то много настоящих флотовождей и держать на берегу столь многоопытного воина как Тромп есть слишком дорогое удовольствие! – заявил он на собрании депутатов.

– Но ведь Тромп в давнем конфликте с Рюйтером и отправлен навечно в отставку! – возразили, было, ему.

– Это сущая ерунда! – отмахнулся принц. – Из отставки мы его вернем. С Рюйтером я его надеюсь помирить. Папаша Рюйтер человек отходчивый и добряк по натуре. Сам же Тромп тоже, думаю, давно понял свою вину и постарается отныне ничего подобного не допускать. Положение нашего государства столь тяжелое, что мы должны использовать любой шанс ее улучшить.

То, что принц Оранский первым делом вернет все звания и должности Торомпа, придя к власти, мало кто сомневался. Все знали давнюю преданность семейства Тромпов Оранскому дому, а потому с интересом следили за интригой: осмелится ли принц убрать со своего поста Рюйтера и поставить на этот пост своего протеже Тромпа. В высшем руководстве флота принцу очень нужен был свой человек, а таковым мог быть для него только Корнелиус Тромп. Принц, однако, взвесив все за и против, сделать столь радикальную рокировку не решился. При всем уважении флотской общественности к Тромпу, авторитет папаши Рюйтера был неизмеримо выше, и его необоснованная отставка могла вызвать самые настоящие бунты на кораблях. В период весьма опасного положения страны и войны на море это было чрезвычайно опасно. К тому же Рюйтер уже прекрасно начал кампанию и ему только не надо было мешать, ведь от его успехов

зависел и успех самого принца. Кроме этого сам Рюйтер, при всех его хороших отношениях с низвергнутым семейством Виттов, никогда политикой не занимался, а наоборот стремился держаться от нее, по возможности, подальше. Не был он и врагом Оранского дома. Нынешний командующий был, прежде всего, профессионалом своего дела, а это принца вполне устраивало. Поэтому принцу предстояло решить два вопроса: уговорить Тромпа снова пойти в подчинение к Рюйтеру, и уговорить Рюйтера принять к себе Тромпа, после чего помирить обоих.

Начал принц Оранский, как и следовало ожидать, с уговоров Тромпа. Штатгальтер вернул ему звание лейтенанта-адмирала, подписал грамоту о восстановлении всех заслуг и отличий. После некоторых раздумий Тромп, принимая во внимание надобность в нем принца и не простую ситуацию в стране, согласился подчиняться Рюйтеру. Как и предполагал Вильгельм Оранский, Рюйтер по своей душевной доброте ничего не имел против кандидатуры Тромпа на должность своего второго младшего флагмана.

Места сражений третьей англо-голландской войны

– Только пусть уж на этот раз не своевольничает и во всем слушается меня! – попросил он передать свои пожелания штатгальтеру.

Вскоре оба адмирала прибыли лично к принцу Оранскому, где обещались взаимно забыть прошлые обиды и жить отныне в

братской дружбе и уважении друг друга. В присутствии штатгальтера Корнелий Тромп поклялся Рюйтеру, что будет отныне беспрекословно повиноваться всем его приказам.

– Я с открытым сердцем и чистой душой покоряюсь всем вашим условиям! – склонил он голову перед своим командующим.

Растроганный Рюйтер подошел и крепко обнял давнего недруга:

– Будем же мы теперь друзьями навечно!

Тогда же Корнелию Тромпу было официально возвращено звание лейтенанта-адмирала Амстердамского адмиралтейства.

Прямо из приемной штатгальтера оба адмирала разъехались по адмиралтействам, чтобы ускорить вооружение кораблей, которые должны были, как обычно, собраться по весне в Текселе. Помимо боевого флота Рюйтер велел готовить на этот раз несколько десятков старых торговых кораблей, груженных по самый планширь булыжником. По замыслу командующего эту флотилию «смертников» надо было затопить в устье Темзы и надолго парализовать весь английский флот, заперев его в реке. Но на этот раз лейтенанту-адмиралу не повезло. Англичане опередили его: их флот вышел в море и соединился с французским гораздо раньше голландского. В этом вины командующего не было. Изнемогающая в неравной борьбе страна была просто не в состоянии одновременно готовиться к отражению агрессии на суше и на море одновременно. Когда отряд под началом Рюйтера с судами, предназначенными для затопления фарватера, подошел к Темзе, появился туман, висевший над морем больше суток, когда он исчез, впереди оказался целый частокол мачт, то был английский флот, уже вышедший из реки. Операция была сорвана, и Рюйтеру не оставалось теперь ничего иного как, оторвавшись от неприятеля, поспешить домой. Едва сойдя с корабля, он начинает полным ходом, готовится к выводу главных сил флота. Еще весной Рюйтеру удалось вернуть большую часть отправленных на сухопутный фронт матросов обратно на корабли. Кроме этого, он забрал к себе много моряков с торговых судов, невзирая на все причитания и жалобы судовладельцев. По его же настоянию повсеместно были опубликованы правительственные воззвания, определявшие конкретные денежные награждения за те или иные подвиги во время морских сражений. Это сразу же заинтересовало, умеющих хорошо считать деньги матросов.

Перед выходом в море, Тромп дал званый ужин в салоне своего корабля для всех флагманов и капитанов. На самом почетном месте он усадил Рюйтера и на всем продолжении

вечера поднимал тосты за его здоровье. Это не прошло незамеченным. И все вздохнули с облегчением, что два адмирала, наконец-то, окончательно помирились между собой.

Когда корабли Рюйтера покинули, наконец, Тексель, союзники уже вовсю крейсировали неподалеку от голландского побережья, поджидая противника. Во главе английского флота в этом году был принц Роберт, державший флаг на корабле «Ройял Шарль». Непосредственно принц вел главные силы кордебаталии, которые составляли эскадру красного флага. Французы во главе с графом д, Эстре, как и в прошлом голу, составляли авангардную эскадру белого флага, а британский адмирал Спрач со своими кораблями арьергардию, шедшую в бой под синим флагом. Общий расклад сил в 1673 году был таков: английский флот состоял из шести десятков кораблей и трех десятков брандеров, французский из тридцати кораблей и двадцати одного брандера, голландский же мог противопоставить им всего лишь пятьдесят два боевых корабля, двенадцать фрегатов, четырнадцать яхт и двадцать пять набитых порохом и смолой брандеров. Но, не смотря на более чем ощутимый перевес неприятеля в силах, голландские офицеры и матросы в будущее смотрели с большим оптимизмом.

– С нами папа Рюйтер, а он один уже стоит целого флота! – говорили они, подбадривая друг друга.

Глава восьмая
Дело в Схуневельдском проливе

Противники обнаружили друг друга 2 июня 1673 года неподалеку от побережья Зеландии. Рюйтер, стоя на якорях, занимал к этому времени со своим флотом, так называемую, схуневельдскую позицию и, скучая, давно уже поджидал там неприятеля, а потому показавшиеся вдалеке паруса союзного флота для него неожиданностью не были. Опытный глаз лейтенанта-адмирала сразу же отметил, что французы на этот раз не выведены в отдельную эскадру. Их корабли в общем строю были перемешаны с английскими под общим началом принца Руперта.

Англичане и французы как никогда ныне жаждали разбить голландцев в решительном генеральном сражении, чтобы, затем, завоевав господство на море, высадить свои десантные корпуса на побережье Голландии и тем самым поставить Соединенные провинции на колени окончательно и бесповоротно. Однако для этого им надо было для начала победить самого Рюйтера.

У голландцев авангардом командовал Тромп, арьергардом Банкерт, сам Рюйтер вел за собой центр.

День в день в годовщину Солебейского боя 7 июня в два часа пополудни завязалась перестрелка между противоборствующими авангардами. Плохо зная местные воды и боясь многочисленных отмелей, союзники осторожничали. Для начала Руперт решил атаковать лишь мелкими судами. Но голландцы обороняться, несмотря на вдвое слабейшие силы, не собирались. Тромп, по своему обыкновению, первым решительно бросился на французские корабли. Храбро стоя на шканцах под шквальным огнем, он, срывая голос, кричал в рупор всего лишь одно слово:

– Aulof! Aulof! (К ветру! К ветру!)

Голландский авангард обрушил на французов столь яростный огонь, что те уже, через какие-то четверть часа, стали пятиться. Благодаря своему яростному нападению, Тромпу удалось почти сразу расстроить авангард союзников. Впрочем, даже потеряв строй, англичане и французы жестоко сопротивлялись.

Тем временем Рюйтер уже сошелся вплотную с принцем Рупертом, а Банкерт с адмиралом Спрачем. Вскоре Рюйтер, а за ним и Банкерт прорезали английский строй и подвергли его бешенной продольной бомбардировке.

На своих неизменных «Семи Провинциях» Рюйтер шел напролом, сметая все на своем пути. Когда какой-то английский

корабль попытался преградить ему путь, лейтенант-адмирал даже удивился:

– Я вижу, что неприятель еще не совсем страшится «Семи Провинций»! Подвернем к нему под корму и вычистим его палубы нашими метелками!

После двух продольных залпов англичанин, туша пожары, шарахнулся в сторону.

– Эти уже узнали, что такое «Семь Провинций»! – удовлетворенно хмыкнул Рюйтер. – Теперь подвернем вправо. Там, кажется, тоже есть достойный противник!

Во время прорыва английской линии был тяжело поврежден корабль Банкерта, потерявший фор-стеньгу и грот-марсель. Это вызвало определенный беспорядок в его эскадре и, хотя ни один из кораблей арьергарда поля боя не покинул, слаженность их действий была нарушена. Заметив это, Рюйтер немедленно направил «Семь Провинций» к арьергарду, собрал вокруг себя эскадру и, восстановив порядок, снова бросил ее в пекло боя.

Пока командующий занимался своими делами, а затем помогал Банкету, куда-то исчез авангард Тромпа. Вместе с ним не видно было и французов.

– Корнелий, как всегда, одержим манией бегства от главных сил! – съязвил, было, кто-то из стоявших подле Рюйтера офицеров.

Но командующий остряка не поддержал, а наоборот одернул:

– Судя по всему, у Тромпа дела идут не слишком хорошо, иначе бы он ни за что не отдалился. Думается пора поторопиться к нему на выручку!

Маневры Рюйтера во время сражения у берегов Зеландии и сегодня считаются классикой. Порой кажется просто невероятным, как он умел вовремя и точно голландский флотоводец рассчитывать свои действия и, одновременно, предугадывать возможные контрдействия противника. Осталось следующее красноречивое английское свидетельство: «Эти движения производились в таком порядке и с таким благоразумием и искусством, что только одному только в мире Рюйтеру можно соединять и усиливать эскадры в виду неприятеля и, невзирая на все их препятствия».

Было около шести часов вечера, когда Рюйтер разыскал среди дыма и частокола мачт корабли Тромпа. Как оказалось, в результате долгих взаимных маневрирований тот оказался, в конце концов, между эскадрой принца Роберта и еще одной английской эскадрой. Будучи весьма стеснен с обеих сторон, Тромп, тем не менее, продолжал отчаянно драться на оба борта. Понимая, что долго ему так не продержаться, да и одному

вырваться без больших потерь из смертельных тисков будет тоже чрезвычайно сложно, он с надеждой оглядывал горизонт: не покажутся ли вдали паруса Рюйтера.

– Неужели командующий не заметил нашего отсутствия и бросил нас на произвол судьбы? – спрашивали его офицеры.

– Идите к пушкам и деритесь с верой в Рюйтера! Он нас н епременно вытащит из этого дерьма! – не терял присутствия духа Тромп, уже дважды вынужденный менять из-за повреждений флагманский корабль. Наконец, вдалеке показались долгожданные паруса.

– Друзья! Вон наш отец идет к нам на помощь! – закричал матросам Тромп, показывая рукой на приближающуюся эскадру.

Затем начальник авангарда перекрестился:

– Клянусь, что пока жив, я никогда его не оставлю!

Решительным нападением Рюйтер разогнал англичан. Снова, объединив свои усилия, голландцы начали столь сильно теснить противника, что к вечеру англичане попятились более чем на милю от места начала сражения. Около десяти вечера стали спускаться сумерки, и пальба по всему фронту баталии постепенно стихла. Французская хроника тех лет гласит: «Все реляции возвещали, что в сих битвах происходили чудеса храбрости с обеих сторон, а иначе со стороны голландцев, которых число было гораздо меньше против неприятельского».

Сохранилось и письменное свидетельство графа д, Эстре, командовавшего в бою французским флотом. В письме к маркизу Сеиньели он начертал: «Я от души заплатил бы жизнью за славу, мужество и благоразумие, коими действовал Рюйтер в сей морской битве».

Как известно, никто не может оценить действия военноначальника лучше, чем его противник. Ну, а откровенное признание превосходства противника над собой в истории вещь вообще исключительная!

Едва взошло солнце следующего дня, как морякам противоборствующих сторон открылась ужасающая картина вчерашнего побоища. Морская гладь, сколь видел глаз, была густо усеяна плавающими, кверху спинами, мертвыми телами, на которых уже по-хозяйски восседали чайки и бакланы. То там, то здесь качались, обломки разбитых кораблей и полузатопленные шлюпки, разбитые реи, паруса и обрывки такелажа. По верхушкам обгорелых мачт можно было смело догадываться о затонувших кораблях, ставших подводными могилами для сотен и сотен людей.

Наш историк Щеглов так характеризует действия Рюйтера в этом нелегком сражении: «Рюйтер в этом сражении проявил

особенное искусство, благодаря которому он с вдвое слабейшими силами сражается с неприятелем в течение 7 часов, наносит ему чувствительный удар, который не имеет решающего значения только оттого, что союзники располагали слишком большими силами по сравнению с голландцами. Здесь у Рюйтера сказалось так же искусное пользование берегами, взаимная поддержка, необычайна отвага и решимость, а также быстрота и порядок, с которыми он передвигал, соединял и усиливал свои эскадры в виду неприятеля, во время боя, что было всецело результатом предварительной тщательной подготовки Рюйтером своего флота».

Адмирал де Рюйтер, 1654, Gerbrand_van_den_Eeckhout

Из труда Альфреда Штенцеля «История войн на море»: «Отступающие корабли расстроили линию Руперта, так что при первом натиске голландцев строй союзников оказался плохим. Сначала произошла жаркая схватка между Тромпом и Рупертом. Когда две другие эскадры легли тем же курсом, что и Тромп, бой сделался общим. В 2 часа, по сигналу де Рюйтера, его флот повернул к берегу (может быть, чтобы отойти от наружных отмелей). Тромп опять проявил самостоятельность и не исполнил приказания, хотя оно ему было послано особо на яхте. По другим

сведениям, приказание до него дошло слишком поздно. Де Рюйтер направился в центр союзников и привел французскую линию в полный беспорядок. Между тем эскадра Банкерса пришла в расстройство, из-за чего де Рюйтер не мог использовать своего успеха, т. к. должен был помочь Банкерсу восстановить строй. С обеими эскадрами он в 6 часов пошел на помощь Тромпу, хотя мог бы одержать блестящую частичную победу; но верный тактический взгляд де Рюйтера указал ему более правильный путь. Тромпу тем временем сильно досталось, три раза ему пришлось переносить флаг, один из его флагманов был убит. Когда в критическую минуту де Рюйтер подходил, Тромп радостно воскликнул: „Наш дедушка (прозвище де Рюйтера во всем флоте) идет нам на помощь!“ Де Рюйтер со всем флотом пошел к берегу, курсом на юго-запад; союзники сначала за ним следовали с наветренной стороны, но близко не подходили. В 10 часов, при наступлении темноты, противники разошлись и стали на якорь, причем голландцы заняли место несколько мористее, чем до боя. Если говорить об успехе этого дня, то его надо несомненно приписать де Рюйтеру.

Корнелис Мартенсзон Тромп (1629–1691) – адмирал флота Голландской республики, сын адмирала Мартена Тромпа.

Морской бой тем отличается от сухопутного, что он почти никогда не имеет исключительной целью занять место сражения, что для сухопутного сражения является мерилом победы или

поражения; об успехе морского боя, конечно, за исключением случая полного уничтожения неприятельского флота или его бегства, судят с совершенно иной точки зрения.

В данном случае успех всецело был на стороне де Рюйтера. Стратегический план противника сделать высадку на голландском берегу, уничтожив или прогнав предварительно неприятельский флот, опять был нарушен. В тактическом отношении ни один из противников не имел успеха, потери обоих были одинаковы (каждый по 1–2 брандера), оба остались боеспособными. В виду того, что де Рюйтер располагал силами значительно меньшими, нельзя не дать ему пальмы первенства. Де Рюйтер после боя был даже в лучшем положении, имея в близлежащих гаванях все средства для быстрого исправления повреждений, пополнения запасов и убыли в личном составе. Обе стороны сражались храбро; и о французах нельзя ничего сказать дурного. То, что потери в людях были больше у англичан, объясняется присутствием на их судах сухопутных войск.

В этом бою голландцы сражались уже в новом строю, который применялся и в сражении при Солебее, и который был выработан де Рюйтером. Различие его с предшествовавшими заключалось в следующем: разделение авангарда и арьергарда еще на две двойных эскадры было отменено, каждый из них впредь состоял лишь из трех отрядов. Этим добились более тесного сплочения эскадр. Далее де Рюйтер предписал не только в случае наветренного, но и подветренного положения флота относительно противника, средним отрядам каждой эскадры держаться уступом в сторону от противника. В результате центр занял положение в одной линии с авангардом и арьергардом, а не подветреннее их, как прежде. Таким образом, боевая линия стала однообразнее и проще, начальники эскадр могли легче управлять своими эскадрами; центр стал ближе к противнику. Повороты всей кильватерной колонны было установлено делать поэскадренно, начиная с задней эскадры. Де Рюйтер обратил особенное внимание на немедленное смыкание образующихся интервалов. Были изданы новые инструкции для дозорной службы. Голландцы опять-таки были обязаны своим успехом правильному, быстрому и решительному образу действий де Рюйтера; он предпочел отказаться от обещавшего ему частичную победу боя, только чтобы помочь попавшим в тяжелое положение частям своего флота. Он снова проявил себя блестящим флотоводцем, показав, насколько корабли были у него в руках, как уверенные в победе командиры шли за ним всюду, куда он хотел. Со своими слабыми силами он не только не побоялся нападать, но вел бой на самых близких расстояниях и сумел

выйти из тяжелого положения без потерь».

И сегодня данные о потерях в сражении у побережья Зеландии сильно расходятся. Что касается англичан, то они вообще впоследствии никогда не говорили не только о потерях, но и стремились, как можно реже упоминать об этом сражении вообще. И это притом, что в официальной реляции англичане утверждали, что победа осталась за ними. Однако по сообщению французов, потери их союзников составили четыре корабля и десять брандеров. Примерно столько же потеряли и сами французы. Причем и те и другие вынуждены были оставить поле боя и уйти подальше от противника в море. Голландцы в сражении не потеряли ни одного корабля, кроме шести брандеров, которые, однако, для того и снаряжались, чтобы быть подорванными и сожженными. Кроме этого все признают, что поле брани осталось за Рюйтером, где его флот и простоял, приводясь в порядок весь следующий день.

Пока англичане и французы собирались с духом и приходили в себя неподалеку после заданной им трепки, Рюйтер известив принца Оранского обо всех перипетиях сражения, просил его немедленно выслать порох, ядра и воду. Просьба лейтенанта-адмирала была немедленно исполнена и уже, спустя несколько дней, с подошедших транспортов прямо в море перегружали привезенные припасы. Несколько кораблей пришлось все же отослать в порты на починку, но их капитаны клялись работать день и ночь, чтобы как можно скорее вновь присоединиться к флоту. Не дожидаясь ушедших, Рюйтер вновь поспешил на поиск неприятеля. Некоторые из капитанов убеждали его не торопиться, а дождаться подкрепления. Рюйтер ответил на это отказом.

– Противник потерпел больше нашего, а потому большое число его кораблей тоже ушло чинить дыры в свои порты. Спрашивается: зачем нам ждать их возвращения? – резонно возразил он своим оппонентам и те замолчали.

У союзников к этому времени тоже не все обстояло хорошо. На кораблях было полным-полно раненных, которые из-за отсутствия элементарной помощи умирали сотнями, кончалась вода и провиант. Наконец решено было уходить в Англию, хотя это и выглядело как самое настоящее бегство. Но убежать, просто так, не удалось. Рюйтер напал на противников как раз в тот момент, когда те снимались я скорей, чтобы следовать к своим берегам.

14 июня противники разглядели паруса друг друга. Каждому нужна была пусть небольшая, но победа, а поэтому от боя ни одна из сторон не уклонилась.

Первыми сцепились в жестокой драке, как это обычно

водилось, авангарды. Сам Рюйтер, так же, как обычно, направил свою эскадру против кораблей принца Роберта, а начальствующий арьергардом Банкерт встал визави с графом д, Эстером.

Старый научный труд гласит: «Нападение Рюйтера при попутном ветре NO было столь стремительно, что союзники трудом могли построиться в боевой порядок. Так как Руперт, находясь в хвосте линии и горя желанием поскорее вступить в бой и занять свое место во главе, прошел через французскую эскадру и тем привел в самом начале боя в расстройство свой флот, который начал бой в беспорядке. Рюйтер, однако, не воспользовался этим случаем, решительная битва не входила в его расчеты, так как он не только был почти вдвое слабее неприятеля (51 корабль, 13 фрегатов, 24 брандера, 16 яхт против 84 кораблей союзников), но также оттого, что из-за свежего ветра он не мог ввести в бой артиллерию нижних деков кораблей. Поэтому Рюйтер ограничился тем, что вел артиллерийский бой с далекой дистанции на параллельных курсах с неприятелем, который уходил, сражаясь к английским берегам, куда, однако, Рюйтер не последовал».

«Семь Провинций» оказались вскоре по своему обыкновению в самом пекле боя. Кораблем, следующим в кильватерной струе командующего, был корабль его сына Энгеля. Оправившийся от ран, Энгель де Рюйтер неотступно следовал за отцом, помогая ему огнем и маневром, как верный оруженосец за рыцарем.

Бой был продолжителен, но так и не принес серьезного перевеса ни одной из противоборствующих сторон. Однако союзники оказались настолько измотаны морально, что более драться были уже не в состоянии. Ночью они не стали заниматься починкой, а, наполнив обрывки своих парусов попутным ветром, поспешили оторваться от голландцев и вскоре бросали свои якоря уже в устье Темзы. Рюйтер некоторое время делал вид, что собирается преследовать отходящего противника, а затем снова вернулся на охрану своих берегов.

Немецкий историк Альфред Штенцель так охарактеризовал данный боевой эпиход биографии де Рюйтера: «И об этом сражении мы имеем лишь поверхностные известия, так же как и о первом. Кажется достоверным, что нападение было неожиданным и нежелательным для союзников, хотя де Рюйтер сам ожидал нападения с их стороны, т. к. ветер перешел к востоку. Союзный флот – на этот раз Руперт вел центр – находился северо-западнее голландцев; о положении французов нет сведений. Голландский флот во главе с Тромпом, в отличном строю направился на неприятеля, который пошел в море, стараясь выстроить линию, что особенно плохо удавалось эскадре Спрагге, поджидавшей

своих флагманов, задержавшихся на заседании у главнокомандующего. Намерение Руперта было замечено Тромпом, который, следуя его движениям, тоже придержался к ветру; союзники спустились, чтобы отвлечь противника от берега. Во время этого маневрирования флоты стреляли на дальних расстояниях; ближе, они сошлись лишь в 5-м часу пополудни, и то лишь на короткое время; сначала сблизился Тромп и ввязался в жаркий бой, затем схватились между собой оба главнокомандующих, наконец, и все эскадры. Далее бой велся на параллельных курсах и на средних расстояниях, почему брандеры не могли себе найти применения. После шестичасового боя, около 10 часов вечера, де Рюйтер, при наступлении темноты, его прекратил; эскадры подошли слишком близко к английским берегам – тем не менее, де Рюйтер вернулся к своему якорному месту под малыми парусами, желая подчеркнуть свою силу. Как и можно было ожидать, потери в людях были невелики: голландский флот насчитывал не более 200 убитых и 300 раненых, английский вдвое больше. Повреждения оказались не очень серьезными.

Сражение кончилось полным успехом де Рюйтера; правда, в тактическом отношении он незначителен, но зато стратегическое его значение громадно. Он своими несравненно меньшими силами отогнал противника от своего побережья, заставил его вернуться в свои порты, причем союзники не посмели препятствовать возвращению голландцев. Неприятельский план войны был окончательно нарушен, о высадке в Голландию нельзя было и думать; де Рюйтер многим рисковал, но результат оказался блестящим. То, что флот его расстрелял весь свой боевой запас, вследствие чего перестал быть боеспособным, роли не играло; это обстоятельство даже не стало известным, и было быстро устранено. Де Рюйтер действовал, строго придерживаясь плана войны: выжидать, нападать при удобном случае, во что бы то ни стало помешать высадке, своевременно вернуться на свое безопасное якорное место. Можно ли было достичь в тактическом отношении большего, теперь установить нельзя из-за неточности и противоречивости донесений. По-видимому, союзники не обладали чрезмерным воинственным духом, хотя были значительно сильнее голландцев. Вероятно, это было следствием невозможности исправить повреждения и пополнить убыль в людях после последнего боя. Кажется, между союзниками царил разлад – новый пример непрочности морских союзов или, по крайней мере, совместного участия союзных эскадр в бою. Французы жаловались на некоторые несправедливые распоряжения Руперта, да и в самом английском флоте появился

оппозиционный дух по инициативе офицеров-католиков.

На союзном флоте не было дружной работы, за то во флоте де Рюйтера царил единый дух; даже Тромпа на этот раз ни в чем нельзя упрекнуть. Итак, успех голландцев был весьма значителен. Господство де Рюйтера в течение ближайших 6–7 недель на море было так полно, что он подолгу держал разведчиков у английского берега. Сам он с главными силами стоял на якоре у Шуневельда, исправлял повреждения и получал подкрепления. Вскоре де Рюйтер рискнул даже послать эскадру из 18 судов под командой де Гаена в устье Темзы для разведки; уже через шесть дней, 25 июня, последний донес, что союзники стоят в Темзе до Грэйвсэнда и что десантные войска в большом количестве наготове».

Обрадованный известием об одержанной победе принц Оранский поспешил поздравить Рюйтера своим письмом: «Благородный и неоцененный! С наивеличайшим удовольствием мы узнали, как богу было угодно благословить оружие Штатов под вашим предводительством, при встрече вашей с флотами французским и английским, в которой вы не переставали оказывать ваше благоразумие и мужество и мы вас уверяем, что столь великие услуги будут уважены Штатами и нами при всяком случае…. Мы молим бога, чтобы он сподобил вас своим святым вспомоществованием и сохранил вас под своим покровом».

Глава девятая
Тексельский триумф

Война меж тем продолжалась полным ходом, и расслабляться времени не было. Успехи Рюйтера в двух последних сражениях побудили голландское правительство ассигновать дополнительные средства на усиление флота. В Вмлинген, где тогда стояли главные силы, были оправлены большие запасы пороха, снабжение, матросы для пополнения команд. Генеральные Штаты приказали адмиралу как можно скорее чинить поврежденные корабли, усилить работы на вновь строящихся, пополнить экипажи, а затем немедленно выходить в море. Пока шли приготовления, Рюйтер провел военный совет. Присутствовавшие там адмиралы единодушно заявили, что они считают необходимым оставаться на выгодной схуневельдской позиции. Рюйтер с этим согласился, однако, одновременно выслал к устью Темзы сильный наблюдательный отряд в двенадцать фрегатов и несколько яхт под командой вице-адмирала Гана, чтобы иметь верные сведения о передвижениях врага. Проведя разведку, Ган вернулся и доложил, что союзники всеми силами приводят в порядок свой потрепанный флот, одновременно приготовив два десятка больших грузовых судов для доставки десанта в Зеландию.

Флагманский корабль адмирала де Рюйтера

– Ну, если мы готовы к бою раньше нашего противника, то почему бы не сходить к нему в гости! – решил Рюйтер, взвесив все за и против.

Голландский флот покинул родной берег. Курс его лежал прямиком к английским берегам. Лейтенант-адмирал убедил штатгальтера и его советников, что лучшая оборона своих берегов, при неготовности противника – это нападение на чужие.

В свою очередь союзники, все же успев привестись в порядок, вышли ему навстречу в еще одной отчаянной попытке переломить ход морской войны. Объединенный англо-французский флот насчитывал на этот раз сто восемь боевых кораблей и фрегатов, два с половиной десятка брандеров, не считая множества яхт и всевозможных транспортов, на которых находился десантный корпус графа Шомберга.

Появление голландцев у английских берегов вызвало в Лондоне настоящий шок. Никто не ожидал от заведомо слабейшего противника такой прыти. Однако Рюйтер на этот раз вынужден был ограничиться только демонстрацией своей силы. На кораблях начались повальные болезни, что вынудило идти обратно к своим берегам. Там подошедшими галиотами больных перевозили на лечение в Ротердам. Однако опытный Рюйтер все же оставил у устья Темзы достаточно сильный разведывательный отряд под командой контр-адмирала Гельдена, который вызывал у англичан раздражение и бессильную злобу, потому как настырные и быстрые голландские фрегаты никак не удавалось далеко отогнать.

28 июня голландские шпионы в Лондоне и фрегаты Гельдена донесли Рюйтеру, что союзный флот в количестве более ста двадцати вымпелов вместе с транспортами спускается вниз по Темзе. Немедленно последовало распоряжение о выходе в море. Рюйтер в своих наставлениях на этот раз был не многословен:

– Атаковать, только находясь на ветре. Строй держать предельно сомкнуто, чтобы всею силой прорвать неприятельский центр и выиграть сражения, не затягивая его.

План союзников был прежний: разбить Рюйтера и высадить десант в Голландии. В крайнем случае, Шомберг должен был воспользоваться завязавшимся боем и незамеченным проскользнуть к берегам Соединенных провинций. Однако наученные опытом, что с Рюйтером надо держать ухо востро, союзники не решились на немедленный прорыв к неприятельскому побережью, а, встав на якорь мористее Вли и Текселя, стали дожидаться, что предпримет Рюйтер, с тем чтобы,

исходя из его действий, направить свой десант в сторону противоположную движению голландцев.

Немецкий историк Альфред Штенцель пишет: «Де Рюйтер вышел в море и 30 июля вечером увидел противника; бой, однако, имел место лишь через три недели. Оба флота продолжали видеть друг друга 31 июля и 1 августа. Де Рюйтер не давал себя отвлекать далеко от берега, т. к. ему было известно, что много торговых судов готовы перевезти у него в тылу десантные войска в Голландию. 1 августа он потерял неприятеля из виду и вернулся на прежнюю позицию. В ближайшие дни неприятельский флот оперировал вдоль побережья, доходя до Текселя, в некоторых местах подходил весьма близко к берегу, угрожая высадкой. Опасаясь этого, голландцы вызвали часть сухопутной армии к берегу. Де Рюйтер также должен был следовать за движениями неприятеля. 8 августа он стал на якорь у Шевенингена, где попросил дальнейших инструкций. Положение стало очень трудным: с одной стороны, голландцы не решались атаковать превосходящие силы неприятеля, но, вместе с тем, им было необходимо отогнать союзный флот от берега, т. к. ожидалось прибытие Ост-Индийского конвоя. Он возвращался через Северное море и ожидался с особенным нетерпением, поскольку вез богатейший груз для дальнейшего ведения войны. Состоялся ряд совещаний на суше и на кораблях, штатгальтер сам приезжал на флагманский корабль де Рюйтера. Наконец было решено, что флоту необходимо атаковать противника, во что бы то ни стало и как можно скорее. Флот опять стал главным спасителем, все зависело от его уменья и успеха, все надежды были на моряков».

Осведомленный о планах неприятеля, Рюйтер расположился вблизи банки Шоонсфельд. При этом он разослал во все стороны дозорные яхты, а отдельный отряд наиболее быстроходных фрегатов выделил для атаки неприятельского транспортного флота.

Ввиду сложности обстановки, принц Оранский лично прибыл к стоящему на якоре флоту на рыбачьей лодке под своим штандартом. Принца приветствовали положенными ему по должности тринадцатью залпами и криками, пущенных по реям команд: «Да здравствует принц!» Прибытием штатгальтера все были очень рады, ведь если к ним едет правитель государства, значит, они делают чрезвычайно важное и нужное родине дело. Прибыв на «Семь Провинций», принц Оранский немедленно велел собрать военный совет.

– Ситуация чрезвычайно сложная, скорее даже критическая! – начал штатгальтер без всяких вступлений. – Французы продолжают наступление на сухопутье и осадили целый ряд

новых наших крепостей. Если союзникам удастся высадить свой морской десант нам в тылу – это будет означать наше полное поражение в войне, конец республики и превращение в колонию Парижа. Поэтому вы должны не только остановить англо-французский флот, но любой ценой не пропустить его десантную флотилию к нашим берегам. Одновременно необходимо подумать, как обеспечить поход в Голландию приближающегося ост-индийского каравана. Финансовые запасы государства на исходе и нам как воздух нужны деньги, которые нам везут. От каждого из вас зависит судьба Отечества, и поэтому я надеюсь на каждого из вас!

Решение советы было скорым и единогласным: немедленно идти навстречу неприятелю, разбить его флот еще до подхода ост-индийского каравана, не дав при этом английской десантной флотилии приблизится к голландскому побережью.

– Я рад, что нашел среди вас полное понимание! – обрадовано провозгласил штатгальтер.

Затем Рюйтер и принц выступили перед матросами. Голландские историки запечатлели речь лейтенанта-адмирала. Вот она: «Друзья! Надобно опять приниматься за дело и дать третью битву. Вы лишь дважды помогали вашею храбростью и усердием, и я не сомневаюсь, чтобы вы и теперь не сделали того же. Но все ли вы вообще и каждый порознь расположены исполнять то, чего требует от вас честь и должность и вести себя, как храбрые люди до самой смерти? Его светлость, здесь присутствующий, уверяет вас, что он вознаградит тех, кои окажут свою неустрашимость, как рано накажет трусов!»

Речь командующего была встречена восторгом, а принц Оранский ее одобрил. Матросы, не переставая, швыряли в воздух свои шляпы-колпаки и кричали вовсю мочь своих глоток: «Да здравствует наш принц! Да здравствует наш папа Рюйтер!»

Попрощавшись с командующим и капитанами, штатгальтер покинул флот, а корабли, выбрав якоря, стали наполнять ветром свои паруса. Ныне под началом Рюйтера значилось уже семьдесят пять боевых кораблей и фрегатов, двадцать пять брандеров и восемь яхт, на которых имелось четыреста тридцать пушек и семнадцать с половиной тысяч матросов.

Утром 1 августа противники оказались в пределах видимости друг друга. К большому удивлению Рюйтера англо-французы начали спешно отходить к берегам Англии, при этом от опытного глаза голландского главнокомандующего не ускользнуло и постоянное чуть ли не демонстративное замешательство в движении и нарочитая нестройность в маневрировании.

– Что-то здесь не так! – качал своей седой головой Рюйтер, в

какой уже раз оглядывая далекие паруса.

Внезапное отступление союзников, обладавших полным превосходством в силах, навело Рюйтера на вполне разумную мысль о том, что весь этот маневр хорошо продуманная хитрость, чтобы отвлечь голландский флот от своего побережья, а затем высадить здесь десант. Разумеется, что Рюйтер на этот трюк не поддался, а немедленно вернулся на свою старую позицию к Схуневельду. Там он продержался до тех пор, пока 11 августа не пришло известие, что союзники наблюдались к северу от Текселя. теперь возникла вероятность высадки английского десанта под Текселем, а поэтому голландский флот немедленно перешел ближе к возможному месту дальнейшего развития событий – к Маасу.

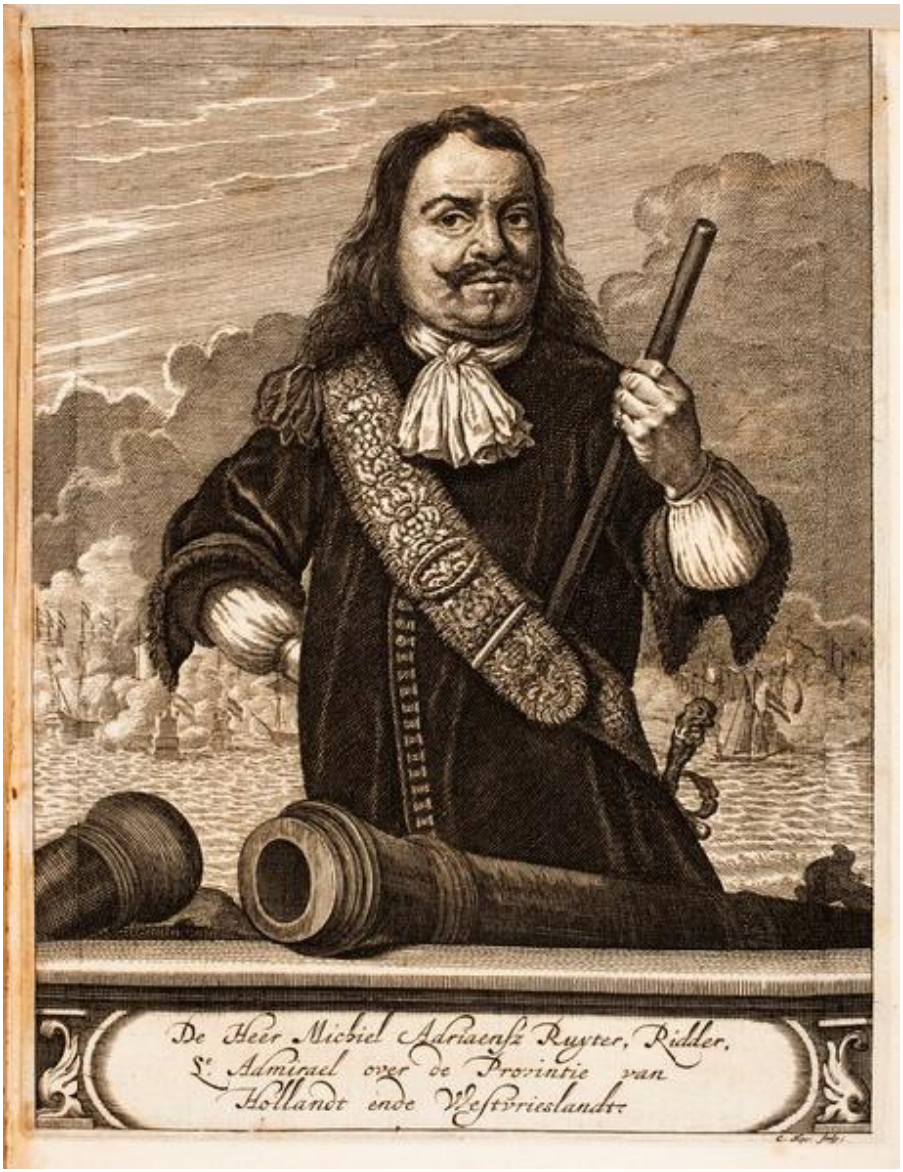
Теперь время работало уже на союзников. У Текселя вот-вот должен был показаться очередной огромный торговый конвой, который мог стать легкой добычей врага. Теперь у Рюйтера не оставалось иного выхода, как дать генеральное сражение и решить этим все возникшие проблемы.

19 августа, выдержав в пути сильный шторм, Рюйтер подошел к острову Тексель. Зайдя в местный порт, и наскоро пополнив запасы воды, уже на следующий день корабли голландского флотоводца снова были в море. Противники обнаружили и опознали друг друга почти одновременно. Принц Руперт желал немедленного боя, однако Рюйтер, решил пока не торопиться, а выждать наиболее выгодного момента, о чем и не преминул сообщить через связные галиоты своим младшим флагманам. А чтобы у Руперта не было искуса, он перешел ближе к берегу, умело маневрируя между обширных мелей, одно упоминание о которых всегда приводило англичан в священный ужас. Весь вечер Рюйтер терпеливо ждал попутного ветра, и его терпение было должным образом вознаграждено. Ближе к утру ветер переменился и оказавшись на ветре, голландцы немедленно поставили все паруса и раньше чем англичане и французы сумели что-либо понять, Рюйтер уже мчался на них в бой.

Силы союзников в это время насчитывали 65 английских и 30 французских кораблей. По настоянию короля Людовика его корабли были снова сведены в отдельную самостоятельную эскадру.

Главные события развернулись неподалеку от Текселя между рыбацких деревушек Кикдоун и Гелдер. Ранним утром 21 августа 1675 года противники сошлись при двухкратном превосходстве в силах союзников. И ныне Тексельскую битву учат во всех военно-морских училищах и академиях мира, как образец парусной тактики.

У Рюйтера на этот раз авангард вел в бой Банкерт, а Тромп был поставлен во главе арьергарда. Дальше все пошло по давно отработанному Рюйтером сценарию: Банкерт атаковал состоявший из французов авангард графа д, Эстре, Рюйтер, как всегда, бросился испепелять огнем своего давнего недруга принца Руперта, а Тромп завязал бой с адмиралам Спрачем. Учитывая слабую подготовку и выучку французов, Рюйтер счел возможным оставить у Банкерта всего десять кораблей против тридцати французских. Банкерт должен был, как можно дольше связать французов боем. Теперь против 65 английских кораблей, голландский командующий мог сосредоточить шестьдесят – это уже кое-что значило! Как всегда, с первых же минут сражение было предельно ожесточенным с обоих сторон. Авангард Банкерта лег на курс параллельный французам и энергично их атаковал. Расчет Рюйтера на неорганизованность малоопытного французского флота полностью оправдался. Атака голландцев заставила адмирала д, Эстре прибавить паруса и продолжить движение к югу, все больше и больше отрываясь от своего союзника. Более того, граф оставил против голландцев несколько кораблей маркиза Мартеля, сам же предпочтя побыстрее выбраться из начавшейся всеобщей свалки.



Адмирал де Рюйтер, 1675

Французы старались всеми силами поджечь и взорвать корабль храброго Банкерта, оторвавшегося в ходе боя с несколькими другими кораблями несколько вперед от остальной своей эскадры. В какой-то момент д, Эстре решил перехватить инициативу. Часть французских кораблей, повернув контркурсом, попыталась обойти голландский авангард с кормовых углов, выйти на ветер и взять его в два огня. Это, в общем-то, неплоха задумка, была столь безобразно исполнена, что обходящие корабли заваливались куда-то в сторону, вообще куда-то пропали.

Вовремя предугадав намерение неприятеля, Банкерт нашел способ обойти французов стороной и, оставив их далеко позади, вновь вернуться в общий строй. Впрочем, французы, понеся первые повреждения, более вообще не помышляли о продолжении боя. Ложась в дрейф, корабли адмирала д, Эстре занялись исправлением повреждений, бросив своего союзника на растерзание Рюйтера. Умелым маневром французы оказались выключенными из игры почти до самого конца сражения.

В это время Рюйтер и принц Руперт беспрерывно палили друг в друга, не жалея ни ядер, ни пороха. При этом Руперт, корабли которого были переполнены десантными войсками, всеми силами стремился удерживать голландцев на дальней дистанции, то и дело спускаясь под ветер. Рюйтер же, наоборот, стремился сблизиться, по своему обыкновению, на кротчайшую дистанцию. С подходом авангарда Банкерта преимущество в силах оказалось уже на стороне Рюйтера. Обойдя английский центр с двух сторон, Рюйтер и Банкерт взяли принца Руперта в два огня и начали немилосердно избивать.

Сражение происходило столь близко от голландского берега, что там хорошо слышался гром пушек. Весь народ немедленно вышел на улицы и все с содроганием слушали звуки громыхающей за горизонтом смерти. Немедленно были открыты все храмы, и толпы прихожан спешили вымолить победу своим соотечественникам, беспрерывно звонили колокола.

Историк Альфред Штенцель пишет: «13 августа де Рюйтер снова вышел из Шевенингена навстречу неприятелю, находившемуся на севере. Из-за неблагоприятного ветра он медленно подвигался вперед, идя под малыми парусами, в постоянной боевой готовности. Через пять дней очень свежий северный ветер заставил его стать на якорь близ Кампердауна, после того, как разведчики донесли о нахождении неприятеля на якоре севернее Текселя. Когда ветер стих и перешел к востоку, де Рюйтер снялся с якоря и, идя курсом северо-северо-восток, увидел в 10 часов утра на севере неприятеля, шедшего ему навстречу. Окончательно стихающий и меняющий направление ветер помешал сближению. Де Рюйтер держался у берега, постоянно стараясь идти, сколь возможно, более сомкнуто, союзники за ним следовали крайне осторожно.»

Великолепные штурманские познания де Рюйтера дали голландцам возможность, маневрируя ночью и крайне искусно пользуясь течением и ветром, выйти 21 августа при свежающем ветре союзникам на ветер. Рюйтер стал всего в 2 милях от берега, севернее Кампердауна, под ветром от берега, так что движения противника по направлению к нему были крайне ограничены, а

сам он имел полную свободу действий.

Союзники шли в бейдевинд левым галсом и поджидали голландцев, шедших на них в составе всего лишь 75 линейных кораблей и фрегатов, т. е. на 15 кораблей меньше; число брандеров и малых судов было приблизительно тоже. Ветер был на восток-юго-восток. Де Рюйтер пошел со всем флотом сначала на север, затем повернул поэскадренно на 16 румбов и двинулся на противника, шедшего на юг в крутой бейдевинд.

Банкерс действовал против д'Эстре (оба авангарды), де Рюйтер против Руперта, Тромп против Спрагге (оба арьергарды). Лишь голландский авангард был значительно слабее французов, все прочие эскадры – приблизительно одинаковой силы. Видимо, де Рюйтер тщательно обдумал это соотношение сил, противопоставив 30 французам 12 голландцев, даже меньше половины; этого количества судов и на деле оказалось совершенно достаточным для отвлечения французов.

Так как три эскадры союзников при нападении голландского флота маневрировали не одинаково, то и бой вскоре сосредоточился в трех местах. Даже нарочно нельзя бы было сделать более полного разделения трех союзных эскадр: авангард шел круто к ветру, середина спустилась, арьергард привел к ветру.

Французский адмирал хотел попробовать обойти голландский авангард и затем его поставить в два огня, что первым судам и удалось. Как только Банкерс понял грозившую ему опасность, он приспустился к ветру, прорвал плохо сомкнутую линию французов и поспешил на помощь своему главнокомандующему. Вместо того, чтобы немедленно последовать за англичанами, д'Эстре остался на месте для исправления повреждений; решив, наконец, идти на помощь англичанам, он подошел к ним лишь около 7 часов вечера, тогда как бой начался около 8 часов утра.

Руперт во все время боя старался спускаться, чтобы отвлечь де Рюйтера от берега, благодаря чему центры не сходились на близкие расстояния. Де Рюйтер следовал движениям английского главнокомандующего, но при этом всячески старался сохранить строй эскадры и крепко ее держать в руках. Когда подошел голландский авангард и де Рюйтер мог 30 английским кораблям противопоставить 42 голландских, он ловким маневром отрезал задние корабли Руперта и поставил центр и передние корабли его эскадры в два огня; после упорного боя им все же удалось выпутаться из тяжелого положения.

Меж тем сражение продолжалось с неослабевающим накалом. Рюйтер огнем и маневром сбил в кучу эскадру принца Руперта и

так яростно завалил его ядрами, что тот запросил немедленной помощи у своих младших флагманов. Тромп, как всегда, атакуя противника, оторвался от главных сил и скрылся из вида, ведя ожесточенную дуэль с арьергардом Спрача. Последний героически сдерживал голландского адмирала, но ничего поделать с бешеным напором Тромпа так и не смог.

Видя это и боясь, как бы азартному Тромпу опять не пришлось худо, Рюйтер поворотил совместно с подошедшим к нему авангардом Банкерта авангардом через фордевинд и поспешил туда, где Тромп громил адмирала Спрача. Заметив это движение, и тоже беспокоясь о судьбе Спрача, принц Руперт тоже поспешил на помощь своему младшему флагману. Следом за принцем устремились вдогонку и французы. Теперь оба флота на всех парусах мчались на выручку своих оторвавшихся арьергардов.

Тем временем Корнелий Тромп на «Леон д, Оре» и Спрач на «Принце Рояле» уже три с половиной часа вели безостановочный пушечный и ружейный огонь друг по другу. Но при всем этом на корабле Тромпа происходило нечто совершенно невероятное и невозможное: за все более чем трехчасовое сражение у него не был даже ранен, ни один человек! Позднее голландцы будут утверждать, что моряков огородили от гибели массовые моления их соотечественников. Известный голландский историк восемнадцатого века Герард Брант видел причину столь счастливого развития событий в ином: «…Не на ложных слухах основываю я рассказ мой. Я узнал это от людей, достойных доверия, слышавших много раз о том от лейтенанта-адмирала Тромпа и других очевидцев. Большая часть ядер не доставала или перелетала через мачты. С не меньшим удовлетворением я могу уверить, что и генерал Рюйтер сражался необыкновенно счастливо, и что у него бывало весьма мало убитых и раненных». Говоря современным языком, подготовка артиллеристов британского флота в эту кампанию была невероятно слабой. Причина этого может быть только одна: все старые и опытные кадры были почти полностью истреблены голландцами в прошлых сражениях.

Очевидцы приводят фразу Рюйтера, сказанную им, в самый разгар сражения:

– Смотрите, что делается! Глядите, как, свистя, летают ядра, а между тем, вся наша оснастка и почти весь экипаж цел и невредим!

Уже перед самым подходом к месту схватки двух арьергардов, Тромп принудил Спрача к бегству. Не удовлетворившись этим, упрямец Тромп преследовал его

неотступно, вновь нагнал, сбил все паруса, стеньги и мачты, перебил более четырехсот человек. Помощник Спрача капитан граф д, Ассерей, пытаясь спасти своего флагмана организовал около десятка брандерных атак на «Лион-Д, ор», но все они были отбиты. Тогда игнорируя все остальные корабли голландского арьергарда, англичане сосредоточили весь свой огонь только на флагмане Тромпа, пытаясь любой ценой от него отвязаться. Когда на «Лион д, Оре» были сбиты все мачты, невозмутимый Тромп перешел на другой корабль и с еще большим азартом устремился в атаку. Вскоре после этого от огромного количества повреждений стал наполняться водой «Принц Роял» и Спрач тоже был вынужден перенести свой флаг. Он бросился в шлюпку, и взял курс к ближайшему из своих кораблей. В это время голландский брандер на полном ходу таранил шлюпку, переломив ее пополам. Не один из бывших в ней не спасся, в том числе и адмирал Спрач.

И снова обратимся к старой голландской хронике: «Битва между эскадрами Тромпа и Спрача еще продолжалась, когда прибыл Рюйтер. Принц Роберт, следовавший по его следам, не замедлил явиться и тогда завязался снова жестокий бой. Море оглашалось от быстрых, непрерывных пушечных выстрелов. Пламя проникало сквозь дым, как молния сквозь мрак, ядра, картечи, книпели, пули, обломки дерева непрестанно летели со всех сторон. Это ужасное сражение продолжалось до наступления ночи. Соединенные флоты удалились к берегам Англии, а голландцы остались при своих. В сем последнем сражении голландцы лишились двух вице-адмиралов, четырех капитанов, в числе коих был Жан Гельдер, зять Рюйтера, многие офицеры были ранены. Ни одного корабля не был у них взято в плен, но много было разбитых. Потеря со стороны англичан была гораздо значительнее. Адмирал Спрач погиб… многие отличные офицеры убиты с большим числом матросов и солдат. Два их корабля потоплены и много других сожжено. Потеря французов была не столь значительна. Оба соединенные флота удалились в свои порты».

Из труда Альфреда Штенцеля «История войн на море»: «Оба центра в 2 часа отделились друг от друга и поспешили на выручку арьергардов, находившихся в горячем бою. По пути обе эскадры шли долго параллельным курсом, не выпустив ни одного снаряда, вероятно желая сохранить остаток боевого запаса для последней, критической фазы боя. В 4 часа оба центра соединились с арьергардами.

С самого начала они жестоко сцепились; Спрагге немедленно привел к ветру, и Тромпу оставалось сделать только тоже.

Начался одиночный бой между обоими начальниками эскадр, продолжавшийся не менее трех с половиной часов, во время которого оба флагманских корабля находились в непосредственной близости. Остальные корабли действовали самостоятельно, проведя ряд одиночных боев, кончившихся общей свалкой. Спрагге и Тромп должны были переменить корабли, и когда первому пришлось вторично перейти на другой корабль, в его шлюпку попало ядро. Она немедленно пошла ко дну, и адмирал утонул. Причина его странного недисциплинированного поведения, напоминавшего прежние выходки Тромпа, заключалась в личной ненависти к Тромпу; он обещал королю захватить Тромпа живым или мертвым или же погибнуть самому. Английский арьергард был в крайне тяжелом положении, когда подоспела помощь.

Освободившись от своего противника, Тромп соединился с де Рюйтером; бой в 5 часов разгорелся с новой силой между обоими центрами и арьергардами. Лишь в 7-м часу де Рюйтер его прекратил, вероятно, из-за приближения эскадры д'Эстре. Наступившая темнота принудила англичан приостановить стрельбу; де Рюйтер пошел к Текселю, Руперт – к английским берегам.

Ни один из противников не потерял ни одного корабля; около двенадцати английских кораблей имели тяжелые повреждения, у голландцев лишь очень немногие – настолько плохо стреляли англичане, вновь набранные команды не успели получить достаточной подготовки. Англичане потеряли 1 адмирала, 7 командиров и около 2000 чел. команды, голландцы 2 адмиралов, 6 командиров и не более 1000 чел. команды. Английские потери были так велики, потому что команды их линейных кораблей, несмотря на горький опыт, снова были пополнены десантными войсками.

Итак, главная цель, которую преследовал Рюйтер, бросаясь в атаку на вдвое превосходящие его морские силы, была достигнуты. Союзный флот позорно удалился в свои гавани, потеряв девять больших кораблей, а вслед за ним бежала и оставшаяся без прикрытия флотилия десантных судов. Высадка английских войск в Голландию была полностью провалена. Кроме всего прочего победа имела и большой побочный эффект. Узнав о поражении своего флота, король Людовик стал более осторожно вести и боевые действия на суше, голландские же войска, наоборот, приободрились. Кроме этого Лондон публично обвинил Версаль в трусости и предательстве. Особенно неистовствовал принц Руперт, поносивший предателей французов последними словами. Даже младший флагман д, Эстре вице-адмирал Мартель

не преминул бросить камень обвинений в своего начальника. Британский парламент восстал, требуя немедленного мира с Голландией и разрыва всех объязательств с Францией. Король Людовик смертельно разобиделся на короля Карла, и франко-английская коалиция дала большую трещину. Тем временем Голландии удалось заключить союзные договора с Испанией и германским императором. Политическая ситуация в корне переменилась.

Следствием бегства союзного флота стало и почти беспрепятственное возвращение домой ост-индийского каравана. В руки французских каперов попалось лишь одно отставшее судно. Успех в кампании 1673 года имел для Голландии стратегическое значение. Страна ободрилась морскими победами и с новыми силами продолжила борьбу за свою независимость.

Еще до прихода в Тексель, Рюйтер созвал к себе на борт лейтенантов-адмиралов Банкерта, Ниеса и Тромпа для назначения новых младших флагманов и капитанов, вместо выбывших из строя. Среди прочих назначенных на новые должности был и сын Рюйтера Энгель, которого помощники Рюйтера, за проявленное мужество и храбрость в только что завершившемся бою, произвели в вице-адмиралы, что и было позднее утверждено принцем Оранским.

Радость победы была омрачена для Рюйтера гибелью его любимого зятя Жана Паулюца ван Гельдера, которого он любил как родного сына. Кроме всего прочего Рюйтеру предстояло еще известить дочь о потери мужа. Пока корабли шли в базу, Рюйтер читал над телом зятя „Утешения верующим против ужасов смерти“. Когда сын стал утешать отца, тот горько вздохнув, сказал:

– Смерть нашего дорогого Жана – это неизбежное следствие войны. Мы должны покориться этому определению судьбы. Ныне был его черед, а завтра, быть может, придет и мой!

Вот как оценивает личный вклад Михаила де Рюйтера в победу при Текселе и вообще на исход всей войны Альфред Штенцель: „Де Рюйтер одержал полную победу в тактическом и, главным образом, стратегическом отношении. Союзники окончательно отказались от своего плана высадки, путь возвращающемуся конвою был свободен; последний вскоре благополучно прибыл со своими громадными богатствами на родину. Мы видели, как де Рюйтер своим отличным маневрирование создал выгодные условия более слабому голландскому флоту и затем храбро пошел на врага; во время боя сказалась отличная школа де Рюйтера, сумевшего воспитать в подчиненных дух инициативы. То, что эскадры тотчас же, вопреки

инструкциям и тактическим взглядам де Рюйтера, от него отделились, на этот раз было вызвано неправильным маневрированием неприятеля, флот которого действовал без всякой внутренней связи.

Возможно, де Рюйтер сознательно составил свои эскадры из неравного числа судов (малочисленная эскадра Банкерса была оставлена против французов). Весьма сомнительно, имело ли это вообще место, т. к. некоторые важные источники умалчивают о неравномерном составе эскадр – во всяком случае, воспитанный в школе де Рюйтера Банкерс, своим решительным образом действий немало способствовал успеху боя…

Влияние победы де Рюйтера на исход войны было громадно; этой победой, в сущности, закончилась война. Голландцы почти безраздельно господствовали на море. Союзники больше не показывались, так что голландская торговля могла беспрепятственно развиваться; англичане разоружились, французы вскоре ушли восвояси.

В Англии недовольство союзом с Францией начало проявляться особенно резко, все жаждали мира; с такими союзниками больше не желали сражаться бок обок. Кажется, будто в последнее время король Карл Второй был единственным в Англии, кто поддерживал этот союз. Прекращенное с осени 1673 г. каперство теперь пышно расцвело. Из Зеландии вышли более 100 каперов и вернулись с богатой добычей. В колониях произошли отдельные столкновения; следует отметить, что отошедший в 1657 году к Англии голландский остров Святой Елены, в 1672 г. был снова взят Голландией, но уже в следующем году он был завоеван обратно англичанами. В сухопутной войне также произошли большие изменения: благодаря освободившимся на побережье войскам и судовым командам удалось оттеснить французов. Очень важным оказался новый договор между Голландией, германским императором и Испанией, заставивший французов совсем покинуть Нидерланды, чтобы сосредоточить свои силы против новых врагов. Генеральные Штаты отклонили ряд выгодных предложений французов“.

А вот оценка итогов этой выдающейся победы Рюйтера, данная уже известным нам историком лейтенантом Щегловым: „Тексельское сражение было проиграно союзниками вследствие двух главнейших причин, а именно: во-первых, французский флот не оправдал надежд, возлагавшихся на него англичанами и в течении боя играл пассивную роль, а, во-вторых, английские начальники эскадр применили метод быть может и невольно, „сражаться врозь“, в следствии чего английский

главнокомандующий, несмотря на все свои сигналы, оказался покинутым и не был во время поддержан своими флагманами.“ Кроме этих двух причин, изобличающих плохую дисциплину и дурное управление английского флота, неудача союзников объясняется также и из рук вон плохою стрельбой, которая велась настолько плохо, что Тромп, сражаясь в арьергарде в течение 8 часов, к своему удивлению не имел ни одного раненного. То же самое было и в центре у голландцев, где Рюйтер, имея весьма мало убитых и раненных, обратил на этот факт внимание еще во время сражения.

Успех же голландцев был всецело основан на искусных распоряжениях Рюйтера. Голландский главнокомандующий не торопится вступать в бой с первой встречи, а выбирает благоприятную обстановку, затем так распределяет свои эскадры, что, обладая слабейшими силами, он на решительном пункте (против англичан) и в решительный момент (окружение 20 кораблей) оказался с превосходными силами. Это блестящее проведение принципа частной победы, которое было повторением его тактики при Солебее и было основано на изучении свойств противника, так как Рюйтер знал, что против французов при их инертности можно отделить слабые силы. Кроме того, голландский флот сражался более сомкнуто, и эскадры оказывали друг другу взаимную поддержку, что объясняется тщательной подготовкой Рюйтером личного состава, а также и тем, что еще задолго перед боем начальникам даны были соответствующие инструкции о намерениях главнокомандующего».

Пополнив запасы, Рюйтер вновь вывел свой флот в море и держался в нем до последних чисел сентября, До этих пор никто из союзников так и не рискнул высунуть носа из своих портов.

Оставив корабли разоружаться, Рюйтер отправился в Гаагу, где присутствовал на собрании Генеральных Штатов. Вместе с ним туда отправились ван Ниес и Тромп. Банкерт остался в Текселе готовить корабли к зимовке. Собрание встретило адмиралов шквалом аплодисментов, все приветствовали их стоя. Прибывшие заняли свои места с покрытыми головами, что считалось высшим признанием заслуг. После этого Рюйтер сделал подробный доклад о последнем походе и сражении. Президент собрания Помп от имени нации благодарил адмиралов за мужество и верность Отечеству, прося от имени собрания и впредь так же служить своей Родине. Рюйтер, Тромп и Ниес отвечали, что жизнь их принадлежит только Голландии.

Тогда же голландские Штаты определили Рюйтеру и вечное денежное содержание, вручив ему особую грамоту. Вот ее текст:

«Штаты Голландии и Вест-Фрисландии. Всем, кому

предъявляется сие, здравия желаем. Да ведают, что, признавая мужество, неустрашимость, усердие и похвальное распоряжение господина Михаила де Рюйтера, лейтенанта-адмирала Голландии и Вест-Фрисландии в качестве Главнокомандующего флотом сего государства под управлением его светлости принца Оранского генерал-адмирала Соединенных провинций, который Рюйтер нападал и сражался со сказанным флотом в трех последних битвах во время морского ополчения сего 1673 года с французским и британским неприятельскими флотами вместе соединенными, которые им с помощью Божей так поражены, что намерения сказанных королей против сего государства совершенно разрушены. Как мы сознамерились и постановили давать вечно сказанному лейтенанту-адмиралу де Рюйтеру, его наследникам и имеющим право после него, или тем, кто будут уполномочены от него или ведены от них в их права, годично в доход и вечно по две тысячи по двести по сороку ливров, считая ливр в сорок грошей, так же как сие постановляем, даем, назначаем и утверждаем сказанный доход две тысячи двести сорок ливров в год в пользу сказанного Г. де Рюйтера, его наследников, преемников и от него доверенным или тем, кои наследуют сими правами и это в признательность, как выше сказано…»

Один из биографов нашего героя не без основания писал: «Этот вечный пенсион, дарованный Рюйтеру, будучи для него славою, вместе с тем был и явным свидетельством заслуг оказанных им отечеству и признательностью ему изъявленную».

Как говорится: по делам и честь. Что касается Рюйтера, то дав, как главнокомандующий в течение трех англо-голландских войн семь генеральных сражений, он выиграл из них шесть! При этом, почти всегда адмирал сражался в меньшинстве на плохо построенных, плохо вооруженных и недоукомплектованных кораблях, не имея порой даже достаточного количества пороха и снарядов. Это ли не талант! Это ли не искусство!

Первое время после победного Тексельского сражения Рюйтеру просто не давали прохода толпы поклонников и поклонниц. Этим обстоятельством генерал-адмирал был весьма раздосадован и озадачен. Когда почитатели уж очень стали донимать старого флотоводца, он собрал их всех и заявил:

– Я предпочитаю, чтоб меня не хвалили, и чтобы, даже никто не поминал, лишь бы мне удалось удовлетворить свою совесть и исполнить добросовестно мой долг по отношению государства!

В этих словах весь Рюйтер…

Тем временем Голландию облетела еще одна радостная весть. В войну с Францией и Англией ввязалась Испания, и большая

часть французских войск была спешно переброшена на новый испанский фронт. Кроме этого часть войск король Испании прислал и в помощь голландцам. Соединенные провинции могли теперь вздохнуть спокойно. А зимой 1674 года противники начали переговоры о мире. В Англии поднялась буря возмущения против союза с французами, столь постыдно поступившими со своими союзниками во время Тексельского сражения. Карл Второй не мог долго сопротивляться настойчивым требованиям всех сословий и переговоры с Голландией начались, несмотря на 5 миллионов франков, предложенных Людовиком Четырнадцатым английскому королю. 19 февраля был заключен и подписан в Вестминстере столь долгожданный в Голландии мир с Англией. Теперь у Гааги остался лишь один враг – Версаль.

21 февраля принц Оранский пожаловал Рюйтера своим генерал-адмиралом, вверив ему руководство всеми морскими силами Соединенных провинций. В тот же день Рюйтер представил штатгальтеру план овладения французскими владениями в Гваделупе, Гренаде и на Антилах.

– Что мы будем иметь с этой экспедиции? – спросил принц.

– Выгоды большие! – отвечал Рюйтер. – Мы одним ударом не только подорвем торговлю неприятеля, но одновременно приобретем и большие коммерческие выгоды себе.

Семья адмирала де Рюйтера

Сказав это, Рюйтер выложил перед штатгальтером свой список необходимых ему кораблей и припасов. После некоторых

обсуждений решено было выделить для экспедиции большой флот, снабдив его припасами на полгода. Командование экспедицией было поручено Рюйтеру. С выходом в море торопились. От успеха предприятия зависел весь дальнейший ход войны. Будет успех и Франция, лишившись всех своих заморских колоний, будет поставлена на колени. Неудача трагедией бы для Соединенных провинций не была, но и мир бы нисколько не приблизила, а стала бы напрасной тратой денег и усилий.

9 мая Рюйтер вступил под паруса, а 19 июля был уже под Мартиникой. На следующий день был свезен десант на остров подле крепости Форт-Рояль. Однако расчет на внезапность не оправдался. Шпионы «королевского секрета» уже давным-давно известили Людовика о предстоящей диверсии голландцев и укрепления на Мартиники были приведены в оборонительное состояние. Видя, что крепость будет стоить больших и вполне возможно напрасных потерь, генерал-адмирал решил понапрасну не рисковать. Погрузив высаженный десант обратно, и дав напоследок несколько залпов по крепости, Рюйтер повернул обратно к Голландии. И тогда, после никто и никогда не обвинял Рюйтера в неудаче. Экспедиция задумывалась в расчете на внезапность. Этого и не получилось. Ну а то, что в этом случае прекрасно сработали агенты французского «королевского секрета» никакой вины Рюйтера не было. Да и его никто и не обвинял.

По возвращении домой генерал-адмирал некоторое время отдыхал от всех треволнений последних лет в кругу столь любимой им семьи. В один из дней к нему нагрянуло несколько английских дипломатов.

– Наш король приглашает вас, милорд, посетить Лондон и быть его гостем, чтобы он мог высказать свое восхищение, вашими подвигами!

Рюйтер был весьма ошарашен неожиданным предложением.

– Я весьма польщен приглашением вашего величества и был бы счастлив, посетить его, однако, переутомления и открывшиеся болезни не представляют мне возможности совершить это заманчивое путешествие! – отвечал он, разводя руками.

Проводив визитеров, Рюйтер сказал жене об истинной причине своего отказа:

– Я не могу, моя милая Корнелия, жать руки и обниматься с теми, кто еще совсем недавно более всего на свете желал моей смерти! Они будут отчаянно притворяться, что рады мне, а мне не менее их придется притворяться, что я рад им! А потому лучше уж сидеть у своего камина!

Находясь дома, генерал-адмирал внимательно следил за

развитием политических событий в Европе. В это время взбунтовались против давнего испанского владычества жители Мессины. Мадрид начал готовить карательный поход. Мессинцы немедленно обратились за поддержкой к Версалю. Разумеется, король Людовик не преминул ввязаться в новую авантюру, чтобы насолить своему давнему недругу, а заодно и улучшить свое положение на Средиземноморье. Некогда могучий испанский флот пребывал к тому времени в полнейшем упадке, а потому испанский король тотчас обратился за помощью к своему союзнику Голландии. Делать было нечего, надо было платить за недавнюю военную помощь, а потому Гаага начала готовить экспедицию в защиту испанских интересов на Сицилию.

Часть пятая
Последний поход

Глава первая
Против короля Людовика

Тем временем, пока Рюйтер бороздил форштевнями своих кораблей войны Атлантического океана, большая политика сделала еще один поворот. На этот раз страсти разгорелись вокруг благодатной Сицилии. Все началось с того, что горячие и гордые сицилийцы, которым надоели налоги и притеснения испанских губернаторов, правивших здесь уже более двух с половиной веков, взялись за оружие. Разумеется, при этом не дремали и бывшие тут как тут французы, сразу же принявшиеся изо всех сил помогать мятежникам оружием и войсками, разумея в ослаблении Испании свое усиление. Несмотря на подписание мира с Англией, война с Францией все еще продолжалась.

В начале 1675 года французы захватили у Испании остров Сицилию, в результате чего появилась возможность сотрудничества на море с Голландской республикой и ее традиционным врагом. Когда было решено, что Голландия направит на Средиземное море небольшой флот для оказания помощи в обороне Сицилии, испанцы потребовали, чтобы им командовал де Рейтер.

Сам адмирал не одобрял этот проект. Во время его обсуждения де Рейтер сказал, что, по его мнению, силы французского флота на Средиземном море значительно превышают силы испанцев, и его флот не сумеет изменить общее соотношение сил. Во время начавшихся споров некий «господин из адмиралтейства» сказал 68-летнему адмиралу: «Я не думаю, что вы уже настолько стары, что начали бояться и потеряли отвагу!» Это было грубое оскорбление, но де Рейтер спокойно ответил: «Нет, я не потерял отвагу. Я готов отдать жизнь за свою страну. Но я удивлен и опечален тем, что господа готовы рискнуть и опозорить флаг государства». Вынужденный принять командование, несмотря на все возражения, де Рейтер заявил: «Господам не следует меня просить. Они могут приказать мне. И если я распоряжусь спустить государственный флаг, хоть на одном корабле, меня следует бросить в море вместе с ним. Если господа из Генеральных Штатов вверяют мне флаг, я готов рискнуть жизнью».

– Сицилия так долго украшала испанскую корону, что, кажется, пришла пора украсить и мою! – мудро рассудил жадный до чужих земель Людовик-Солнце и направил к острову свой флот под началом кавалера де Вальбелля.

Французы привезли припасы, захватили прибрежный форт Сан-Сальвадор и отбыли домой на отдых. Едва ушли французы, как немедленно появились испанцы во главе с генерал-капитаном морских сил доном Мельхиором-де-Гуева. Дон отбил форт, разогнал сицилийцев и готов был уже победно вступить в мятежную Мессину, как вновь вернулись корабли кавалера де Вальбелля. Отличаясь галантностью настоящего идальго, де-Гуева пропустил эскадру французов в порт без единого выстрела. Но французский кавалер прибыл в Мессину не один, с собой он привез и некого маркиза Виллавуара, уже назначенного Версалем быть на острове французским вице-королем. Мессинцы, впрочем, маркиза не приняли, а, освистав, выгнали.

– Хорошо! – покачал буклями своего напудренного парика король Людовик. – Не хотят маркиза, я дам им целого герцога!

И тотчас отправил с новой эскадрой на Сицилию герцога де Вивона. Герцог отличался решимостью и непомерным честолюбием, а потому освистать его было просто невозможно.

– Сир, если меня попробуют оскорбить, то я заткну их глотки калеными ядрами! – так изложил он программу своих действий Людовику на прощальной аудиенции.

– Браво, мой де Вивон! – похлопал в пухлые ладоши король. – Так всегда впредь и действуйте!

Доставить де Вивона было поручено уже хорошо знакомому нам по последней войне голландцев с англо-французами шестидесятилетнему генерал-лейтенанту Дюкену, самому способному из тогдашних французских адмиралов.

На этот раз де Гуева, завидев приближающихся к острову французов, был настроен куда менее миролюбиво, чем в прошлый раз, а потому напал на неприятеля при первой возможности. За собой испанский адмирал вел двадцать кораблей и семнадцать больших галер. Дюкен встретил испанцев яростным огнем, сдерживая сколь можно их горячий натиск и выжидая, когда судьба подарит ему шанс на успех. Терпение было вознаграждено. Вскоре вдалеке показались паруса. То, лавируя на ветре, спешила на помощь к французам вспомогательная эскадра Вальбелля. С подходом еще шести французских кораблей к французам, чаша весов стала быстро склоняться в их сторону. Испанцы бежали, а Дюкен гнал и лупил их до самых береговых батарей Неаполя. Спустя два месяца испанцы предприняли было еще одну робкую попытку подойти к Мессине, но были вновь безжалостно отогнаны и побиты на сей раз отрядом кораблей маркиза д, Альмейраса.

После этого вконец опечаленному испанскому королю стало совершенно очевидно, что столь любимая им Сицилия вот-вот

навсегда уплывет от него в сторону Франции. Делать более было нечего, и испанский монарх обратился за помощью к союзным голландцам, сразу же напомнив им обо всех своих недавних услугах, оказанных Соединенным провинциям.

В силу трактата от 30 августа 1673 года республика не могла отказать просителю. Особенностью просьбы Мадрида было то, что испанцы слезно молили, чтобы средиземноморскую экспедицию непременно возглавил Михаил де Рюйтер. В этом потомки Кортеса видели главную гарантию успеха предстоящей борьбы с французами.

В состав уходящего в южные воды голландского флота было решено включить восемнадцать кораблей, шесть легких судов, четыре брандера и несколько транспортов.

Когда генерал-адмиралу показали список кораблей, он категорически заявил:

– Идти с таким количеством вымпелов – это сознательное самоубийство! Необходимо увеличить число кораблей как минимум в два раза! Нам предстоит противостоять французам, у которых большой и хороший флот. Чего стоят одни провансальцы с их огромными плавучими крепостями!

– Испанский король обещал помочь своими кораблями! – возразили ему.

– Обещать можно, что угодно! Я знаю испанский флот, самое больше для чего он годен – так это красиво утонуть! – в сердцах выкрикнул Рюйтер. – В таком деле, какое вы сейчас затеваете, надеяться следует только на себя!

– Французский флот – это всего лишь мираж! – не переставали наседать на главнокомандующего государственные чиновники.

– Может быть для вас, сидящих на берегу, это и мираж, но, сражаясь с французскими кораблями, я воочию смог убедиться, что они более чем настоящие!

– Мне кажется, что с летами вы просто стали более боязливы и начинаете терять былое мужество! – встрял кто-то из советников амстердамской адмиралтейств-коллегии.

Лицо Рюйтера пошло багровыми пятнами. Он резко повернулся к наглецу:

– Бодрости я не лишился и охотно пожертвую, в отличии от вас, своею жизнью за Отечество, но мне прискорбно видеть, как во имя мелочной экономии вы бездарно жертвуете флагом и честью Голландии!

Однако убедить Рюйтеру никого не удалось. Генеральные Штаты гульдены считать умели хорошо. Лишних средств никто выделять на экспедицию не хотел, и было очевидно, что Рюйтеру

придется идти с горстью кораблей против всего огромного французского флота.

Кое-кто из друзей советовал генерал-адмиралу отказаться от участия в затеваемой авантюре, сославшись на усталость и плохое здоровье, которое у Рюйтера в последнее время и вправду стало серьезно пошаливать. Вот уже несколько недель подряд он мучался сильными зубными и почечными болями, периодически схватывали его и сильные колики. Зачем рисковать своей репутацией в столь сомнительном предприятии!

Но генерал-адмирал думал сейчас не о себе. Друзьям он говорил так:

– Эскадру погонят к Сицилии все равно, соглашусь я идти с ней или откажусь. Однако мое присутствие, возможно, поможет избежать напрасных потерь. Ради одного этого уже стоит идти в море! Государственным управителям не следует меня упрашивать. Я человек военный и мне нужно только приказывать! А потому, если мне прикажут идти в море даже под одним флагом, я не откажусь и тогда! Я сделаю эту, быть может, последнюю свою кампанию, даже если матросам придется тащить меня на корабль на носилках!

Разумеется, Рюйтер, как всегда, не доверяя никому, лично распоряжался снаряжением своих кораблей в плавание. Особо заботили его артиллерийские припасы и продовольствие. Командующий сам грыз на пробу шведские «ослы» – круглые сухари с дыркой посредине и немецкие ржаные кналлеры – «трескуны». Беседовал с провиантмейстерами, засольщиками и баталерами. Затем беседовал и наставлял квартирмейстеров, проверял качество пороха и чистоту крюйт-камер. Наконец, Рюйтер мог сказать, что его маленький флот готов к плаванию.

Принявший генерал-адмирала перед выходом в море принц Оранский был с Рюйтером холодно вежлив. Несмотря на все заслуги этого опытнейшего моряка, принц по прежнему более благоволил к своему давнему стороннику Тромпу. А потому принц ограничился ничего не значащими дежурными пожеланиями, велев генерал-адмиралу лишь не задерживаться в Средиземном море более полугода.

Последний вечер Рюйтер, как он обычно всегда делал перед дальними походами, провел в кругу семьи. За большим столом в гостиной собрались все: жена Анна, младшая дочь Маргарита с мужем пастором Бернардом Сомером, рано овдовевшая старшая дочь Корнелия, средняя Алида с мужем пастором Жаком Шорером, любимец и надежда отца сын Энгель. Последний очень просился в средиземноморской поход с отцом, но тот брать сына отказался наотрез, сославшись, что это, не бог весть, какая война,

а на его век еще сражений хватит. На коленях старого моряка ползала маленькая белокурая внучка, пытаясь достать из дедовых карманов припасенные ей сладости.

Современники отмечают, что при расставании Рюйтер был необычайно грустен и выглядел весьма подавлено. Особенно трогательно было его прощание с женой, которую он просил, целуя руки, в случае чего беречь детей. Кому-то из провожавших его старых соратников, он сказал:

– Прощаясь с тобой, я не говорю просто, прощай, а говорю – прощай навсегда! Вернуться обратно я не рассчитываю, так как твердо знаю, что погибну раньше окончания этого нелепого похода!

– Что ты говоришь, Михаил! – замахал тот руками. – Мы с тобой еще не допили всего отпущенного нам жизнью пива!

– Ты может, и не допил, а я свое уже, кажется, выпил все! – не весело усмехнулся в ответ генерал-адмирал.

3 сентября 1675 года эскадра Рюйтера вступила под паруса. Свой флаг генерал-адмирал поднял на 70-пушеной «Конкордии». Не изменяя своей старой привычке, он первым делом приколотил молотком к переборке любимый натюрморт, поставил в углу клетку с цыплятами, а затем тщательно вымел каюту просяным голяком.

Адмирал де Рюйтер. Худ. Hendrick_Berckman

Поход с самого начала начался со всевозможных неурядиц. Зайдя по пути в Кадикс, где корабли пополнили запасы воды, и свежей пищи, Рюйтер получил там внезапное повеление ждать прибытия на свою эскадру младшего королевского брата дон Жуана Австрийского, который должен был в перспективе властвовать на отбитой Рюйтером Сицилии. Но будущего правителя все не было и не было. Прождав бесполезно дон Жуана целых две недели, Рюйтер продолжил плавание, завернув по пути в порт Аликанте в надежде, что непунктуальный дон ждет его там. Увы, будущего «правителя» острова не было и здесь. Затем, нуждаясь в воде и дровах, Рюйтер взял курс к островам Ивес и Форментер. Разразившийся на переходе жестокий шторм

разлучил его с кораблями младшего флагмана Гаана. Искать Гаана Рюйтер направился далее в порт Калиари, но там Гаана уже не было. Как рассказали местные жители, голландский вице-адмирал заходил сюда, но уже ушел. К тому же на рейде Меллаццо он обнаружили всего один испанский корабль с несколькими галерами, вместо обещанной эскадры. На вопрос, где же остальные, местный вице-король де Вилла Франка лишь широко развел руками:

– На все воля Иисуса сладчайшего!

– Ну вот, начинают сбываться самые худшие предположения! – раскурил, загораживаясь от ветра, трубку Рюйтер. – Поглядим, что нас ожидает дальше!

О вступлении Версаля в войну за обладание Сицилией, французский историк пишет так: «Людовик Четырнадцатый знал, что польза и слава его требуют, чтобы он поддерживал мессинцев и доказал, что он один мог преодолеть все усилия держав, которые соединились против него. Он повелел вооружить в Тулоне флот из двадцати военных кораблей, шести брандеров, многих транспортов с аммуницией и жизненными припасами. Слава Рюйтера, который командовал неприятельским флотом, затрудняла выбор, кому бы поручить то новое сооружение. Голоса офицеров и матросов были в пользу Дюкена. Они видели его уже столько раз среди опасностей, возбуждавшего их дух невероятной неустрашимостью или располагавшего ими в совершенном благоразумием и приводившего их всегда к победе, что все желали служить под его начальством и почитали торжество свое уже совершенным. Многие шефы эскадр, которых заслуги состояли только в кичливости, искали чести командовать этим флотом. Людовик Четырнадцатый не внимал исканиям. Он назначил Дюкена и возвел его на степень лейтенанта-генерала морских сил Франции».

В последних числах декабря 1675 года французский флот покинул Тулон и взял курс к Сицилии.

Испанский вице-король, тем временем обещал голландскому командующему на кресте, что немедленно пошлет письмо герцогу Монтесархио, чтобы тот прибыл к Рюйтеру со всеми своими кораблями. Кто такой этот Монтесархио, сколько у него вымпелов и какова их боевая ценность, всего этого Рюйтер не знал, а потому нервничал, понимая, что где-то совсем неподалеку бродит хитрый и опытный Дюкен.

Реально под непосредственным началом Рюйтера к этому времени оставалось, считая и примкнувшего испанца, всего лишь десять кораблей. Генерал-адмиралу было, надчем призадуматься. С такими ничтожными силами впору было не Сицилию

отвоевывать, а спасаться самому пока не поздно. Но Рюйтер отступать и не помышлял. Снявшись с якоря, он, исполняя повеление испанского монарха, двинулся вдоль Сицилийского берега.

Рюйтер несколько ошибался. Дюкен в это время только что покинул со всеми своими кораблями Тулон, направившись для конвоирования на Сицилию новых транспортов с войсками. В Мессине же оставался с достаточно сильной эскадрой герцог де Вивион. Однако, узнав о появлении в Средиземном море, французы заволновались не на шутку. Несмотря на известную храбрость де Вивона было ясно, что Рюйтер утопит его как слепого щенка. Особого выбора у Людовика Четырнадцатого не было и он поручил охоту на Рюйтера Дюкену. Король-Солнце Дюкена, несмотря на все его достоинства упорно не любил. Главная причина этого была в приверженности старого моряка к кальвинистской вере, а потому далее вице-адмирала в чинах его упорно не пускали. Впрочем, сам Дюкен относился к этому с едкой иронией.

– Я еще счастливчик и обласкан милостями не в пример бедняге Калиньи! – не раз говорил он друзьям в минуты откровения, намекая на страшную судьбу вождя гугенотов адмирала Калиньи, ставшего первой жертвой печально знаменитой Варфоломеевской ночи.

Но сейчас французскому королю было уже не до религиозных распрей. Повздыхав над трудностью обстоятельств, Людовик велел Дюкену немедленно следовать на перехват вызвавшего столько волнений Рюйтера. Назначение Дюкена главнокомандующим флотом вызвало на французских кораблях настоящую бурю восторга. Все горели желанием как можно скорее найти и схватиться с этими непобедимыми голландцами.

Дюкен покинул Тулон, имея под своим началом двадцать кораблей и шесть брандеров. Целью его был прорыв в Мессину, невзирая на возможный отпор со стороны Рюйтера. Авангард французского флота вел маркиз де Прейли д, Юмьер, державший свой флаг на корабле «Святой Михаил», арьергардом начальствовал капитан Луи Габаре на корабле «Санпарейль». Сам же Дюкен возглавлял центр своего флота на корабле «Святой Дух».

Пока французы держали курс к сицилийским берегам, к Рюйтеру, наконец-то, добрался со своими кораблями отставший вице-адмирал Гаан. Одновременно лазутчики известили Рюйтера об отплытии из Тулона французского флота. Взвесив все за и против, голландский главнокомандующий решил не дожидаться эскадры испанского герцога Монтесархио, а снялся с якоря и

направился к Липарским островам. В авангарде его флота шел контр-адмирал Версгоор, сам Рюйтер, как вегда, в центре, а в «замке» вице-адмирал Гаан. Уже в море к голландцам присоединился десяток испанских галер дона Бертрама де Гуевара. Голландские матросы толпами собираясь на палубе с любопытством глазели на расфранченных испанских грандов-капитанов, буквально утопавших в пене кружевов. Вокруг каждого суетились лакеи с подносами, рядом вовсю мочь, развлекая начальство, играли оркестры. Обилие бархата, шелка и золота ошеломляли.

– Эти сеньоры как с картинки! – тыкали пальцами в сторону надменных испанских капитанов простоватые голландцы. – Поглядим, однако, каковы они будут в бою!

В сравнении с республиканской скромностью голландских капитанов вызывающая роскошь испанцев выглядело несуразно и нелепо. Вот уже несколько столетий должности галерных капитанов считались в Испании наипочетнейшими, а потому традиционно на них назначали исключительно представителей знатнейших аристократических фамилий, в отличие от парусных кораблей, которыми командовали дворяне рангом гораздо поскромнее. И хотя время галер уже безвозвратно уходило в прошлое, на испанском флоте сила традиций была еще слишком велика, чтобы отказаться от этих баснословно дорогих и почти бесполезных в бою раззолоченных игрушек;

3 января испанцы известили голландцев, что французский флот под командой лучшего из французских флотоводцев и старого знакомца Рюйтера по последней войне графа Дюкена уже вышел в море и под всеми парусами спешит навстречу Рюйтеру. Последний отступать тоже не привык, а потому сам повернул навстречу неприятелю.

Вечером 7 января наблюдатели, находившиеся на высотах острова Липари, зажгли яркие костры. То был сигнал, что вдалеке обнаружен французский флот. Увидев зажженный огонь, Рюйтер немедленно спустился к ветру и двинулся навстречу Дюкену. Тот, в свою очередь, разглядев в вечерних сумерках паруса неприятельского флота, велел убавить на своих кораблях паруса и продолжал следовать в бейдевинд, держась под одними марселями.

Французские корабли всегда были предметом постоянных насмешек со стороны голландских моряков. Минувшие войны заставили великие морские державы навсегда отказаться от многочисленных бесполезных и даже мешающих деревянных статуй, венчавших некогда кормы линейных кораблей и от излишнего нагромождения всевозможных вычурных украшений.

Ныне в этом упорствовали только французы. Королю Людовику особенно нравились раззолоченные кормы, повторявшие в миниатюре до мельчайших подробностей богатое убранство трех ярусов парижской оперы. Капитаны, разумеется, чертыхались, выводя в море свои блистающие ненужным великолепием корабли, но поделать ничего не могли, ибо такова была воля монарха. А поэтому теперь, завидев неприятеля, рюйтеровские матросы, вовсю изгалялись в шутках, относительно французского барокко. На фоне рационально аскетических голландских кораблей, французские и вправду выделялись, блистая золотом и декором.

В виду французов Рюйтер тоже привел свой флот к ветру и велел убавить паруса. Всем было очевидно, что наступающая темнота не даст сегодня противникам всерьез померяться силами. Надо было дожидаться рассвета. Всю ночь оба главнокомандующих непрерывно маневрировали, стремясь всеми силами удержать свои флоты на ветре относительно противника. К утру молчаливую битву за ветер выиграл, было, Рюйтер, чему на голландских кораблях были несказанно рады, как залогу предстоящего успеха. Но едва взошло солнце, как ветер внезапно поменялся на порывистый вест-зюйд-вест, и все усилия пошли насмарку. На ветре оказался Дюкен. Одновременно от голландского флота отделились и союзные испанские галеры, поспешившие укрыться от ветра за Липарскими островами.

– Вот вам и кружева с мандолинами! – плевались голландцы, глядя, как резво гребут испанцы прочь от флота. – А как до драки, так в кусты!

С рассветом генерал-адмирал с явным неудовольствием обнаружил, что французы идут с ним одним галсом. Несмотря на явную неудачу с погодой, Рюйтер все же несколькими маневрами попытался снова выиграть ветер, но времени для этого ему уже не хватило. К тому же и Дюкен тоже не терял времени даром.

– Пусть бы те из наших умников, кто считает, что французский флот это мираж, сам бы глянул, как он грамотно маневрирует! – буркнул в усы Рюйтер.

Французы насчитывали два десятка боевых кораблей с десятком брандеров и галиотов. При этом совершенно было неизвестно, сколько и чего к ним еще подойдет. Подсчеты Рюйтера озаботили, ведь по испанским данным считалось, что французы не в состоянии выставить более двенадцати кораблей. Но заниматься раздумьями было уже некогда и, верный своему обыкновению бить всегда первым, Рюйтер и на этот раз решил немедленно атаковать.

В авангарде, состоящем из шести кораблей, командовал

контр-адмирал Верешоор, арьергардом вице-адмирал Гаан. Сам генерал-адмирал вел центр, к которому присоединил и единственного испанца под командой капитана Матея ле Гайя. Французский командующий граф Дюкен так же возглавлял свой центр. В авангарде у французов был маркиз де Преильи д, Гюлиерес, а в арьергардии граф де Гюбарет.

– Интересно, сколько моих воспитанников сейчас на кораблях Дюкена! – вполголоса говорил Рюйтер, разглядывая в зрительную трубу с палубы «Конкордии» французские корабли. – Надеюсь, мне не придется за них сегодня краснеть!

Российский биограф голландского флотоводца так описывает начало этого сражения: «С переменою ветра, Дюкен сделался у Рюйтера на ветре. Пользуясь своим положением, он, с рассветом, в величайшем порядке спустился на неприятеля. Рюйтер ожидал его. Настал час поединка между двумя знаменитыми моряками. Каждый из них знал и ценил своего противника и готовил ему достойную встречу. Флоты сходились. Вот они уже близко, но еще не слыхать ни одного выстрела. Всюду царствует мертвое молчание. Торжественная минута наступает. Сердце каждого моряка бьется сильнее, все находятся в каком-то тревожном ожидании. Капитан Лафайет первый начинает сражение. Не дожидаясь сигнала адмирала, он завязывает бой с тремя кораблями голландского авангарда, но вскоре избитый принужден удалиться с места сражения и не ранее как через час мог опять вступить в дело».

Несмотря на явное мастерство французов в маневрировании, Рюйтер все же остался Рюйтером, а потому спустя некоторое время он добился того, чего хотел и перегородил Дюкену путь к Мессине, вызывая противника на поединок. С палуб голландских кораблей было слышно, как восхищенные французы кричат «браво»!

Впрочем, Дюкен и сам желал боя, а потому от вызова не отказался! Рюйтер, перед тем как подвернуть свою линию на дистанцию огня, в последний раз придирчиво окинул взглядом сомкнутый строй, держащихся в кильватер друг другу кораблей, и остался им вполне доволен. Опытнейшие капитаны вели корабли как по нитке. На часах было около девяти часов утра. Вдалеке угадывались зелеными вершинами Стромболи и Салино.

Первыми, как и обычно, завязали между собой перестрелку авангарды. По сигналу Дюкена, шедший впереди де Прейли, сближается с кораблями Версгоора. Затем к ним постепенно начали подключаться корабли центра и уж последними заговорили пушки противоборствующих арьергардов.

Рюйтер, пользуясь своим более выгодным положением,

первым дал удачный полновесный залп по французскому флоту. В ответ Дюкен ответил тем же, а затем несколько потеснил голландцев маневром. Атака де Прейли на голландский авангард получилась не слишком успешной. Некоторые из французских кораблей, будучи стесненными, сбились в общую кучу и некоторое время, выбираясь из нее, пребывали в полном бездействии. Видя это, Дюкен, сдерживая всеми силами центр Рюйтера, дал время де Прейли, чтобы оправиться и восстановить строй.

И снова описание битвы, данное таким признанным знатоком истории парусного флота, как П. Головин: «Корабль „Ле Саж“, находящийся в голове французского центра, не может удержать корабля Рюйтера и выходит из линии. Его место заступает „Сирена“, но и этот корабль принужден был бы отступить, если бы капитан Вальбелль не подоспел к нему на помощь. Корабль „Конкордия“ под флагом Рюйтера два часа сражался с кораблем Вальбелля. Корабль Вальбелля избит, гибель его уже близка…, но Дюкен является к нему на помощь и выручает его. Дюкен и Рюйтер встретились. Быстрый огонь их кораблей, кажется, владычествует над стихиями. Ветер стихает от грома их пушек. Наконец, Рюйтер отступает – медленно, в порядке, как может отступать только Рюйтер. Прели теснит дивизию Версгоора: оба дерутся с ожесточением. Палубы завалены убитыми и раненными и сам Версгоор падает мертвый на груду изувеченных трупов…»

Вскоре общий строй обоих противников был нарушен, все перемешалось, и каждый стал драться уже по своему усмотрению и разумению. Огонь был настолько частый и плотный, что немало прошедший и повидавший на своем веку Рюйтер искренне удивлялся прыткости своего неприятеля. Понимая, что вся сила голландцев заключена заключена в их знаменитом флагмане, Дюкен стремился прежде всего уничтожить корабль Рюйтера. Для этой цели он выделил наибольший из своих брандеров под началом храброго капитана кавалера де Турвиля. Того самого, что впоследствии станет одним из самых знаменитых адмиралов французской истории.

Пользуясь густотой порохового дыма, Турвиль смог почти вплотную сойтись с кораблем Рюйтера, но тот в последний момент всеже успел заметить опасность и отвернуть в сторону. На брандер немедленно обрушился шквал огня, в несколько мгновений снесший обе мачты. Беспомощное, избиваемое судно беспомощно закачалось на волнах. Атака была сорвана, и теперь французам надо было думать, прежде всего, о собственном спасении. Чтобы голландцы не захватили подбитый брандер, Турвиль самолично его поджег и последним спрыгнул в

пляшущую у борта шлюпку. Пущенный вдогонку первому, второй брандер ожидала та же участь. Рюйтер расстрелял на подходе и этого посланца смерти. Наконец, третий брандер, возглавляемый кавалером де ла Галлисониером, потеряв ориентировку, попал между боевыми линиями противников, и был в несколько минут разнесен в куски сотнями ядер. Из его команды не удалось уцелеть никому.

В какой-то момент боя Дюкен заметил, что голландский арьергард несколько поотстал от главных сил. Французский адмирал немедленно послал к нему на пересечку с несколькими кораблями неутомимого Турвиля.

– Постарайся отсечь концевых и поставить их в два огня, раньше, чем голландцы поймут, что к чему! – велел он пропахшему дымом и порохом капитану. – Да поможет тебе бог!

Но бог в этом случае французам так и не помог. Рюйтер вовремя заметил неладное в своих боевых порядках и энергичными сигналами велел концевым кораблям побыстрей подтягиваться. В этот момент внезапно упал ветер и разгоряченные боем противники к большому своему огорчению застыли недвижимо друг против друга, паля изо всех сил и с надеждой поглядывая на опавшие косицы вымпелов. Увидев это, Рюйтер сигналами старается вызвать к себе спрятавшиеся за островом испанские галеры. Наконец, те осторожно выбираются из своего укрытия. Штиль – это их стихия! Разгоняясь в гребле, галеры, разворачивались по ходу движения выгнутым полумесяцем. Целью атаки они избрали «Святой Дух» Дюкена, который волею судьбы ближе всех к ним. С противоборствующих флотов тысячи и тысячи людей, затаив дыхание, следили за результатом этой атаки, бессильные помочь своим. По существу флагман французского главнокомандующего остался один на один против десяти хищных гребных судов. Однако и здесь испанцы не сумели воспользоваться выпавшим на их долю случаем. Неудачно сманеврировав, они угодили под продольный огонь неутомимого капитана Турвиля. Его «Террибль» обрушил на галеры столь яростный огонь, что те, немедленно развернулись и ретировались, спрятавшись за высокими бортами голландских кораблей.

– Вот уж вояки, так вояки! – в сердцах сплюнул уже и Рюйтер, до того момента еще надеявшийся, что галерные капитаны смогут привнести свою лепту в ход сражения.

Чтобы извлечь из союзных галер хоть какой-нибудь толк, Рюйтер велел им брать парусные корабли на буксир и выстраивать в ровную линию поближе к неприятелю. Едва галеры подтаскивали очередного голландца к французам, как он

немедленно включался в перестрелку.

Так с небольшими перерывами сражение протекало до позднего вечера. Отсутствие ветра лишило обоих главнокомандующих всякой надежды на маневр, а потому противоборствующие силы лишь били и били друг в друга, стремясь нанести противнику как можно больше повреждений. Уже в сумерках, когда ветер чуть-чуть поднялся, французский капитан де Лери предпринял дерзкую попытку врезаться в середину голландского арьергарда и рассеять его, но вице-адмирал Гаан сумел отбиться и отогнал наглеца яростным огнем.

В течение ночи противники держались неподалеку друг от друга, погребали павших и усиленно чинились. Среди кромешной темноты слышался лишь визг пил и стук топоров.

Рюйтер, сидя в каюте, торопливо писал отчет о сражении для Генеральных штатов. Настроение у генерал-адмирала было невеселое. Бой выдался на редкость тяжелым. Был утоплен один из кораблей и погиб верный соратник по трем английским войнам контр-адмирал Николас Верешоор. Однако, несмотря на это, до решительной победы было еще далеко.

К утру под звуки артиллерийского салюта подошло, наконец-то, долгожданное подкрепление: десять испанских кораблей под командой графа д, Альбермаса. Но радость была недолгой. Почти одновременно подошли девять кораблей и к французам. Все, по сути дела, предстояло начинать с самого начала.

– Что ж, – задумчиво произнес Рюйтер, наблюдая как подошедшие испанцы занимают указанное им место в общем строю. – Будем считать, что вчера мы только разминались перед настоящей дракой!

На голландских кораблях уже вовсю готовились к продолжению вчерашнего спора, как державшийся неподалеку французский флот, внезапно развернулся кормой к голландцам и, воздев все паруса, стал быстро удаляться.

– Может этот пройдоха Дюкен опять что-то задумал? – заволновались голландские капитаны, поглядывая на мачты флагманской «Конкордии». Но с нее никаких сигналов не было.

Рюйтер безмолвствовал, молча наблюдая за действиями своего «визави». К полному удовлетворению голландского главнокомандующего, Дюкен, несмотря на подкрепление, отказался продолжить дальнейшее выяснение отношений. Его флот, наполнив паруса ветром, покинул место брани и взял курс вокруг Сицилии к Мессине. Французский адмирал здраво рассудил, что второй день тоже вряд ли наградит его решительной победой над многоопытными голландцами, тогда как сейчас его помощь нужна была, прежде всего, в Мессине.

– Что ж, – если противник удалился столь вежливо и галантно, то мы вправе считать себя победителями во вчерашней потасовке! – завил Рюйтер, прибывшему к нему на борт вице-адмиралу Гаану. А потому спустимся в каюту, чтоб поднять кружку пива за нашу удачу, а заодно и помянуть нашего бедного Верешоора!

Несмотря на явный успех, оба адмиралы были мрачны. Смерть командующего авангардом подействовала на обоих удручающе.

– Как бренна наша жизнь, и как мы каждый миг близки к смерти! – думая о чем-то своем, произнес обычно жизнерадостный Гаан.

Подняв глаза на своего флагмана, Рюйтер внимательно посмотрел на него:

– Все в этой экспедиции идет как-то не так. Не пойму почему, но впервые я не верю в успех затеянного нами дела! Будь моя воля, я бы немедленно развернул флот домой, потому, как твердо уверен, что не будет нам здесь ни счастья, ни удачи!

– Дай бог хоть выбраться отсюда живыми! – Гаан громко поставил на стол пустую пивную кружку.

Преследовать уходящего противника главнокомандующий голландским флотом не стал, а повернул вместо этого на Полермо, где рассчитывал сгрузить раненных, починиться и пополнить запасы сожженного пороха.

Отступление, впрочем, не помешало Дюкену написать в Версаль о своей победе! Людовик Черырнадцатый был так рад этому известию, что тотчас собственноручно начертал ответ своему флотоводцу. Вот он:

«Господину Дюкену генерал-лейтенанту морских сил Моих. Господин Дюкен, я не удивился тому, что Вы сделали во славу моего оружия против неприятельского флота у острова Липари. Я и не ожидал меньшего от Вашего мужества и опытности в море, Мне очень приятно уверить Вас, что я совершенно доволен Вашими подвигами и то буду вспоминать о них с удовольствием. Впрочем, я хочу, чтобы это письмо, писанное моей рукой, было для Вас залогом, что Вы получите существенные знаки моего благоволения во всех случаях, какие только представятся…»

Тем временем в Палермо Рюйтер дал знать испанскому вице-королю Сицилии принцу де Монтесархио, что срок его шестимесячной командировки подходит к концу и ему пора возвращаться к родным берегам. Перепуганный такой новостью вице-король, невзирая на свой высокий ранг и плюнув на все политесы, самолично примчался к генерал-адмиралу на корабль и слезно умолял его остаться хотя бы еще немного. В виде взятки

хитрый испанец тут же вытащил тяжеленную золотую цепь с медалью усеянной бриллиантами.

– Это вам, мой ненаглядный Рюйтер! – говорил он самым ласковым голосом, протягивая генерал-адмиралу бряцающее золото.

Раздосадованный Рюйтер от подарка отказался наотрез:

– Такие цепи не для моряков! Она залог верной смерти при кораблекрушении! Поищите для нее более достойного хозяина!

И тогда вице-король разрыдался. Размазывая слезы по своему густо напудренному лицу, он жалостно причитал:

– Что же теперь будет? Ой, что же теперь будет?

– Но у меня к вам, тоже будет просьба! – обратился к несчастному Рюйтер, презрительно кривя губы.

– Какая? – вице-король, последний раз всхлипнув, уставился на голландца.

– По имеемым у меня сведениям, на ваших галерах уже много лет томятся в гребцах несколько протестантских пасторов, которых я очень бы хотел видеть свободными!

– Считайте, что они уже свободны! – радостно воскликнул принц Монннтесархио, довольный тем, что сумел все же сделать генерал-адмиралу хоть какое-то одолжение. Свое слово он сдержал и спустя несколько часов пасторы, а это были венгры, стояли уже среди своих единоверцев-лютеран.

Спустя несколько дней вице-король снова появился у Рюйтера. На этот раз он был настроен решительно и вручил генерал-адмиралу портрет своего монарха, щедро украшенный большими бриллиантами баснословной цены на еще большей золотой цепи, чем прежде. К портрету прилагалась серебряная лоханка, осыпанная бриллиантами трость и шпага с коралловым эфесом.

– Эти дары вы обязаны принять, так как они присланы самим королем! – сказал вице-король.

Проводив именитого гостя, Рюйтер налил в лохань воды и поставил ее на пол каюты, чтобы столь дорогие его сердцу цыплята могли из нее вволю пить.

Историк французского флота пишет: «Европа, узнав, что два величайших флотоводца готовятся оспаривать победу друг у друга, устремила на них взоры и ожидала с нетерпением известия о битве, в которой неминуемо должны быть проявлены величайшие опыты мужества и благоразумия».

Цыплята, бегая по палубе, весело пищали. Наблюдая за их возней, Рюйтер обдумывал свои дальнейшие действия. Намерения генерал-адмирала, несмотря на столь щедрые дары, нисколько не изменились, и он деятельно готовился к отплытию.

Однако когда до отхода оставалось всего несколько дней из Гааги пришло письмо, с повелением остаться в средиземных водах еще на полгода. Как оказалось – это не терял даром времени испанский король, который успел вовремя нажать на гаагских политиков и выпросить оставить Рюйтера у себя. А чтобы генерал-адмирал не возмущался, из Гибралтара к нему подошло еще десять испанских кораблей.

20 марта объединенный флот направился к Мелаццо. Подойдя к берегу, Рюйтер собрал всех капитанов на совет, чтобы решить, как лучше нападать на Мессину с сухопутья или со стороны моря, вступили все. Взвесив все за и против, решено было от морской атаки отказаться, так как сильно е течение в проливе Фарском неминуемо снесет корабли как минимум на две мили в сторону, что создаст большие неудобства.

Глава вторая
Роковое ядро

24 марта в каюте генерал-адмирала скромно отпраздновали шестьдесят девятую годовщину со дня рождения Рюйтера. Никакого веселья не было. Еще не прошла боль утрат последнего сражения, а будущее не представлялось сколько-нибудь ясным. Рюйтер рассеяно принимал поздравления. В углу каюты весело щебетали неизменные цыплята, да покачивался в такт волнам прибитый гвоздем к переборке старый спутник адмирала – натюрморт с виноградом и рыбой. Вице-адмирал Гаан произносил традиционные тосты, а капитаны, вставая при этом, столь рьяно чокались своими глиняными кружками, что вино заливало белоснежную скатерть.

– Кажется это мой последний праздник! – внезапно произнес Рюйтер. – Другого уже не будет!

Капитаны застыли с кружками в руках. Кто-то попытался перевести все в шутку, но у него ничего не получилось. После выпитого, по своим кораблям разъезжались молча.

Тем временем, в Мессине агенты испанского короля подготовили мятеж. По договоренности одновременно с мятежом к городу должен был подойти со своими войсками вице-король маркиз Вилла-Франка. Рюйтеру было предписано поддержать войска с моря. Исполняя предписание, Рюйтер бросил якоря в виду Мессинского маяка напротив форта Сан-Сальвадор. Однако из всей затеи не получилось ровным счетом ничего. Возглавлявший оборону города герцог де Вивон узнал о заговоре. Мятежников схватили, а испанские войска, подошедшие к Мессине в надежде на быструю победу, были наголову разбиты.

– Ситуация самая что ни есть поганая! – покачал головой Рюйтер. – Но что-то делать всеже надо, а потому попробуем для начала выманить Тулонский флот в море. Может быть, французы и клюнут!

Нарочито демонстративно медленно голландцы и испанцы снялись с якорей и на глазах французов двинулись к берегам Калабрии. Однако те остались твердо стоять на старом месте, даже не предприняв попытки увязаться за отходящим неприятелем.

Тем временем в Мессине, несмотря на достаточно большие запасы хлеба, начался город. Чиновники, окружавшие герцог де Вивона, попросту попрятали хлеб и продавали его втридорога. Удивительно, но герцог ничего не мог с ними поделать! Вместо

того, что бы навести порядок в городе, он слезно просил короля прислать ему транспорта с вином и хлебом. Такие транспорта были приготовлены, но отправку из-за присутствия у сицилийских берегов Рюйтера, все время откладывали.

Чтобы разведать намерения голландского адмирала, де Вивон послал к нему корабль «Сирену», но разведчик сам едва не стал добычей Рюйтера. Голландские корабли гнали «Сирену» до самого порта Агоста и только огонь береговых фортов спас французов от пленения. Бросив якорь несколько мористее, так чтобы не долетали ядра, Рюйтер стал ждать дальнейшего развития событий. Периодически он отсылал эскадры в крейсерства к Калабрии, блокируя ее, и поджидая нового похода испанской армии на Мессину.

Узнав, что испанцы выступили в новый поход на мятежную Мессину, он 14 апреля подошел к ней со стороны моря. Тем временем Дюкен получил приказ выйти в море, для обеспечения прорыва транспортов с продовольствием в Мессину. Французам надо было торопиться, ибо долго оголодавший город держаться уже не мог.

20 апреля Дюкен снялся с якоря. На следующий день Рюйтера уже оповестили об этом. По расчетам получалось, что уже к следующему утру французы будут где-то на подходе. Однако томительное ожидание противника завершилось ничем. Дюкен так и не появился. Тогда собрав военный совет, Рюйтер решает прекратить затянувшуюся блокаду Агосты и выйти в открытое море. Едва голландцы вышли, как ими был усмотрено большое количество парусов, то были французы.

Флот короля Людовика насчитывал на этот раз три десятка боевых кораблей, три фрегата и семь брандеров. Авангард его вел маркиз д, Альбермас, центр Дюкен, а арьергард, как и в прошлый раз, маркиз Луи де Габаре.

Союзный испано-голландский флот имел в своем составе двадцать семь кораблей, шесть фрегатов, четыре брандера и девять галер. Рюйтер вопреки обыкновению, решил не делить свой флот на общепринятые три эскадры, а для сомкнутости строя ограничился всего лишь двумя. Сам он возглавил авангард, поручив вице-адмиралу Гаану начальство над арьергардом. В центре боевого порядка разместились испанцы во главе с доном Франциском Фрейе де ла Цердой. В соответствии с данными Рюйтеру инструкциями, он, по существу, находился в зависимости от решений испанского адмирала. Пользуясь этим, де ла Церда и возложил на себя командование центром. Рюйтер, как мог, возражал, но ничего не мог поделать. Боле иного его угнетало то, что голландцы, разделенные малоинициативными

испанцами, отныне не могли эффективно поддерживать друг друга в бою. Говорят, что едва де ла Церда объявил о своем намерении возглавить ордер кордебаталии, Рюйтер был уже почти уверен в предстоящем поражении. Вызвав к себе вице-адмирала Гаана, он в нескольких словах обрисовал ему сложившуюся ситуацию:

– На испанцев надежды нет никакой, а потому рассчитывать следует только на свои корабли. Единственная возможность победить – это как можно быстрее смять и уничтожить французский авангард, прорезать линию и общими силами навалиться на центр и арьергард.

– Все ясно! – кивнул многоопытный Гаан. – Но что будем делать с испанцами?

– А ничего! – пожал плечами генерал-адмирал. – Главное чтобы у нас под ногами меньше мешались!

Общий подсчет сил показывает, что они были примерно равны. Но на самом деле у Рюйтера было всего лишь восемнадцать кораблей. С ними-то ему и предстояло фактически идти в бой.

По причине почти полного штиля, испано-голландский флот спускался на неприятеля крайне медленно. Дюнкен, тем временем, выстроив свои корабли в боевую линию, держался к ветру. К трем часам пополудни ветер стал понемногу задувать и дело пошло живее. Прибавив парусов, Рюйтер устремляется на французов. Де ла Церда, как и ожидалось, медлит, отставая сам и не давая нагнать ушедшего вперед Рюйтера кораблям Гаана. На голландских кораблях поносят, на чем свет стоит испанцев, но ничего поделать не могут.

Быстро сближаясь на контр-курсах, оба флота сошлись около трех часов дня 22 апреля. Рюйтер шел со стороны ветра и вскоре уже авангарды начали первые взаимные пристрелочные залпы. Вдалеке зеленели листвой вершины Монт-Жиберта. В бездонно-голубом небе ярко светило южное солнце и было совершенно непонятно зачем и во имя чего сейчас тысячи и тысячи людей идут на верную смерть, вместо того, чтобы наслаждаться прелестями жизни…

В то время, когда голландцы, по своему обыкновению, сразу же начали решительную атаку, испанцы в бой особо не стремились. Вместо того, чтобы активно поддержать своего союзника, де ла Церда демонстративно оставался столь далеко под ветром, что ядра испанцев не пролетали и половину дистанции да противника. Рюйтер был в ярости:

– Не успели вступить в драку, а уже глядят, как бы смыться! Закончим бой, и будем уходить домой, пора заканчивать эту

авантюру. Умирать за таких негодяев нам не зачем!

Бурный натиск Рюйтера все же имел результат. Яростный огонь голландских кораблей в какие-то минуты вычищает палубы французского авангарда. Падает убитый ядром вице-адмирал д, Альмейрас. Его корабль тут же покидает линию, туша многочисленные пожары. Еще три французских корабля с трудом держат линию, но вот-вот побегут и они. Рюйтер ждет испанцев для нанесения последнего решающего удара по разбитому неприятельскому авангарду. Но испанцы не поддерживают Рюйтера. Вместо того, чтобы сойтись с французами на кинжальную дистанцию, они издалека открывают беглый, но абсолютно безвредный огонь. Рюйтер шлет к де ла Церде шлюпку за шлюпку, прося, требуя и умоляя поддержать его в этот самый переломный момент боя, но все бесполезно. Дон Франциск Фрейе де ла Церда рисковать нисколько не желает. Его больше устраивает роль стороннего наблюдателя.

Тем временем Дюкен, полагая, что Рюйтер, как обычно возглавляет центр, никак не может взять в толк, что же происходит и почему знаменитый голландский адмирал никак не желает поддерживать свой героический авангард.

А положение передового отряда французов уже самое критическое. Уже четыре корабля избиты до такой степени, что не в состоянии более продолжать сражения. Наконец, оценив бешеный напор передового отряда союзного флота, Дюкен понял, что авангард возглавляет сам Рюйтер. Теперь многое в действиях союзников становится для него понятным.

Чтобы не быть окруженным превосходящими силами французов, Рюйтер был вынужден обстенить паруса на кораблях авангарда, замедляя ход и дожидаясь подкреплений. Вынужденный положить все марсели на стеньгу, Рюйтер на «Конкордии» пропускает мимо себя все корабли французского авангарда, поочередно ведя ожесточенную перестрелку с каждым из них. Бой складывается совершенно не так, как его задумывал голландский флотоводец.

Проходя мимо голландского авангарда, французы разряжали по нему сотни и сотни своих пушек. Рюйтер бешено отбивался на флагманской «Конкордии». Позднее его сравнят с рыкающим львом, которого задирала стая волков, боясь при этом приблизиться. В это время к командующему голландским флотом пришло скорбное сообщение, что тяжело ранен в живот старый соплаватель Рюйтера капитан Ноарот. Выслушав его, генерал-адмирал перекрестился:

– Господи, прими душу раба твоего!

Тем временем, полный презрения к испанцам и, не отвечая на

их чахлый огонь, Дюкен бросил все силы на выручку попавшего в беду авангарда. Сам Дюкен устремляется при этом на корабль Рюйтера. Старые противники вновь сошлись в жестоком единоборстве.

Французская военно-морская история так описывает накал сражения: «Битва сделалась ужасной. Все корабли обеих флотов в одно время изрыгали страшный огонь. Пушечные выстрелы, раздававшиеся на далеком пространстве, извещали, что знаменитый Рюйтер и великий Дюкен – сражаются. Победа, как бы удивленная их жаром битвы, их искусством в распоряжении, не знала, на чью сторону должно ей склониться. Артиллерия действовала непрерывно. Маркиз д, Альмерас был убит в пылу сражения на палубе. Кавалер де Тамбонно, командовавший одним из кораблей, был поражен пушечным ядром. После смерти маркиза д, Альмераса, маркиз Вальбель принял начальство авангардом и продолжал бой с той же решимостью. Мужество было равное с обеих сторон, и победа оставалась нерешенною. Дюкен, видя, что адмирал Рюйтер направил все свои усилия против авангарда, послал туда кавалера Турвиля с двумя кораблями в подкрепление. Эта новая помощь усилила ярость Рюйтера: он сражался и командовал в одно и тоже время…»

Презрение Дюкена все же задело самолюбие гордого и важного де ла Церды. Испанцы все же начинают осторожно спускаться на французский флот. Но время уже упущено. Наконец-то достигает места схватки и арьергард храброго Гаана. Он без всяких раздумий бросается на арьергард французов, стремясь разбить его, а потом подойти на помощь Рюйтеру. Между тем солнце уже садится в море. Но Гаан продолжает бой.

– Мы будем драться и при свете луны! – кричит он своим матросам.

– О, это будет звездная битва! – хохочут те в ответ, накатывая в порты свои раскаленные пушки.

Внезапно Гаан видит, как «Конкордия» внезапно выходит из строя и поворачивает вспять. За ней прекращают огонь и начинают отход другие корабли голландского авангарда. Испанцы, увидев это, так же выходят из боя, причем, видно, что этот маневр они совершают с видимым удовольствием. Дюкен тоже не настаивает на продолжении боя и так же начинает свой отход. Гаан в полном отчаянии. Он не может понять, почему Рюйтер, многоопытный Рюйтер, поступил на сей раз столь нелепо и малодушно: покинул поле боя, когда авангард противника оставалось, разве, что добить. Испанские галеры подхватывают на буксир наиболее поврежденные голландские корабли и тащат их в порт. Только на рейде Сиракуз становится ясна Гаану истинная

причина столь поспешного и сумбурного отхода и причина эта – тяжелое ранение главнокомандующего.

…Сражаясь с французским авангардом, Рюйтер, по своему обыкновению, отдавал распоряжения, неторопливо прохаживаясь по шканцам. Там его и настигло роковое ядро. Раскаленный чугунный шар, пущенный с проходившего мимо французского корабля, поразило генерал-адмирала, отскочивши от палубы. Страшный удар опрокинул Рюйтера на палубные доски. Когда стоявший поодаль капитан Жирард Калембург подбежал к нему, Рюйтер лежал ничком. Ядро почти оторвало ему левую ногу и раздробило правую. Кроме этого падая, генерал-адмирал еще сильно разбил себе и голову. На руках его немедленно перенесли в каюту. Корабельный лекарь нервно расшвырял по столу свой страшный инструментарий:

– Надо немедленно пилить кость! Влейте командующему в рот пару стаканов вина!

– Пили сразу, я вытерплю и так! – приоткрыл глаза белый как стена Рюйтер. – Докладывайте мне все, что происходит наверху!

За все время, пока лекарь без всякого наркоза, в живую, пилил ему ногу, генерал-адмирал не издал ни звука. Только полный боли взгляд, да закушенные до крови губы, говорили о тех страданиях, которые переносил в эти минуты старый воин. Наконец, после того как кровоточащие раны обработали кипящей смолой, Рюйтера накрыли простынями и оставили в покое.

Иногда командующий впадал в беспамятство, тогда он начинал метаться в постели и, привставая на локтях, твердя одну лишь фразу:

– Смелее дети! Смелее…

Когда же к нему вновь возвращалось сознание, он сразу же пытался снова руководить сражением. Верный капитан Калембург то и дело спускался вниз и извещал генерал-адмирала обо всем происходящем.

Сражение меж тем, по существу, завершилось боевой ничьей. Французы, туша пожары, потянулись в Мессину. Голландцы и испанцы, не пытаясь их преследовать, вернулись в Сиракузы. Пять голландских кораблей были разбиты вдрызг. Только «Конкордия» получила более семидесяти прострелов в одной лишь грот-мачте. Немало повреждений получили и остальные. Командование голландским флотом принял на себя вице-адмирал Гаан. Опытный и отчаянно храбрый он мог очень многое, но он, увы, всеже не был Рюйтером.

На голландских кораблях проклинали малодушных и трусливых испанцев, по вине которых был ранен всеми обожаемый «дедушка Рюйтер». Ненависть к вероломным

союзникам была столь велика, что более ни о каких совместных боевых действиях не могло быть и речи. Узнав о несчастии, постигшем генерал-адмирала, дон Франциск де ла Церда со своими флагманами прибыл на «Конкордию», но Рюйтер его не принял. Да и само появление испанского адмирала было встречено голландскими матросами площадной бранью, свистом и улюлюканьем.

После сражения 22 апреля, Дюкен, по возможности, исправив кое-как прямо в море свои корабли, думал уже идти на Мессину, потому что ряд повреждений устранить можно было только в условиях порта. В этот момент французский командующий узнает, что голландский флот, почему-то бездействуя, застрял в Сиракузах, а испанцы распространяют слухи о том, что они наголову разбили французов. Что бы доказать обратное, Дюкен решает держаться в море, не взирая на откровенный ропот своих капитанов. Трижды он демонстративно прошел в виду Сиракуз. В своей реляции Дюкен доносил в Версаль: «29 апреля, построив эскадру в ордер баталии, я подошел очень близко к Сиракузам и мы видеть неприятельский флот, стоявший против воли на якоре, тогда как мы держались в море».

Авраам Дюкен, маркиз дю Буше – лейтенант-генерал (вице-адмирал) французского флота, один из величайших морских героев Франции.

Таким образом, Дюкен продемонстрировал всем свою боеготовность и полную абсурдность испанских слухов. В период его демонстративного дефилирования мимо Сиракуз никто даже не попытался противодействовать Дюкену. Голландцем было не до этого, всех волновал лишь один вопрос: удастся ли Рюйтеру победить близко подступившую к нему смерть, а испанцы выходить один на один со столь сильным противником просто побоялись.

Вскоре все повреждения на голландском флоте были уже давно исправлены. Лишь один корабль отличался от остальных. Вот как описывает его один из ранних биографов Рюйтера: «Только один корабль, стоявший в самой глубине залива, отличался от других судов беспорядком своего рангоута и мертвою, благоговейною тишиною, царствовавшею в батареях и на палубе. Он исправил только повреждения, необходимые для перехода из Агосты в Сиракузы, а все остальное было на нем в том же виде, как в день битвы 22 числа. Корпус его, почерневший от выстрелов, пробит ядрами, из которых многие еще остались в его дубовых членах. Остатки его портовых ставней, окрашенных красною краскою, висят здесь и там, на своих изломанных и измятых петлях. Батареи пусты, палубы и станки изрыты картечью, дула пушек закопчены от выстрелов. Носовая часть корабля обгорела, потому что неприятельский брандер, дважды сцеплялся с его форштевнем, сообщая ему свое пожирающее пламя. Всюду, между лужами крови, валялись обрывки снастей, осколки рангоута. Но было место у самого юта, также облитое кровью и здесь, не один раз, с набожным и грустным уважением, останавливались матросы. „Это кровь нашего доброго отца!“ – говорили они со слезами. Да, это была кровь Рюйтера, этот корабль был „Конкордия“, на котором прекратили все работы, чтобы не потревожить предсмертных минут старого адмирала. В каюте адмиральской умирал Рюйтер.»

Состояние генерал-адмирала все более и более ухудшалось. Лекарь вновь обработал раны и Рюйтер, превзнемогая страшную боль, даже провел капитанский совет. Присутствующие были подавлены, видя своего папашу Рюйтера в столь беспомощном состоянии. Прибывавшие капитаны с робкой надеждой справлялись у лекаря о состоянии генерал-адмирала. Тот отвечал всем одно и то же:

– Очень тяжел, но будем надеяться, что все образуется и уповать на Господа!

Уезжая после совета, вице-адмирал Гаан, пожимая на прощание руку капитану Калембургу, сказал с горечью в голосе:

– Нам остается теперь только молиться и надеяться на чудо!

Сам Рюйтер в это время, кусая от боли губы, диктовал донесения о прошедшем сражении Генеральным Штатам и принцу Оранскому. Сил генерал-адмирала хватило лишь на то, чтобы поставить под донесениями свою подпись.

– Как дела у капитана Ноарота? – спросил он лекаря. – Стало ли ему лучше?

– Капитан умирает, и его уже причащают! – ответил, не умевший лгать эскулап.

– Передайте Ноароту, что его флагман тоже готовится отправиться вслед за ним! Скоро мы встретимся на небесах! – едва слышно прошептал генерал-адмирал.

В тот же день король Испании присвоил Рюйтеру титул герцога, но по причине своей патологической скупости присовокупил к этому две тысячи червонцев дохода с первого поместья, которое возможно когда-нибудь испанцы отобьют себе в Италии. К милостям короля генерал-адмирал отнесся скептически:

– Вот ирония судьбы, родился сыном голландского торговца пивом, а умираю испанским герцогом!

Биограф Рюйтера так описывает его состояние после ранения: «По снятие первой перевязки, раны его (Рюйтера – В. Ш.) оказались в надежном состоянии и не отчаивались в его выздоровлении, ибо не было лихорадочных припадков, и он сносил свою боль с твердостью и терпением. Жестокие страдания не препятствовали ему заниматься безопасностью флота. Будучи уже ранен, он неоднократно, во время боя говорил: „Господи! Сохрани флот нашего государства! Защити твоею милостью наших офицеров, матросов и солдат, изнемогающих от трудов и предающихся многим опасностям за такое ничтожное приобретение. Даруй им силу и бодрость, дабы под твоим благословлением мы приобрели победу! Господи, даруй благополучный конец во время моей слабости, как ты подавал прежде во время моей бодрости, дабы все свершилось единственно под кровом твоим, в малом и великом!“ Первую ночь провел он довольно спокойно. Окружающие его скорбели, видя его в таком состоянии. Он им отвечал: „Приключающееся с бренным телом ничтожно, лишь бы душа, эта драгоценность была спасена. Мои страдания ничтожны против бесконечных страданий и поруганий, претерпевших нашим Спасителем, невинно и единственно для искупления нашего от вечных мучений“. Он часто обращался к божественному искупителю, говоря: „Господи Иисусе, ты научил нас терпению, дай мне силы исполнить твое веление! Укрепи меня, сим даром, претерпеть до конца, ибо

терпение мощнее силы“. Этот великий человек не об одном только себе заботился. Он приказывал заботиться о раненных матросах, чтобы им доставляли самое нужное. Он несколько раз говорил: „Зачем лежу я здесь без всякой пользы дл государства!“ Чувствуя усиливающуюся боль и приближение смерти, занимался только спасением своей души. Он сам себя утешал, подкреплял, произнося разные места из священного писания и когда страдания его становились сильнее, тогда для изъяснения его сердечных чувствований, произносил он приличные Давидовы псалмы. Отвращая все помышления от земного, он не произнес ни одного слова касательно домашних дел. Некто заявил, чтобы его жена и дети находились при нем для подачи помощи ему в его страдании, но он отвечал: „Я нахожусь на означенном мне Богом месте и если ему угодно извести меня отсюда, я готов! Моя дражайшая жена и мои дети, может быть, потревожили бы меня своею горестью. Они бы не могли меня видеть без слез, и я надеюсь опять с ними свидеться в вечной радости и блаженстве“.

На пятый день открылась у него лихорадка, которая уже не переставала, усиливаясь, день ото дня. 28-го апреля случился с ним припадок, продолжавшийся до полудня другого дня и когда начал утихать, то и силы больного ослабевали и показались признаки смерти. Этот великий человек, привычный всегда приготовляться к смерти, в особенности, когда шел в сражение, а теперь без боязни предвидел приближение смерти. Он беспрестанно молил Бога о помиловании его души. 29-го апреля после полудня язык его начал ослабевать и он попросил пастора прочитать ему отходные молитвы. К вечеру он совершенно лишился языка, оставаясь несколько часов в томлении, и испустил дух между девяти и десяти часов вечера в присутствии многих офицеров, почитавших должностью не отлучаться от него целые дни и ночи. Так скончался величайший флотоводец, о котором повествует история».

При кончине главнокомандующего присутствовали его старинный друг пастор Вестовиуса, младшие флагмана вице-адмирал Гаан, контр-адмирал Миделлант и капитан «Конкордии» Колленбург.

Было тогда Михаилу де Рюйтеру шестьдесят девять лет один месяц и пять дней. Тело флотоводца по решению капитанов было забальзамировано и подготовлено для переправки в Голландию.

Жители Сиракуз хотели, было, в знак признательности заслуг покойного похоронить сердце Рюйтера в главном городском соборе, но этому внезапно воспротивился папа Римский, заявивший, что не потерпит в лоне своей церкви внутренностей закоренелого протестанта! Тогда городские власти хотели

захоронить сердце в городской ратуше, но этому воспротивились уже офицеры Рюйтера.

– Отец наш желал быть рядом со своим старым соратником, пусть же его желание исполнится! – объяснили они причину своего отказа от погребения в ратуши сиракузцам.

Что касается Дюкена, то по случаю победы над самим Рюйтером он был принят в Версале. Во время приема Людовик прозрачно намекнул флотовдцу, что принадлежность Дюкена к протестантам мешает тому стать вице-адмиралом и маршалом Франции.

– Ваше величество! – не без иронии заметил Дюкен. – Хотя я и протестант, но заслуги мои переел Францией поистине католические.

Когда в 1685 году Людовик XIV решил изгнать из Франции сех протестантов, то Дюкену единстенному было сделано исключение. Но тоска по родным, вынужденным покинуть Ролину, скоро свела флотоводца в могилу.

Глава третья
Эпитафия герою

В первых числах мая в присутствии всех голландских и испанских офицеров и при большом стечении народа сердце адмирала было торжественно захоронено на небольшом кладбище на берегу моря, рядом с еще одной свежей могилой соратника Рюйтера капитана Ноарота.

Забальзамированное тело Рюйтера было положено в свинцовый гроб, и перенесено на «Конкордию». На ней поднял свой флаг контр-адмирал Филипп ван Альмонд. Сердце Рюйтера было помещено в серебряную вазу, которую, в свою очередь, заколотили в ящик. Капитану Каллембургу на легком фрегате было велено с всею поспешностью доставить сердце в Голландию. На переходе морем, Каллембург был окружен французскими кораблями и захвачен. Вскоре голландский капитан предстал перед Дюкеном. Французский адмирал собирался учинить допрос пленнику. Однако, узнав, что и куда везет на своем борту Каллембург, Дюкен немедленно вернул ему шпагу. Прибыв шлюпкой на голландский фрегат, Дюкен вместе со своими капитанами зашел траурную каюту. Там он долго смотрел на вазу, А затем, показывая на нее, сказал своим подчиненным:

– Вот останки великого человека! Он нашел смерть среди опасностей, сколько раз им переборенных!

Затем, повернувшись к стоявшему поодаль Каллембургу, добавил:

– Сделанное вам поручение столь важно, что я не смею более вас задерживать!

Голландцу тотчас был выдан паспорт на свободное плавание и фрегат был отпущен.

Известие о смерти известного флотоводца, естественно, вызвало реакцию во всей Европе. Известно, что король Людовик Четырнадцатый, получив сообщение о смерти Рюйтера, сказал:

– Это был крайне опасный неприятель, но я искренне сожалею об его смерти, ибо своими подвигами он украшал человечество! А потому, когда тело покойного будут провозить мимо моих портов, никаких препятствий не чинить, а наоборот салютовать его гробу всеми пушками!

Карл Второй английский известием о гибели своего старого противника был даже обескуражен.

– Я очень удивлен тому, что Генеральные Штаты пожертвовали послать столь великого адмирала в столь

ничтожную экспедицию, да еще со столь ничтожными силами. Лучшего варианта погубить Рюйтера трудно было и придумать!

Весть о гибели мужа и отца была тяжело воспринята в семье. Анна ван Гельдер была безутешно и окружавшие, даже некоторое время всерьез беспокоились за ее рассудок. В доме все время кто-то толпился. Одни приходили, чтобы выразить свои соболезнования, другие, что бы предложить свою помощь. Пришли и долго толклись в передней послы датского короля и курфюрста бранденбургского, которым в свое время Рюйтер так много помог. Прибывший вслед за ними посланник короля Испании передал слова сожаления о случившемся, сыну покойного Энгелю де Рюйтеру.

– Отец ваш не успел воспользоваться щедротами моего сюзерена, а потому король теперь жалует достоинством герцога вас! – откланявшись по всем правилам дипломатического политеса, посланник вручил Рюйтеру младшему соответствующую грамоту.

Огромным письмом отозвался и герцог Оранский. Все уверяли в том, что имя главы семьи Рюйтеров никогда не будет забыто. История сохранила и такой факт. Когда давний знакомец генерал-адмирала депутат Жак Винден Бош прибыл к вдове, чтобы выразить соболезнование от имени Генеральных Штатов, то, увидев ее, он внезапно так разрыдался, что самой вдове пришлось его успокаивать и отпаивать водой.

Известие о смерти генерал-адмирала вызвало скорбь и по всей Голландии. По всей стране только и разговору было о четырех знаменитых битвах Рюйтера, в которых он сумел отразить нападения двух сильнейших флотов Европы и спасти свое Отечество. Многочисленные соратники и соплаватели Рюйтера, поминая своего вождя, говорили на всех перекрестках:

– Не стало нашего папы! Второго такого уже не будет никогда!

Совет ротердамского адмиралтейства и сословие правителей Ротердама обратились с просьбой к принцу похоронить генерал-адмирала в их городе. Однако сын и зять покойного настояли, чтобы местом погребения был избран Амстердам, город, который покойный очень любил и где прожил немало лет. Просьба семьи была принцем Оранским немедленно уважена.

После смерти командование голландским флотом на Средиземном море принял вице-адмирал Гаан. Храбрый и опытный, он, однако, не был в состоянии заменить погибшего Рюйтера.

Исправив наскоро повреждения на кораблях, Гаан перевел флот из Сиракуз в Палермо для окончательных исправлений. В

экипажах тем временем стала быстро падать дисциплина, матросы почти открыто выходили из повиновения. Не стало Рюйтера, не стало и флота.

2 июня герцог де Вивон атаковал соединенный флот, стоявший в Палермо. Французские брандеры, поддерживаемые эскадрою де Вивона, подожгли несколько голландских кораблей. Вице-адмирал Гаан с капитаном Калленбургом, героически отстояли «Конкодию», на которой по-прежнему находилось тело Рюйтера.

– Ребята! С нами наш папа! Отстоим же его последний ковчег! – кричал он матросам, которые мгновенно, забыв про все свои недовольства, начинали драться как черти.

В самый разгар этого боя Гаану ядром вырвало затылок. Смерть вице-адмирала была мгновенной. Верный и храбрый помощник Рюйтера, он остался верен своему флагману до самого конца. С гибелью Гаана судьба средиземноморской кампании была решена окончательно.

Остатки испано-голландского флота укрывались в Палермо до 6 августа, пока французы не ушли в свои порты для пополнения запасов. Только после этого союзники решились выйти в море и перейти в Неаполь. Голландские корабли вел последний оставшийся в живых голландский флагман контр-адмирал Миделланта, самый младший из тех, кто уходил в эту несчастливую Средиземноморскую экспедицию.

Французский флот так же ушел в свои порты. К слову сказать, удача в столкновении с Рюйтером была в жизни адмирала Дюкена последней. В 1683 году он появился перед Алжиром во главе большого флота, чтобы обуздать тамошних пиратов. Но Алжир не сдался. Во время французской бомбардировки владетель города Жаджи Хасан по прозвищу Мертвая Голова, приказал привязывать к стволам своих пушек пленных французов и пались ядрами сквозь них. Когда Дюкен расстрелял весь свой боезапас, он ни с чем вернулся обратно в Тулон. Поединок с Рюйтером станет самым звездным часом его жизни.

Мраморная гробница адмирала де Рюйтера

Тем временем, забальзамированное тело Рюйтера везли в его каюте на «Конкордии» на родину. Матросы выкрасили по своей инициативе корабль в траурный черный цвет. Путь к Голландии был не близок. Только в Неаполе пришлось простоять несколько месяцев, приводя в порядок разбитые в боях корабли. Был уже на исходе январь 1667 года, когда эскадра, наконец, достигла родных берегов. В первом же голландском порту тело генерал-адмирала перенесли на задрапированную черным материалом

яхту амстердамского адмиралтейства. Командование яхтой принял на себя сын покойного Энгель, а молитвы над телом читал зять Рюйтера пастор Бернард Сомер. Едва яхта двинулась в путь, раздался гром с залпов – это «Конкордия» прощалась навсегда со своим командующим. Капитан корабля верный Жирард Калембург прошедший все океаны и десятки боев, не стесняясь своих слез, плакал, как мальчишка.

– Прощай, папа! – кричали матросы. – Мы никогда тебя не забудем!

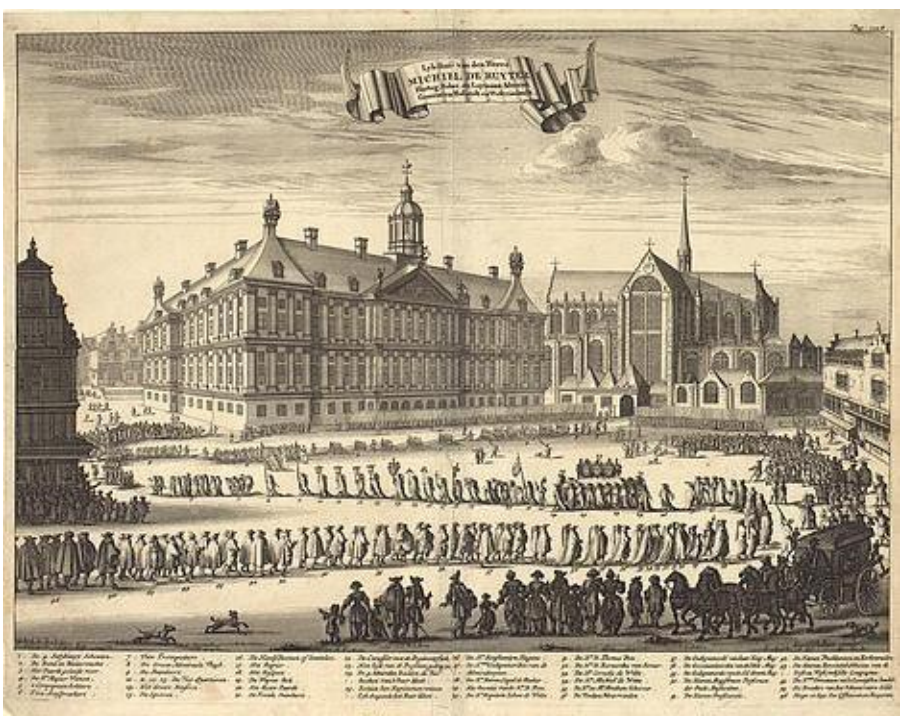
Вторя залпам «Конкордии», ударили десятки пушек Гельветслюзской крепости.

В Амстердаме траурную яхту встречали толпы народа. Гроб с телом покойного перенесли в его дом и установили в спальне. Вдову, которая упала в обморок при виде своего забальзамированного супруга, пришлось увести в другие комнаты. Некоторое время гроб Рюйтера находился дома, и толпы желающих смогли проститься с ним. Особенно много было старых матросов, которые приезжали из самых дальних городков. Погребение Рюйтера состоялось 18 марта 1677 года. Похоронили адмирала в Новой Церкви. Его гробницу украшает надпись «Он сияет незапятнанной честью».

Вот красочное описание этого печального действа, сделанное одним из современников: «…Великое стечение народа, стремившегося со всех сторон, украсило погребальное шествие более, нежели как желали сделать оное величественным. Четверо судей амстердамских шли впереди, имея по сторонам патрули для удаления черни. За ними следовали городской староста, перед которым вели его лошадь, за которой следовали две роты солдат с преклоненными знаменами, с обращенными пиками и с ружьями, обращенными штыками к земле. Их галстуки и шпаги обвиты были черным флером, барабаны покрыты черным сукном, издавали томный бой. За солдатами шли десять разносчиков погребальных билетов, которые обыкновенно заведуют трауром. За ними следовали четыре человека, одетые в черное платье с приставленными к губам трубами, украшенными черными кистями, на которых висели гербы лейтенанта-адмирала – генерала. За ними несли флаг адмирала черной шелковой материи с изображением на нем адмиральского герба, герцогской короны, большого щита, перчатки, шпаги, каски и рыцарского платья. Вслед за этим шла лошадь лейтенанта-адмирала-генерала, ведомая двумя лейтенантами и покрытая черной суконной попоной до земли, украшенной по углам гербами покойного адмирала. Потом показалось другое знамя. За ним кирасир с жезлом командующего в правой руке. После сего

следовал гроб. Его несли семнадцать привратников. На погребальном покрове были изображены восемь щитов с гербами. Восемь корабельных капитанов шли около, а четыре угла поддерживали два лейтенанта-адмирала и два вице-адмирала.»

Генерал-контролер принца Оранского, представляя особу принца, следовал непосредственно за гробом в сопровождении депутатов коллегий. За ними шел Энгель де Рюйтер, единственный сын покойного лейтенанта-адмирала в длинном погребальном плаще, поддерживаемый слугою, подле которого шел другой, несущий шпагу своего господина. За ним следовали родственники покойного, после которых депутаты их высокомочий, советники депутаты адмиралтейств, правители города, профессоры, старосты церковные, директоры ост– и вест-индийских компаний, директоры левантской торговли, морские офицеры, наконец, несчетное множество народа следовало толпою и в беспорядке. Внесенное тело в новую церковь поставлено было на приготовленное место, обтянутое черным сукном, а кругом расставлены были регалии, которые несли перед ним.



Похороны адмирала де Рюйтера

По опущение тела в погреб под церковь, рота городских солдат, помещенная кругом церкви, дала три залпа. 24-пушечный

фрегат, нарочно державшийся перед городом, отвечал тоже тремя залпами из всех батарей. В это время трубы гремели в церкви. Над погребом, вмещавшим тело, воздвигли мраморную гробницу за государственный счет. Она существует и поныне, имея в высоту тридцать футов и тринадцать в ширину. Под изображением покойного видна латинская надпись золотыми литерами на прекрасном черном камне. Вот смысл ее: «В вечную память Михаила де Рюйтера, адмирала Голландии и Вест-Фрисландии, облагороженного и почтенного кавалерскими орденами трех монархов, возведенного в достоинство герцога Неаполитанского королевства. По происхождению не дворянина, а за свое дворянство не обязан никому, кроме Бога и своих заслуг. Пятидесятилетнею опытностью он сделался величайшим флотоводцем своего века. Побеждая счастливо в океане и в Средиземном море в продолжение семи войн, овладевал городами и крепостями на севере и полудни. Доставил Соединенным провинциям владычество многих берегов Атлантического моря, укротил разбойников, предводительствуя флотом, выиграл пятнадцать важных сражений, дал достопамятный четырехдневный бой, четыре раза защитил Республику от сильного нападения двух флотов мощных государств, соединившихся вместе и готовившихся ее разрушить, наконец, противоборствуя храбростью и благоразумием превосходными силами, был ранен во второй битве при Сицилии, умер от ран в Сиракузах 29 апреля 1676 года, был рожден во Флиссингене 24 марта 1607. Штаты соединенных провинций повелели воздвигнуть эту гробницу за государственный счет в честь начальствующего их флотом и в признательность к его заслугам. Он жил шестьдесят девять лет, месяц и пять дней и был всегда страшен в Океанах».

Позднее, в беседе с сыном де Рейтера, тоже адмиралом, король Карл II заявил: «Я удивлен тем, что господа из Генеральных Штатов рискнули жизнью вашего отца, послав его в Сицилию с такой маленькой эскадрой». Действительно, это событие остается темным пятном в голландской истории.

Историк XVII века Герард Брандт вынес жесткий приговор: «Эту бесценную кровь пролили слишком легко». Этот же современник великого адмирала сказал о нем и следующее: «Его несравненная отвага, которую он продемонстрировал перед лицом смертельных опасностей и самых трудных испытаний, его исключительная осторожность (эти два величайших воинских таланта) стали видны и друзьям, и врагам всеми войнах, более чем 40 стычках и 15 крупных морских сражениях, в 7 из которых он был командующим».

Голландский биограф де Рюйтера А. ван дер Мор пишет о личности своего героя следующим образом: «Жизнь де Рейтера вдохновляла многих авторов. Он является одной из самых значительных фигур Золотого века Нил дерландов, и о нем мы знаем достаточно много, хотя сведения о годах юности адмирала довольно обрывочны. Брандт, которого больше интересовал де Рейтер-адмирал, иногда рассказывает кое-что о де Рейтере-человеке, его качествах мужа и отца. Поэтому мы знаем де Рейтера несколько лучше, чем остальных персонажей его эпохи. Зга картина никогда не изменялась. В наше время стало обычным принижать память о великих исторических деятелях, доказывая, что они были всего лишь людьми. Однако, насколько известно, его никто не пытался бросить тень на репутацию де Рейтера. Да это никому и не удалось, бы, найдись даже подобный безумец. Величайший моряк, когда-либо плававший под голландским флагом, был не только выдающимся адмиралом, но и прекрасным человеком. Любая попытка запятнать его репутацию вдребезги разбивается о факты. Сначала любой историк, который изучает жизнь Михаэля Рейтера, проходит через период недоверия. Встающая перед ним картина близка к абсолютному совершенству. Однако факты неоспоримы, и они лишь вызывают у исследователя восхищение не только адмиралом, „Правой рукой Генеральных Штатов“, но и человеком, в котором голландский народ, признавший его одним из своих величайших сыновей, видит добродетели, достойные всяческого подражания.»

Памятная медали в честь адмирала де Рюйтера

На одном из витражей, установленном в 1966 году в ознаменование 300-летия Четырехдневного боя в Старой Церкви во Флиссингене, где похоронен де Рейтер, можно найти девиз: –

«Слава принадлежит одному богу». Никакие другие слова не могут лучше характеризовать де Рейтера. Вся его жизнь является примером глубокой веры и благочестия. Процитируем Брандта: «Среди всех прочих чудесных и достойных вещей в этой жизни является то, что он, которого столь высоко ценили все остальные, столь мало думал о себе самом. Он считал, что не достоин славы за все победы, одержанные под его флагом, и приписывал все свои деяния и успехи богу». Это было действительно так. После своей великой победы у Текселя в 1673 году де Рейтер сказал: «Что я должен говорить? Наши языки не могут изрекать похвалу, но должны вознести благодарность богу за его доброту к нам. Благость его велика. Мы можем лишь надеяться, что нам посчастливится выказать должную благодарность ему». Сегодня можно заподозрить, что подобные речи были не более чем дежурными фразами, не выражающими истинных взглядов человека. Но в течение всей своей жизни де Рейтер, ни разу не сказал и не написал ничего, во что не верил бы со всей искренностью. Эта цитата типична. Мы можем привести много подобных ей, они шли из самой глубины его благочестивого сердца и отражали веру, которая ниспослана немногим, даже в более благоговейную эпоху.

Однако не только благочестие и патриотизм отличали де Рейтера. Документы того времени свидетельствуют о его отваге, милосердии, честности, простоте, самоотверженности и великом таланте командира. Мы будем просто вынуждены прийти к заключению, что эти качества благородной натуры во многом определили ту великую роль, которую де йтер сыграл в Золотом веке Нидерландов. Однако благородный человек не обязательно является хорошим адмиралом. Поэтому мы должны бросить взгляд на иные причины величия де Рейтера.

Прежде всего, следует упомянуть его богатый опыт. Он начал свою службу на спардеке и совершил много плаваний простым матросом, поэтому он был хорошо знаком со всеми аспектами жизни простых моряков. Позднее, в качестве шкипера и бизнесмена, он часто использовал врожденную тактичность, чтобы улаживать сложные вопросы с властями за рубежом. Таким образом, де Рейтер отточил свое дипломатическое искусство, которое сослужило ему хорошую службу позднее, когда он уже в звании адмирала выполнял раз личные деликатные дипломатические миссии. Пока де Рейтер был моряком торгового флота и приватиром, он участвовал во многих боях, от абордажных столкновений, когда корабли сходятся бортами, до артиллерийских дуэлей один на один. Когда он еще мальчишкой впервые вышел в море, не существовало реальных различий между торговыми судами и военными кораблями, и методами руководства капитанов. Однако за время жизни де Рейтера сформировалась совершенно специфическая военно-морская тактика, прежде всего в голландском флоте усилиями таких адмиралов-новаторов, как Пит Хейн и Маартен Тромп.

Среди прочих тактических новинок они предложили строй кильватерной колонны, бой на параллельных курсах, бой на

контркурсах. Де Рейтер начал свою адмиральскую карьеру в переходный период, когда остатки старой тактики еще использовались внутри рамок новой, и новые правильные сражения частенько завершались доброй старой свалкой.

Памятник адмирала де Рюйтеру в Флиссинген

В качестве командира де Рейтер сполна проявил такие качества характера, как рассудительность и осторожность. В области стратегии он делал все возможное, чтобы держать силы своего флота сосредоточенными. Он был готов пойти на серьезный риск, однако никогда не подвергал флот опасности гибели, так как от сохранности флота зависело существование республики. Принимая решения, он всегда рассматривал все детали стратегической и тактической ситуации. Он мастерски отделял Важные факторы от второстепенных, никогда не терял из вида конечную цель и всегда первыми делал самые важные дела. Де Рейтер оценил значение своевременной разведки и постоянно направлял дозорные суда, чтобы собрать как можно больше сведений, что позволяло ему изменять планы в соответствии с изменениями обстановки. Изучение операций де Рейтера также делает ясным, что он уделял большое внимание мобильности, снабжению, внезапности, моральному духу и дисциплине. В этом списке читатель может видеть все основные принципы военного дела, которые адмирал использовал, не вдаваясь в лишнее

теоретизирование.

В области стратегии голландские адмиралы руководствовались инструкциями Генеральных Штатов или их представителей, которые иногда выходили в море вместе с флотом. Де Рейтер часто плавал вместе с такими представителями. Естественно, он сам определял свою стратегию, однако всегда был вынужден подстраиваться под их требования. В качестве главнокомандующего в марте 1666 года он написал письмо Иохану де Витгу, в котором с присущей ему скромностью просит регента иногда давать ему советы, так как, будучи назначенным на столь высокий пост, он считает себя «совершенно неискушенным в государственных делах». Витте де Витт прислал ему план морской кампании против Англии, однако он с сожалением отозвался об этом плане: «Неплохо. Однако если попытаться его выполнить так, как предписывает документ, мы можем столкнуться с множеством неожиданностей, которые просто невозможно перечислить на бумаге».

Во время великих морских войн, когда основные операции проводились недалеко от побережья Голландии, Генеральные Штаты обычно требовали полного повиновения. При экспедициях в отдаленные моря адмирал просто не имел возможности держать связь с правительством в течение многих месяцев, поэтому он должен был принимать решения сам. Однако он не мог действовать самостоятельно. Традиции и письменные инструкции требовали созыва военного совета из адмиралов и капитанов, которые обсуждали наиболее важные вопросы. С самых первых лет командования де Рейтер имел привычку часто советоваться с подчиненными и постоянно информировать их о ситуации и своих намерениях. Эта практика, несомненно, во многом объясняет отсутствие письменных свидетельств о намерениях адмирала. Почти все приказы отдавались в устной форме. Во время некоторых экспедиций устные приказы поднимались почти ежедневно. Таким путем де Рейтер добился того, что весь флот был знаком с его доктриной. С точки зрения историка можно пожалеть о том, что он редко записывал на бумаге мысли, которые влияли на то или иное решение…

В области тактики де Рейтера не удалось превзойти никому. Мы можем сделать такой вывод не только на основании его успехов, но и опираясь на свидетельства современников. В своих операциях он умело использовал любое подвернувшееся преимущество, которое предоставляли ему ветер и волны, солнце и луна, течения, мелководье и мели. Его тщательная разведка, неожиданные атаки, строгое сохранение; строя, на котором он

настаивал, использование брандеров, сигнализация и частые учения составляли основу его тактической школы, через которую прошли все, кто плавал под его командованием. Насколько важное значение придавал де Рейтер сохранению строя, становится ясно из его циркулярного письма, датированного 10 августа 1671 года, которое он написал во время учений мирного времени.

«Каждый день мы с великим сожалением наблюдаем беспорядок, в который иные адмиралы и капитаны приводят флот, постоянно не исполняя приказы поднимать паруса и становиться на якорь в надлежащем порядке. Они ведут себя так, словно мы находимся на виду у неприятеля. Полагая, что все это несет большой ущерб стране и противоречит намерениям Их Высоких Величеств достопочтенных господ из Генеральных Штатов, мы настоящим со всей серьезностью приказываем и распоряжаемся, дабы все офицеры и капитаны флота следовали приказам о поднятии парусов и постановке на якорь с полной строгостью и пунктуальностью».

Несмотря на свою скромность, де Рейтер стал персоной не только национального, но и европейского масштаба. Ему было пожаловано датское и испанское дворянства – последнее в 1676 году. Лишь его отказ посетить двор Карла II не позволил ему стать еще и английским дворянином. Королю передали, что после принца Оранского уже никого нельзя принимать в качестве адмирала. В 1666 году французский король Людовик XIV пожаловал ему орден Святого Михаила. Французский морской министр Кольбер называл де Рейтера «величайшим командиром среди когда-либо выходивших в море». Несколько иностранных держав, получавших военную помощь от Генеральных Штатов, специально просили, чтобы командующим флотом назначили де Рейтера. Многие иностранные офицеры пытались добиться разрешения плавать на голландских кораблях, чтобы наблюдать за действиями адмирала и учиться у него. В 1677 году в Лондоне была опубликована английская биография де Рейтера. Хотя она была написана бывшим врагом – который даже не упомянул об экспедиции к Медуэю! – книга была полна искреннего уважения. «Коротко говоря, он был столь прекрасен как человек, столь благочестив и набожен как христианин, столь стоек как солдат, столь мудр, предусмотрителен и успешен как командир, столь верен, ревностен и честен как гражданин своей Родины, что полностью заслужил быть названным перед потомками украшением своей эпохи, любимцем океана, гордостью и честью своей страны».

Эстафету служения Голландии принял от отца его единственный сын Энгель де Рюйтер, которому было на тот момент двадцать семь лет.

Несмотря на свою молодость, младший Рюйтер зарекомендовал себя уже опытным моряком и воином. Отец с малолетства брал его с собой в боевые походы, справедливо полагая, что, коли, он ведет на смерть чужих детей, то не имеет права делать снисхождение для своего. Личная храбрость, авторитет и имя отца обеспечили младшему Рюйтеру головокружительную карьеру. Не достигнув и тридцати, он был уже вице-адмиралом Голландии и Вест-Фрисландии по самой престижной амстердамской адмиралтейской коллегии. Но судьба младшего Рюйтера, несмотря на это, не была счастливой. Вскоре после смерти отца, во время одного из выходов в море он простудился и, проболев буквально несколько дней, умер. Не будучи женатым, Энгель не имел и наследников, а потому с его смертью пресекся и весь род знаменитого флотоводца.

Российский моряк-историк и биограф Рюйтера П. Головин так оценил все значение личности Михаила де Рюйтера: «Тот, кто видел Рюйтера в минуты семейной жизни, едва ли мог поверить, что этот добродушный старец, читающий библию, смотрящий с нежной улыбкою на шаловливые затеи своей резвой белокуренькой внучки, или вместе с ней пускающий бумажные кораблики на тихие волны прозрачного пруда – много раз боролся со стихиями и выходил победителем из этой борьбы, что он командовал флотом в пятнадцати сражениях, и, что по слову или знаку его, целые флоты шли в битвы, начинавшиеся с рассветом и кончавшиеся после заката солнца.

Служа матросом, капитаном, адмиралом, Рюйтер изучил морское дело во всех его подробностях. Он был искренно убежден, что победа дается от Бога, и всегда говорил: „Я не более как орудие, исполняющее волю святого Промысла“. По этому, он не употреблял во зло победы и не отчаивался в неудачах. Это доказывают его быстрые, сильные, но обдуманные атаки и его отступления – спокойные, но грозные.

Влияние Рюйтера на умы голландских моряков было безгранично. Казалось, он был божеством этого плавающего мира, всегда действующего под вдохновением его гения. Вот почему каждый офицер, капитан или матрос, слепо веря в знание своего начальника, употреблял все свои физические и моральные силы для общего дела и придавал делу этому энергию, которой противиться было невозможно.

Со смертью Рюйтера, когда мысль его, управлявшая всеми умами, угасла, каждый, обращаясь к собственному своему

рассудку, невольно впадал в недоверчивость ко всякой новой, еще неиспытанной власти».

Судьба распорядились так, что де Рюйтер погиб в самом конце эпохи великого англо-голландского противостояния на морях. Как знать, может, это было просто случайностью, а может быть, выполнив свой долг перед Отечеством, он до конца исчерпал и свою земную миссию.

Повествование о жизни и подвигах Михаила де Рюйтера будет лучше всего закончить словами одного из его биографов: «Имя де Рюйтера представляет уму человека наивеличайшего флотоводца, какие только когда-либо бывали, а, прочтя подробности его жизни, должно согласиться, что он украшал собой человечество». Что ж, лучше, об этом человеке, пожалуй, и не скажешь!

На набережной голландского порта Флиссингена ныне стоит памятник Серебрянному адмиралу. Вокруг него течет чужая и неведомая жизнь, но старый флотоводец смотрит вдаль, туда, где, так же, как и три столетия назад плещется его океан, такой родной и такой манящий…

Москва-Севастополь-Купавна
1997–2008 гг.